

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года **№ 29/2014**
Выходит 4 раза в год **Часть II**

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования (ФГБОУ ВПО)
«Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГУКИ

Зам. главного редактора

А. В. Шунков, кандидат филологических наук,
доцент, проректор по научной
и инновационной деятельности КемГУКИ

Ответственный секретарь

Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент,
начальник научного управления КемГУКИ

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Щербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:

650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств», 2014

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 **№ 29/2014**
Published quarterly **Part II**

Founder

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education
(FSFEI HPE) «Kemerovo State University
of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Rector of KemGUKI

Assistant Chief Editor

A. V. Shunkov, Candidate of Philological
Sciences, Docent, Vice-Rector for Research
and Innovation of KemGUKI

Administrative Secretary

L. Yu. Egle, Candidate of Culturology, Docent,
Head of Scientific Department of KemGUKI

Editor *N. Yu. Maltseva*

Translation *A. A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:

650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © FSFEI HPE «Kemerovo State
University of Culture and
Arts», 2014

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва).

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры 2010 года, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Президент Республики Дагестан (г. Махачкала, Республика Дагестан).

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, вице-президент Ассоциации работников музеев России, директор Научно-образовательного центра педагогической культурологии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, начальник Отдела стратегий социокультурной политики и модернизационных процессов Российского института культурологии (г. Москва).

Белозерова М. В., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Chairman of the editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, **Current Member of the International Academy of Sciences (Austria)**, the Russian Academy of Natural Sciences and the International Academy of Higher Education, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Academician of the Academy of Natural Sciences, Laureate of the Government of the Russian Federation Award in the Field of Culture in 2010, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, President of the Republic of Dagestan (Makhachkala, Republic of Dagestan).

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Vice President of the Russian Association of Museum Staff, Director of Research and Education Center of Pedagogical Culturology of FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Head of the UNESCO Chair of the International Institute of State Service and Administration of the Russian Academy of National Economy and State Administration under the President of the Russian Federation, Head of the Department for Strategies of Socio-Cultural Policy and Modernisation Processes of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Belozerova M. V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Ethno-social Problems of the Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, начальник отдела прикладных культурологических исследований и образования в сфере культуры и искусства, руководитель Научно-образовательного центра Российского института культурологии (г. Москва).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (Щецин, Польша).

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск).

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной антропологии Московского государственного университета дизайна и технологии (г. Москва).

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино (г. Москва).

Гринченко С. Н., доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук, вице-президент Биокосмологической ассоциации от Европейской части России, член редакционного совета электронного журнала «Biocosmology-neo-Aristotelism» (г. Москва).

Демин В. П., доктор искусствоведения, профессор, академик РАО, заведующий Отделом дополнительного образования Института художественного образования РАО (г. Москва).

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск).

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of Department of Applied Cultural Research and Education in the Field of Culture and Art, Head of the Scientific and Educational Center of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Włodarczyk Edward, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of the University of Szczecin (Szczecin, Poland).

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of Culture and Tourism of Tomsk Region (Tomsk).

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Professor of the Chair of Sociology and Social Anthropology, Moscow State University of Design and Technology (Moscow).

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Philological Sciences, General Director of M. I. Rudomino All-Russian State Library for Foreign Literature (Moscow).

Grinchenko S. N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the Association of Biocosmology from the European Part of Russia, Member of the Editorial Board of the Electronic Journal “Biocosmology-neo-Aristotelism” (Moscow).

Demin V. P., Doctor of History of Arts, Professor, Academician of RAS, Head of Department of Additional Education of the Institute of Art Education of the RAS (Moscow).

Dolzenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of the International Academy of Higher Education, Professor at the National Business Institute of Moscow University for the Humanities (Moscow).

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Chair of the Philosophy of Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk).

Ивлиев Г. П., кандидат юридических наук, доцент, статс-секретарь – заместитель министра культуры Российской Федерации (г. Москва).

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской национальной библиотеки, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва).

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы, заведующая кафедрой теории и истории культуры ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва).

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (Австрия), Международной академии наук педагогического образования, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Мазур Петр, профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики Высшей государственной профессиональной школы в Хелме (г. Хелм, Польша).

Разлогов К. Э., доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член научного совета РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель Комиссии научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь На-

Ivliev G. P., Candidate of Judicial Sciences, Docent, Secretary – Deputy Minister of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian National Library, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, the International Academy of Informatization, International Academy of Higher Education, Chair of Theory and History of Culture of FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the RAS, UNESCO Chair “Knowledge Society and New Information Technology” of the Russian New University (Moscow).

Lukov V. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the International Academy of Sciences (Austria), International Academy of Sciences Teacher Education, Vice Rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow).

Piotr Mazur, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Chair of Pedagogy of the Higher State Vocational School in Chelm (Chelm, Poland).

Razlogov K. E., Doctor of History of Arts, Professor, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on Complex Problem “History of World Culture”, Head of the Commission of the Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Aca-

циональной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва).

Садовой А. Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

Смолянинова О. Г., доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, директор Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова С. Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва), лауреат Ломоносовской и Фулбрайтской премий, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Ткаченко Е. В., доктор химических наук, профессор, академик, лауреат Премии Президента Российской Федерации в области образования (г. Москва).

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

Хандке Ришард, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель секции информационной грамотности ИФЛА, директор Исследовательского центра Университета Веракруза (Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

demician-Secretary of the National Academy of Motion Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow).

Sadovoi A. N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethno-social Problems of the Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Smolyaninova O. G., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the RAS, Director of Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology of Siberian Federal University (Krasnoyarsk).

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova S. G., Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of the Theory of Teaching the Foreign Languages, President of the Faculty of Foreign Languages and Regional Study of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow), Winner of the Lomonosov and Fulbright Awards, Honorary Doctor of the University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Tkachenko E. V., Doctor of Chemical Sciences, Professor, Academician, Laureate of the Award of the President of the Russian Federation in the Field of Education (Moscow).

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Academy of Sciences of Moldova, President of the International Academy of the Noosphere (Sustainable Development), Professor of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Handke Ryszard, Professor, Rector of the Academy of Arts (Szczecin, Poland).

Jesús Lau, Doctor of Philosophy, Professor, Chair of the IFLA Section of Information Literacy, Director of Research Center of the University of Veracruz (Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, профессор кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово).

Раздел «Философия»

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Искусствоведение»

Проконова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Culturology

Martynov Anatolii Ivanovitch, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of RANS, Professor of the Museums Affairs Department, Kemerovo State University of Culture and Arts, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo).

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor, Professor of Chair of Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo).

Section of Philosophy

Guk Aleksey Aleksandrovich, Doctor of Philosophic Sciences, Docent, Director of R&D Institute of Applied Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow).

Markov Viktor Ivanovich, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of Chair of Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of Art studies

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Candidate of Arts History, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой музыковедения и музыкально-прикладного искусства Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Филология»

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

Головин Валентин Вадимович, доктор филологических наук, профессор, руководитель центра исследований детской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

Крейдлин Григорий Ефимович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

Севастьянова Светлана Климентьевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

Силантьев Игорь Витальевич, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

Раздел «Педагогика»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of Arts History, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Natural Sciences, Chair of History of Native and Foreign Art of Altai State University (Barnaul).

Umnova Irina Gennadievna, Doctor of Arts History, Professor, Chair of Musicology and Musical Arts of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of Philology

Arayeva Lyudmila Alekseyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member of IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetoric of Kemerovo State University (Kemerovo).

Golovin Valentin Vadimovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Research Center of Children's Literature, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

Kreidlin Grigorii Efimovitch, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Language Department, the Institute of Linguistics of the Russian State Humanitarian University (Moscow).

Sevastianova Svetlana Klimentievna, Doctor of Philological Sciences, Senior Research Fellow, Department of Literature Institute of Philology, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Silantiev Igor Vitalievitch, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Section of Pedagogy

Gendina Natalia Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on the Development of

индикаторов медиа- и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово).

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного университета культуры и искусств (г. Москва).

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук, директор института дополнительного профессионального образования Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово).

Раздел «Научная жизнь университета»

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Indicators of Media and Information Literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Pilko Irina Semyonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Work of Kemerovo State University of Culture and Arts, Member of the Russian Library Association Council (Kemerovo).

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of Sociocultural Activity of Moscow State University of Culture and Arts (Moscow).

Zaruba Natalia Andreyevna, Doctor of Sociologic Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation, Professor of the Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Panina Tatiana Semenovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the Russian Federation, Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Director of the Institute for Continuing Professional Education of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo).

Section of Scientific Life of the University

Egle Ludmila Yurievna, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Department of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гертнер С. Л., Китов Ю. В. Культурология как реальность и перспектива общественного развития.....	13
Марков В. И. Глобальный кризис человечества и кризис культуры: методологические заметки.....	18
Ивлев С. В. Понятие «гражданская культура» в контексте современных процессов развития общества.....	29
Подзюбан Е. В. Американская историческая школа и культурная концепция Ф. Боаса: историографический обзор.....	33
Егле Л. Ю. Традиционная культура: основные подходы к исследованию.....	43
Цветкова Г. А. Богатство в контексте русской культуры: к постановке проблемы.....	50
Ултургашева Н. Т., Майны Ш. Б., Турамуратова И. Г., Цуканова О. А. Методологические основы исследования народных игр в традиционной праздничной культуре тувинцев.....	55
Рябцева В. А. Традиции церковного пения старообрядцев как предмет культурологического анализа.....	62
Стенюшкина Т. С. Особенности коммуникативного акта в русском народно-певческом исполнительстве.....	72
Глушкова П. В. Фотореконструкция как один из эффективных методов актуализации календарной обрядности русских Сибири в музеях под открытым небом.....	79
Лесовиченко А. М., Прибыткова А. В. Концертная деятельность музыкальных учебных заведений в Новокузнецке.....	86

ФИЛОСОФИЯ

Ртищева О. В. Роль герменевтического метода в межкультурной коммуникации.....	90
Данилевич А. И. Концепт как средство репрезентации национально-культурной ментальности....	95

ФИЛОЛОГИЯ

Шунков А. В. Динамика мировоззренческих представлений русского книжника в переходный период (на примере эпистолярного творчества царя Алексея Михайловича).....	100
Фаломкина И. П. Пропозиционально-фреймовый словарь современного телеутского языка. Опыт написания словарной статьи.....	107
Шишигин К. А. Гибридизация системы языка (на примере идишских глаголов с префиксом <i>tsu-</i>).....	111
Шишигин К. А. Глаголы с префиксом <i>ahin-</i> в идише.....	116
Араева Л. А., Образцова М. Н., Зоболева А. И. Фрагмент языковой картины мира телеутов (на материале фрейма «шаманизм»).....	121

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Исмагилова Е. И. Песнопение «трисвятое» в похоронных обрядах тюркских народов Сибири (шорцев, хакасов, чувашей).....	127
---	-----

Никулин В. Г. Церковные певческие курсы учителей хорового пения Иркутской духовной епархии конца XIX – начала XX века.....	137
Иванова О. С. Развитие полифонического диалога в социокультурном пространстве XX – начала XXI века.....	145
Андриевская И. В. Первый концерт для виолончели с оркестром Д. Шостаковича: вопросы интерпретации.....	152
Чайран В. А. Особенности оркестровки сюиты для балалайки с симфоническим оркестром С. Колмановского по мотивам романа Н. Гоголя «Мертвые души».....	158

Палитра мнений

Синельникова О. В. Ландшафтное искусство и музыкальный авангард.....	164
---	-----

ПЕДАГОГИКА

Чуркова Т. М., Кагакина Е. А. Основные направления модернизации российского университетского образования.....	171
Мирошина Т. А., Игонина Т. Б. Организационные условия реализации педагогической модели формирования гражданской позиции студентов вуза.....	178
Ивлева Т. Н. Формирование и развитие учебной мотивации студентов заочной формы обучения профиля подготовки «Менеджмент социально-культурной деятельности».....	183
Булатова С. Н., Слаутина Н. М. Повышение уровня конкурентоспособности учреждений клубного типа социально-культурной сферы.....	188
Пономарев В. Д., Васильковская М. И. Педагогика формирования и развития института волонтерства в деятельности молодежных объединений: анализ результатов опытно-экспериментальной работы.....	196
Свирюкова В. Г. Инновационная стратегия научных библиотек в повышении информационной культуры личности.....	202
Пилко И. С., Савкина С. В. Электронные выставки музеев: специфические особенности, видовая классификация.....	207
Алфавитный указатель авторов.....	215

CONTENTS

CULTUROLOGY

Gertner S. L., Kitov Y. V. Cultural Studies as Reality and Perspectives of Social Development.....	13
Markov V. I. Global Crisis of Mankind and Crisis of Culture: Methodological Essays.....	18
Ivlev S. V. The Concept of “Civic Culture” in the Context of the Social Development Process.....	29
Podzyuban E. V. The American Historical School and Cultural Concept of F. Boas: Historiographical Review.....	33
Egle L. Y. Traditional Culture: the Main Research Approaches.....	43
Tsvetkova G. A. Wealth in the Context of Russian Culture: on the Problem.....	50
Ulturgasheva N. T., Majny S. B., Turamuratova I. G., Tsukanova O. A. Methodological Bases of Research of Folk Games in Traditional Festive Culture of the Tuvinians.....	55
Ryabtseva V. A. The Tradition of Church Singing of Old Believers as a Subject of Cultural Analysis.....	62
Stenyushkina T. S. The Features of the Communicative Act in the Russian Folk-Singing Performance...	72
Glushkova P. V. Photographic Reconstruction as One of the Effective Methods of Updating the Calendar Rituals of the Russians in Siberia in the Open-Air Museums.....	79
Lesovichenko A. M., Pribytkova A. V. Concert Activity in Musical Education Institutions of Novokuznetsk.....	86

PHILOSOPHY

Rtischeva O. V. The Role of Hermeneutic Method in Cross-Cultural Communication.....	90
Danilevich A. I. A Concept as a Means of Representation of National and Cultural Mentality.....	95

PHILOLOGY

Shunkov A. V. The Dynamics of Worldview Ideas of a Russian Scribe in the Transitional Period (as an Example of Epistolary Creativity of Tsar Alexey Mikhailovich).....	100
Falomkina I. P. The Propositional Framing Dictionary of the Teleut Language. An Attempt to Write a Dictionary Entry.....	107
Shishigin K. A. Hybridization of a Language System (Examined by Yiddish Verbs With the Prefix <i>Tsu-</i>).....	111
Shishigin K. A. Yiddish Prefixed Verbs with <i>Ahin-</i>	116
Araeva L. A., Obrazcova M. N., Zobleva A. I. Fragment Linguistic World Teleuts (on the Material of the Frame “Shamanism”).....	121

HISTORY OF ART

Ismagilova E. I. The “Trisvyatoye” Singing in the Burial Rites of Turkic Peoples of Siberia (Shores, Khakass, Chuvash).....	127
Nikulin V. G. Church Singing Courses for Choir Teachers at Irkutsk Eparchy in Late XIX – Early XX Centuries.....	137

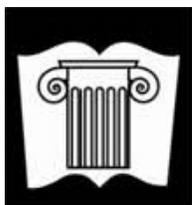
Ivanova O. S. Development of the Polyphonic Dialogue in Socio-Cultural Aspect in XX – Beginning of XXI Century.....	145
Andrievskaya I. V. First Concerto for Cello and Orchestra by D. Shostakovich: Questions of Interpretation.....	152
Chairan V. A. S. Kolmanovsky’s Suite for Balalaika and Symphony Orchestra on N. Gogol’s Novel “Dead Souls” Orchestration Features.....	158

Different views

Sinelnikova O. V. The Landscape Art and Music Avant-Garde.....	164
---	-----

PEDAGOGY

Churekova T. M., Kagakina E. A. Main Areas of Modernization of the Russian University Education..	171
Miroshina T. A., Igonina T. B. Organizational Conditions for Pedagogical Model Implementation of formation of the Student Civilian Position in Higher Educational Institutions.....	178
Ivleva T. N. The Formation and Development of Learning Motivation of Students of the Correspondence Form of Training Program “Management of Socio-Cultural Activities”.....	183
Bulatova S. N., Slautina N. M. Improving the Competitiveness of Club Type Institutions of Socio-Cultural Sphere.....	188
Ponomarev V. D., Vasytkovskaya M. I. The Pedagogy of Formation and Development of the Volunteering Institute in the Activities of Youth Organizations: the Analysis of Results of Experimental Work.....	196
Sviryukova V. G. Scientific Libraries’ Innovative Strategies in Raising the Personal Information Culture.....	202
Pilko I. S., Savkina S. V. The Electronic Exhibitions of Museums: Specific Particularities, Classification.....	207
List of Authors in Alphabetical Order.....	215

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 008.009:3

КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Гертнер Светлана Леонидовна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и антропологии, Московский государственный университет культуры и искусств (г. Москва, РФ). E-mail: gertnerlana@gmail.com

Китов Юрий Валентинович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского института толерантности и межкультурных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: vkitov@gmail.com

В статье ставится вопрос об эффективности культурологии, который включает роль государства в развитии культурологической науки. Утверждается, что критерии эффективности-неэффективности, применяемые к оценке деятельности вузов, оказываются слабо применимыми к оценке состояния культурологии. Утверждается, что значимость культурологии содержится не в экономической эффективности или количестве выпускников, а в уровне гуманитаризации общества. Культурология в своем распространении в СССР, а затем в России оказалась независимой от экономики и даже политики. Так, период ее широкого распространения приходится на 90-е годы прошлого века, экономику и политику которых трудно представить в положительном измерении. Сравнивается загруженность современного российского профессора с загруженностью профессора в СССР. Утверждается, что пролонгация экстремальной загруженности современного российского профессора негативно отражается на выполнении им научной работы, что ставит под сомнение инициативу перевода научных исследований с академических институтов в вузы.

Ключевые слова: культурология, преподавательская нагрузка, наука и государство, социальное развитие.

CULTURAL STUDIES AS REALITY AND PERSPECTIVES OF SOCIAL DEVELOPMENT

Gertner Svetlana Leonidovna, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of the Chair of Culturology and Anthropology, Moscow State University of Culture and Arts (Moscow, Russian Federation). E-mail: gertnerlana@gmail.com

Kitov Yuriy Valentinovich, Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Senior Researcher at the Center for Tolerance and Intercultural Communications, Kemerovo University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vkitov@gmail.com

The effectiveness of the Culturology in contemporary Russia depends not so much on intellectual pursuits of its scholars or scientific achievements of their pupils but on how the Russian State views the significance of Culturology for the Russian economy and politics in addition to how many University's graduates chose Culturology as their major. Thus the criteria of "effectiveness – non-effectiveness," which is applied by the country's Ministry of Education to rate Russian universities where Culturology is being taught, does not earn this discipline much credit in the eyes of Russian educational officials. This in turn provides a narrow venue for those who ran the country to understand what Culturology is about. The article challenges the idea of linking the Culturology to economic indicators and political gains of the Russian State, suggesting that the contribution of Culturology to the country's development stems from its potential in humanization of society.

Thus Culturology could and should make good use of Russia's cultural riches to make the Russian people better citizens. Theretofore Culturology should be accounted exactly for that and not for something else. Which means that Culturology should be seen as the means of social development. Another issue is what does the "humanization of society" mean and how should it be achieved and evaluated? Culture is the most suitable sphere to look for the answers to this question and Culturology is the most suitable entity to guide those looking for answers. Thus Culturology indeed could provide a benefit to the country's economic and political development though it requires an effort on the part of the statesmen to understand and see how it could. No wonder that the most noticeable development of Culturology in Russia happened in the 1990s, when Russia after long stagnation was looking for new ideas to refresh its economy and political system.

The authors are describing the damage that a politico-economic approach has made to the Culturology by laying out a set of activities the state required from a professor teaching the Culturology. The enormous workload of the contemporary Russian professor exacerbated by the constant changes in the country's educational doctrine that is ostensibly supposed to "lift Russian Universities" to "European levels" is detrimental to the quality of Culturology. A professor in the USSR enjoyed less paper work and more academic freedom than his counterpart in contemporary Russia. The analysis leads the authors to the conclusion that the latest initiatives of the Educational Ministry to move all research activities from Russia's academic institutions to Universities would not succeed without a complete overhaul of Russian University education and Culturology in particular.

Keywords: Culturology, professor's workload, the science and the state, social development.

Со времени своего возникновения, как это может и ни показаться странным, развитие культурологии в своих фундаментальных и интегральных формах оказалось возможным только в СССР, а затем в России во второй половине XX века. 90-е годы, принешие разруху в отечественную экономику, политику и социальную сферу, оказались благоприятными для достижения культурологией своей интеллектуальной, однако не материальной полноты. Данное обстоятельство, возможно, выступило не последним моментом в том, что гуманитарная элита приняла непопулярные реформы, которые причудливым образом сочетали закрытие предприятий с открытием перспектив в науке, искусстве, образовании; сокращение производства – с возрастанием количества высших учебных заведений. Сегодняшние факты закрытия вузов свидетельствуют о том, что процесс сокращения производства коснулся уже и сферы образования. Однако, если его (процесса) действие, приводящее к закрытию вузов еще можно объяснить критерием эффективности-неэффективности, то сокращение составляющих культурологии в номенклатуре специальностей по подготовке научных работников критерием неэффективности объясняется уже недостаточно. Так сегодня еще можно защитить диссертацию по культурологии и получить диплом культуролога, однако не историка, философа, социолога и т. д. Иными словами, занимаясь историей культуры,

сегодня можно стать только культурологом, но не историком. Со времени введения культурологии в вузовское образование и деятельность диссертационных советов издано множество монографий, учебников, учебных пособий и статей, предложено множество определений культуры, тем самым о ее неэффективности, по крайней мере, со стороны количественной составляющей говорить представляется некорректным. О качественных характеристиках можно всегда спорить, однако сам спор является доказательством того, что предмет спора имеется в реальности. Вместе с тем судьба культурологии представляется печальной, исходя не из количественных и качественных ее характеристик, а по внешним для нее обстоятельствам. Культурология стала объектом управления, субъект которого находится за ее пределами. Не культурологи принимают решения о направлении и формах ее развития, а бизнес и даже в большей степени – государство. Интересно, что роль государства как субъекта культуры и не только в разрезе формирования и осуществления культурной политики, а именно в плане его (государства) существенного влияния на становление культурологии также нашла отражение в культурологических исследованиях. Причем не со знаком минус. Так, существует мнение, что культурология как знание о культуре возникает именно потому, что культура становится объектом управления: «Моя позиция по этому вопросу заключа-

ется в следующем: знание о культуре возникает как следствие того, что культура почему-то становится объектом управления. Она перестает быть стихийным процессом и становится объектом управления. Кто является субъектом управления? Не всегда только государство» [2, с. 4]. Утверждая подобное, В. М. Межуев и предположить не мог, что именно государство окажется единственным реальным субъектом управления культурой и знания о ней, а значит, субъектом управления культурологией в том понимании, которое ученый за ней закрепляет. Понимании, вытекающем из исторически сложившегося обстоятельства, когда жить в культуре, создавать ее – оказывается уже не возможным без знания о ней: «Само возникновение знания о культуре свидетельствует о том, что в какой-то период изменилась сама культура, в ней что-то произошло. Наступило время, когда уже нельзя ни творить культуру, ни создавать культуру, ни жить в культуре без знания о культуре» [2, с. 4]. Характерно, что В. М. Межуев искренне считает, что государство просто не может полноценно функционировать как социальный институт, в частности, без знания о культуре. Такой вывод можно сделать из определения им необходимости социологии культуры как части культурологии, отвечающей за потребителя культурных ценностей: «Во времена Пушкина никакой социологии искусства не было, а великий поэт создавал свои произведения на века. А потом почему-то появился социолог, который сделал объектом своего внимания не автора, а публику. И начал все изучать в деталях. В результате шедевров не стало больше, напротив, стали создаваться однодневки. В чем дело? Центр культурной жизни почему-то перемещается от автора. Это можно объяснить так: потому что Пушкин создавал для потребителя, которого он считал равным себе. Он его пытался поднять до себя, до своего уровня. Сегодня творят, пытаясь уравниваться или опуститься до уровня понимания публики, то есть центр смещается, упор делается не на автора, а на публику. Вот поэтому появляется социология культуры» [2, с. 6]. Государство проявляет интерес к знанию о культуре в связи с тем, что ее произведения достигают публики, то есть граждан, которые составляют социальную основу государства. И каким бы ни было государство, демократическим или авторитарным, – знание

о культуре, которая формирует мировоззрение большинства его подданных, является для него критически важным знанием. Проблема, однако, возникает с тем, как государство распоряжается этим знанием, включает ли оно это знание в свои интересы и как, в свою очередь, влияет на него. Строит ли государство свою политику на знаниях о культуре или, используя политику, влияет на эти знания не в интересах большинства, а лишь какой-то части общества. Сегодня Россия вступила в конфронтацию с Западом, защищая свои национальные интересы, которые, безусловно, имеют под собой не только территориальные, экономические, но и культурные основания. Более того, российское правительство открыто заявило, что именно культурные причины, а именно дискриминация русских по языковому признаку на Украине, являются достаточным основанием для использования военной силы. Тем самым культурная составляющая не только не игнорируется современным российским государством, но ставится в один ряд с экономической, политической и т. д. Безусловно, такая позиция заслуживает одобрения. Вместе с тем, как в современной России учитывается культурная составляющая при анализе тех или иных событий, социально-культурных и социально-экономических приоритетов? И как выглядит механизм принятия решений, взятый со стороны использования в нем культурной составляющей? Даже если оставить в стороне анализ причин, по которым все еще не принятым остается закон о культуре, то реформы образования, которое, несомненно, является частью культуры, не свидетельствуют о государственной заботе о развитии культуры, по крайней мере, в части культурологического образования. К тому же механизм принятия решений современной российской элитой не просто не учитывает мнения большинства, а транслирует большинству мнение элиты. Так, если в идеале предположить, что знания о культуре транслируются по вертикали вверх, где они аккумулируются при принятии решений, то цепочка трансляции, включающая, например, университет, должна была бы выглядеть следующим образом: профессор – декан – ректор – министерство – правительство и т. д. Однако она имеет обратную пропорциональную направленность, и идеи, которые озвучиваются верховной властью, транслируются вниз и подде-

жат исполнению. Такую трансляцию можно было бы только поддержать, если бы речь шла об исполнении решений, информированных культурой. Реальность же такова, что именно культурная составляющая современного общества, того же образования, оказывается более всего уязвимой в результате воплощения решений. Если спуститься с общего на конкретный уровень для поиска примеров и проанализировать нагрузку профессора современного российского вуза, то можно увидеть, что у него остается все меньше времени для качественного исполнения своих обязанностей. Так увеличение загруженности аудиторной работой в сочетании с «бумажной», взять только подготовку учебно-методических комплексов от первого до третьего поколения, не дают ему физической возможности полноценного исполнения своих обязанностей как ученого. Это обстоятельство было замечено учеными из академических институтов, которые сделали неутешительное заключение о субъектах развития современной культурологии, из которых они исключили представителей вузовской науки по причине их зависимости от вузовской бюрократии [1, с. 103]. Так, ученые-культурологи, работающие вне вузовской системы, утверждают следующее: «Сегодня абсолютное большинство культурологов работает в вузах, в системе университетской культурологии. Казалось бы, здесь и должна развиваться наука, но, к сожалению, специфика организации учебного процесса в отечественной вузовской традиции не обеспечивает университетской культурологии серьезных перспектив развития. Задачи образования требуют яркой интерпретации и уплотнения устоявшегося знания, а не введения в учебный процесс дискуссионного нового. Уровней учебно-методической и организационной загруженности преподавателей оставляет им очень мало времени и сил на научную работу» [1, с. 103]. Несмотря на то, что «всякое сравнение хромает» можно все же попробовать сравнить объем работы, выполняемый профессором вуза в современной России, и его коллегой в СССР. Если даже принять грубое высказывание о том, что преподавание культурологии заменило собой преподавание исторического материализма, то количество выполняемой «истматчиком» нагрузки составляло 500 часов, в то время как культурологу в современной России предлагается к выполнению 1000. Иными

словами, для того чтобы непосвященному в вузовскую работу читателю стало понятным, сколько работает современный профессор, – ему следует представить состояние работников деканата или ректората, которые перешли на 16-часовой рабочий день и стали работать в университете и в ночное время. Однако и это еще не все. Если в Советском Союзе фундаментальные научные изыскания осуществлялись в академических институтах, а вузовская наука выступала в качестве пусть и хроматого, но дополнения к академической, то в современной России на плечи вузовской науки ложится вся ответственность за научные изыскания. Аналогия при этом берется из Запада. Действительно, научные исследования на Западе ведутся в университетах. Однако система организации научной деятельности выглядит по-другому. Каждый из сотрудников кафедры отравляется не реже одного раза в два-три года в «сабатикл» (научный отпуск), по возвращении из которого он не только публикует материалы своей научной работы, но и строит на них свое преподавание. При этом объем выполняемой им нагрузки в год составляет 180 часов (4 трехкредитных курса в год), что позволяет ему даже в период преподавания не прерывать активного занятия научной деятельностью.

Такое положение вещей приводит к парадоксальной ситуации, когда чиновник от образования, функции которого состоят в переводе качества работы культуролога в количественное измерение, не всегда способен сохранить связь с реальностью образовательного процесса. Так, из выделяемых ранее на руководство дипломной работой более 30 академических часов сегодня осталось 17, а курсовая работа предполагает участие профессора в работе со студентом в размере всего лишь одного академического часа. Стараясь предотвратить подобное в своей практике, профессор и директор одного из центров Фордхамского университета США качественное развитие образовательного процесса предлагает оценивать неформально, а содержательно. Анализируя механизм образовательного процесса, приводящий к более качественной работе со студентами и коллегами, профессор приходит к выводу, что забота о качестве неожиданным образом сказалась на ее чтении. Она пишет, что с годами у нее выработалась неторопливая манера чтения как слушания,

способная раскрыть аллюзивные смыслы текста, ранее недоступные вниманию. Вот как она описывает рутинную часть своей работы: «В последнюю декаду я работаю над научным изданием новеллы Вирджинии Вулф “Миссис Далловэй”. Это означает что мне приходится сравнивать Британскую и Американскую версию новеллы, прочесывать письма и дневники для того, чтобы собрать историю того, как она решила приступить к написанию новеллы, а также работать со сносками, со множеством сносок» [5, с. 36]. А вот каким оказывается результат длительной и скрупулезной, требующей большого количества времени работы: «Эта работа вселяет в меня и боль и вдохновение. Я должна была замедлить процесс моего чтения до скорости движения ледников и выработать в себе привычку к слушанию того, что я называю свистом собаки, наталкивающим на возможные смыслы». Даже перевод сказанного профессором требует времени, чтобы разобраться в том, что же она, наконец, хочет сообщить своему читателю. Что в ее чтении появилось нового от того, что она стала тратить больше времени на чтение и проникновение в текст. Если бы к ее тексту мы подошли со стороны выделяемого времени на прочтение, которое предполагает курсовая работа, и без проникновения в глубину высказываемого, попробовали бы перевести текст на русский язык, то он прозвучал бы примерно так: «Эта работа является больной, но вдохновляет меня. Я читаю медленно как в ледниковый период. Я читаю так, чтобы услышать собачий свист возможных ассоциаций». Однако даже это было бы немного «олитературный перевод», по крайней мере, предполагающий знание грамматики.

Еще более «интересным» выглядит доступный каждому компьютерный перевод с использованием Google: «Эта работа была поочередно кропотливая и волнующий. Мне пришлось замедлить мое чтение до ледниковом темпе и обучать себя слушать то, что я называю собака свисток о возможном намеке» [Googletranslate]. Кажется невероятным? Попробуйте сами, используя Googletranslate, перевести следующее: «This work has been alternately pains taking and exhilarating. I had to slow my reading down to a glacial pace and train myself to listen to what I call the dog whistle of a possible allusion» [5, с. 36]. Не так давно услугами Google воспользовались чиновники такого уважаемого научного учреждения, как академия

наук, что прослывило ее на весь англоязычный мир, так как «институт белка» был переведен как «институт белки» [6]. Оценку смыслового различия между первым, потребовавшим времени и, надеемся, литературным переводом и тем, который требует уложиться в минимальное время, оставляем за читателем. Очевидно, что компьютеры, как бы ни облегчали нашу жизнь, делая за нас рутинную работу, никак не могут создать для нас культуру. Эта задача по силам только человеку, причем человеку культурному. Так, несмотря на то что язык является важнейшим средством культуры для представителей других культур, которые обращаются к его изучению, – он является только дверью в другую культуру, которую человек открывает, но должен еще войти в ее здание и «пожить» в нем. Не все так однозначно со свистом собаки в англоязычной культуре. Свист собаки еще называют «галтоновым свистом», по имени ученого Фрэнсиса Галтона, посвятившего свою работу изучению слухового восприятия животных [3, с. 26–27]. Им и было установлено, что собаки различают звуки, недоступные человеческому восприятию. Это открытие, произведенное в XIX веке, оказало такое влияние на англоязычную культуру, что «собачий свист» стал использоваться как фразеологический оборот для обозначения наличествующего в мире, но не всем открывающегося его содержания. С тех пор «собачий свист» вошел в англоязычную поэзию и прозу [4, с. 80]. Используя российский фразеологизм, можно сказать, что если читать быстро и не вдумчиво, то значение прочитанного, в том числе и значение «собачьего свиста» откроется тогда, когда «рак свиснет». Но вернемся к Анне Фернальд и продолжим цитирование: «Это очень медленное прочтение, чтение как слушание, позволило мне увидеть некоторые удивительные вещи, включая аллюзии к библейской книге Руфи “Одиссея”, которые оказались ранее не замеченными учеными. Это удивительно – открыть, что новела, такая как Вулфовская, содержит более глубокий артистический смысл и заботу, нежели те, которые удалось установить до сих пор. Это дает Вам возможность стать непосредственным свидетелем заключенной в искусстве силы» [5, с. 36].

Вернемся, однако, к сегодняшнему дню и «прозе» в нем, отведенном культурологии. После

крымских событий в прессе прозвучали заверения, что, если санкции по отношению к России окажут серьезное воздействие на экономику страны, то ей придется переходить на мобилизационную форму экономики, практиковавшуюся в ряде периодов в условиях СССР. Однако, что касается образования, культурологического в частности,

никаких разъяснений не последовало. А ведь от того, продолжится ли движение российской образовательной системы в сторону «болонской» или реанимирует «советскую», во многом зависит знание о культуре, которым не только будет располагать государство, но и все российское общество уже в недалеком будущем.

Литература

1. Астафьева О. Н., Багдасарьян Н. Г., Кондаков И. В., Флиер А. Я., Хренов Н. А. Научная ассоциация исследователей культуры // *Вопр. культурологии*. – 2014. – № 1. – С. 103–105.
2. Межуев В. М. Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания [Электронный ресурс] // *Культурологический журнал*. – Электрон. период. рецензируемое изд., 2011. – С. 4. – URL: <http://www.cr-journal.ru/rus/journals/35.html> (дата обращения: 24.10.2014).
3. Galton Francis (1883). *Inquiries into Human Faculty and its Development*. – Second Edition. – New Yorker: *Dent & Dutton (Everyman)*, 1907. – 286 p.
4. Goodyear Dana. “God Whistle”. *Poetry* // *The New Yorker*. – 2005. – 21 March. – P. 80.
5. Fernald Anne. Not afraid of Virginia Woolf – or a “crisis” in humanities // *The Christian Science Monitor*. – 2014. – 21 Mach. – P. 36.
6. Squirrel institute. – URL: <https://www.flickr.com/photos/centralasian/5000842970/> (дата обращения: 24.10.2014).

References

1. Astaf'eva O.N., Bagdasar'yan N.G., Kondakov I.V., Flier A.V., Khrenov N.A. Nauchnaya assotsiatsiya issledovateley kul'tury [Scientific association of cultural researchers]. *Voprosy kul'turologii* [*Questions of Culturology*], 2014, no 1, pp. 103–105. (In Russ.).
2. Mezhuев V.M. Razmyshleniya o kul'ture i kul'turologii: kul'turologiya v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znaniya [Thoughts on culture and Culturology; Culturology in the context of temporary humanities]. *Kul'turologicheskij zhurnal* [*Culturological magazine*]. Elektronnoe periodicheskoe retsenziруемое izdanie, 2011, no. 1, pp. 1–7. (In Russ.). Available at: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/35.html&j_id=5/ (accessed 24.09.2014).
3. Galton Francis (1883). *Inquiries into Human Faculty and its Development*, Second Edition, New Yorker, Dent & Dutton (Everyman) Publ., 1907. 286 p.
4. Goodyear Dana. “God Whistle”. *Poetry*. *The New Yorker*, 2005, March 21, p. 8.
5. Fernald, Anne. Not afraid of Virginia Woolf – or a ‘crisis’ in humanities. *The Christian Science Monitor*, 2014, Mach 21, p. 36.
6. Squirrel institute. Available at: <https://www.flickr.com/photos/centralasian/5000842970/> (accessed 24.10.2014).

УДК 304.42

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И КРИЗИС КУЛЬТУРЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Статья основана на диалоге с публикациями К. К. Колина о глобальном кризисе человечества и кризисе мировой культуры, появившимися в журнале «Стратегические приоритеты» в 2014 году, и посвящена уточнению методологических параметров рассмотрения этих явлений в их взаимосвязи. Автор, принимая идею глобального кризиса культуры в ее адаптивном аспекте как всеобщего способа организации искусственного мира человека, отрицает в целом существование единого мира культу-

ры человечества как ценностно организованной системы, рассматривая это лишь как тенденцию современности. Анализируя культуру как субъекта целе- и ценностно ориентированной деятельности, автор аргументирует, что в этом аспекте необходимо опираться на культурологическую методологию, основанную на идеях многообразия культур и их системной целостности. Тогда проблему кризисов как глобального, так и культуры необходимо рассматривать не в контексте деятельности абстрактного человечества, а выявлять их конкретные истоки в одной из культурных систем. Эти истоки коренятся в сущностных параметрах культуры Запада, а глобальный характер кризисы приобретают за счет принятия этой системы целей и ценностей на основе прямого давления Запада и подражания ему в условиях мировой конкуренции. Таким образом, проблематика кризисов увязывается с известной темой кризиса западной цивилизации и одновременно с вводимой автором идеей об этапе смены мирового лидера, на котором находится человечество. Предстоящий выбор новых альтернатив развития, его векторов также должен основываться на поиске конкретных исторических субъектов, конкретных культурных традиций, способных представить необходимые ценностные ориентации для такого выбора. В этой ситуации бифуркации появляются новые шансы для России представить миру накопленное ею классическое идейное наследие, повлияв тем самым на ход дальнейшей эволюции мировой культуры.

Ключевые слова: глобальный и культурный кризисы человечества, адаптивный и ориентационный уровни культуры, кризис западной цивилизации, смена мирового лидерства.

GLOBAL CRISIS OF MANKIND AND CRISIS OF CULTURE: METHODOLOGICAL ESSAYS

Markov Victor Ivanovich, Doctor of Culturology, Docent, Professor of Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

The article is a kind of dialog with some researches of the famous Russian analyst K.K. Kolin, which he published in the new journal "Strategic priorities" about global crisis in connection with crisis of culture. The author raises a question are really both of this crisis global ore not, and in what sense of the word. The study is focused on the analysis of the real cultural sources of all negative manifestations of the modern world. The methodological basis of this article is the conception of culture as a system which realizes itself at two levels. The first of them is adaptive level (cultural system as human way of activity) and the second is valuable and orientation level (cultural system as subject of activity). From this point of view the author comes to conclusion that cultural sources of both crisis are connected with way of activity and valuable installations of West civilization. Then this theme can be coordinated with long ago known discussion about crisis of this concrete Western culture. Many arguments in the history of this discussion seem very doubtful, but in the present exist one undoubted paradox: the most developed countries become extinct the first. This demographic argument shows to us that prevalence of materialistic values conducts to weakening of a family and therefore to demographic collapse. Therefore, we can conclude that really we are dealing with global consequences of crisis of concrete culture which became global because of its leading role over the past centuries. From this point of view appears new perspectives of research connected with the idea of global leader and its changing in the history of Mankind. The author claims that we are now in the point of bifurcation and therefore minimal influences may lead towards efficient results. In this situation the choice of alternatives and searching the way out of crisis may be connected with Eastern cultural traditions including the Russian one.

Keywords: global and cultural crisis of Mankind, adaptive and orientation levels of culture, crisis of Western civilization, choice of global leadership.

Непосредственным поводом для написания данной работы стала публикация в новом журнале «Стратегические приоритеты» фундаментальной

статьи К. К. Колина «Системный кризис культуры: структура и содержание проблемы» [3]. При этом учитывались и другие статьи на подобную

тематику этого весьма авторитетного специалиста, в том числе его статья «Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке», опубликованную в № 1 того же журнала [4].

Диалог с интересным мыслителем – это всегда перспективный вариант не только для комментирования, но и высказывания своей позиции, взаимного уточнения понятий и подходов. Тем более, что широта охвата поднимаемых К. К. Колиным проблем побуждает к поиску все новых их оттенков. Ведь он фактически рассматривает кризис культуры на фоне давно известной и широко обсуждаемой темы глобального кризиса человечества, как его неотъемлемую и важнейшую составляющую.

В связи с этим постановка указанной в названии статьи темы совсем не тривиальна, как это кажется на первый взгляд, если рассматривать предварительно условия и обоснования именно такой формулировки. Анализ взаимосвязи этих типов кризиса требует методологически обоснованного задания ракурса рассмотрения данной проблематики. Понятие глобального кризиса человечества – тема, в принципе, давно обкатанная. Уже Н. А. Бердяев в свое время отмечал, что обсуждение такого кризиса стало банальностью [1, с. 318]. А ведь тогда еще не вышли на первый план экологические проблемы, не было ядерного оружия, а вопросы демографии являлись предметом интереса только для узких специалистов.

Что обычно имеется в виду при обсуждении этой проблематики? Из обширного массива публикаций следует общий вывод – речь идет о чисто физическом, точнее биологическом выживании человечества, оказавшегося перед лицом многочисленных угроз, значительная часть которых порождена характером его собственной деятельности в глобальном масштабе. В этом аспекте вроде все понятно – есть несомненный и абсолютный критерий, относительно которого и выявляется диагноз. Альтернатива ясна – жить или не жить человеческому роду. Как выяснится далее по ходу исследования, в контексте глобального кризиса человечества требующими методологического анализа остаются лишь вопросы, связанные с соотношением локальности и глобальности в этом кризисе, выяснении глобален ли он на самом деле и в каких отношениях.

Гораздо сложнее обстоит дело с кризисом культуры, тем более в таком его ракурсе, который задает К. К. Колин, ракурсе системного ее кризиса. При этом, опять-таки, имеется в виду глобальный масштаб. Методологически здесь возникают два важных и взаимосвязанных вопроса. Существует ли некая системно организованная (единая, глобальная, универсальная) культура человечества, способная в принципе испытывать такой кризис? И если да, то в каком смысле слова? И второй вопрос – каков должен быть ракурс рассмотрения культуры, чтобы вообще можно было говорить о ее кризисе?

Рассмотрение этих проблем, как и в любом системном по характеру исследовании, не подчиняется однолинейной логике причин и следствий, необходим многофакторный анализ в их сцеплении...

Ответы на эти вопросы тесно связаны с проблемами структурирования самой культуры как явления и, соответственно, с вытекающими из этого представлениями о структуре ее возможных кризисов.

Культура как таковая существует на двух уровнях: как адаптационная система, способ жизни людей за счет создания искусственного мира, и как система, являющаяся особым совокупным субъектом, стремящийся к неким, пусть не всегда осознаваемым целям, исповедующим свои ценности, иногда – осуществляющая свою миссию в культуре человечества [5, с. 48–54]. В этом ракурсе справедливо говорить о двух возможных в принципе типах кризиса культуры – адаптационном (культура как исторически возникший механизм адаптации человечества к условиям его выживания) и ориентационном (культурная система как субъект целе- и ценностно ориентированной деятельности). Близкими, но не тождественными понятиями оперирует в своей монографии Г. Н. Миненко [7, с. 80]. Он выделяет эволюционно-экологический кризис жизнеобеспечения человечества (то есть собственно глобальный, по общей терминологии, связанный с исчерпанием экологической ниши) и кризисы культуры. Поскольку он работает в антропологической парадигме, то это у него кризис человека – кризис идей, целей, смысла будущего, общего мировоззрения. Нас интересует (в аспекте системности культуры) второй

момент – это кризис субъектности не только человека как такового, но и конкретной культурной системы.

Мировая культура в адаптивном ракурсе видения как всеобщий способ существования человека, выделивший и отличающий его от природного бытия, может испытывать системный кризис. Причем независимо от уровня своей системности и целостности. Хотя именно в этом аспекте она в наибольшей степени взаимосвязана и системна в смысле последствий глобальной деятельности. Во-первых, с точки зрения принципиальной тождественности деятельности человеческого сообществ вне связи с уровнем их развития, в построении искусственного мира человека, одновременно вписывающегося и частично противостоящего миру природному. Во-вторых, с точки зрения глобальных влияний (экологических, климатических и т. д.), воздействующих даже на племена каменного века, сохраняющиеся на планете.

Но в этом аспекте кризис культуры совпадает с глобальным кризисом человечества, речь также идет о проблеме выживания человека и его культуры в их неразделенности и совокупности. Поэтому такой аспект не нуждается в дополнительном исследовании, и постановка вопроса о ее глобальном кризисе не нуждается в дополнительном обосновании.

Остается вопрос о том, существует ли мировая культура как системная целостность во втором, ценностно-ориентационном, субъектном ракурсе ее рассмотрения?

Представляется, что в этом аспекте и на данном этапе рано говорить о наличии культуры человечества как системно организованного субъекта целеполагающей деятельности. Учитывая, в первую очередь, отсутствие такого системообразующего фактора, как единой системы ценностей, которая и задает вектор развития. Ведь то, что пропагандируется в качестве такого набора ценностей, особенно в формате, популярном в нашей стране со времен М. С. Горбачева, это, по сути, чисто западные императивы. Их можно принять лишь в особой трактовке и интерпретации, с учетом специфики культурных традиций различных регионов мира. Но тогда от них остается лишь форма. Но если таковой культуры в строгом смысле нет, то как она может испытывать кризис, да еще системный?

Но ведь К. К. Колин, например, достаточно убедительно рисует картину многочисленных проявлений именно этих аспектов кризиса. И они действительно носят всеохватывающий характер. Как методологически совместить эти подходы? Видимо, требуется уточнение смыслов и трактовка применяемых терминов.

Мировая культура, на наш взгляд, и в этом субъектном смысле частично все-таки существует как потенция, тенденция, усиливающаяся в условиях глобализации. Это проявляется в ряде аспектов:

- она наличествует не только как философская абстракция, но и как некий обобщенный опыт исторического взаимодействия реальных культурных систем (индийской, китайской и т. д.). Будучи именно системами, они, действительно, как это утверждали и А. Я. Данилевский, и О. Шпенглер, не могут обмениваться основами своих культур, но вполне способны к частичному взаимодействию как в духовных, так и, особенно, в материальных аспектах. В этом моменте А. Я. Данилевский, утверждая возможность таких взаимодействий, более соответствует современному системному мышлению, чем О. Шпенглер. И только в этом смысле можно говорить о какой-то общей линии развития культуры с древнейших времен;

- культура человечества как нечто единое существует на элитарном уровне, как некий «золотой фонд мировой культуры», что является не только чистой метафорой. Платон и Сократ – наши вечные современники, с которыми мы ведем постоянный диалог. И не только в европейской культуре, вспомним роль античного наследия в становлении мира исламской культуры. И по мере расширения культурных связей этот пантеон все расширяется. Для нас они – воплощение вершин Духа вообще, а не греки, индийцы или китайцы. Они универсальны и общезначимы именно потому, что особенны и уникальны, воплощают бесконечное множество граней человеческого бытия в мире. Но эти великие фигуры учителей человечества воспринимались в единстве задолго до современного процесса глобализации, такими их видел уже Гете. И для первых философов Греции индийские мудрецы воспринимались как учителя и современники, независимо от времени их жизни. Субъективная истинность существования

этого мира высших духовных свершений несомненна для каждого культурного человека. Разрушение этого общего культурного наследия, естественно, означает утрату важнейших оснований дальнейшей эволюции цивилизации на планете.

Тогда кризис мировой культуры есть, во-первых, кризис ее как системы жизнеобеспечения человека как рода на планете (аспект общего глобального кризиса), во-вторых, – как кризис и ориентационный, как утеря смыслообразования, так ярко обрисованная в работе К. К. Колина. Очевидно, именно с такими уточнениями вполне можно говорить о системном кризисе мировой культуры. Это не предполагает обязательного утверждения целостности и системности самой мировой культуры, а говорит об угрозе завоеванному историческому опыту и наследию человечества, о системности, взаимосвязанности и взаимообусловленности самих кризисных проявлений. Откуда же, из каких истоков исходит сама эта системность негативных факторов, наглядно представленная К. К. Колиным?

Для дальнейшего исследования необходимо изменить уровень абстракции в рассмотрении вопроса и перейти от социально-философского к собственно культурологическому видению проблемы. С учетом дискуссионности определения специфики культурологии обозначим предварительно свою позицию, изложенную более подробно в другой статье [6]. Культурология, на наш взгляд, возникает первично как «колониальная антропология», и ее появление вызывается чисто практическими противоречиями и конфликтами, с которыми столкнулась Европа в процессе колонизации мира. При этом обнаружилось, что первичная установка на единую и одинаковую, в принципе, природу человека и его культуры, схожую с таковыми у самих европейцев, оказалась радикально неверной и неспособной, естественно, дать познавательный базис для установления контактов с другими культурами, прогнозирования массового поведения их представителей. В схожих ситуациях одни народы легко сдавались европейскому давлению, начинали работать на своих новых хозяев, другие же предпочитали смерть порабощению. В еще большей мере непонятны были трудовые, семейные отношения, обряды и обычаи. Степень чуждости оказалась гораздо

выше, чем это предполагалась. Вначале возникла чисто практическая необходимость познать эту чуждость, эти новые культуры не как совокупности отдельных феноменов (искусства, религии), а в их целостности. Но ни философия культуры, ни частные дисциплины не могли стать основой для практического действия в этом аспекте. Философы, как им и положено, анализировали понятийные абстракции, а историки, искусствоведы, этнографы описывали лишь детали культурной жизни разных народов в отдельные эпохи. Поэтому и понадобился новый ракурс видения мира культуры, оформившийся впоследствии как культурологическое знание, которое, таким образом, строится на двух аксиомах в понимании своего предмета: на признании множественности культурных миров человечества и на осознании их как культурных систем – специфических целостностей. Естественно в этом специфически культурологическом, в отличие от социально-философского, видении данной кризисной проблематики вопрос должен ставиться не о глобальном кризисе человечества и не о кризисе мировой культуры как таковой, а том, какая именно культурная система из множества существующих первично породила именно такой тип кризиса, то есть о его конкретных культурных истоках. И за счет каких взаимодействий культур проявления этого кризиса приобрели глобальный характер?

При таких акцентах анализа становятся очевидными несколько моментов:

- по генезису, сущности, направленности этих кризисных явлений видно, что порождены они характером, целями и способом действий не абстрактного человечества, а именно Запада как культурной целостности. Рассмотрим для примера ранние формулировки по этой тематике Н. А. Бердяева. Метафизический смысл техники связан по Бердяеву с подменной целью жизни средствами жизни: «Техника есть последняя любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием предмета своей любви... Технический актуализм подчиняет человека и его внутреннюю жизнь все ускоряющемуся движению времени. В этой бешеной скорости современной цивилизации, в этом бегстве времени ни одно мгновение не остается самоцелью и ни на одном мгновении нельзя остановиться, как на выходящем

из времени. Нет выхода в мгновение... Каждое мгновение должно как можно скорее смениться последующим мгновением и все мгновения остаются в потоке времени и потому исчезают. Внутри каждого мгновения как будто нет ничего, кроме устремленности к последующему мгновению, оно в себе самом пусто. Но такое овладение временем через быстроту и скорость оказывается порабощением потоком времени. А это значит, что технический актуализм в своем отношении к времени разрушает вечность и делает для человека все более и более трудным отношение к вечности. Нет времени у человека для вечности. От него требуют скорейшего перехода к последующему времени» [2, с. 147–158]. В итоге получает законченную формулировку основного противоречия такого типа деятельности, основанного на сотворении технического мира и закабаления им же: «все болезни современной цивилизации порождаются несоответствием между душевной организацией человека, унаследованной им от других времен, и новой, технической, механической действительностью, от которой он никуда не может уйти. Человеческая душа не может выдержать той скорости, которой от нее требует современная цивилизация. Это требование имеет тенденцию превратить человека в машину» [2, с. 158].

При чтении подобных текстов с культурологической точки зрения встает вопрос – о современной ли цивилизации человечества как такового идет речь, или же о ее особой форме? Родились ли эти тенденции в недрах китайской, индийской или российской традиции? Конечно, нет! Это же черты ценностного мира и типа деятельности, присущие именно западной цивилизации. Такие черты ее деятельности как степень и характер насилия, по мысли В. С. Степина, – тоже атрибут именно западного способа деятельности. В европейской культурной традиции «акты преобразования рассматривались как силовое давление на объект, который под воздействием орудий и средств человеческой деятельности преобразуется в формы, необходимые для человека» (см. [8, с. 10]). Причем постепенно такое понимание объекта распространилось и на социум: «Вот здесь и коренилось специфическое понимание насилия, которое вроде бы в других культурах с такой четкостью не было прописано. Отношение к социальному миру как полю объек-

тов, которые можно целенаправленно преобразовывать, неявно содержало в себе представление о человеческом материале, подлежащем видоизменению в процессе осуществляемых над ним социальных действий» [8, с. 11]. Представляется, что в связи с этим распространенные формулировки типа «современный мир», «наша цивилизация» и т. д. часто затемняют дело. Каждое конкретное явление имеет первичную «прописку» в определенной культуре, и этот адрес всегда необходимо уточнять, чтобы понять, с чем мы имеем дело. Ведь каждая болезнь «современной цивилизации» имеет разные истоки (внешние или внутренние, что важно разделять) и, соответственно, разные перспективы в разных культурах мира;

- глобальное распространение эти проявления приобрели ввиду лидерства Запада в эволюции человечества в последние века (сроки спорны, и по разным направлениям они разные. Так, например, чисто в экономической сфере можно говорить о явном преобладании только с эпохи промышленной революции XIX века). Лидерство это обусловило всеобщность кризиса двояким образом: как непосредственное давление Запада, проявляющееся и в настоящее время в его попытках переделать по-своему Россию, Украину, мусульманский мир и т. д., и как заимствования, подражание лидеру в попытках ускоренной модернизации, в том числе ради сопротивления упомянутому давлению. Что, например, определяло, по мысли А. Тойнби, мотивы реформ Петра Первого, а часто и создавало внутреннюю оппозицию прозападного характера, развитие ксеномании. Степень этого уподобления, независимо от характера воздействия, прямо пропорциональна проявлению именно таких кризисных явлений: чем больше схожесть с современным Западом, тем больше аналогичных явлений. Вопреки распространенным благим пожеланиям о необходимости абсолютной открытости культур авторы, исследовавшие этот вопрос на конкретном материале тюркизации и исламизации Византии, пишут, что существует естественный лимит восприятия чужого, превышение которого оказывается фатальным. Они рассматривают это как культурный обмен со смертельным исходом [10, с. 230];

- дополнительным, но очень важным фактором является наступающий этап смены мирового лидерства. Феномен лидерства и смены лидерства методологически мало исследован в научной литературе и большей частью воспринимается как очевидный в связи с лидирующей ролью Запада и ее постепенным упадком в последние века. В исторических работах он иногда рассматривается в более далекой перспективе, как региональное лидерство отдельных цивилизаций прошлого. Не имея возможности в рамках данной статьи тщательно исследовать данный вопрос, отметим только, что как само лидерство, так и его смена в истории – явление многообразное, синкретичное, по сути, включающее в себя военно-политические, экономические, культурные, а в последнее время, и информационные аспекты. В истории это повторялось неоднократно, правда, в меньших масштабах. И всегда бывший лидер отчаянно боролся за сохранение своего привилегированного положения, совершая культурную агрессию, навязывая свои нормы другим культурам. Обостряя, тем самым, и отношения цивилизаций, о чем пишет С. Хантингтон. С этим, очевидно, связано и обострение борьбы Запада и Востока, рассматриваемое К. К. Колиным.

В итоге можно говорить о том, что глобальный кризис современности в обоих аспектах и как глобальный кризис выживания, и как культурный кризис – это, прежде всего по истокам и содержанию, кризис именно одной культурной системы – кризис стареющего Запада (метафора прежних авторов оказалась пророческой в прямом смысле слова). Но следствия его распространились на весь мир и стали глобальными. Тогда более строго называть все эти кризисные явления – «глобальные следствия кризиса Западной цивилизации и культуры». И когда К. К. Колин ссылается на мнение авторов монографии «Революция сознания: Трансатлантический диалог», Станислава Грофа, Питера Рассела и Эрвина Ласло, описывающих кризис нашей цивилизации и культуры, погрязших в материализме и потребительстве, то здесь упор надо делать именно на слове «нашей», то есть именно западной, и рассматривать это как форму самокритики [3, с. 16].

Можно ли в этой связи говорить о вине Запада? Видимо, нет. Не снять историческую вину Запада за колониальное прошлое. И за остат-

ки колониального мышления, которое наглядно проявляется и сейчас в его политике, в двойных стандартах реальных действий и пропаганды. Но... Он есть такой, какой есть и другим быть не может. Как справедливо утверждал А. С. Панарин, факторы позитивного развития определенно общества, переходя границу меры, становятся факторами его гибели [9, с. 35]. Его процветание в прошлом и настоящем обусловлено расширенной эксплуатацией мировых ресурсов как природных, так и человеческих. Исчезнет это – и невозможно будет поддерживать такой уровень жизни, к которому привыкло население стран «золотого миллиарда». Он просто защищает свои интересы, интересы крупнейшего и господствовавшего до сих пор потребителя и эксплуататора глобальных ресурсов.

Таким образом, приходим к установлению связи рассматриваемых кризисов с кризисом самого Запада и связанным с этим этапом смены мирового лидерства.

Если искать исторические аналогии, пусть и не совсем строгие, то можно утверждать, что «все это уже было». Хотя, разумеется в меньшем, региональном масштабе. Просто потому, что не было таких средств материального и информационного взаимодействия и, соответственно, манипулирования как в экономико-политической и военной, так и технико-технологической сферах. Был, например, период, когда лидерствующие и в полном смысле передовые позиции занимал молодой тогда и энергичный мусульманский мир, что было особенно явственно по сравнению с застойной, бедной и периферийной по значению Европой. Начиная с эпохи «географических открытий», а по сути – с начала колониальной эры, постепенно возвышается Запад. Причем сначала только преимущественно за счет военных усилий, не имея на этом первичном этапе обоснованных претензий на лидерство в других сферах деятельности. Поэтому первичным идеологическим обоснованием захватов становится единственно возможная (и далеко не новая) идея несения «света истинной веры». Впоследствии, по мере секуляризации самого Запада и, особенно, его элиты она заменяется более гибкой идеей «прогресса», с самого начал понимавшейся в идеологическом смысле – как прогресса европейского типа. Впрочем, в этом качестве, несмотря на всю крити-

ку в научных кругах, она практически работает и сейчас – в виде борьбы «за демократию и права человека», естественно, понимающиеся тоже в чисто западном духе.

Уход со сцены предыдущего лидера и ранее сопровождался кризисными явлениями в мире исламской культуры. Он был связан с разложением первичных религиозно-воинственных ценностей и энергетики и заменой их на изнеженно-развращенную, гедонистическую культуру придворного общества мусульманских государств. К XIX веку крупнейшая из держав этого культурного мира – Турция – уже рассматривалась в мировой политике как «великий больной Европы», что заставляло задумываться другие страны о том, как бы ее удобнее разделить. И так это продолжалось до кемалистской революции, совершившей обновление и омоложение данной страны во всех сферах деятельности. При этом, однако, сохранялись и даже развивались достижения в области искусства, науки, философии. Экономика тоже на первых порах была достаточно эффективной по меркам того времени. Однако, влияние на внешний мир, по указанным выше причинам, было относительно незначительным и распространялось лишь на народы и культуры, непосредственно вовлеченные в этот стареющий мир наследников великого халифата. Впрочем, у историков древности схожие трактовки гибели великих культурных миров неоднократно выливались в разных уголках планеты в лапидарные формулировки – некий народ возвысился, изнежился под влиянием плодов победы и погиб от распушенности.

Неожиданное подтверждение эти вроде бы наивные связи моральной распушенности и гибели цивилизаций находят в наше время. И справедливо нравственная деградация возводится К. К. Колиным в ранг глобальных угроз человечеству [2, с. 7]. Но ведь кризис современного Запада оспаривается, и часто аргументировано, по многим моментам. Однако есть фактор, не требующий особых доказательств. Это – демографическое вымирание, которое при утрате эффективности политики «плавильного котла» и мультикультурализма явно ведет к уходу Запада с исторической арены. По крайней мере – в качестве лидера. Обнаружилось, что совсем не обязательно завоевание стареющих общественных

систем молодыми и агрессивными народами. Жизненное пространство освобождается само собой. Проявляется со всей наглядностью логическая связь: ориентация на гедонизм – упадок морали – разрушение семьи – вымирание. В рассматриваемой работе К. К. Колина демографический фактор понимается как один из наиболее значимых. В подтверждение этого он приводит цифры прогнозов на этот счет. Но надо признать – самые оптимистичные [2, с. 21]. В литературе попадаются и гораздо более жесткие сроки угасания народонаселения Европы.

Кстати, сам демографический кризис в обеих своих проявлениях – и как парадоксальное вымирание самых «передовых», богатых и «прогрессивных» народов, и как усиленный рост народов, далеких от избалованности благосостоянием, – связан логически и исторически тоже именно с западными ориентирами развития и западными влияниями. В первом случае – с ориентацией на материализм, как пишет К. К. Колин, то есть на материальное обогащение и самоудовлетворение материальными благами, при которых традиционная семья, дети, в конечном итоге, становятся обузой. Во втором случае – со столкновением традиционных норм многочисленного деторождения и возможностей современной медицины и санитарии, уничтожающих жесткие законы естественного отбора.

Тогда возникает связь такой постановки вопроса с давно известной проблематикой критики западной цивилизации и такого типа прогресса. Напомним, что пионерами в этой тематике являются сами европейские мыслители. Начиная, пожалуй, с Ж.-Ж. Руссо, противопоставившего «естественного» человека, абстрактного благородного «дикаря», просвещенному европейцу, утратившему, несмотря на весь общественный «прогресс», многие качества своего первоуродка. Уже тогда возникает известный тезис о сомнительности всяческих «прогрессов», если «рушится человек». Затем был К. Маркс, при всем своем европоцентризме обличавший антигуманный (и даже непродуктивный в итоге, по его мнению) вариант такого развития. Свою лепту внес З. Фрейд, отрицавший ханжество европейской культуры, подавлявшей исконные инстинкты и стремления человека. Ф. Ницше поставил вопрос о преодолении иллюзии о якобы христианском

характере европейских ценностей и замене их более соответствовавшими реальностям жестокого мира всеобщей борьбы и конкуренции. Не стоит подробно останавливаться в этой связи на широко известных, но во многом публицистических рассуждениях О. Шпенглера, рассматривающегося как *enfant terrible* западной гуманитаристики. Продолжили эту линию деятели Франкфуртской школы, сконцентрировавшие внимание на обратные, отчужденные результаты европейской культурной эволюции последних веков, реализовавшие с точностью до наоборот гуманистические идеалы Возрождения и Просвещения. В последние годы появляется и становится все более значимой и неоконсервативная критика современного Запада в его антитрадиционалистских проявлениях и извращениях. К этому направлению принадлежит и упоминающийся К. К. Колиным Патрик Дж. Бьюкенен.

Таким образом, глобальный кризис современной цивилизации и культуры продуктивно, на наш взгляд, рассматривать и в этом ракурсе – как разложение одного из мощнейших культурных миров, в связи с «закатом Европы» (точнее – Запада) и предстоящую смену лидерства в эволюции человечества.

Что дает такой взгляд?

Во-первых, он помещает проблему в историческую перспективу, а не рассматривает ее как принципиально новое и неожиданное явление. Пусть не в перспективу, связанную с выявлением железных закономерностей истории, как у Гегеля и Маркса, но хотя бы в перспективу исторических аналогий, позволяющих искать некий смысл происходящего. Ведь если это уже было (пусть в других масштабах и формах) и повторяется, – логично предположить, что в этом есть некий общий смысл. И его можно отделить в анализе от привходящих моментов исторической повседневности и случайности, обнаруживая, или пытаясь обнаружить, глубинную суть происходящего в этом многообразии кризисных проявлений, которые описывает К. К. Колин. А поиски смысла (и его конструирование), как известно, – основная интенция духовно-познавательных устремлений человека. Тогда отдельные черты этого кризиса становятся более понятными. Например, постмодернизм, который зачастую преподносят как принципиально новую эру в разви-

тии культуры человечества, оказывается просто признаком разложения определенной культурной системы. Подобные черты распада целостного мировоззрения, создания мозаичной картины мира, уход в глухой индивидуализм и самовыражение в искусстве и философии при отказе от поиска Красоты, Гармонии и Истины были и в позднем эллинизме, и на закате Рима.

Следовательно, во-вторых, данный подход приобретает и объяснительное значение. Оно, в свою очередь, связано с эвристической и прогностической его ролью: ведь если явление рассматривается как линия, идущая из далекого прошлого, то исторические аналогии позволяют хоть в какой-то степени предвидеть итоги процессов.

Наконец, с точки зрения роли в познавательной перспективе такое видение проблематики культурного кризиса современности позволяет вписать его трактовки в общую и традиционную линию именно культурологических исследований в связи с такими ее разработанными во многом тезисами, как многообразие культурных миров и его роль для эволюции человечества, типология культур и проблема различий Запада и Востока, смена лидерства и социокультурной динамики и т. д. А следовательно, и использовать накопленный научный материал для анализа новых явлений.

Переходя к содержательным выводам по проблеме, следует выделить ряд моментов:

- с точки зрения соотношения глобального кризиса человечества и кризиса культуры можно утверждать, что они совпадают как кризисы выживания, и глобального, и большинства отдельных культур. Но как ориентационные – нет. Совпадение тут только по следствиям и проявлениям. Первично, и по генезису, и по сущности и структуре это кризис одной культуры, распространившийся на весь мир. Вектор кризиса задан Западом, он исходит из истории и установок его развития. Но распространяется на всех, ввиду сохраняющегося еще мощнейшего влияния, принятия его норм и целей развития из-за необходимости конкуренции с ним. Сами проявления пропорциональны степени принятия именно таких целей развития;

- данная проблема связана с уходом старого и выбором нового лидера, точнее другой системы ценностей, а тем самым и вектора развития

не в чисто технологическом, и даже экологическом (зеленая экономика, бицивилизация и т. д., хотя это важно) смысле. Значимее ценностная основа, по-новому определяющая смысл бытия, жизни и деятельности человека на планете. С этой точки зрения каждый кризис – это лишь этап развития, это новые возможности и переход к рождению новой системы, как подчеркивает К. Колин [3, с. 26]. Кризис, следовательно, обостряет проблему выбора. И выбор новых альтернатив должен идти с учетом субъектности исторического процесса, который, несмотря на все объективные параметры, субъектен по механизмам реализации объективных условий и закономерностей. Самоотрицание, самоотчуждение современных глобализационных процессов в их форме вестернизации связаны с давно известным законом истории: любая объективная тенденция реализуется, в конечном счете, только через и в деятельности людей, конкретных исторических субъектов. Именно обнаружение в практике корыстных устремлений этих субъектов (государств, народов, групп влияния), превращающих идею единения народов и культур в свой проект господства приводило в прошлом к провалу попыток культурного синтеза в крупных масштабах (тогда еще – региональных). То же самое происходит и на наших глазах, когда позитивная объективная тенденция глобализации превращается в своекорыстную политику глобализма, в вестернизацию и унификацию по западным образцам. Весь кризис современности необходимо рассматривать именно в контексте влияния субъектов исторического действия. И как вопрос лидерства, и как основу именно такой формы глобализации, и как поиск альтернатив развития. Иначе все благие пожелания повисают в воздухе, а надеяться просто на человеческий разум и «прогрессивное человечество» уже нельзя. С точки зрения субъектности истории – это этап выбора и достижения альтернатив, стремления к новым аттракторам в развитии. Поэтому и проблему возможного будущего, поиска выхода из кризиса надо ставить в эти рамки, в русло поиска субъекта (субъектов) исторического действия, способных осуществить необходимые преобразования и двигать общество в нужном направлении. Просто изменить общественное сознание – задача слишком абстрактная. Как по целеуказанию, так и по механизмам реализации. Такие изменения возможны лишь

с опорой (и это уже культурологический взгляд) на конкретную многовековую культурную традицию (традиции). Естественно, с учетом ее модификации к современным условиям при сохранении ценностного ядра. В этом плане самый крупный масштаб выбора, с учетом принятого разделения типов культур на Запад и Восток, можно, естественно, указать в пользу Востока. В. С. Степин, не останавливаясь лишь на констатации различий, вводит новое измерение – сравнивает восточный и западный способы деятельности с точки зрения их соответствия системному мышлению и изменению представлений об эффективной деятельности в связи с выдвиганием на первый план радикально иного типа объектов – самоорганизующихся синергетических структур. И тогда обнаруживается, что характерный для западной традиции метод прямого насильственного преобразования действительности неадекватен в новых условиях и по отношению к данному типу объектов. «Сегодня проблема выживания требует изменения многих ценностей и структур, характерных для техногенного развития», – пишет он [8, с. 48]. И суть этих изменений в том, что «с синергетическими объектами нельзя насильственно экспериментировать. Любое действие с таким объектом превращает человека в его особый компонент. И тогда имеешь дело уже не с внеположенным объектом, а с особой человекомерной системой. На этой основе возникают новые стратегии технологического проектирования. Проектируется не техническое устройство, и даже не “техническое устройство плюс человек”, а сложная система “техническое устройство – человек – экологическая среда”, в которую внедряется технология и культурная среда, которая эту технологию принимает. Сама преобразующая деятельность в этих условиях уже не строится по принципу насильственного манипулирования с объектом, а по принципу выбора из веера возможных сценариев таких стратегий, которые обеспечивают человеческое выживание» [8, с. 48]. Поэтому можно утверждать, что западная традиция сама загнала себя (и во многом – все человечество) в тупики самоотчуждения. Она обнаружила свои пределы, оказавшись несовместимой с двумя естественными константами, – внешней природой и природой самого человека [2, с. 159];

– объективно же, как справедливо фокусирует внимание К. К. Колин, современная ситуация – это точка бифуркации. Отсюда следуют два важных вывода. Во-первых, возможен и, пожалуй, неизбежен этап хаоса и, по аналогии с прошлым, возможен период некоего варварства, из-за выхода на авансцену новых народов. На этой основе возникают теории нового феодализма и т. д. Вероятны кризисные явления другого типа, исходящие уже не от Запада, а от его наследников. Во-вторых, и это тоже важная идея К. К. Колина, в этот момент поиска новых аттракторов важны и значимы лю-

бые, даже относительно малые воздействия. Нам представляется, что это может служить основанием для новых потенциальных перспектив реализации миссии России в культуре. Через актуализацию лучших достижений русской классической мысли и представления их на мировой «рынок идей». Естественно, вне навязывания своей воли и попыток мирового господства в политической или экономической сферах. Собственно, об этом и мечтали и Ф. М. Достоевский, и В. С. Соловьев, и русские космисты, и многие, многие другие представители нашей духовной элиты.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 318–362.
2. Бердяев Н. А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Вопр. философии. – 1989. – № 2. – С. 147–162.
3. Колин К. К. Системный кризис культуры: структура и содержание проблемы // Стратегические приоритеты. – 2014. – № 3. – С. 6–38.
4. Колин К. К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке // Стратегические приоритеты. – 2014. – № 1. – С. 6–30.
5. Марков В. И. «Свое», «Чужое» и отчуждение в культуре: моногр. – Кемерово, 2002. – 176 с.
6. Марков В. И. Культурология: истоки, границы, задачи // Вестн. ЧГАКИ. – 2011. – № 4 (28). – С. 47–52.
7. Миненко Г. Н. Эволюция и революция в культурно-исторической динамике человека. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 327 с.
8. Россия и Запад: взаимодействие культур (материалы круглого стола) // Вопр. философии. – 1992. – № 6. – С. 3–46.
9. Панарин А. С. Россия в циклах мировой истории. – М.: МГУ, 1999. – 416 с.
10. Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. – М.: Алетея. 1999. – 384 с.

References

1. Berdyaev N.A. Sud'ba cheloveka v sovremennom mire [The destiny of man in the modern world]. *Berdyaev N.A. Filosofiya svobodnogo dukha* [The philosophy of the free spirit]. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 318–362. (In Russ.).
2. Berdyaev N.A. Chelovek i mashina (problema sotsiologii i metafiziki tekhniki) [Man and machine (problems of sociology and metaphysics technology)]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 1989, no 2, pp. 147–162. (In Russ.).
3. Kolin K.K. Sistemnyy krizis kul'tury: struktura i sodertsanie problemy [Systemic crisis of culture: the structure and content of the problem]. *Strategicheskie prioritety* [Strategic Priorities], 2014, no 3, pp. 6–38. (In Russ.).
4. Kolin K.K. Global'nye ugrozy razvitiyu tsivilizatsii v XXI veke [Global threats to the development of civilization in the 21st century]. *Strategicheskie prioritety* [Strategic Priorities], 2014, no 1, pp. 6–30. (In Russ.).
5. Markov V.I. "Svoe", "Chuzhoe" i otchuzhdenie v kul'ture [The Own, The Alien and alienation in the culture]. Kemerovo, 2002. 176 p. (In Russ.).
6. Markov V.I. Kul'turologiya: istoki, granitsy, zadachi [Culturology: origins, boundaries, problems]. *Vestnik ChGAKI* [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2011, no 4 (28), pp. 47–52. (In Russ.).
7. Minenko G.N. Evolyutsiya i revolyutsiya v kul'turno-istoricheskoy dinamike cheloveka [Evolution and revolution in the historical and cultural dynamics of human]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2004. 327 p. (In Russ.).
8. Rossiya i Zapad: vzaimodeystvie kul'tur (materialy kruglogo stola) [Russia and the West: the interaction of cultures (Materials Roundtable)]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 1992, no 6, pp. 3–46. (In Russ.).
9. Panarin A.S. Rossiya v tsiklakh mirovoy istorii [Russia in the cycles of world history]. Moscow, Moscow State University Publ., 1999. 416 p. (In Russ.).
10. Chuzhoe: opyty preodoleniya. Ocherki iz istorii kul'tury Sredizemnomor'ya [Alien: the experience of overcoming. Sketches from the history of the culture of the Mediterranean]. Moscow, Aleteya Publ., 1999. 384 p. (In Russ.).

УДК 008

ПОНЯТИЕ «ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Ивлев Сергей Викторович, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии, Кемеровский технологический институт пищевой промышленности (г. Кемерово, РФ). E-mail: ivlev-sv@mail.ru

В статье рассматривается понятие «гражданская культура», дается сопоставление с другими видами культур. Роль гражданской культуры в развитии современного общества является противоречивой, в связи с этим актуальной становится проблема проявления гражданской культуры на разных этапах развития социума.

Ключевые слова: гражданское общество, парохильна культура, подданническая культура, партиципаторная культура, гражданская культура, фрагментарная культура.

THE CONCEPT OF “CIVIC CULTURE” IN THE CONTEXT OF THE SOCIAL DEVELOPMENT PROCESS

Ivlev Sergey Viktorovich, Candidate of Political Science, Docent of Chair of Philosophic and Political Science, Kemerovo Technological Institute of Food Industry (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ivlev-sv@mail.ru

Processes taking place in modern society are characterized not by stability and emergence of new subjects of social and political interaction, a new system of behavior patterns, all this is reflected in the civic culture. Civic culture is constructed from various elements of parochial, obedient and participatory cultures. These three models of culture are “ideal types” and in a real situation almost never occur. There is a need in the analysis of a particular society to combine elements of these cultures. In addition, modern transforming society, as a rule, passes through three phases of development: liberalization, democratization, democratic consolidation. In each of these phases it changes the structure and role of civil society, as well as changes occur in the system of values. In this regard, the problem of fragmentation of culture is updated at the present stage of society development.

Keywords: civil society, parochial culture, subservient culture, a participatory culture, civic culture, fragmented culture.

Среди общетеоретических понятий, сравнительно недавно вошедших в научный оборот, особое место занимает гражданская культура. Возникшее первоначально как определенная теоретическая модификация политической культуры, оно постепенно расширило сферу своего применения, непосредственно сочетаясь с такими феноменами, как демократия, гражданское общество. Современное общество характеризуется глубокими социальными изменениями, появлением новых общественных организаций и движений, постепенно формируется новая система ценностей, образцов поведения, что, в свою очередь, фиксируется в гражданской культуре.

Изучение гражданской культуры имеет длительную историю. В социально-философском контексте вклад в разработку данного понятия внесли такие мыслители, как Аристотель, Цицерон, А. де Токвиль, М. Вебер, а также многие известные ученые XX века. Современное понимание гражданской культуры начинается с работы американских исследователей Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура: Политические позиции и демократия в пяти странах», изданная в 1963 году. Представленная типология политической культуры в данной работе во многом опирается на три модели политического господства М. Вебера: традиционное, харизматическое и

рационально-легальное. Различные типы господства раскрывали субъективные причины, объясняющие, почему люди подчиняются своим лидерам или установленным правилам. Опираясь на типологию М. Вебера, Г. Алмонд и С. Верба выделили три «идеальных» типа культур: парохийная (приходская), подданническая и партиципаторная (активистская) [1, с. 122]. Парохийная культура характерна для традиционных обществ, в которых нет четкой дифференциации социальных и политических ролей и функций, сферы общества – экономическая, политическая, культурная – также неразделимы. Члены такого социума практически не вовлечены в общественно-политическую жизнь. Соответственно их знания, представления и ценностные ориентации в контексте гражданской активности носят фрагментарный характер. Подданническая культура является более зрелой по сравнению с первым типом. В обществе формируется определенная информированность о социально-политических процессах, идет дифференциация сфер общества, а также наблюдается активность его членов. Однако отношение к происходящим процессам носит в целом пассивный характер. Партиципаторная (активистская) культура характерна для современного общества, члены которого знают о существовании социальных и политических институтов и готовы принимать активное участие в общественной жизни.

Однако представленные типы культур являются идеальными конструкциями и в реальной практике не встречаются, поэтому необходимо рассуждать о смешенных типах культур. Данную классическую типологию можно применить для анализа культуры современного российского общества. При всей дискуссионности данного вопроса, на наш взгляд, можно обозначить культуру современного российского общества как подданническо-партиципаторную. С одной стороны, часть общества достаточно информирована о социально-политической жизни и институтах в государстве, но эти представления и знания не трансформируются в гражданскую активность. С другой стороны, в последние годы наблюдается всплеск социального и политического участия, что проявляется в деятельности общественных организаций.

Подданническо-партиципаторная культура – эта культура транзитивного общества, каким и является современная Россия. Важной особенно-

стью культуры переходного общества является ее фрагментарность, гетерогенность. В российской социально-политической культуре представлено множество субкультур: авторитарная и демократическая, элитарная и массовая, либеральная и консервативная и т. д. Однако особенность современного этапа развития не столько в разнообразии субкультур, сколько в том, что значительное их число охвачено скрытой или явной борьбой, столкновением. Основными линиями конфронтации выступают демократизм-авторитаризм, социализм-капитализм, централизм-регионализм, глобализация-изоляция и т. д. Многообразие таких линий свидетельствует об отсутствии базового консенсуса, общенационального согласия.

Таким образом, мы видим, что сочетание «идеальных» типов представленных выше культур позволяет проанализировать специфику культуры конкретного общества. Концептуальные элементы данных типов позволили Г. Алмонду и С. Вербе сконструировать особый смешанный тип – гражданская культура. Она характеризуется демократическим содержанием и высокими нравственными характеристиками; умеренной интенсивностью и колебательным характером социально-политического участия. Эта культура пронизана гуманизмом и ориентацией на развитие гражданских качеств человека. Любые изменения в политических отношениях и институтах получают отражение в гражданской культуре, принимающей или отвергающей эти новации. При этом в первую очередь она выполняет функцию сохранения и поддержания основ государственного строя и гражданского единства, обеспечения политического и социального порядка.

В нашей стране такая культура только начинает развиваться. И весьма важно, чтобы в процессе ее становления новые типы позиций не вытесняли старые, но сливались с ними. Сейчас же разрушение привычной нормативно-ценностной системы общества произошло фронтально, масштабно и одномоментно. Люди оказались в состоянии социальной аномии, без ориентиров и идеалов. При отсутствии фундаментальных ценностей, закрепленных в определенной концепции, программе или идеологии, достижение общественной стабильности проблематично.

Гражданская культура формируется и реализуется в рамках современного гражданского общества и демократического режима. С трудом

можно говорить о наличии гражданской культуры в тоталитарном или авторитарном режиме, хотя элементы гражданского общества в них присутствуют.

Подходы, оказавшие влияние на понимание гражданского общества, могут быть обозначены двумя направлениями. Ч. Тейлор выделяет либеральное направление контрактного подхода (Локк), в котором гражданское общество, следующее своим собственным законам, понимается, прежде всего, как внешняя и «приоритетная» по отношению к государству реальность. Его первоочередная задача состоит в защите индивидуальных прав от государственного «злоупотребления властью». Этому направлению он противопоставляет традицию Монтескье. В ней значимой является не сама по себе сфера за пределами политической системы, а то, каким образом она в нее интегрирована и как взаимодействие обеих сфер порождает особые структуры-посредники (см. [6, с. 368–367]).

Пространство споров о гражданском обществе не исчерпывается этими традициями. Понятие либерального гражданского общества было расширено и модифицировано, прежде всего, в нео- и постмарксистском дискурсе. Принципиальными в данном направлении являются работы Грамши (нечеткое разделение политической сферы и гражданского общества, проблема доминирования, власти и функций господства) [3, с. 281–282] и Хабермаса (структуры коммуникации и публичная сфера, релевантность процедур согласования).

В контексте нашей темы большой интерес представляют проблемы трансформации современного общества, противоречивость этого процесса и, соответственно, поведение акторов гражданского общества. Современное (гражданское) общество не является гомогенным «актором». В гораздо большей степени оно структурировано гетерогенно в том смысле, что оно представляет плюралистическое средоточие крайне разнородных акторов, которые разделяют некий нормативный минимальный консенсус. Он основывается на признании другого (толерантность) и на принципе справедливости. Поскольку принципы толерантности, справедливости, гражданственности могут быть осуществлены только в демократическом устройстве, действия гражданского общества ориентированы также и на демократи-

зацию общества. К гражданскому обществу могут быть причислены «ассоциации и заинтересованные группы, культурные и религиозные объединения, учебные и информационные учреждения, которые способствуют развитию публичной сферы» [4, p.11].

Становление гражданского общества и развитие гражданской культуры в трансформирующемся социуме проходит три основные фазы (либерализация, демократизация, демократическая консолидация), на которых по-разному проявляются действия основных акторов и направления формирования культуры.

Становление гражданского общества в фазе либерализации зависит от исходного состояния режима. Трансформация от авторитарного режима предполагает минимальное наличие структур гражданского общества, напротив, при исходной тоталитарной системе независимые от государства организации практически отсутствуют. На первой фазе трансформации появляются зачатки гражданского общества, создаются общественные ассоциации, идет дифференциация социальных акторов, которые постепенно структурируют свои интересы, представления о новом этапе развития общества. Как правило, начинается процесс артикуляции интересов и их представления органам власти. На этом этапе в большей степени проявляются элементы партисипаторной культуры. В качестве примера можно взять российское общество конца 1980-х начала 1990-х годов. Возникают новые общественные объединения в форме фондов, фронтов, дискуссионных клубов, формируются политические партии.

В фазе демократизации структура гражданского общества меняется. Расширяется пространство для маневра большинства акторов гражданского общества и увеличивается возможность для их деятельности. Оно становится более зрелым, процесс артикуляции интересов сменяется на процесс их агрегации, то есть происходит постепенная их систематизация, комбинирование. В результате наблюдается объединение ранее разрозненных ассоциаций и групп интересов, структурируется партийная система. Культура приобретает черты гражданственности. Однако данная фаза трансформации общества весьма противоречива, не всегда последовательна и в каждом конкретном обществе происходит по-разному.

В России, на наш взгляд, эта фаза пришлась на середину и вторую половину 1990-х годов. В этот период в государстве и обществе установился институциональный и идеологический вакуум. Происходит кризис системы ценностей, проявляется абсентеизм (откат гражданской вовлеченности), господствующими становятся элементы подданнической культуры.

Фаза демократической консолидации не означает окончательный прорыв к зрелому гражданскому обществу, которое находит свое полное выражение в демократическом правовом государстве. В науке преобладает позиция, что на этом этапе трансформации общества элементы гражданской культуры начинают утверждаться и постепенно укрепляться в обществе. Довольно часто в фазе демократической консолидации наблюдается и противоположный процесс. Проявляются «теневые стороны» гражданского общества. Как отмечают немецкие исследователи Х. Лаут и В. Меркель, «закат гражданского общества является следствием его собственного успеха. Центральное требование было выполнено, старый режим разгромлен, права на свободу реализованы, демократические и конституционные отношения установлены» [5, с. 387]. Происходит в какой-то степени распад гражданского общества, новые структуры общества, возникающие как следствие дифференциации интересов, могут усилить существующие расколы. Такая сегментация приводит к центробежным процессам. Культура в таком фрустрированном обществе, как отмечалось выше на примере России, амбивалентна. Фрагментарность, дихотомичность культуры наблюдается не только в российском обществе, что подтверждается процессами, происходящими в Западной Европе.

Таким образом, на современном этапе развития общества актуальной становится проблема раскола. Отечественный историк А. Ахиезер выделяет три направления рассмотрения раскола в обществе:

- «раскол может рассматриваться как разрыв коммуникаций в обществе, что выражается в разрушении связей, необходимых для функционирования целого, например между государством и народом;

- раскол может быть описан через понятия культурологии – как граница, переход, который приводит к распаду смыслового поля единой культуры. В обществе возникают две системы смыслов, и это оставляет крайне узкий диапазон для общих решений. Раскол – это гипертрофия инверсии, отказ от взаимопроникновения полюсов культурных оппозиций, абсолютизация инверсии в ущерб медиации, то есть формированию новых смыслов, решений на основе синтеза полюсов культурных оппозиций;

- раскол может быть описан на языке социологической теории конфликта. Конфликт в западной традиции чаще всего – это предпосылка совместного решения. Общество здесь результат консенсуса. В расколотом обществе этот синтез проблематичен» [2, с. 73–74]:

Итак, мы видим, что понятие «гражданская культура» в современном обществе включает в себя разнородные пласты и множество интерпретаций, которые с трудом укладываются в рамки традиционных типологий.

Гражданская культура многослойна и фрагментарна, что во многом осложняет процесс ее изучения. Отсюда возникает необходимость адаптации «классических» моделей к анализу конкретного социума.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 101–135.
2. Ахиезер А. Россия – расколотое общество // Рубежи. – 1995. – № 5. – С. 69–83.
3. Грамши А. Сведения из разных областей и вопросы культуры. Культ государства // Грамши А. Избр. произвед. – М.: Политиздат, 1980. – С. 280–284.
4. Diamond L. Toward Democratic Consolidation // Journal of Democracy. – 1994. – Vol. 5, № 3. – P. 4–17.
5. Лаут Х., Меркель В. Гражданское общество и трансформация // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. – СПб.; М.; Берлин: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2003. – Т. 1. – С. 364–401.
6. Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. – СПб.; М.; Берлин: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. – 2003. – Т. 1. – 510 с.

References

1. Almond G., Verba S. Grazhdanskaya kul'tura i stabil'nost' demokratrii [Civic culture and stability of democracy]. *Politicheskie issledovaniya [Political Studies]*, 1992, no 4, pp. 101–135. (In Russ.).
2. Akhiezer A. Rossiya – raskolotoe obshchestvo [Russia – a divided society]. *Rubezhi [Milestones]*, 1995, no 5, pp. 69–83. (In Russ.).
3. Gramshi A. Svedeniya iz raznykh oblastey i voprosy kul'tury. Kul't gosudarstva [Information from different regions and cultural issues. The cult of the state]. *Gramshi A. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]*. Moscow, Politizdat Publ., 1980, pp. 280–284. (In Russ.).
4. Diamond L. Toward Democratic Consolidation. *Journal of Democracy*, 1994, vol. 5, no 3, pp. 4–17.
5. Laut X., Merkel' V. Grazhdanskoe obshchestvo i transformaciya [Civil society and the transformation]. *Povoroty istorii. Postsotsialisticheskie transformatsii glazami nemetskikh issledovateley [Turns of history. Post-socialist transformation through the eyes of German researchers]*. Sankt-Petersburg, Moscow, Berlin, Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge Publ., 2003, vol. 1, pp. 364–401. (In Russ.).
6. *Povoroty istorii. Postsotsialisticheskie transformatsii glazami nemeckikh issledovateley [Turns of history. Post-socialist transformation through the eyes of German researchers]*. Sankt-Petersburg, Moscow, Berlin, Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge Publ., 2003, vol. 1. 510 p. (In Russ.).

УДК 008:001.8

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА И КУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф. БОАСА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Подзубан Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и культурологии, Новосибирский государственный аграрный университет (г. Новосибирск, РФ). E-mail: podzuban@mail.ru

В статье представлен историографический обзор американской исторической школы и взглядов на культуру Франца Боаса в отечественной литературе за советский период. Автор публикации кратко освещает содержание каждой представленной работы и делает выводы о состоянии изученности рассматриваемой темы.

Ключевые слова: американская школа исторической этнологии, культурная антропология, «школа Боаса», историографический обзор, советская этнография, советский период, культурология.

THE AMERICAN HISTORICAL SCHOOL AND CULTURAL CONCEPT OF F. BOAS: HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Podzyuban Elena Victorovna, Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of History, Political Science and Culturology, Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: podzuban@mail.ru

Article is devoted to the historiographic review of American historical school of Franz Boas and his views on the culture. The review covers Soviet literature of the period from the 1920s until 2013.

Article is divided into two parts because of a large amount of collected material. This article is the first part of work and covers the Soviet period literature on the problem. A considerable number of sources of national literature (journals, textbooks, monographs) has been viewed for the topic's disclosure. The article highlights the content of each of the presented works and presents conclusions about the topic in the summary.

During the Soviet period the American Historical School and theoretical views of F. Boas were discussed by scientists within the humanities such as history, philosophy, and ethnography. Most of the publications in the article on the topic have been published in the magazine "Soviet Ethnography." Most of the articles of this journal on the studied topic are dated between 1928 and 1935.

During this period, a number of articles and monographs of F. Boas were translated and introduced into science. Among Soviet ethnographers, Y.P. Averkieva (former progeny of F. Boas) paid much attention in her works to the "School of Boas." She repeatedly addressed to the history of the formation of the American ethnography, not only in the pages of periodicals, but also devoted to this issue serious monographic work. Most described works in this article about the American historical school and the views of F. Boas contain the ideological cliché, which is consistent with the Marxist-Leninist views of the Soviet period. We may assume that works of some of the authors (D.M. Segal, L.P. Kuzmina, S.A. Tokarev) avoided the ideological context.

Keywords: American school of historical ethnology, cultural Anthropology, School of Boas, historiographical review, Soviet ethnography, Soviet period, culturological.

Теоретические и практические наработки «школы Ф. Боаса» стали фундаментом для становления американской культурной антропологии, а в дальнейшем основательно вошли в теоретическую часть культурологии. Именно поэтому теоретико-методологические основы культурологической мысли XX века сложно представить без «американской школы исторической этнологии» и взглядов её лидера Ф. Боаса. В российской культурологии американская историческая школа заняла прочное место среди антиэволюционных школ первой половины XX века.

В поисках ответа на вопросы, кто, когда и в рамках каких гуманитарных дисциплин отечественной науки занимался исследованием «школы Боаса», определилась тематика представленной публикации. В данной статье речь пойдёт о состоянии и уровне изученности культурной концепции Франца Боаса и его школы в отечественной литературе советского периода (с 1920-х до начала 1990-х годов). В следующей публикации предполагается продолжить рассмотрение этого же вопроса в отечественной литературе за период российской современности (с 1990-х до 2013 года). В заключении будут сделаны выводы по историографическому обзору и намечены дальнейшие перспективы в этом вопросе. Таким образом, пределы исследования охватывают большую часть периода советского времени до российской современности включительно (с конца 20-х годов XX века до конца 2013 года).

Для реализации поставленных задач были преимущественно просмотрены научные журналы: «Этнография», «Советская этнография», «Этнографическое обозрение», «Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», «Краткие сооб-

щения института археологии», «Вопросы философии», «Вопросы истории», «Антропологический форум», «Вопросы языкознания», «Советская археология», «Российская археология» – с года их основания до конца 2013 года. Помимо журналов привлекались научные сборники, учебники и учебно-методические пособия по культурологии, философии, лингвистике, а также монографии по культурологии, культурной антропологии, этнографии.

Следует сразу оговориться, что в исследуемой литературе не всегда встречается упоминание о «школе Боаса». Например, в журналах «Советская археология» и «Российская археология» публикации на рассматриваемую тему отсутствуют, вероятно, в силу того, что в этих изданиях вообще не представлен раздел, посвящённый теоретическим вопросам. Данная статья будет характеризовать публикации и издания, в которых культурная концепция Ф. Боаса и американская историческая школа представлены в том или ином объёме.

Среди просмотренных журналов больше всего статей о «школе Боаса» мы встречаем в «Этнографическом обозрении» (с 1991 года вернулись к дореволюционному названию журнала). С 1926 года данное издание именовалось «Этнография», а с 1931 года известно как «Советская этнография». Примечательно, что публикации о рассматриваемой теме в советский период приходятся на два временных отрезка: первый – с 1928 по 1935 год, второй – 1980-е годы. В «Этнографическом обозрении» статьи об американской исторической школе и Ф. Боасе укладываются во время с 2002 по 2013 год.

Первый материал о Ф. Боасе встречается в журнале «Этнография» в № 1 за 1928 год. Это небольшая рецензия на его монографию «Ум первобытного человека», которую представил

С. А. Токарев. Автор рецензии приветствует «перевод этой ценной книги» (на русском языке книга вышла в СССР в 1926 году) и в целом согласен с её основными положениями. Важным моментом для С. А. Токарева в этой книге является то, что Францу Боасу удалось, проявляя «максимум научной добросовестности», доказать отсутствие соотношения между достигнутой народом культурной ступенью и его расовым типом [16, с. 132]. Среди нескольких возражений, которые приводит рецензент в отношении работы американского этнографа, наиболее существенное связано с критикой Ф. Боасом «взглядов этнологов-эволюционистов». Уже в этой небольшой рецензии были подмечены типичные для советской идеологии достоинства и недостатки концепции Ф. Боаса, которые в последующее десятилетие будут успешно культивироваться на страницах журнала «Советская этнография».

До начала 1930-х годов в СССР большинство этнографов старшего поколения рассматривали этнологию как широкую дисциплину, разновидность макронауки, охватывающую целый ряд естественных, социальных и гуманитарных дисциплин. Однако после первого съезда советских археологов и этнографов, состоявшегося в 1932 году, были приняты решения, ставшие господствующими в советской этнографии и сузившие сферу её деятельности. Отныне она стала вспомогательной дисциплиной, которая должна была помочь историкам понять доклассовые общества [14, с. 172–173]. Именно на 1932 год в журнале «Советская этнография» приходятся регулярные публикации об американских антропологах и «школе Боаса».

Одна из первых статей Ю. П. Аверкиевой «Современная американская этнография» в № 2 за 1932 год посвящена довольно беглому обзору новейших этнологических теорий таких ведущих американских антропологов, как Ф. Боас, А. Крёбер, Р. Лоуи. Эта публикация молодой аспирантки появилась после её пребывания на стажировке у Ф. Боаса в США, поэтому может расцениваться как своего рода отчёт советского исследователя об особенностях американской этнографии. В начале своей работы Ю. П. Аверкиева привела существенные объяснения относительно того, что в Америке этнография является частью антропологии. Хотя американские учёные расходились

в вопросе определения антропологии, но единодушно включали в её содержание две основные части: 1) физическая или биологическая антропология и 2) культурная или психологическая антропология. Таким образом, автор публикации уточнял различия в предмете исследования между советской этнографией и американской антропологией. Из этих уточнений становится ясно, что предмет исследования американской антропологии значительно шире, чем в советской этнографии, поскольку антропология в Америке понимается одновременно как наука и естественная, и социальная [4, с. 97]. Большая часть статьи молодого советского учёного может рассматриваться как активная критика «реакционной буржуазной» этнологии не только американской, но и западноевропейской, которая стала отработанным приёмом советских исследователей с начала 1930-х годов. Американских антропологов, в том числе и Ф. Боаса, Ю. П. Аверкиева критикует за антиэволюционизм, эмпиризм, «последовательное признание теории диффузии», «механическое разложение культуры народа на отдельные черты и увлечение деталями этих черт». За всеми этими обвинениями в адрес «буржуазных этнологов» скрывается главное разногласие между советской этнографией и американской антропологией, которое кроется в «выпадах американских учёных против учения Моргана о развитии социальной организации» и в «отрицании внутренней закономерности в развитии человеческого общества» [4, с. 99–100]. Поскольку эволюционная теория и в особенности концепция Моргана стали апологией теории марксизма в вопросе общественного устройства, то становится понятным весь ход критических замечаний автора рассматриваемой статьи. Похвалы Ю. Аверкиевой вызвали только молодые американские последователи Л. Моргана – это Бернард Стерн и Лесли Уайт. Остальные американские этнографы, по её мнению, «сознательно и бессознательно являются служителями капитала» [4, с. 101].

Статья Лесли Уайта «Эволюция культуры и американская школа исторической этнологии» в переводе Н. А. Мухиной представлена в № 3 за 1932 год. В этой публикации автором продолжена критика «американской школы исторической этнологии» преимущественно по тем же пунктам, что и в статье Ю. Аверкиевой. Однако теперь

критика обрушилась не со стороны советских этнографов, а изнутри американской антропологической школы. В основу предложенной статьи, которую Л. Уайт написал специально для редакции журнала «Советская этнография», было положено его выступление в 1931 году в Кливленде на конгрессе американских антропологов. На конгрессе Уайт обличает научную позицию калифорнийского антрополога и социолога Лоуи в антиэволюционизме и голом эмпиризме. Из статьи молодого американского антрополога становится ясно, что он критикует всех последовательных приверженцев и учеников Франца Боаса, а значит методы и приёмы «школы Боаса» в изучении дописьменных культур. О последнем он говорит следующее: «Проф. Боас был учителем ряда выдающихся современных антропологов, и влияние его сказалось на многих. Он наложил свой твёрдый опечаток на американскую антропологию XX века» [17, с. 58]. Перечисляя достижения и нововведения американской исторической школы, отдавая дань совершенной ею работой, Л. Уайт «возражает против тех границ, которые эта школа поставила перед антропологией». По его мнению, эта школа «осуществила свои задания, но оказалась неспособной пойти дальше... Почему бы не заменить её другой, которая продвинула бы антропологию ещё на одну ступень к достижению цели?» [17, с. 62–65]. Под границами американской исторической школы Уайт понимает избегание Ф. Боасом и его учениками обобщений в решении общеисторических вопросов и последовательное соблюдение ими эмпирического метода в изучении отдельных культур. Лесли Уайт в своей публикации так характеризует результаты работы Франца Боаса в американской антропологии: «...В течение 40 лет он изучал одну проблему за другой. Но это были всегда конкретные проблемы... Его произведения аналитичны и атомистичны, но никогда не бывают ни синтетичны, ни широки в своём размахе. Когда же встают теоретические вопросы, он делает большой упор на строгий анализ и критику, чем на созерцание и интуитивные полёты воображения, которые в истории науки открыли более широкие сродства и более глубокие значения...» [17, с. 57]. По мнению молодого американского учёного, назрела серьёзная необходимость выйти за пределы метода «интенсивного, местного изучения». Такой выход ему видится в возврате к учению Моргана и новом прочтении

его работ американскими антропологами. Естественным образом назревшая проблема в американской антропологии разрешится Л. Уайтом и Д. Стюардом в последующие десятилетия созданием теории неозволюционизма. Большая часть публикации Л. Уайта представлена основными положениями формирующегося нового направления в теории культуры.

Следующую публикацию, где Боас только упоминается, мы находим в № 4 журнала «Советская этнография» за 1932 год. Статья «Идеалистические и механические течения в современной буржуазной этнографии» принадлежит Е. Г. Кагарову, и в ней речь идёт о взглядах различных этнографических направлений, обсуждающих ряд теоретических вопросов в Германии. Хотя тематика данной работы не является предметом нашего рассмотрения, однако в ней мы встречаем критические замечания Франца Боаса относительно теоретических положений культурно-исторической школы В. Шмидта и В. Копперса. Отмечая недостатки теории культурных кругов, известный американский антрополог обращает внимание на «механическое применение понятий формы и количества» культурно-исторической школой [10, с. 97]. Именно за активное увлечение схематическими сравнениями культурно-историческая школа с особенной энергией критиковала эволюционизм.

В 1933 году в № 3–4 журнала «Советская этнография» помещается статья «уважаемого друга Советского Союза, знаменитого американского антрополога и этнографа Франца Боаса», переведённая В. Г. Богоразом на русский язык. Это одна из известных его теоретических работ «Задачи антропологического исследования». Предвосхищает статью Боаса небольшая заметка от редакции журнала, а после неё опубликованы «Замечания к статье Франца Боаса», автором которых был В. Г. Богораз. Уже из заметки редакции журнала к статье американского учёного становится понятным, что в советской этнографии к этому времени полностью победил догматический марксизм, поэтому взгляды «буржуазных этнографов» на развитие культуры рассматриваются как глубокое заблуждение. В этой связи Боас хоть и является «уважаемым другом Советского Союза», но редакция журнала «предостерегает его от опасного пути, на котором он находится, вероят-

но, помимо своей воли». Характеризуя давно сложившегося человека и учёного, последняя фраза от редакции журнала «Советская этнография» звучит более чем странно. Однако редакция журнала указывает причину, по которой Боас оказался в «тупике эмпиризма и скепсиса». Это его отказ от «наследия классической эволюционной школы», который привёл к отрицанию «исторической закономерности» и в дальнейшем «ведёт к историческому идеализму» [5, с. 176].

Сама статья содержит важные теоретические постулаты Боаса в понимании культурных явлений и процессов, на которые опирались представители американской исторической школы. К ним относятся: хорошо известный метод эмпиризма в исследовании культур, сомнение в наличии «твёрдых законов развития» для культурных явлений, комплексное изучение культуры «во всех её проявлениях как единого целого», признание диффузных влияний на культурное развитие. Боас, высказываясь против как географического, так и экономического детерминизма, считал, что «попытка вывести происхождение культурных форм из единого ряда причин, всегда обречена на неудачу, ибо различные культурные явления тесно переплетаются вместе, и ни одно из них не может измениться без воздействия также на все другие элементы» [5, с. 187]. Поднимая в статье вопрос о становлении антропологии как науки, Боас уточнял, что эта наука «выросла из разных источников», таких как история, биология, этнография, философия, психология, социология, политические науки. Определял он и задачи антропологии, заключавшиеся в том, чтобы «уяснить этапы, по которым человек пришёл к своему современному укладу в биологическом, психологическом и культурном отношениях» [5, с. 177].

Замечания В. Г. Богораза к статье Боаса преимущественно сводятся к непризнанию им доминирования экономического фактора в развитии культуры. Это выражалось у Боаса в скептическом отношении к экономическому детерминизму и несогласии с единственно верной, по мнению советских этнографов, теорией догматического марксизма. Кроме того, В. Г. Богораз критикует Боаса за «отсутствие социальных обобщений», что, по мнению советского этнографа, «представляет самое слабое место мировоззрения Бо-

са» [9, с. 192]. По мнению С. Кана, одна из причин того, что переписка между В. Г. Богоразом и Ф. Боасом после 1931 года становится крайне нерегулярной, заключалась в публикации замечаний советского этнографа к статье американского антрополога. В любом случае с конца 1920-х – начала 1930-х годов советской и американской этнологическим школам всё меньше оставалось шанса услышать друг друга, поскольку «советская этнология становилась всё более политизированной и догматической» [11, с. 223–224].

На 1935 год в № 4–5 приходится последняя публикация Ф. Боаса в журнале «Советская этнография». Она переведена на русский язык и содержит практические сведения об этнографических исследованиях автора. Эта небольшая статья под названием «Колдовство у индейцев квакиутль» рассказывает о различных техниках колдовства, которые применяются индейцами квакиутль для вредительских целей. В работе Боаса привлекает внимание подробное описание обрядов с применением симпатической магии и детальное описание необходимых предметов для проведения магических обрядов. Кроме того, автор статьи обращает внимание на культурные различия в понимании колдовства у европейцев и индейцев [6, с. 32–39].

После значительного перерыва в 1980 и 1989 году появились публикации в журнале «Советская этнография», где об американской исторической школе и Ф. Боасе только упоминается. В 1980 году № 5 представлена рецензия Ш. А. Богинной на монографию Ю. П. Аверкиевой «История теоретической мысли в американской этнографии». Автор рецензии подмечает, что самый большой раздел этой книги приходится на американскую историческую школу. Именно на характеристику этой школы и взглядов Ф. Боаса приходится половина текста рецензии Ш. А. Богинной. Отзыв на книгу, которая для Ю. П. Аверкиевой стала «плодом многолетнего труда», рецензент дала положительный. К недостаткам работы отнесены преимущественно стилистические шероховатости, опечатки и ошибки редакционного порядка [8, с. 160–162].

Статью «Из истории русско-американского сотрудничества» автора Л. П. Кузьминой мы встречаем в № 6 того же журнала за 1989 год.

В публикации рассказывается о Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции 1900–1902 годов, «организованной Американским музеем естественной истории, а точнее, его президентом – Моррисом Джесупом». По результатам работы экспедиции было доказано, «что приполярный район по обе стороны Берингова пролива представляет собой единый этнокультурный регион» [12, с. 90]. В статье всё внимание уделяется деятельности русских этнографов В. Г. Богоразу и В. И. Иохельсону, которые изучали традиционные народы на территории Северо-Восточной Азии. В работе Л. П. Кузьминой Ф. Боас упоминается несколько раз, как антрополог, возглавивший научное руководство этой экспедицией, и как один из организаторов, инициаторов и координаторов этого научного проекта [12, с. 90–91]. Кроме того, в статье приводятся несколько писем от В. Г. Богоразу и В. И. Иохельсона, написанных в ходе проведения экспедиции Ф. Боасу [12, с. 94–98].

Итак, в журнале «Советская этнография» американской исторической школе и взглядам Ф. Боаса уделяется значительное внимание с 1928 по 1935 год. Несомненно, это обусловлено тем, что данный временной отрезок приходится на время жизни и деятельности самого Боаса и его последователей. Кроме того, с этим временем связана развернувшаяся дискуссия между советской и американской этнографическими школами, которая в начале 1930-х годов стала заходить в тупик по причине победы догматического марксизма в советской этнографии и нежелания американских этнографов «школы Боаса» воспринимать эту теорию как «единственно верную».

Подробнейшее описание биографии и научной деятельности Франца Боаса мы встречаем в публикации «Франц Боас (1858–1942)» автора Ю. П. Аверкиевой в первом выпуске периодического издания «Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая» за 1946 год. Детальное воссоздание жизни и личностных характеристик американского антрополога позволяет представить его как человека многосторонне развитого, изобретательного, деятельного и щедрого, а также как большого подвижника и неустанного исследователя [3, с. 101–105, 111]. В отличие от уже известной нам публикации

Ю. П. Аверкиевой в журнале «Советская этнография» за 1932 год теоретические взгляды Боаса в этой статье представлены непредвзято и с большой теплотой. Американский учёный показан в рассматриваемой статье советским этнографом как разносторонний исследователь: крупнейший лингвист, этнограф, фольклорист, выдающийся новатор в области физической антропологии, археолог. Аверкиева подчёркивает, что сам себя Боас «считал антропологом, указывая, что физическая антропология, этнография, лингвистика – различные стороны одной науки – антропологии, науки о человеке» [3, с. 105]. Автор статьи называет Боаса основателем «американской школы исторической этнологии» и перечисляет учеников крупнейшего американского антрополога, которые позднее стали известны в Америке как выдающиеся лингвисты и этнологи.

В журнале «Вопросы истории» за 1962 в № 7 опубликована статья «Основные течения в современной буржуазной этнографии США» уже известного нам советского этнографа Ю. П. Аверкиевой. Это единственная публикация по исследуемой нами теме в журнале «Вопросы истории» за советский период. В ней Ю. П. Аверкиева, проводя историографический обзор «развития буржуазной этнографической мысли в США», характеризует американскую историческую школу, как развивающую «реакционные тенденции». Реакционизм американской исторической школы увязывается автором статьи с нападками представителей этой школы на эволюционное учение Л. Моргана. По её мнению, эта буржуазная реакционная школа «послеморгановского этапа» привела американскую этнографию к «антиисторическому скепсису, отрицанию общих закономерностей общественного развития, агностицизму и релятивизму» [2, с. 101]. Любопытно, что в этой публикации Аверкиева не называет основоположника (Ф. Боаса) «исторической» школы, однако упоминает А. Крёбера, Р. Лоуи, Э. Сэпира как создателей основных принципов этой школы. В данной статье автор отводит очень скромное место американской исторической школе в этнографии США, утверждая, что она «не составила принципиально нового научного направления в буржуазной этнографии». Для лучшего понимания оценочной характе-

ристики американской исторической школы Аверкиевой мы полностью приводим её слова из статьи: «На формирование взглядов основоположников этого течения оказали влияние и “культурно-историческая” и “функциональная” школы. Вместо гребнеровских “культурных кругов” в основу классификации племён и народов американские этнографы положили понятие культурно-географической области, назвав её “культурным ареалом”» [2, с. 101]. С позиции диффузионизма они пытались опровергнуть идеи единства и закономерности исторического процесса. Итак, мы видим, что в рассматриваемой статье Ю. П. Аверкиева, оценивая роль американской исторической школы в становлении культурной антропологии в Америке, вернулась к критическим выводам 1930-х годов. В этот раз она относит «историческую» школу к разновидности западноевропейского диффузионизма, лишив её тем самым самостоятельности и оригинальности.

Последнюю публикацию, где вскользь упоминается Ф. Боас, мы находим в журнале «Вопросы философии» за 1969 в № 9. Автором статьи «О современной культурной антропологии» был Д. М. Сегал. Будучи лингвистом, он в силу профессиональных интересов рассуждает о различном понимании роли языка в культуре между представителями направлений культурной и социальной антропологии. Ф. Боас и его последователи (А. Гольденвейзер, Р. Лоуи, А. Крёбер и др.) правомерно считаются автором статьи основоположниками культурной антропологии, которая «в концептуальном плане может быть противопоставлена социальной антропологии». Будучи лингвистом, Франц Боас, как подчёркивает Д. М. Сегал, являлся «пионером в американской дескриптивной лингвистике» и принадлежал «к так называемому “сущностному” направлению». В своей статье автор подмечает специфику, порождаемую исследовательским интересом представителей культурной и социальной антропологии к методике изучения языков различных культур. Для культурной антропологии «культура – явление того же плана, что и язык», поэтому представители данного направления интересуются «истинной структурой сознания». Исследователи социально-антропологического направления нацелены «на установление истинных функций социального акта» [13, с. 171].

На советский период приходится издание нескольких солидных работ, в которых детально представлена американская историческая школа и взгляды её основоположника. Одна из этих книг «История зарубежной этнографии» (учебное пособие), изданная в 1978 году, принадлежит С. А. Токареву. Объёмная 10-я глава в этой работе называется «Школа Франца Боаса в Америке». Эту главу условно можно разделить на две части: первая посвящена Ф. Боасу, а вторая часть – его ученикам (К. Уисслеру, А. Крёберу, А. Гольденвейзеру, Р. Лоуи, П. Радину). С. А. Токарев, включив краткий биографический очерк Ф. Боаса, преимущественно уделяет внимание его основным идеям и методическим положениям о культуре, опираясь на статьи и монографии американского антрополога. Со страниц учебного пособия Франц Боас предстаёт перед нами как этнограф, лингвист, антрополог, археолог, а также активный общественный деятель, который «без колебаний вмешивался в идейную борьбу, кипевшую в его время, и неизменно становился на сторону борцов за справедливость, за равноправие народов, против расизма, шовинизма и колониализма» [15, с. 254]. Насущным общественно-политическим вопросам Ф. Боас посвятил две монографии: «Ум первобытного человека» и «Антропология и современная жизнь», – содержание которых подробно рассматривается С. А. Токаревым. Не остаются без внимания и релятивистские идеи американского учёного, которые, по мнению автора учебного пособия, впоследствии лягут «в основу целого направления в американской этнографической науке». Оценивая вклад Ф. Боаса в американскую и мировую этнографическую науку, С. А. Токарев обращает внимание, что «свежие, новаторские идеи Франца Боаса, его обширная эрудиция в этнографии и смежных науках, строгость его научного метода, неподкупная честность в научных выводах – всё это делает вполне понятным, что именно Боасу было суждено стать главой нового направления в американской этнографии» [15, с. 259]. Речь идёт о возникновении «американской школы исторической этнологии», которую чаще всего именуют «школой Боаса». Благодаря «выдающемуся педагогическому таланту» американскому антропологу удалось привлечь к научным исследованиям множество учеников и последователей.

Ученики Ф. Боаса в дальнейшем будут развивать его идеи в разных направлениях. На достижениях некоторых представителей американской исторической школы С. А. Токарев остановился более подробно. Например, старейший из последователей Боаса, Кларк Уисслер, всесторонне разрабатывал теорию «культурных ареалов». Альфред Луис Крёбер, «самый последовательный из учеников Боаса», придерживался тезиса своего учителя, что «главный предмет антропологии – это человеческая культура». Однако в дальнейшем «серьёзный теоретический интерес Крёбера к культуре побудил его выйти за пределы чисто этнографической тематики», поскольку один из своих трудов он посвятил истории мировой культуры, где этнографический материал совсем отсутствует [15, с. 260–262]. Александр Гольденвейзер и Роберт Лоуи отличались «крайним скептицизмом в отношении различных широких историко-этнографических концепций». С. А. Токарев указывает, что «важнейшими признаками американской школы Гольденвейзер считал: критичность, историчность и психологичность». Пол Радин ввёл в научный оборот «важную категорию этнографических источников – “автобиографии”, то есть текстуальные записи рассказов индейцев о событиях их личной жизни» [15, с. 265–267]. Подводя итог, следует отметить, что С. А. Токареву удалось представить наработки американской исторической школы и оценить вклад её основоположника вполне объективно и без предубеждений, не прибегая к сравнениям с господствующей марксистско-ленинской идеологией в советской науке.

Вторая книга «История теоретической мысли в американской этнографии» (монография), изданная в 1979 году, принадлежит Ю. П. Аверкиевой. Эта монография, плод многолетнего труда Ю. П. Аверкиевой, посвящена анализу историко-философских концепций этнографической науки в США с середины XIX века до 70-х годов XX века. Самый большой раздел в этой книге посвящён американской исторической школе, преобладание которой в американской этнографии автор датирует 1910–1940 годами. Второй раздел монографии «Историческая школа в этнографии США (1910–1940 годы)» разделён на пять глав. Из них первая глава рассказывает об основателе американской исторической школы Ф. Боа-

се. Основатель «исторической школы», будучи родом из Германии, но впоследствии иммигрировав в США, по мнению автора, «сыграл роль моста» между европейской и американской этнографией. Примечательно, что Ю. П. Аверкиева описанию биографии Ф. Боаса в своей работе сопровождает историко-философскими взглядами конца XIX – начала XX века, оказавшими влияние на формирование и развитие его теоретической мысли. Среди этих историко-философских течений неопозитивизм, космография А. Гумбольдта, феноменология В. Дилтея, а также европейские этнографические течения конца XIX – начала XX века. На теоретических взглядах Боаса и его последователей сказалось, как отмечено в книге, открытие в конце XIX века множества неизвестных до тех пор культур. Именно поэтому американский антрополог считал, что теоретическим обобщениям должно предшествовать изучение фактов. Наибольшее значение он придавал исследованию культуры отдельных народов в её историческом развитии. «Школа Боаса», выступив с критикой эволюционизма, противопоставила ему релятивизм. В монографии показана систематическая борьба Боаса против расизма как в США, так и во всём мире. Автору книги, в главе посвящённой Ф. Боасу, удалось создать образ пытливого учёного, не удовлетворявшегося достигнутыми научными результатами, до последнего искавшего новые теоретические пути в понимании культуры [1, с. 70–100].

Во второй главе автор монографии остановился на теоретических принципах американской исторической школы, разработанных многочисленными учениками Ф. Боаса. По мнению Ю. П. Аверкиевой, «ошибочно называть историческую школу в этнографии США “школой Боаса”, потому что основные её методологические концепции были развиты учениками Боаса – А. Крёбером, М. Херсковичем, Р. Лоуи и Дж. Мордоком, Э. Сэпиром, Р. Бенедикт, М. Миид и многими другими» [1, с. 105]. Автобиографический метод показа «жизни» изучаемой культуры ввёл в американскую этнографию П. Радин. Концепция «культурного ареала» была разработана К. Уисслером и А. Крёбером, причём в разработке этой концепции особое значение уделялось диффузии элементов культуры. Ю. П. Аверкиева указывает, что новые археологические и этнографические изы-

скания постепенно подрывали теорию «культурных ареалов», которую стали критиковать сами сторонники американской исторической школы, и теперь она в значительной степени дискредитирована [1, с. 105–117].

Культурный релятивизм, составивший теоретическую основу американской исторической школы, трактуется Ю. П. Аверкиевой в третьей главе. Многие ученики Боаса развивали идеи культурного релятивизма по-своему, но ярким представителем этого направления являлся М. Херсковиц, взгляды которого подробно разбираются в этой главе. Автор отмечает, что культурный релятивизм, отстаивая уникальность и самоценность культуры каждого народа, был направлен против традиционного европоцентризма и расизма. Однако он же использовался для обоснования шовинистических течений в развивающихся странах [1, с. 119–144].

В четвёртой главе автор монографии рассматривает этнопсихологическое направление, известное в США как школа исследований культуры и личности. По мнению Ю. П. Аверкиевой, именно в этой школе проявилась «откровенно реакционная сущность культурного релятивизма». Этнопсихологическое направление развивалось под сильным воздействием фрейдизма, а позже неопрейдизма и было особенно влиятельным в 1940–1960 годах. Автор книги подмечает, что «все основатели и теоретики школы исследований культуры и личности – Э. Сэпир, Г. Бенедикт, М. Миид, Р. Линтон и др. – были учениками Ф. Боаса», однако он сам неоднократно критиковал метод психоанализа Фрейда и постоянно подчёркивал, что «этнограф интересуется, прежде всего, социальная группа, а не индивид, что социальные условия определяют поведение в данной социальной группе» [1, с. 163–164]. Особое внимание в своей работе Ю. П. Аверкиева уделяет разбору теории ценностей и отмечает аморфный характер этой теории в американской этнографии [1, с. 157–161].

Последняя глава этого раздела посвящена крупному учёному-этнографу А. Крёберу, изучавшему не только североамериканских индейцев, но и древние цивилизации Старого Света. По мнению автора монографии, последовательный ученик Ф. Боаса был крупным теоретиком исторической школы, но в дальнейшем, испытав

влияние теории циклизма, занимался проблемами единства всемирной истории. В его творчестве Ю. П. Аверкиева видит переход к новому этапу развития американской этнографии – неозволюционизму, о котором идёт речь в следующем разделе книги [1, с. 170–194]. В итоге следует отметить, что монография Ю. П. Аверкиевой и на сегодняшний момент является самой глубокой и основательной работой как в области всей теоретической мысли американской этнографии, так и «школы Боаса» в частности. Однако автор книги достаточно сурово критикует Ф. Боаса и его учеников и преимущественно предвзято, поскольку взгляды американских антропологов оцениваются с марксистско-ленинских позиций.

Подводя итог о состоянии и уровне изученности культурной концепции Франца Боаса и его школы в отечественной литературе, следует отметить, что в советский период эта тема рассматривалась такими гуманитарными науками, как история, философия, но преимущественно пользовалась вниманием этнографической науки. Из двенадцати рассмотренных публикаций об американской исторической школе и взглядах Ф. Боаса восемь приходятся на журнал «Советская этнография». Среди статей этого журнала по исследуемой теме большинство укладываются во время с 1928 по 1935 год. Именно на этот период приходится перевод и введение в научный оборот нескольких статей Ф. Боаса, а в 1926 году на русском языке вышла одна из его монографий «Ум первобытного человека» [7]. Из советских этнографов значительное внимание «школе Боаса» уделяла Ю. П. Аверкиева. Она неоднократно обращалась к истории становления американской этнографии не только на страницах периодических изданий, но также посвятила этому вопросу серьёзную монографическую работу. Большинство рассмотренных работ в данной статье за советский период об американской исторической школе и взглядах Ф. Боаса содержат идеологический отпечаток, что вполне соответствует «духу времени». За исключением, на наш взгляд, нескольких публикаций (Д. М. Сегал «Вопросы философии» за 1969, № 9; Л. П. Кузьмина «Советская этнография» за 1989, № 6; Ю. П. Аверкиева «Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая» за 1946, вып. 1) и книги С. А. Токарева.

Литература

1. Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. – М.: Наука, 1979. – 288 с.
2. Аверкиева Ю. П. Основные течения в современной буржуазной этнографии США // Вопр. истории. – 1962. – № 7. – С. 98–110.
3. Аверкиева Ю. П. Франц Боас (1858–1942) // КСИЭ. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – Вып. I. – С. 101–111.
4. Аверкиева Ю. Современная американская этнография // Советская этнография. – 1932. – № 2. – С. 97–102.
5. Боас Ф. Задачи антропологического исследования // Советская этнография. – 1933. – № 3–4. – С. 176–189.
6. Боас Ф. Колдовство у индейцев квакиутль // Советская этнография. – 1935. – № 4–5. – С. 32–39.
7. Боас Ф. Ум первобытного человека. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. – 153 с.
8. Богина Ш. А., Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии // Советская этнография. – 1980. – № 5. – С. 160–162.
9. Богораз-Тан В. Г. Замечания к статье Франца Боаса // Советская этнография. – 1933. – № 3–4. – С. 189–193.
10. Кагаров Е. Г. Идеалистические и механические течения в современной буржуазной этнографии // Советская этнография. – 1932. – № 4. – С. 90–107.
11. Кан С. «Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса»: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Антропологический форум. – 2007. – № 7. – С. 191–230.
12. Кузьмина Л. П. Из истории русско-американского сотрудничества (Джесуповская Северо-Тихоокеанская экспедиция 1900–1902 годов) // Советская этнография. – 1989. – № 6. – С. 90–99.
13. Сегал Д. М. О современной культурной антропологии // Вопр. философии. – 1969. – № 9. – С. 171–179.
14. Соловей Т. Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. – М., 1998. – 258 с.
15. Токарев С. А. История зарубежной этнографии: учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1978. – 352 с.
16. Токарев С. А. Рецензии (Франц Боас. Ум первобытного человека) // Этнография. – 1928. – № 1. – С. 132–133.
17. Уайт Л. Эволюция культуры и американская школа исторической этнологии // Советская этнография. – 1932. – № 3. – С. 54–86.

References

1. Averkieva Yu.P. Istoriya teoreticheskoy mysli v amerikanskoj etnografii [History of theoretical thought in American ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.).
2. Averkieva Yu.P. Osnovnye techeniya v sovremennoj burzhuaznoj etnografii SSHA [Main currents in contemporary bourgeois ethnography USA]. *Voprosy istorii [Questions of history]*, 1962, no 7, pp. 98–110. (In Russ.).
3. Averkieva Yu.P. Frants Boas (1858–1942) [Franz Boas (1858–1942)]. *KSIE [Brief communications. In-t Ethnography name N.N. Miklukho-Maclay]*. Moscow, 1946, iss. I, pp. 101–111. (In Russ.).
4. Averkieva Yu. Sovremennaya amerikanskaya etnografiya [Contemporary American ethnography]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 1932, no 2, pp. 97–102. (In Russ.).
5. Boas F. Zadachi antropologicheskogo issledovaniya [Problems of Anthropological Research]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 1933, no 3–4, pp. 176–189. (In Russ.).
6. Boas F. Koldovstvo u indeytsev kvakiutl' [Witchcraft Kwakiutl Indians]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 1935, no 4–5, pp. 32–39. (In Russ.).
7. Boas F. Um pervobytnogo cheloveka [The mind of primitive man]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe Publ., 1926. 153 p. (In Russ.).
8. Bogina Sh.A., Averkieva Yu.P. Istoriya teoreticheskoy mysli v amerikanskoj etnografii [The history of theoretical thought in American ethnography]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 1980, no 5, pp. 160–162. (In Russ.).
9. Bogoras-Tan V.G. Zamechaniya k stat'e Frantsa Boasa [Comments on the article of Franz Boas]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 1933, no 3–4, pp. 189–193. (In Russ.).
10. Kagarov E.G. Idealisticheskie i mechanicheskie techeniya v sovremennoj burzhuaznoj etnografii [Idealistic and mechanical currents in contemporary bourgeois ethnography]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 1932, no 4, pp. 90–107. (In Russ.).
11. Kan S. "Moy drug v tupike empirizma i skepsisa": Vladimir Bogoras, Frants Boas i politicheskiy kontekst sovetskoy etnologii v kontse 1920-ch – nachale 1930-ch ["My friend deadlocked empiricism and skepticism": Vladimir Bogoras, Franz Boas and political context of Soviet ethnology in the late 1920-s – early 1930-s.]. *Antropologicheskij forum [Anthropological Forum]*, 2007, no 7, pp. 191–230. (In Russ.).
12. Kuz'mina L.P. Iz istorii russko-amerikanskogo sotrudnichestva (Dzhesupovskaya Severo-Tihookeanskaya ekspeditsiya 1900–1902 godov) [From the history of Russian-American cooperation (Dzhesupovskaya North Pacific Expedition 1900–1902 years)]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 1989, no 6, pp. 90–99. (In Russ.).

13. Segal D.M. O sovremennoy kulturnoy antropologii [About modern cultural anthropology]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 1969, no 9, pp. 171–179. (In Russ.).
14. Solovey T.D. Ot “burzhuaznoy” etnologii k “sovetskoy” etnografii. Istoriya otechestvennoy etnologii pervoy treti XX veka [From the “bourgeois” Ethnology to the “Soviet” ethnography. History of World Ethnology of the first third of the XX century]. Moscow, 1998. 258 p. (In Russ.).
15. Tokarev S.A. Istoriya zarubezhnoy etnografii [History of foreign ethnography: study guide]. Moscow, Vysshaya skola Publ., 1978. 352 p. (In Russ.).
16. Tokarev S.A. Retsenzii (Frants Boas. Um pervobytnogo cheloveka) [Reviews (Franz Boas. Mind of primitive man)]. *Etnografiya* [Ethnography], 1928, no 1, pp. 132–133. (In Russ.).
17. Uayt L. Evolyutsiya kultury i amerikanskaya shkola istoricheskoy etnologii [The evolution of culture and the American school of historical ethnology]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1932, no 3, pp. 54–86. (In Russ.).

УДК 008

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: legle@mail.ru

В статье рассматриваются основные методологические подходы к исследованию понятия «традиционная культура». Традиция, традиционная культура определяются как механизм сохранения, воспроизводства и передачи, а также обновления социально значимого опыта, многовековая апробация основных регуляторов деятельности, сакрализация предания прошлого, жесткое ограничение и регламентация новаций.

Ключевые слова: традиционная культура, трансляция, повествование, традиции, инновации, динамика культуры, фольклор.

TRADITIONAL CULTURE: THE MAIN RESEARCH APPROACHES

Egle Ludmila Yurievna, Candidate of Culturology, Docent, Docent of Chair of Theory and History of Folk Art Culture, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: legle@mail.ru

The current situation revives interest in humanistic features of traditional culture, which historically retains the enduring values that function as the value orientation of the ethnic group, defining its spiritual uniqueness ensuring the consolidation of society, helps to restore cultural continuity. The notion of “tradition” is one of the few around which there is a fairly stable, but opposite in content and presentation of the initial settings. They are based on a certain value approach. The notion of “traditional culture” is interpreted differently by modern researchers. There is an equal use of terms such as “traditional,” “folk,” “People,” “archaic,” “peasant,” “home” culture. In humanities, the concept of “tradition” is interpreted broadly, as a fundamental universal characteristic, which applies to a very broad range of time and space. Other, more narrow understanding of the tradition as a constant, which is reproduced in certain groups, such as in ethnic communities. A feature of the philosophical approach is that, apart from the specific designs and works of traditional culture, the main focus is on the procedural aspects of this phenomenon, the fact that there is a tradition. Traditionally, the sociological approach is defined as a mechanism for the reproduction of social institutions and norms under which the

maintenance of the latter is justified, legitimized by the fact of their existence in the past. This tradition is not only a mechanism of reproduction, transmission of socially meaningful experience, but a mechanism of its renovation and reconstruction. The ethnographic approach connects the existence of traditional culture with the past eras. With an interdisciplinary approach to the study of cultural traditions, they are regarded as the expression of socially organized group stereotypes experience that by the space-time transmission is accumulated and reproduced in different human groups. The conclusion identifies the underlying meanings of the category of "tradition." Firstly, it is procedural in nature, secondly, the substantial aspect of it, thirdly, the "technique" of its functioning. The tradition is present in all social and cultural systems and to a certain extent is a necessary condition of their existence. The tradition and culture, emerging on its basis, are the most stable, established to show their unconditional value parameters of ethnic existence. The tradition, traditional culture can be seen as mechanisms for preservation, reproduction and transmission, as well as an update to socially meaningful experience.

Keywords: traditional culture, broadcast, narrative, tradition, innovation, dynamics of culture, folklore.

Современная ситуация возрождает интерес к гуманистическим возможностям традиционной культуры. Это вызвано кризисными явлениями в обществе и в культуре, которые утрачивают свой мировоззренческий стержень, смыслоорганизующие ценности и идеалы. Традиционная культура исторически сохраняет непреходящие ценности (идеи и смыслы), выполняющие функции ценностной ориентации этноса, определяющие его духовную уникальность, обеспечивающие консолидацию общества, помогающие восстановлению культурной преемственности и национально-культурной идентификации – необходимой составляющей мировоззренческого потенциала.

Понятие «традиция» является одним из многих, вокруг которого сложились достаточно устойчивые, но противоположные по содержанию и исходным установкам представления. В их основе лежат определенные ценностные подходы. Условно можно обозначить два полюса, вокруг которых концентрируются эти представления. На одном из них традиция представлена как нечто архаичное, косное, устаревшее, консервативное, мешающее современному развитию культуры, на другом традиция выступает как социальный идеал, фундаментальная ценность, требующая серьёзных усилий для её восстановления и поддержания, как неотъемлемая основа динамики культуры. Само понятие «традиционная культура» трактуется современными исследователями по-разному. Наблюдается на равных употребление таких терминов, как «традиционная», «фольклорная», «народная», «архаическая», «крестьянская», «бытовая» культура.

В гуманитарных исследованиях понятие «традиция» может трактоваться широко: как некая фундаментальная универсальная характеристика, действие которой распространяется в очень широких временных и пространственных пределах. Такая культурная традиция может охватывать целую историческую эпоху, цивилизацию, регион и определять собой конкретный тип культуры (например, средневековая культура, культура Ренессанса). В этом случае культурная традиция и тип культуры понимаются как тождественные понятия, и отправными точками для их зарождения, трансформации становятся мощные исторические импульсы [10, с. 50].

Существует другое, более узкое понимание традиции как некоторой константы, которая воспроизводится в определенных группах, например, в этнических общностях. При таком понимании традиции она оказывается тождественной традиционной этнической культуре в целом или её отдельным пластам (фольклор, народное искусство). При этом в традицию включаются все традиционные элементы культуры определенного периода, вся совокупность культурных текстов (их содержательная, смысловая, символическая стороны, а также способы их функционирования и освоения). При этом всё то, что имеет отношение к традиции, оценивается как лучшее, подлинное, исконное.

Особенностью философского подхода к определению традиции является то, что, отвлекаясь от конкретных образцов и произведений традиционной культуры, главное внимание обращается на процессуальный аспект этого явления, на то,

что есть традиция. С точки зрения философии, традиция предстает как явление социальной коммуникации, то есть определенная форма общения людей. Благодаря традициям культурный опыт может передаваться от одного поколения другим поколениям и от одного народа другим народам [7, с. 253]. Размышляя о традиции, философ, в первую очередь, задает вопрос: что и как транслируется в процессе культурной коммуникации? При таком подходе оказывается, что содержанием традиции может стать любой функциональный элемент культуры: знания, нормы морали, ценности, приемы художественного творчества, политические идеи. Традиция выступает как очень широкое (родовое) понятие, а обычаи, обряд, ритуал – как более частные, видовые по отношению к нему.

По мнению современных философов, способ трансляции культурного наследия в меньшей степени зависит от содержания традиций и в большей – от особенностей коммуникативных технологий, которые имеются в распоряжении общества на тот или иной исторический промежуток времени. Например, М. Маклюэн выделял три основных этапа в развитии коммуникаций: вербальный, письменный или печатный и электронный. Однако необходимо разграничить традиции, передаваемые устно или путем непосредственного наблюдения, и культурную преемственность, обеспечиваемую письменностью. Если письменная информация может существовать определённое время независимо от человеческого сознания, то устно-зрительные традиции непременно предполагают постоянное их сохранение в живой памяти людей. Поэтому письменная информация может вообще не отражать черты культуры, характерные в данный момент для соответствующего этноса. Традиции же в собственном значении этого слова, то есть устно-зрительные, всегда в той или иной мере представляют собой живую деятельность. По мнению С. А. Арутюнова, от традиций следует отделять ту часть культуры, которая «экстериоризирована в хранилищах информации типа книг, картин, перфокарт» [1, с. 97]. Неслучайно во всех дефинициях термина «традиция» неизменно подчёркивается, что имеется в виду передача обычаев, преданий, норм поведения, взглядов, представлений, вкусов, идей, убеждений и т. п. «распредме-

ченных» компонентов общественного сознания. Именно поэтому для обозначения переданных из поколения в поколение результатов труда (как материальных, так и духовных) термин «традиция» не применяется, что, однако, не исключает воплощения в этих результатах тех или иных традиций [2, с. 131]. К традициям можно отнести и научную или философскую школу, и архитектурный стиль, и официальную государственную церемонию. Традицию как способ социально-культурной коммуникации отличают такие принципиальные особенности, как селективность в отношении культурного материала, устойчивость и повторяемость, действенность (нацеленность на реальные поступки и практические потребности жизни), многозначность, авторитарность.

Таким образом, особенностью философского подхода является то, что, разделяя содержание и форму трансляции традиционной культуры, он позволяет подводить под это понятие очень широкий круг явлений.

При социологическом подходе традиция определяется как «механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом» [7, с. 253]. При этом на задний план отодвинуто содержание традиции: «...термин “традиция” нередко распространяют на сами социальные установления и нормы, которые воспроизводятся подобным способом» [7, с. 253]. При этом следует иметь в виду, что традиция представляет собой не только механизм воспроизводства, передачи социально значимого опыта, но и механизм его обновления и воссоздания.

Любая традиция – это бывшая инновация, и любая инновация – в потенции будущая традиция. Ни одна традиционная черта не присуща любому обществу изначально, она имеет своё начало, откуда-то появилась, следовательно, некогда была инновацией. И то, что мы видим ныне как инновацию, либо не приживётся в культуре, отомрёт и забудется, либо приживётся, со временем перестанет смотреться как инновация, а значит, станет традицией [1, с. 160]. Таким образом, традиции могут существовать без инноваций, но не наоборот. Традиция абсолютно необходима для самого поддержания существования общества, иннова-

ция необходима для его развития. Как отмечает Э. С. Маркарян, именно в способности усваивать инновации и заключается живучесть, адаптивная лабильность традиции. Однако следует различать инновации эволюционные, вводящиеся постепенно и незаметно, и революционные (путем изобретения или заимствования), которые способны привести к разрыву со старой традицией и к основанию новой [9, с. 80].

Один из исследователей фольклорной традиции К. В. Чистов утверждал: «Новация может существовать только как инновация, то есть когда она уже втянута в традицию, адаптирована ею, функционирует в её составе» [12, с. 8]. Способная к модификациям, традиция обеспечивает общности стабильность. В этом состоит её парадокс, который К. В. Чистов описывал через понятие «диапазон вариативности» (сочетание в стереотипах тенденций к жесткости и пластичности).

Процесс возникновения новых традиций нельзя фатально привязывать к гибели старых традиций, поскольку между новыми и старыми традициями могут существовать органические связи, в результате чего некоторые традиции, возникнув в далёком прошлом, вообще долго не исчезают, а в соответствии с новым общественным бытием обогащаются и развиваются как по содержанию, так и по форме. Механизм действия традиции обладает способностью возрождать и одновременно трансформировать забытые культурные стереотипы и формы [4]. Когда возникает социально-культурная потребность в чём-то новом, свежем, нередко оказывается, что это найденное «новое» – результат обновления уже готового, сложившегося и отработанного в прошлом стереотипа.

История развития культуры и культурных традиций показывает, что в культуре каждого народа можно найти элементы культурных традиций другого народа, других регионов. Преемственность не ограничивается «вертикальными связями» (например, от древности к современности исторической). Следует учитывать и «горизонтальный аспект», понимаемый как взаимная передача культурных традиций между народами, нациями. Он обеспечивает пространственную преемственность, а это – взаимообогащение культур, их взаимовлияние, аккультурация.

В этнографии термин «традиционная» обычно рассматривается как синоним слов «народная», «фольклорная» (К. В. Чистов, П. Г. Богатырёв, Н. Н. Мамонтова). Большинство фольклористов и этнографов полагают, что традиционная культура должна пониматься, прежде всего, как особая семиотическая система, возникшая в дописьменную эпоху. Некоторые авторы, например, Е. В. Аничков, В. Я. Пропп, выдвигали на первый план аграрное общество как носителя традиционной культуры. А. С. Каргин и Н. А. Хренов также связывают традиционную культуру именно с земледельческой цивилизацией. Хотя уже в индустриальной цивилизации «сформированные земледельческой цивилизацией ценности, – пишут исследователи, – уходили на периферию культурного сознания. Эти ценности являются основой традиционной культуры» [6, с. 7]. По их мнению, в индустриальном обществе элементы «традиционной культуры» являются своеобразным фундаментом, на котором создаётся некая «другая» культура: элитарная, массовая или другая субкультура. Традиционной может считаться только такая культура, в которой преобладают архаические элементы земледельческой цивилизации (крестьянской и, как правило, христианской). Таким образом, этнографический подход связывает существование традиционной культуры с прошедшими эпохами. При этом существует мнение, что в наши дни изменение образа жизни, а также субъекта-носителя исторической народной культуры привело к разрушению её традиций. Однако, по мнению многих ученых, в том числе и К. В. Чистова, «переход от доиндустриального общества к индустриальному и урбанизированному сопровождался не ликвидацией традиции как таковой или (что в этом случае одно и то же) культуры как таковой, а сменой одной системы традиций другой, одного типа культуры другим. Таким образом, противопоставление доиндустриального общества как “традиционного” индустриальному как “нетрадиционному” не имеет теоретического основания и сохраняется по инерции или (что чаще) весьма условно» [14, с. 167]. «...Надо окончательно расстаться с представлением о том, что традиция – это обязательно нечто консервативное, косное, подлежащее преодолению. Это обыденное, бытовое, а не научное представление. В каждом состоянии культуры и в

каждой традиции есть разновременные по своему происхождению элементы, и далеко не всегда самые старые из них обладают наименьшей актуальностью» [12, с. 110].

В отечественной науке Э. С. Маркаряном предложен междисциплинарный подход к исследованию культурных традиций, и его определение было поддержано научным сообществом. Традиция рассматривается как выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах. Но подчеркнвалось, что этот опыт может называться традиционным, если он становится доменом общественного сознания [9, с. 83]. В дальнейшем данный подход был обогащен аксиологическим пониманием традиции, и она была осмыслена не только в своей коммуникативной, но и в креативной функции.

Аксиологический подход к культуре и, в частности, к культурной традиции настраивает на субъективное, деятельное, активное отношение к каждому наблюдаемому предмету культуры. Это отношение должно быть дифференцированным, основанным на всестороннем, конкретно-историческом исследовании предмета. Аксиологический подход требует тщательного исследования того, как действует механизм формирования и передачи традиции. В этой связи представляется перспективным предложенное И. Б. Зыковым и К. В. Чистовым использование понятия «социальная память» при изучении культурной традиции.

В отношении понятий «традиция» и «культура» К. В. Чистов пишет, что «эти термины в определённом теоретическом контексте синонимичны или, может быть, точнее – почти синонимичны. Термин “культура” обозначает сам феномен, а “традиция” – механизм его функционирования. Нет общества без культуры, то есть, по Э. С. Маркаряну, – адаптивно-адаптирующего механизма, обеспечивающего функционирование общества. Подобный механизм не может сформироваться без “негенетической памяти коллектива” (Ю. М. Лотман), то есть без традиции, которая в значительной мере представляет собой систему социально-значимых стереотипов. Соответственно, традиция – это сеть (система) связей на-

стоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определённый отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем воспроизводятся» [13, с. 106]. В этом смысле культура представляет собой адаптивную систему, состоящую из разнопорядковых культурных элементов, как стабильных, так и изменчивых в зависимости от внешнего природного и культурно-политического окружения, и включает в себя традицию, представляющую собой средоточие культурных парадигм, которые неизменны по своей сути, а допускают только внешние, хотя порой и очень значительные изменения.

Особенности культуры любого социально-территориального образования, подчеркивает Э. С. Маркарян, представляют собой сочетание «общих» традиций, которые «поддерживают стабильность человеческого коллективов безотносительно к их локальной специфике», и «локальных», фиксирующих «специфический жизненный опыт человеческих объединений и отражающих индивидуальные черты их исторических судеб и особых условий существования» [8, с. 17]. Степень «общности» и «локальности» традиций может быть различной. Но именно их сочетание и определяет существование различных региональных культур и бесконечное культурное разнообразие человечества. «Поддержание локальной специфики культуры, выраженной в традициях, столь же важно для развития исторических общностей, как и поддержание соответствующих программ для единиц биологической эволюции» [8, с. 83].

В народной художественной культуре традиционность проявляется как непосредственная передача от поколения к поколению, от социума к социуму навыков, форм, приёмов, техники творчества и самих произведений, форм их бытования и восприятия. Вместе с тем эта традиционность не стереотипна, не шаблонизирована, а канонична и продуктивна, способна к саморазвитию, то есть на её основе и в её пределах появляются все новые и новые варианты на разных уровнях – от варьирования отдельных элементарных структурных единиц формы и стиля до целых произведений и их смысловых значений; эти изменения происходят в большей или меньшей степени в зависимости от объективных (социально-исторических) условий деятельности и субъективных (мировоззрение, психология, степень личной одарённости,

характер творческого состояния одного и того же исполнителя и т. п.) причин [3, с. 10]. Определяя формы народной культуры, К. В. Чистов выделяет «первичные» (то есть собственно традиционные, связанные с прямым продолжением, развитием и модификацией архаической традиции) и «вторичные» (то есть находящиеся в более сложных отношениях с традицией или вовсе с ней не связанных, но в чём-то сходных с первичными [12, с. 45]).

Интегрируется, закрепляется и аккумулируется традиция в фольклорной форме, вырабатываемой этносом или его локальной группой. Мы имеем в виду этническое самосознание, этнические установки, легенды о происхождении народа и его контактах с другими народами, историческую память, передачу мифологической традиции и реализацию мифов и верований, осмысление обрядов и традиций материальной культуры, интеграцию стереотипов соционормативной культуры и т. д. Фольклор – «это специфический “язык” традиционной культуры, отличающийся от других “языков”: орнамента, мелоса, знаковой и символической информации, передающейся вещами – предметами материальной культуры и т. п.» [12, с. 9]. Тексты, пришедшие из прошлого, – это один из наиболее очевидных, осязаемых типов фольклорной традиции. Соседствующий с ним тип составляют традиционные слагаемые текстов: образы, формулы, символы и т. д. Традиционна вся система правил, по которым создаются и живут тексты и их составляющие, к традиции относятся грамматика жанров, поэтический язык, глубинная семантика, заключённая в подтексте, устойчивые функциональные связи, законы, регулирующие исполнение. Существенным является то, что в сферу традиции входит не только сама фольклорная «материя» и законы её существования, но и знание её, умение разложить её на части и сложить вновь в том же или в варьированном виде, владение грамматикой, а помимо этого – искусство исполнения всякий раз обусловленного спецификой текста, его песенной, нарративной или другой природой, наличием специфических тонкостей исполнительства для каждого вида и т. д. И традиционность самой поэзии, и традиционность знаний её по-настоящему сохраняются при наличии фольклорного сознания, которое также насковзь традиционно. Следова-

тельно, категория традиции обнаруживает свою универсальность на всём пространстве фольклорной культуры «как совокупность накопленного опыта поколений, наследия, живущего в памяти и реализуемого в самых различных формах и на самых разных уровнях и являющегося одновременно основой функционирующей системы и источником создания новых систем» [11, с. 40].

В полемике с финской школой теории фольклора К. В. Чистов отрицал гипотезу о закономерной деградации традиционных народных произведений. Он видел становление фольклорной традиции не в постоянном движении в центростремительном направлении к некоему стержню, инварианту, древнему ядру, а в «вариациях на несуществующую тему», в «ступенчатом движении вперёд посредством вариационного сочетания старого с новым» [12, с. 175]. **Фольклор в концепции К. В. Чистова** предстает в качестве некоторой продуктивной иллюзии по поводу общенациональной традиции, иллюзии, способствующей этнокультурной консолидации.

Традиция предполагает живое обращение, функционирование в подходящих условиях. Свообразие её, однако, заключается в том, что она не просто существует, поддерживается в памяти, самовоспроизводится, повторяется без конца, но и движется, меняется, представляя собой почву, источник, арсенал всех новообразований в фольклоре. Новое возникает только в связи с традицией, в порядке преемственности, преодоления, отрицания традиции. Фольклорный процесс протекает только внутри традиции и во взаимоотношениях с нею. В ответ на возможные возражения, что культура вообще живет и движется взаимодействием творчества и традиции, скажем, что, «во-первых, традиционность в фольклоре всеохватывающая, всепроникающая, действует с исключительной последовательностью и не допускает «сторонних» процессов, а, во-вторых, все её проявления обусловлены внутренними закономерностями, вытекают из её состояния. Феномен фольклора в том, что любой отдельно взятый текст, какой-либо его элемент, любое правило фольклорной грамматики, как и любой жанр, проясняют свои значения лишь на фоне традиции: сами по себе они словно бы не существуют» [11, с. 41].

Присоединимся к словам И. Земцовского: «Традиционность касается в фольклоре всего без

исключения, начиная от особого склада мышления, от мировоззрения, не подверженного моде, от особой точки зрения на жизнь и историю... и кончая манерой звукоизвлечения» [5, с. 43].

Итак, вышеизложенное позволят нам выявить следующие основополагающие смыслы категории «традиция»: во-первых, это её процессуальный характер (от поколения к поколению, от прошлого к настоящему); во-вторых, её субстанциональный аспект (обычай, обряды, нормы, ритуалы, каноны); в-третьих, «техники» её функционирования (устная передача, образовательная система, средства массовой информации).

Традиция присутствует во всех социокультурных системах и в известной мере является необходимым условием их существования. Она всегда синкретична, передается от поколения к поколению в акте непосредственной коммуникации. Традиция и культура, формирующаяся на её основе, наиболее устойчивые, сложившиеся, проявившие свою безусловную ценность параметры (качество, свойства, характеристика) этнического существования. Традицию, традиционную культуру можно рассматривать как механизмы сохранения, воспроизводства и передачи, а также обновления социально значимого опыта.

Литература

1. Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция // Совет. этнография. – 1982. – № 2. – С. 58–99.
2. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М., 1983. – 410 с.
3. Гусев В. Е. Русская народная художественная культура (теоретические очерки). – СПб., 1993. – 110 с.
4. Егле Л. Ю. Генезис музыкального фольклора Сибири (на материале Кемеровской области): моногр. – Кемерово, 2012. – 135 с.
5. Земцовский И. И. Народная музыка и современность: (К проблеме определения фольклора) // Современность и фольклор. – М., 1977. – С. 43–50.
6. Каргин А. С., Хренов Н. А. Традиционная культура на рубеже XX–XXI веков // Традиционная культура. – 2000. – № 1. – С. 5–9.
7. Левада Ю. Традиция // Философская энцикл.: в 5 т. – М., 1970. – Т. 5. – С. 253.
8. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
9. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Совет. этнография. – 1981. – № 2. – С. 77–95.
10. Михайлова Н. Г. Народная культура в современных условиях. – М., 2002. – 278 с.
11. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура: моногр. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2003. – 464 с.
12. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. – Л., 1986. – 304 с.
13. Чистов К. В. Традиции, «традиционные общества» и проблемы варьирования // Совет. этнография, 1981. – № 2. – С. 106–112.
14. Чистов К. В. Фольклор в культурологическом аспекте // Гуманитарий: ежегодник. – СПб., 1995. – № 1. – С. 164–175.

References

1. Arutyunov S.A. Obychay, ritual, traditsiya [Custom, ritual, tradition]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*, 1982, no 2, pp. 58–99. (In Russ.).
2. Bromley Yu.V. Oчерki teorii etnosa [Essays on the theory of ethnos]. Moscow, 1983. 410 p. (In Russ.).
3. Gusev V.E. Russkaya narodnaya khudozhestvennaya kul'tura (teoreticheskie oчерki) [Russian folk art culture (theoretical essays)]. Sankt-Petersburg, 1993. 110 p. (In Russ.).
4. Egle L.Yu. Genezis muzykal'nogo fol'klora Sibiri (na materiale Kemerovskoy oblasti) [Genesis musical folklore Siberia (on the material of the Kemerovo region)]. Kemerovo, 2012. 135 p. (In Russ.).
5. Zemtsovskiy I.I. Narodnaya muzyka i sovremennost': (K probleme opredeleniya fol'klora) [German Music and Modernity: (On the problem of the definition of folklore)]. *Sovremennost' i fol'klor [Modern and folklore]*. Moscow, 1977, pp. 43–50. (In Russ.).
6. Kargin A.S., Hrenov N.A. Traditsionnaya kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov. [Traditional culture at the turn of the XX–XXI centuries]. *Traditsionnaya kul'tura [Traditional Culture]*, 2000, no 1, pp. 5–9. (In Russ.).
7. Levada Yu. Traditsiya [Tradition]. *Filosofskaya entsiklopediya [Philosophical Encyclopedia]*. Moscow, 1970, vol. 5. 253 p. (In Russ.).

8. Markaryan E.S. Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka: (logiko-metodologicheskii analiz). [Theory of Culture and Modern Science: (logical-methodological analysis)]. Moscow, Mysl'Publ., 1983. 284 p. (In Russ.).
9. Markaryan E.S. Uzlovye problemy teorii kul'turnoy traditsii [Key problems of the theory of cultural tradition]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*, 1981, no 2, pp. 77–95. (In Russ.).
10. Mikhaylova N.G. Narodnaya kul'tura v sovremennykh usloviyakh [Popular culture in modern conditions]. Moscow, 2002. 278 p. (In Russ.).
11. Putilov B.N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura [Folklore and popular culture]*. Sankt-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2003. 464 p. (In Russ.).
12. Chistov K.V. Narodnye traditsii i fol'klor: ocherki teorii [Folk traditions and folklore. Essays on the theory]. Leningrad, 1986. 304 p. (In Russ.).
13. Chistov K.V. Traditsii, "tradicionnye obshchestva" i problemy var'irovaniya [Traditions, "traditional society" and the problem of variation]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 1981, no 2, pp. 106–112. (In Russ.).
14. Chistov K.V. Fol'klor v kul'turologicheskom aspekte [Folklore in a cultural aspect]. *Gumanitariy: ezhegodnik [Yearbook]*. Sankt-Petersburg, 1995, no 1, pp. 164–175. (In Russ.).

УДК: 008:001.8 (13.09)

БОГАТСТВО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Цветкова Галина Александровна, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук, Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма (г. Москва, РФ). E-mail: galinatsvet@gmail.com

В статье обосновывается исследование феномена личного материального богатства как культурологической проблемы, необходимость исследования русской культуры с целью выявления семантики личного материального богатства, выявления культурных смыслов богатства в русской традиции. Актуальность связывается с переключением интереса в науке с парадигмеклассово-антагонистического измерения богатства на его интегративную функцию, изучение которой можно рассматривать также как социальный заказ обоснования модернизационных стратегий развития России. Автором выдвигается исследовательская задача обновления плоских, одномерных образов отношений сосуществования бедных и богатых как непримиримой вражды и идея возможности личного богатства как источника общественного изобилия и социального прогресса. Исходные позиции традиционного понимания богатства определяются, с одной стороны, представлениями о богатстве как первичном, сущностном понятии жизни человека, а, с другой стороны, традиционное оппозиционное определение богатства через сопоставление с бедностью, за которыми стоят не столько имущественные показатели, сколько характеристики в целом образа жизни и образа мышления. В контексте поставленной проблемы ставится ряд вопросов: об эволюции представлений о богатстве, сложившихся в русской культуре к XIX веку и претерпевших существенную доминантную трансформацию к XXI веку; о способах и формах репрезентации богатства в разные исторические эпохи при сохранении формального набора для всех эпох, такого как вещи, собственность (дом и его убранство), властные и социокультурные возможности и т. д.; рассмотрение неизменных черт и эталонов богатства, поведенческих кодов богача и др. Выявление культурных смыслов богатства в отечественной традиции делает объектом исследования самосознание людей, специфику самоидентификации и идентификации богатых, модели самовыражения. В качестве источниковой базы может стать, например, многовековой багаж народной мудрости, накопленной в пословицах и поговорках. Предлагаемый сдвиг в исследовательских практиках позволит увидеть поступательное движение человечества, в определенном смысле, как функцию богатства.

Ключевые слова: проблема богатства, русский богач, культурный смысл богатства.

WEALTH IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE: ON THE PROBLEM

Tsvetkova Galina Aleksandrovna, Candidate of Culturology, Docent, Professor of Chair of Humanities, Academy for Retraining in Arts, Culture and Tourism (Moscow, Russian Federation). E-mail: galinatsvet@gmail.com

The article explains the study of the phenomenon of personal material wealth as a cultural problem, the need for the study of Russian culture in order to identify the semantics of personal material wealth, revealing the wealth of cultural meanings in the Russian tradition. The relevance is associated with the change in the scientific paradigm of class-antagonistic dimensions of wealth to the integrative functions, which can be considered a social order for modernization of Russia's development strategies. The author puts forward a research task of updating of the flat, one-dimensional images of poor and rich coexistence as implacable hostility and personal wealth as a source of wealth and social progress. The original position of the traditional understanding the wealth are, on the one hand, the perception of wealth as a primary pillar of the concept of human life, and, on the other hand, the traditional opposite definition of wealth through poverty mapping, which involve not so much proprietary indicators, how many characteristics in general lifestyle and way of thinking. In the context of the issue, a number of questions raises: about the evolution of attitudes about wealth in the 19th century's Russian culture, that have undergone a significant transformation of the dominant for the twenty-first century; on the methods and forms of representation of wealth in different historical periods while maintaining the formal recruitment for all ages, such as effects, property (a house and its interior), power and sociocultural capabilities, etc.; the constant characteristics and standards of wealth, the rich man's codes of behaviour, etc. Identifying the cultural meanings of wealth in the patriotic tradition makes the object of research of consciousness of people a specific self-identification and identification of rich patterns of expression. As a source, the database can become, for example, a centuries-old folk wisdom, baggage accumulated in proverbs and sayings. The proposed shift in research practices will enable you to see the progression of mankind, in a sense, as a function of wealth.

Keywords: problem of wealth, Russian riches, cultural meaning of Russian wealth.

Отношение русских к богатству причисляется, как правило, к числу «загадок русской души», побуждает скорее к размышлению о непостижимых её свойствах, мало располагая к научному поиску формализованных характеристик феномена «русский богач». В таком обозрении проблемное поле личного богатства в русской культуре под общим названием «русский, но богатый», густо исхоженное фольклорно-художественными сюжетами, с утвердившимся образом фатальности русской бедности, духовной предрасположенности к ней, по причине то ли презрения к личному богатству, то ли неспособности быть богатыми, как бесперспективное остается, по существу, практически невозделанным. Между тем, тип русского богача воспроизводится в русской реальности с неизменным постоянством в семантике, ставшей узнаваемым «русским брендом». Так, известный перестроечный феномен «новый русский» содержал указание, прежде всего, на

особенности поведения богача, которое рассматривалось как функция особого отношения к богатству, то есть богач или богатство по-русски.

Цивилизационные процессы всемирной истории теоретическим утверждением культурного фактора главным источником социального развития неумолимо приблизили задачу постижения «роковых вопросов свойства русской натуры» научным инструментарием, затребовав обнаружения внутренних, ментальных резервов социально-экономического развития России, используя которые можно было бы запустить механизм социального благоденствия среди русских [4].

Проблема понимания личного богатства в русской культуре с преодолением доминирования формационного осмысления социально-экономического развития, классово-антагонистической парадигмы отношений, с одной стороны, и, с другой, реальные изменения материальных усло-

вий жизни людей благодаря научно-техническому прогрессу и социальным завоеваниям приобретает новый смысл. Обновления требуют плоские, одномерные образы отношений сосуществования бедных и богатых как непримиримой вражды и возможность личного богатства как источника общественного изобилия и социального прогресса. Идеологическая программа советского государства, искоренявшая понятия бедности и богатства как категорий частной жизни людей, внедряя понятие общественной собственности государства для измерения личного имущественного состояния, укрепляла схематизированные представления о культурных смыслах имущественных отношений в русском социуме. Социально-политические условия и стратегия частной жизни изменились в России, но не преодолены противоречивые стереотипы восприятия богатства, связанные с культурным парадоксом, когда личное богатство рассматривается как зло, но каждый лично и общество в целом неумолимо стремятся к нему, и осознанный добровольный отказ от него остается уделом немногих, святых.

Изучение культуры как смыслополагающей жизнедеятельности с неизменным постоянством упирается в вопрос о богатстве как результате и смысле этой самой жизнедеятельности. Побочным результатом осмысления богатства в парадигме отношений собственности и классового антагонизма стала констатация интегративной функции богатства, его роли стимулятора общественного прогресса [3]. В числе последствий богатства и благоденствия признаются смягчение нравов, создание более высокой морали и культуры, и уменьшение человеческих страданий, развитие знаний.

Тема богатства присутствует в культурной жизни человека, едва ли не сразу после темы смысла жизни. С глубокой древности считалось естественным стремление человека тянуться к удовольствию и избегать страдания, при этом всегда существовало понимание, что плотские наслаждения скоропреходящи. Человек добровольно выбирал свою меру в дилемме чреватой чрезмерности, и в зависимости от этого строил свою жизнедеятельность. В этом смысле категория богатства является мировоззренческой, занимает видное место в структуре целеполагания, поскольку наряду с трудом и собственностью «принадлежит к конститутивным элементам мо-

дели мира в любом обществе» [1]. Богатый человек, усвоив культурные смыслы богатства, будучи субъектом, обладателем богатства пользуется им не свободно, как он полагает, а в соответствии со сложившейся картиной мира, отвечая ожиданиям общества, становясь в определенном смысле заложником своего богатства. В этом смысле богатство обладает свойством воздействовать на человека, побуждая его вписываться в образ богача. Личное имущественное богатство создает особую форму восприятия человека богатого – богача.

Можно предполагать, что этот образ, исторически эволюционируя, имеет генетическую преемственность, сохраняя практически неизменными, не связанными с политическими и культурными переменами, с социальной стратификацией характерные черты поведения богача, смысловым кодом чего является богатство, позиция богача. В богатстве растворяется сама личность, богач воспринимается в зависимости от бытующих образов и представлений, типологически.

Бытование культурного восприятия богача объясняет размытое содержание конструкта «богатство», которое передается не строго формализовано, а через свойства, сопутствующие значения, в целом выражая скорее эмоционально-аффективное отношение к богатству, чем его существенные характеристики.

Представления о богатстве восходят к первичным, сущностным понятиям жизни человека, если судить по многовековому багажу народной мудрости, накопленному в пословицах и поговорках [2]. Оно определяется через «имущество», «имение», понимается как «живот», «жизнь». Это то, что необходимо для жизни человека, следовательно, в определенном смысле, и сама жизнь. Потребность в богатстве как обеспечении жизни подтверждается и этимологией слова, возводящей происхождение его к слову Бог (лат.) – хранимый богами. Также в понятие богатства входит представление о достоянии, достатке, состоянии, достаточности. С богатством связано представление о мере и чрезмерности. Вкладываемые в слово богатство такие смыслы, как множество, обилие, изобилие, избыток, излишество, избыточность определяют в отличие от достатка превышающий «уровень» жизни. Следовательно, богатство может пониматься двойственно, в диапазоне от достаточности до зажиточности, где есть необходимая составляющая жизни мера – достаточность,

и превышающая её чрезмерность – зажиточность. Для определения богатства традиционно используется оппозиция «богатство-бедность», как правило, в крайних измерениях, когда в сопоставлении рождается образ богатства и бедности. Бедность представляется как недостаток, нищета, нужда, убожество, а богатство – пышность, великолепие, роскошь. Представление о богатстве возникает относительно бедности, где и само богатство определено относительно. За этой оппозицией стоят не столько имущественные показатели, сколько характеристики в целом образа жизни и образа мышления.

Эти смыслы обобщают представления о богатстве, сложившиеся в русской культуре к XIX веку. К XXI веку понимание богатства претерпело существенную доминантную трансформацию. Согласно Википедии, богатство определяется как изобилие материальных и нематериальных ценностей, таких как деньги, средства производства, недвижимость или личное имущество. В этом определении запечатлена отчетливая акцентуация в современных представлениях о богатстве и изобилии как главном его показателе, то есть о размере имущества, превосходящем жизненную необходимость, меру оптимума, «нормальной» жизни. В современном социокультурном дискурсе богатство стало сопровождаться понятием «развитый». Так, например, богатые страны называют развитыми. Современная трансформация понятия богатства запечатлена также в социологии, где при условии материального достатка, высоком уровне благосостояния богатым считается человек, который обладает значительными ценностями по отношению к другим членам общества. Богатство выступает здесь как гарантированная жизнь без вынужденного труда, за пределами вынужденного деления общества на богатых и бедных, размывает представление о классовом противостоянии и отсылает к рассмотрению богатства вне социально-имущественных противоречий.

Поведение богачей не остается неизменным. Оно обусловлено такими факторами как социальная принадлежность с её системой воспитания и образом жизни, конкретная историческая ситуация, новейшие веяния культуры, которые задают модели хозяйствования, труда, досуга, образования, быта и т. д. Кроме того, в разные исторические эпохи была разная репрезентация богатства

при сохранении формального набора для всех эпох, такого как вещи, собственность (дом и его убранство), социокультурные возможности. Поэтому интересным становится рассмотрение неизменных черт и эталонов богатства.

Предметом осмысления богатство наиболее часто является для социологии [9]. Классический подход к смыслу этой категории связан с социальным неравенством как противостоянием, борьбой между бедными и богатыми, угнетением, эксплуатацией, классовой борьбой, антагонистическими противоречиями между ними. Смещение интереса к культурным смыслам делает объектом исследования самосознание людей и ставит вопрос о самоидентификации и идентификации богатых, моделях самовыражения. Подобный сдвиг в исследовательских практиках позволил увидеть поступательное движение человечества, в определенном смысле, как функцию богатства. Например, связать сам процесс цивилизации с кругом богатых. Так, исследователи отводят главную роль богатым в утверждении цивилизованных моделей поведения, распространению цивилизованного стиля жизни [7]. Доказывается, что процесс цивилизации осуществляется во многом благодаря желанию и возможности быть богатым или желанию попасть в более высокий социальный круг. Распространение моделей поведения, самоконтроля, управление влечениями и аффектами, то есть того поведения, которое признано цивилизованным, было связано с жизнью богатых. Это редуцирование смысла истории человечества, который в идеальной форме вуалируется идеями духовного совершенствования, достижения цивилизованного уровня жизни людей, освобождения человека и т. д., обнажает реальный двигатель прогресса, обусловленность его всегда материальным благосостоянием. Материальный уровень жизни в понимании людей, дающий возможность свободы, творчества, самосовершенствования, определяется понятием «богатство», выступает как основание лучшей жизни человека. Поэтому богатство в определенном смысле является механизмом культурной динамики. Стереотипное понимание богатства в контексте антагонистической формации, где с богатством связывается жизнь узкого элитарного слоя, свободного от материального производства, достигшего личного благоденствия, видит лишь в логике требования к богачам обратиться

в средство достижения общественного благополучия, как говорится, не только плакать с миром, но и разделить его нищету. Проекцией этого мыслительного штампа можно рассматривать и ту исследовательскую практику, которую отличает взгляд на богатство по стандартам антагонизма, изначальной несправедливости богатства.

Рассмотрение личного материального богатства как феномена русской культуры представляется комплексом проблем разного уровня, среди которых можно выделить этнокультурные стереотипы отношения к личному богатству, инвариантные культурные смыслы, константные понятия. Решение этих проблем связано с реконструкцией образов и моделей частной жизни, где запечатлено развитие понятий о материальном богатстве, и что зафиксировано в текстах разного характера – нормативно-прецедентных документах, художественной литературе, публицистике, эгодокументах и т. д. Реконструктивная задача в свою очередь ставит ещё один круг проблем, связанных с историческими особенностями жизненного уклада русского богача. Среди них такие, как выявление общих характеристик, независимых от

социальной принадлежности обладателя личного богатства; представления русских о богатстве в различные исторические периоды; смыслы богатства и факторы (социокультурные, этнопсихологические), обеспечивающие их преемственность; модели поведения обладателей личного богатства и ряд других.

В русской культуре понятия как богатый, так и бедный имеют множество коннотаций, характеризующих культуру. Со времен Древней Руси образ богача возникает в культуре в сопоставлении с противоположным образом – бедного, но восходит к некому общему представлению о богатстве и бедности, в котором нет их дифференциации. Представление это опирается на евангельскую традицию, где богатый и бедный выступают как модели поведения в земной жизни, путь к спасению. Русский богач – это и производное от русской природы [5; 6]. Противоречивое поведение русского богача требует осмысления как культурный феномен, где могут быть прояснены и черты русской культуры, народа в целом, характеристика самосознания и интегративная функция богача в русской культуре.

Литература

1. Гуревич А. С. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – С. 225.
2. Даль В. Пословицы русского народа. – М.: Астрель, 2008. – 735 с.
3. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Москов. шк. полит. исслед., 2002. – 320 с.
4. Культурно-исторический потенциал модернизации: парадоксы российской ментальности: сб. ст. – М.: АПРИКТ, 2012.
5. Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. – М.; Л., 1945.
6. Лосский Н. О. Характер русского народа. – М.: Ключ, 1990. – 96 с.
7. Элиас Н. О. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. – М.; СПб.: Университет. кн., 2001. – Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – 382 с.
8. Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. 12 писем. 1872–1887. – М., 1956 – С. 180.
9. Ярмишев Мансур З. Бедность и богатство в современном российском обществе: изменения в социальной структуре и их репрезентация в СМИ.: дис. ... канд. социолог. наук. – Казань, 2007.

References

1. Gurevich A.S. Kategorii srednevekovoy kul'tury [Categories of medieval culture]. Moscow, 1984, p. 225. (In Russ.).
2. Dal' V. Poslovitsy russkogo naroda [Sayings of the Russian people]. Moscow, Astrel' Publ., 2008. 735 p. (In Russ.).
3. Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu [Culture is important. How values contribute to social progress]. Ed. L. Harrisona and S. Huntington. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2002. 320 p. (In Russ.).
4. Kul'turno-istoricheskiy potentsial modernizatsii: paradoksy rossiyskoy mental'nosti [Cultural and historical potential of modernization: the paradoxes of Russian mentality]. Moscow, APRIKT Publ., 2012. (In Russ.).
5. Likhachev D.S. Natsional'noe samosoznanie Drevney Rusi [National consciousness of ancient Rus]. Moscow, Leningrad, 1945. (In Russ.).
6. Loskiy N.O. Kharakter russkogo naroda [The character of the Russian people]. Moscow, Klyuch Publ., 1990. 96 p. (In Russ.).

7. Elias N.O. O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya [On the process of civilization. Sotsiogenetic and psychogenetic studies]. Moscow, Sankt-Petersburg. Universitetskaya kniga Publ., 2001, vol. 2: Izmeneniya v obshchestve. Proekt teorii tsivilizatsii [Changes in society. Draft theory of civilization]. 382 p. (In Russ.).
8. Engel'gardt A.N. Pis'ma iz derevni. 12 pisem. 1872–1887 [Letters from the village. 12 letters. 1872–1887]. Moscow, 1956. p. 180. (In Russ.).
9. Yarmishev Mansur Z. Bogatstvo i bednost' v sovremennom rossiyskom obshchestve: izmeneniya v sotsial'noy strukture i ikh reprezentatsiya v SMI. Dis. kand. sotsiolog. nauk. [Wealth and Poverty in modern Russian society: changes in the social structure and their representation in the media. Diss. sociol. sci.]. Kazan, 2007. (In Russ.).

УДК 008.394.3

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДНЫХ ИГР В ТРАДИЦИОННОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ ТУВИНЦЕВ

Ултурсгашева Надежда Торжуевна, доктор культурологии, профессор, кафедра теории и истории народной художественной культуры, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: n.d.ult@mail.ru

Майны Шенне Борисовна, старший научный сотрудник, отдел организации научных исследований, Тувинский государственный университет (г. Кызыл, РФ). E-mail: shenne85@mail.ru

Турамуратова Ирина Григорьевна, кандидат культурологии, доцент, кафедра теории и истории народной художественной культуры, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: ulturgasheva@mail.ru

Цуканова Ольга Александровна, преподаватель, кафедра теории и истории народной художественной культуры, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: olga.tsuk@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению народных игр как основных элементов праздничной культуры тувинцев, помогающих сохранить национально-культурную самобытность этноса и развить духовную связь между поколениями.

Природные условия, особенности исторического развития придавали народным играм тувинцев национальное своеобразие и делали их оригинальными, отличающимися от игр других этносов.

Ключевые слова: традиционная культура, праздничная культура, народные игры, семантика, модель мира.

METHODOLOGICAL BASES OF RESEARCH OF FOLK GAMES IN TRADITIONAL FESTIVE CULTURE OF THE TUVINIANS

Ulturgasheva Nadezhda Torzhuevna, Doctor of Culturology, Professor, Chair of Theory and History of Folk Art Culture, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: n.d.ult@mail.ru

Majny Shenne Borisovna, Senior Researcher, Department of Research, Tuva State University (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: shenne85@mail.ru

Turamuratova Irina Grigorievna, Candidate of Culturology, Docent, Chair of Theory and History of Folk Art Culture, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kemtinhk@mail.ru

Tsukanova Olga Aleksandrovna, Lecturer, Chair of Theory and History of Folk Art Culture, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kemtinhk@mail.ru

In a globalizing world, traditional cultures are seen as fundamental support that can withstand the leveling and unifying cultural values. Problems of development of local and regional cultures are becoming more relevant in all corners of the globe. In this regard, there is a need to pay attention to such regions that have accumulated over the centuries a unique national tradition.

In the Russian Federation, one of these areas is the Republic of Tyva (Tuva) – a unique region of Central Asia is diverse cultural traditions and is of great interest from domestic and foreign researchers. Being the oldest population of the Asian steppes, Tuva was told up to now the specific culture and worldview, largely archaic and the original traditions.

Culture Tuvan people characterized by particularly pronounced national originality, a wide range of unique elements and forms, which include festive culture that is complex in content, morphology and dynamics of the phenomenon, which reflects the life, traditions, religious faiths, the most important dates in the history of Tuvan ethnos modern nationwide holiday calendar.

The authors' analysis of the concepts of "traditional culture", "holiday", "festive culture" allows us to formulate their own understanding of the concept of "traditional festive culture" – as a set of holidays and holiday traditions, rituals, customs, games, symbolic attributes that reflect the values, religious beliefs, life and customs of a particular ethnic group representatives, providing coverage of social experience and the interaction between man, society, nature and culture.

Keywords: traditional culture, festive culture, folk games, semantics, the world model.

В глобализирующемся мире традиционные культуры воспринимаются как фундаментальные опоры, способные противостоять нивелированию и унификации культурных ценностей. Именно проблемы развития локальных и региональных культур становятся все более актуальными во всех уголках земного шара. В связи с этим возникает потребность обратить внимание на такие регионы, которые в течение столетий аккумулировали в себе своеобразные национальные традиции.

Для выявления специфичности культуры того или иного народа следует обратить внимание на регионы, которые в течение столетий создавали и бережно хранили своеобразные национальные традиции.

В Российской Федерации одной из таких территорий является Республика Тыва (Тува). Тува – уникальный регион Центральной Азии, отличающийся многообразием культурных традиций и вызывающий огромный интерес у отечественных и зарубежных исследователей. Будучи древнейшим населением азиатских степей, тувинцы донесли до наших дней специфические культуру и мировоззрение, во многом архаичные, а также самобытные традиции. Культура тувинского народа характеризуется особо выраженным национальным своеобразием, широким набором уникальных элементов и форм, к которым относится и праздничная культура.

Праздничная культура тувинцев восходит своими корнями к традиционным истокам, остающимся ее ядром и питательной средой для развития. Она представляет собой сложный по содержанию, морфологии и динамике феномен, в котором отражаются быт, традиции, религиозные культы, важнейшие даты истории тувинского этноса, современный общероссийский праздничный календарь.

Вопросу традиции и традиционной культуры посвящено значительное количество работ, имеющих важное теоретическое и практическое значение. Следует подчеркнуть, что понятия «традиция», «традиционная культура» являются достаточно широкими, чрезвычайно сложными и неоднозначно трактуемыми. Они часто употребляемы как в повседневном обиходе, так и в фундаментальных теоретических исследованиях.

Обращает на себя внимание то, что большинство авторов под традициями понимают общепринятые формы и способы жизнедеятельности, которые отличаются своей устойчивостью, повторяемостью и передаются от поколения к поколению.

По мнению Д. С. Лихачева, традиции играют незаменимую роль в культуре. Он считал, что «история культуры есть не только история изменений, но и история накопления ценностей, остающихся живыми и действенными элементами культуры в последующем развитии» [11, с. 26].

Феномен культурной традиции был подробно изучен в работах отечественного культуролога Э. С. Маркаряна. Согласно его мнению, «культурная традиция – это выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной передачи аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [13, с. 154]. Но традиция не ограничивается только аккумуляцией и передачей коллективного опыта. Она может существовать как фундамент, на основании которого создается новый пласт культуры или как критерий, относительно которого оценивается современная культура.

Проблема утери культурных традиций рассмотрены в работах С. Н. Иконниковой, которая отмечает, что «развитие гуманитарной культуры приобретает особое значение в современном мире, поскольку в настоящее время все больше усиливается тенденция в современном обществе о бездуховности» [5].

Традиция является средством сохранения этнической культуры, необходимым для сохранения личности, создающим замкнутый круг «природа – человек – общество – культура» [16, с. 93–96]. Согласно Б. Г. Соколову, «культура и традиция представляют суть общего процесса конституирования самобытного пространства человеческого существования» [20, с. 37–39.]. Как отмечает С. В. Лурье, «в настоящее время традиция считается готовым способом решения современных проблем» [12, с. 170–174].

Мы разделяем мнение И. И. Осинского, «...традиции, их социальная природа, характер, роль в обществе, отношение к ним, всегда интересовали людей, их духовных наставников. Традиции были и продолжают оставаться фундаментальными ценностями любого общества, будь то традиционное, индустриальное или постиндустриальное. Как отмечает исследователь, традиции – это духовная основа, на которой базируется общество, все его сферы. Она выступает мощной интегрирующей силой, объединяющей все социальные группы, общественные институты социума. Без традиции не могут существовать ни одна нация, ни одно общество, ни одна культура» [14, с. 10–15].

Дефиницию традиционной культуры известные западные ученые Э. Тайлор и Л. Уайт опре-

деляют как способ функционирования традиционного общества, обеспечивающий развитие посредством сохранения духовных объектов, идей, отношений, выступающих как проявление способности человека к созданию специфических культурных форм (см. [15]). Традиционная культура включает в себя разные типы культур, сложившиеся в процессе этно- и культурогенеза, этнической и культурной истории народа [2, с. 105].

Мы согласны с мнением В. М. Каирова, что «традиционная культура – это коллективная память, результат передачи устойчивых обычаев, порядков, правил поведения, жизненного опыта поколений [6]. С. С. Аверинцев также обусловил суть традиционного типа рациональности, впервые предложив пользоваться оппозицией до-рефлексивность - рефлексивность по отношению к традиционным культурам» (см. [1, с. 37–39], а также [12, с. 17–64]).

Другой отечественный исследователь традиционной культуры К. В. Чистов продемонстрировал, что «традиционная культура выступает как способ трансмиссии... системой стереотипов, символов, представлений. Любое общество внешне является традиционным в силу наличия механизма трансмиссии культуры. Различия заключаются в особом содержании традиций. Если в обществе закладываются стереотипы ускоренного темпа развития, это приводит к понижению роли старшего поколения, семьи в трансляции содержания культуры» [23, с. 105–107].

В работе тувинского культуролога, профессора А. К. Кужугет рассматривается традиционная духовная культура тувинцев в ее многообразии, исследуются ее структурные элементы, их ценностно-смысловое содержание, описаны важнейшие составляющие мифологии, религии, художественной культуры, различных обрядов и праздников, народных игр, а также цели и порядок проведения обрядов, поскольку в советское время многие компоненты культуры, в частности обряды и праздники, были запрещены и практически забыты [10].

В рассмотрении дефиниции традиционной культуры существуют несколько подходов: философский, исторический, социологический, культурологический и др. В рамках философского подхода традиционная культура определяется как «механизм воспроизводства социальных институ-

тов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом» [9]. Традиционная культура функционирует как система, обеспечивающая воспроизводство в системах современной культуры тех образцов прошлой деятельности, которые выдержали испытание временем и были апробированы в аналогичных социокультурных условиях [9].

Согласно историческому подходу «традиционная культура – это уровень отношений, те нормы и образцы поведения, которые освящены традицией, обязательны для представителя данного этноса и различных его социальных слоев. Культура предстает формой трансляции социального опыта через освоение каждым поколением не только предметного (предметы производства) мира культуры, навыков и приемов технологического отношения к природе, но и культурных ценностей, образцов поведения» [3, с. 156–157].

В контексте социологического подхода выстраивает свою теорию традиционной культуры социолог А. В. Захаров. Ключевым для него является вопрос о том, что есть традиция. Это содержание культуры или способ ее функционирования и, соответственно, какая методология является здесь более приемлемой и адекватной самому предмету исследования. Автор субстанциональному подходу предпочитает функциональный и пытается выявить специфику этого способа трансляции культуры по сравнению со всеми иными способами социальной коммуникации. О традиционной культуре, по его мнению, можно говорить, когда современность «интерпретируется, оценивается, легитимируется сквозь “призму” прошлого, когда прошлое делается исходной точкой для понимания настоящего» [4]. Для автора основным является, прежде всего, не эстетическое или морально-нравственное содержание артефактов определенной культуры, но тот общественный способ, «которым производится, тиражируются, потребляются духовные (символические) ценности» [4, с. 105–115]. Нам представляется, что подобный подход является весьма продуктивным, так как позволяет рассматривать с аналогичных позиций и массовую, и элитарную культуру.

С культурологической точки зрения традиционную культуру рассмотрела А. В. Костина. Она определяет понятие традиционной культуры

«в качестве культуры, воспроизводящей такого субъекта исторического действия, как коллективная личность. Для личности подобного типа наиболее характерно отождествление себя с социальной группой, все представители которой объединены общностью культурных связей и механизмов жизнедеятельности. В таких обществах, называемых традиционными или доиндустриальными, господствуют коллективистские социальные представления, предполагающие неукоснительное соблюдение традиционных норм поведения и исключаяющие возможность проявления индивидуальной личностной свободы» [9].

Особое место в традиционной культуре занимает праздник и праздничная культура. Использование данных дефиниций зависит от методологического подхода и цели исследования конкретного автора. Составить полное определение понятия праздника оказывается крайне сложной задачей. Однако в научно-исследовательской литературе имеется ряд трактовок данного концепта, но все они, как правило, отражают лишь один или несколько аспектов праздника. Проанализировав различные определения понятия «праздник», мы можем отметить характерные черты, которые, так или иначе, упоминаются в определениях и описаниях праздничной культуры.

Концепт праздника в научной литературе тесно связывается с такими явлениями культуры, как традиция, обычай, обряд, ритуал. Вместе данные термины образуют особый комплекс, который характеризуется сочетанием перечисленных элементов в совместном функционировании, так как они обладают единой природой и общими характеристиками, которые были заимствованы друг у друга. Упоминание понятия как традиционного, так и народного праздника встречается но, к сожалению, четкого определения данных понятий авторы не дают. В нашем же исследовании категория традиционный праздник является основной, поэтому мы попытаемся в дальнейшем дать собственную дефиницию.

Многие исследователи в рамках различных наук пытались проследить наполнение понятия «праздник», предлагая те или иные трактовки праздничной культуры. Обширный формат работ в отношении понятия праздника, не сформировал универсального понимания, общего для всех наук.

Поэтому мы попытаемся дать ряд определенных, на наш взгляд, наиболее полно отражающих данный концепт. В наше время термин «праздник» чаще всего понимается как социологическо-культурная и онтологическая парадигма, это дни торжеств, ритуалов, обрядов, которые устраиваются в честь или же память каких-либо явлений-событий [19, с. 550]. Поэтому встречается как в социологии, так и в культурологии. Например, «Большой толковый словарь по культурологии» Б. И. Кононенко определяет, «праздник» как день или дни торжества, установленные в честь или память кого или чего-либо. Праздник – антитеза будням, обычной жизни, специфически кратковременная форма человеческого бытия. Особое значение в празднике приобретает его эстетическая составляющая: чувственно-эмоциональная насыщенность содержания, выразительность, экспрессивность, алогизм, зрелищность, элементы карнавальности, театрализация. Все эти качества роднят праздник с искусством, но не отождествляют с ним. Праздник представляет собой как бы пограничную зону между реальной жизнью и художественным произведением [8, с. 326–327].

Несколько иное содержание вкладывает в понятие праздник К. М. Хоруженко в энциклопедическом словаре «Культурология», трактуя его как временной отрезок в традиционной, светской и религиозной традиции, обладающий особой связью со сферой сакрального, предполагающий максимальную причастность к этой сфере всех участвующих в празднике и отмечаемый как нечто институционализированное (даже если оно носит импровизационный характер). Следовательно, это прежде всего институт культуры, выступающий как общественное событие торжественного характера, изъятое из повседневности и проводимое в свободное от работы время [22, с. 393].

Праздник как вид игровой деятельности рассматривается в словаре «Социально-культурная деятельность» [21]. Присущий исключительно человеку, связанный с почитанием наиболее значимых событий природного, общественного и индивидуального бытия, праздник актуализирует духовные ценности и характеризуется надбудничностью, торжественностью, привязанностью к определенным временным отрезкам, особой временной структурой и ритмикой. Праздник служит важным фактором укрепления духовной

связи между поколениями, это наглядная формула уз поколений, проявление культурной идентификации.

Далее авторы словаря раскрывают отличительные особенности праздника:

- праздник – это игра, свойственная исключительно человеку, животное способно играть, но не праздновать;

- праздник – игра, исполненная особой торжественности и возвышенности, эти качества задаются актуализацией в сфере праздника всего комплекса духовных ценностей (моральных, эстетических, художественных);

- празднику присущ четкий ритм повторяемости, выделенности из потока времени. Он привязан к конкретному, определенному временному отрезку и не может быть разыгран в любой удобный момент;

- праздник носит небудничный характер, он противопоставлен повседневности, в то время как другие виды игры не прерывают хода повседневной жизни [21, с. 62–63].

Эта же идея содержится в коллективной монографии «Парк и праздник в России: от истоков до наших дней». Авторы работы утверждают, что «праздник соединяет людей узами общности, порождает чувство свободы и коллективности. На празднике люди более чем где-либо ощущают свое материальное единство и общность, открыто демонстрируют себя и в таком же качестве видят других. Важнейшая задача праздника – избавить человека от сугубо утилитарного и будничного отношения к жизни, заставить проникнуться ощущением свободы, изобилия, радости и смеха, периодического обновления всей жизни» [16, с. 65–66].

Исходя из анализа приведенных определенных праздника, мы приходим к выводу, что игровые особенности праздника являются важными, так как понятия праздник и игра синонимичны, трудно представить себе праздник вне игрового характера.

На сегодняшний день выделяется ряд концептуальных направлений в вопросах рассмотрения феноменологии праздника в рамках таких наук, как философия, культурология, социология, этнография и др.

Проанализировав труды отечественных ученых, занимающихся исследованием отдельных

аспектов праздника мы выделили следующие модели праздника: философско-культурная (миросозерцательная) (М. М. Бахтин, А. А. Белкин, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Л. С. Лаптева, А. И. Мазаев и др.); эмпирико-описательная (И. М. Снегирев, А. В. Терещенко); мифологическая (по некоторым определениям, религиозно-обрядовая) (А. П. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня); трудовая (В. И. Чичеров, В. Я. Пропп); рекреативная (Н. О. Мизов, С. Т. Токарев); школа заимствования как разновидность мифологической концепции (Е. В. Аничков, А. Н. Веселовский, В. Ф. Миллер); игровая (Й. Хейзинга).

Основателем эмпирико-описательного направления в фольклористике является И. М. Снегирев, достаточно подробно описавший все многообразие русских народных праздников, изложивший их эстетическое и социологическое наполнение. Как отмечает автор, праздник есть свободное время, обряд – знаменательное действие, принятый способ совершения торжественных действий; последний содержится в первом [18, с. 81]. Работу в этом направлении продолжили А. П. Сахаров, А. В. Терещенко и другие исследователи, обратившие внимание на временную зависимость праздников, что впоследствии легло в основу цикловой концепции праздника.

Сторонники мифологического направления А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня впервые предприняли попытку создания общей теории праздника. Основываясь на «солярной» теории, исследователи типологизировали празднества в соответствии с теоретическим предположением о народном взгляде на природу как борьбу лета и зимы. Таким образом, дни солнцеворота становились опорными пунктами двуциклового праздничного календаря. Сторонники мифологического направления указывали на привязку праздничных дней к переломным, кризисным моментам природы; выявляли миросозерцательную самостоятельность праздника как явления духовной культуры.

Представители школы заимствования Е. В. Аничков, А. Н. Веселовский, В. Ф. Миллер акцентируют внимание на самых общих особенностях традиционного праздника, выводят изучение русских народных праздников из пространства национальной изоляции.

Наиболее распространенной среди исследователей является трудовая концепция праздника, где природа праздника и характерные для него обряды объясняются сельскохозяйственным календарем, трудовыми заботами и радостями человека. Эта теория родилась в полемике с разного рода мифологическими концепциями и была характерна для советской этнографической науки. Трудовая и общественная жизнь человека рассматривается как основной и единственный источник праздника, влияющий на формирование праздничного календаря и обрядово-ритуальных форм. В. И. Чичеров, являющийся приверженцем данной теории, считал, что связь праздника с трудом является определяющей. Анализируя многие содержательные аспекты русского аграрного праздника, он оставляет без внимания все остальные виды празднеств [24, с. 8]. Ритм многих праздников действительно совпадает с ритмом трудовой деятельности; труд и его результаты – жизненно важная сторона человеческого бытия, это мощный пласт миропонимания, сознания, всей духовной жизни народа. Однако уязвимость данной концепции в том, что сквозь призму прагматизма, привязки к трудовым заботам и операциям невозможно истолковать весь спектр праздников и типичных для них обрядов и ритуалов [7, с. 17].

Таким образом, проведенный анализ понятий «традиционная культура», «праздник», «праздничная культура» позволил нам сформулировать собственное понимание концепта «традиционная праздничная культура» как комплекса праздников и праздничных традиций, обрядов, обычаев, игр, символических атрибутов, отражающих ценности, религиозные воззрения, быт и нравы представителей конкретного этноса, обеспечивающих трансляцию социального опыта и взаимодействие человека, общества, природы и культуры.

В целом, проведенный понятийный анализ показал, что для любого исследования важно четкое содержание понятийно-категориального аппарата. Мы пришли к выводу, что в контексте нашего исследования необходимо опираться на более узкое и конкретное понятие – «традиционная праздничная культура». Данная дефиниция должна складываться из анализа подходов к определению праздника, праздничной и традиционной культуры.

Литература

1. Аверинцев С. С. Западно-восточные размышления, или о несходстве сходного // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М., 1988. – С. 37–39.
2. Дашиева Н. Б. Традиционные общественные праздники бурят: история и типологии: [моногр.]. – М.; Улан-Удэ: СГАКИ, 2012. – 211 с.
3. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. – М.: Изд-во вост. лит., 2002. – 247 с.
4. Захаров А. В. Традиционная культура в современном обществе // Соц. исслед. – 2004. – № 7. – С. 105–115.
5. Иконникова С. Н. Диалог о культуре. – Л.: Лениздат, 1987. – 202 с.
6. Каиров В. М. Традиции и исторический процесс. – М., 1994. – 188 с.
7. Литвинова М. В. Культурологическая феноменология массовых праздников и зрелищ // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. – 2006. – № 3, ч. 2. – С. 16–21.
8. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече, 2000; АСТ, 2003. – 512 с.
9. Костина А. В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение: электронный журнал. – 2009. – № 4. – Культурология. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina>
10. Кужугет А. К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – 320 с.
11. Лихачев Д. С. Избр. раб.: в 3 т. – Л.: Художеств. лит., 1987. – Т. 1. – 656 с.
12. Лурье С. В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
13. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методолог. анализ. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
14. Осинский И. И. Содержания понятия «культурные традиции» в современном обществоведении // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: от прошлого к будущему: мат-лы IV Междунар. симпозиума / науч. ред. Р. И. Пшеничникова. – Улан-Удэ, 2009. – С. 10–15.
15. Протасова Е. В. Духовно-экологическое содержание и формы народных игр как средство развития младших подростков: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – М., 1998. – 202 с.
16. Романов Р. Н., Старцев А. В., Тяпкина О. А. Парк и праздник в России: от истоков до наших дней. – Барнаул: Акад. развлечений, 2008. – 184 с.
17. Санжеева Л. В. Модель мира в традиционной культуре бурят XIX–XX веков. – СПб.: Астерион, 2006. – 196 с.
18. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. – М.: Совет. Россия, 1990. – Ч. 1. – 158 с.; Ч. 2. – 78 с.
19. Современный словарь по культурологии. – Минск: Современ. слово, 1999. – 736 с.
20. Соколов Б. Г. Культура и традиция // Метафизические исслед. – СПб.: СПбГУ, 1997. – Вып. 4: Культура.
21. Наумчик В. Н., Паздников М. А., Ступакевич О. В. Социально-культурная деятельность: слов. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2008. – 96 с.
22. Хоруженко К. М. Культурология: энциклопед. слов. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – 640 с.
23. Чистов К. В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 105–107.
24. Чичеров В. И. Русское народное творчество: курс лекций. – М.: Изд-во Москов. ун-та 1959. – 522 с.

References

1. Averintsev S.S. Zapadno-vostochnye razmyshleniya, ili o neskhodstve skhodnogo [West-Eastern meditation, or dissimilarity of similar]. *Vostok-Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii* [East-West. Research. Translations. Publication]. Moscow, 1988, pp. 37–39. (In Russ.).
2. Dashieva N.B. Traditsionnye obshchestvennye prazdniki buryat: istoriya i tipologii [Traditional public holidays of the Buryats: history and typology]. Moscow, Ulan-Ude, SGAKI Publ., 2012. 211 p. (In Russ.).
3. Zhukovskaya N.L. Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Traditsii. Simvolika [The nomads of Mongolia: Culture. Tradition. Heraldry]. Moscow, Publ. of Orient. Lit., 2002. 247 p. (In Russ.).
4. Zakharov A.V. Traditsionnaya kul'tura v sovremennom obshchestve [Traditional culture in modern society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2004, no 7, pp. 105–115. (In Russ.).
5. Ikonnikova S.N. Dialog o kul'ture [Dialogue about culture]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1987. 202 p. (In Russ.).
6. Kairov V.M. Traditsii i istoricheskiy protsess [Traditions and historical process]. Moscow, 1994. 188 p. (In Russ.).
7. Litvinova M.V. Kul'turologicheskaya fenomenologiya massovykh prazdnikov i zrelisich [The cultural phenomenology of mass events and circuses]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2006, no 3, part 2, pp. 16–21. (In Russ.).

8. Kononenko B.I. Bol'shoy tolkovyy slovar' po kul'turologii [Big Dictionary of Culturology]. Moscow, Veche Publ., 2000; AST, 2003. 512 p. (In Russ.).
9. Kostina A.V. Traditsionnaya kul'tura: k probleme opredeleniya ponyatiya [Traditional culture: to the problem of the definition]. *Znanie. Ponimanie. Umenie: elektronnyy zhurnal [Knowledge. Understanding. Skill: Electronic Journal]*, 2009, no 4. (In Russ.). Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/> (accessed 28.08.2014).
10. Kuzhuget A.K. Duhovnaya kul'tura tuvintsev: struktura i transformatsiya [Spiritual Culture of Tuva: structure and transformation]. Kemerovo: KemGUKI Publ., 2006. 320 p. (In Russ.).
11. Likhachev D.S. Izbrannye raboty [Selected works]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987, vol. 1. 656 p. (In Russ.).
12. Lur'e S.V. Istoricheskaya etnologiya [Historical ethnology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1997. 448 p. (In Russ.).
13. Markaryan Ye.S. Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka: logiko-metodologicheskii analiz [Theory of culture and modern science: logical and methodological analysis]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 284 p. (In Russ.).
14. Osinskiy I.I. Soderzhaniya ponyatiya "kul'turnye traditsii" v sovremennoy obshchestvennoy nauchnoy diskussii [The concept of "cultural traditions" in the modern social sciences]. *Kul'turnoe prostranstvo Vostochnoy Sibiri i Mongolii: ot proshlogo k budushchemu: materialy IV Mezhdunarodnogo simpoziuma [The Cultural Space of East Siberia and Mongolia: from the past to the future: Proceedings of the IV International Symposium]*, 2009, pp. 10–15. (In Russ.).
15. Protasova E.V. *Dukhovno-ekologicheskoe sodержание i formy narodnykh igr kak sredstvo razvitiya mladshikh podrostkov*. Diss. kand. ped. nauk [Spiritual and ecological content and forms of folk games as a means of development of younger adolescents. Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 1998. 202 p. (In Russ.).
16. Romanov R.N., Startsev A.V., Tyapkina O.A. Park i prazdnik v Rossii: ot istokov do nashikh dney [Park and holiday in Russia: from the beginnings to the present day]. Barnaul, Akad. Razvlecheniy Publ., 2008. 184 p. (In Russ.).
17. Sanzheeva L.V. Model' mira v traditsionnoy kul'ture buryat XIX–XX vekov [Model of the world in the traditional Buryat culture XIX–XX centuries]. Sankt-Petersburg, Asterion Publ., 2006. 196 p. (In Russ.).
18. Snegirev I.M. Russkie prstonarodnye prazdniki i suevernye obryady [Russian folksy holidays and superstitious rites]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990, vol. 1. 158 p., Vol. 2. 78 p. (In Russ.).
19. *Sovremennyy slovar' po kul'turologii [Modern Dictionary of Culturology]*. Minsk, Sovremennoe Slovo Publ., 1999. 736 p. (In Russ.).
20. Sokolov B.G. Kul'tura i traditsiya [Culture and tradition]. *Metafizicheskie issledovaniya [Metaphysical studies]*. Sankt-Petersburg, SPbGU Publ., 1997, iss 4: Culture. (In Russ.).
21. Naumchik V.N., Pazdnikov M.A., Stupakevich O.V. Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost': slovar' [Social and cultural activities: the dictionary]. Minsk, Adukatsyya i vyhyvanne Publ., 2008. 96 p. (In Russ.).
22. Horuzhenko K.M. Kul'turologiya: entsiklopedicheskiy slovar' [Culturology: Encyclopedic Dictionary]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 1997. 640 p. (In Russ.).
23. Chistov K.V. Traditsiya, "traditsionnye obshchestva" i problema var'irovaniya [Tradition, «traditional society» and the problem of variation]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 1981, no 2, pp. 105–107. (In Russ.).
24. Chicherov V.I. Russkoe narodnoe tvorchestvo: kurs lektsiy [Russian folk art: a course of lectures]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ., 1959. 522 p. (In Russ.).

УДК 008

ТРАДИЦИИ ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рябцева Васелина Александровна, преподаватель кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: vaselina21@mail.ru

В статье рассматриваются церковно-певческие традиции старообрядцев и их культурогенез. Анализируются основные периоды развития церковного пения старообрядцев.

Ключевые слова: певческая культура, старообрядцы, традиции, церковное пение, богослужение.

THE TRADITION OF CHURCH SINGING OF OLD BELIEVERS AS A SUBJECT OF CULTURAL ANALYSIS

Ryabtseva Vaselina Aleksandrovna, Lecturer, Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vaselina21@mail.ru

Traditions are a necessary condition for the existence of all social and cultural systems. Despite the fact that they are inherent in the most diverse areas of culture and each of them plays a different role, the most important place they occupy is in religion.

The old believers' cultural traditions historically evolved under the influence of Orthodoxy, which had a powerful influence on all their basic forms. An important part of culture of the old believers is the Church-singing tradition, their study allows us to consider the influences of singing culture on the cultural Genesis and to determine its structural and functional characteristics.

Church singing is not only a ritual element of worship, not only psychological and aesthetic fact, but to a much greater extent, a theological weapon by means of which the deepest truths and mysteries of the Christian faith is transmitted directly from human hearts. Of course, the Church singing is the main connotation in the basis of worship, contributing to the actualization of the temple, a sacred space in the world. In this process, the Church singing, as intonational decorated prayer, with the Cathedral, the personal will of the faithful revives previously created by the architecture, paintings, icons, iconostasis spatial coordinates of the temple and raises the created specific vector to transformed space to the upper world.

Church-singing tradition of the old believers have a special place in the history of the Russian Orthodox chant. Their formation is closely connected with the history of the Russian cultural-historical processes and the development of social thought. Church singing of the old believers is focused on creating a unique atmosphere that helps the faithful to establish communication between the earthly world and the realm of the eternal being, exalts man, leading him to the upper world of beauty and harmony. Being the integral part of Orthodox culture in general, Church singing of believers to this day gives us the opportunity to obtain satisfaction, listening to the samples of singing different styles as listening to the restored recordings and live performances.

In the context of worship, the Church singing directly affects the internal state of the praying person, and Church singing is primarily a musical prayer. Znamenny chant can direct the person's attention during the service to praying, not allowing to be distracted from the beauty and passages in the singing.

Keywords: vocal culture, believers, tradition, church music, worship.

Традиции являются необходимым условием существования всех социальных и культурных систем. Несмотря на то, что они присущи самым разным областям культуры и в каждой из них играют разную роль, наиболее важное место они занимают в религии.

Старообрядческие культурные традиции исторически складывались под воздействием православия, оказавшего мощное влияние на все их основные формы. Православие образует самую глубокую и продуктивную историческую силу русского народа. В. Зеньковский пишет: «В церкви мы вступаем в общение с живым средоточием русской силы, с самым важным национальным достоянием... Сближение Православия и культуры, раскрытие культурных сил Правосла-

вия, осияние исторического движения светом Православия – такова историческая тема нашей эпохи» [5, с. 44].

В связи с политическими и историческими условиями особенности старообрядческой культуры выделить не так просто, поэтому следует учитывать специфику развития старообрядчества в целом – социальную, региональную, демографическую и конфессиональную.

Старообрядчество конца XVII и начала XVIII века представляли разные сословия – духовенство, бояре, посадские люди и крестьяне. Но со временем сословный состав менялся в сторону преобладания крестьянского сословия, старообрядческая культура по существу становилась крестьянской. Религиозные представления

старообрядчества воплотились в его культуре, однако если в религиозно-культурном отношении староверы не выходили за рамки строгих христианско-православных догматических установлений, то в культурно-бытовых формах можно обнаружить отражение еще архаических дохристианских воззрений.

Важной составляющей культуры старообрядцев выступают церковно-певческие традиции, их исследование позволяет рассмотреть формы влияния певческой культуры на культурогенез и определить его структурно-функциональные характеристики. Связь церковного пения с вечными, вневременными ценностями обуславливает эстетическое значение православного богослужебного пения и делает его открытым всем историческим периодам. Изучение певческой культуры старообрядцев как явления, принадлежащего и прошлому, и современности, подразумевает множественность исследовательских подходов, определенную многоаспектностью самого культурного феномен. Ранее нами отмечалось, что «певческая культура старообрядцев – это традиционная культура, которая ориентирована на сохранность певческого канона. Этим можно объяснить глубокую связь старообрядческого и древнерусского образа церковного пения, проследив прямую зависимость всех периодов существования певческого искусства Древней Руси» [10, с. 501]. Его можно представить как соотношение теоретического осмысления и певческой практики. Логичным представляется, что для комплексного понимания явления необходимо изучение и той, и другой его составляющей.

Религиозная культура старообрядцев проявляется в духовных стихах, музыкально-поэтическом жанре, где религиозные сюжеты и образы отображаются полнее и эмоциональнее. Духовные стихи явились результатом эстетического освоения народом идей христианского вероучения. Г. П. Федотов, известный исследователь русской духовности, назвал духовные стихи созданием народного гения: «Мы все же можем искать в духовных стихах выражение глубочайших подсознательных стихий религиозной души русского народа... в них мы имеем дело с устойчивой многовековой школой, которая, питаясь церковным вдохновением, обращается к самой

широкой массе и должна удовлетворить ее... которая не знает... трагического раздвоения между религией и культурой» [12, с. 16].

Сегодня на территории Западной Сибири существует развитая сеть старообрядческих общин, представляющих уникальную церковно-певческую традицию, уходящую своими корнями в культовую среду Средневековой Руси. Старообрядцы сохранили до наших дней традиции древнего знаменного пения, образующего мощный и своеобразный пласт сибирской культуры. Данная традиция сочетает в себе две тенденции: с одной стороны, догматическое следование устойчивым канонам богослужения, с другой стороны, изменения под влиянием современной среды бытования, в связи с этим возникает необходимость изучения церковно-певческих традиций староверов.

Освоению особенностей формирования традиций старообрядцев, их уникальности, целостности, устойчивости способствует изучение основ церковного пения. Древнейший период русской церковной музыки наиболее важен для понимания специфики древнего знаменного пения, поскольку именно в это время закладывались богословские, философские, эстетические основы русской музыкальной культуры, они просуществовали, меняясь лишь в частности, семь веков, а позже исподволь влияли на дальнейшую историю музыки как церковной, так и светской и сохранились до наших дней в богослужебных песнопениях старообрядцев.

Церковное пение как музыкальная основа богослужения рассматривается сегодня в исследованиях Т. Ф. Владышевской, В. И. Мартынова, В. Металлова, В. В. Медушевского и др. На первое место в этих работах выходит выявление закономерностей (или их отсутствия) смены музыкальных школ и стилей, разбор попевочно-мелодического материала, расшифровка рукописей древних напевов, изучение и сочинение церковных песнопений на основе классической гармонии.

Необходимо отметить, что споры вокруг музыкальной стилистики церковного пения возникают на протяжении всей его истории. Противопоставление знаменного пения и крюковой нотации пению партесному, записанному пятилинейной

нотацией, привело к явному противостоянию двух точек зрения на предмет исследования. В трудах Д. В. Разумовского, С. В. Смоленского, А. Д. Кастальского знаменное пение представлено верхом музыкального творчества русской культуры. Наиболее значимым в рамках такого подхода является фундаментальное исследование И. А. Гарднера «Богослужбное пение Русской Православной Церкви. Сущность. Система. История», написанное в конце 70-х годов XX века [2].

Термин «церковное пение» употребляется достаточно активно. Его используют и в наши дни в своих трудах современные ученые-медиевисты И. Гарднер, Б. Николаев, В. Мартынов и др. Многие исследователи понимают под церковным пением всё, что поется в Церкви (на службах, молебнах, крещении, венчании и т. д.), следовательно, для дальнейшего анализа необходимо определиться с содержанием данного понятия. Согласно учению Святых Отцов, церковное пение возбуждает усердие христиан к молитвенному деланию, участию в литургическом таинстве. Идеалом церковного пения признается духовное единение участников богослужения в пении «единым сердцем и едиными усты», когда все прихожане участвуют в исполнении, ибо церковное пение, согласно Отцам Церкви, прежде всего – молитва, а уже потом – искусство [16].

Церковное пение является не только обрядовым элементом богослужения, не только психологическим и эстетическим фактом, но в гораздо большей степени богословским орудием, с помощью которого глубочайшие истины и тайны Христовой веры передаются непосредственно человеческим сердцам. Безусловно, церковное пение составляет главную эмоционально-смысловую основу богослужения, способствуя актуализации в храмовом пространстве священного мира. В этом процессе церковное пение, как интонационно оформленная молитва, обладающая соборной, личностной волей молящихся, оживляет уже ранее созданные архитектурой, росписями, иконами, иконостасом пространственные координаты храма и возносит созданный ими специфический вектор преображенного пространства к горнему миру.

Необходимо отметить, что церковное пение «есть автономная (то есть имеющая свои соб-

ственные, только церковному пению свойственные художественные законы) богослужбная область, отличная от общей музыки. Исследование, установление и формулирование этих законов составляет предмет русского литургического музыковедения, имеющего свои научные методы исследования и только отчасти захватывающего область общего музыковедения» [1, с. 230]. Следовательно, требуется четко разделять эти понятия и рассматривать их самостоятельно.

По словам святителя Григория Нисского, «музыка есть не что иное, как призыв к более возвышенному образу жизни, наставляющий тех, кто предан добродетели, не допускать в своих нравах ничего немзыкального, нестройного, не созвучного, не натягивать струн сверх должного, чтобы они не порвались от ненужного напряжения, но также и не ослаблять их в нарушающих меру удовольствиях: ведь если душа расслаблена подобными состояниями, она становится глухой и теряет благозвучность. Вообще музыка наставляет натягивать и отпускать струны в должное время, наблюдая за тем, чтобы наш образ жизни неуклонно сохранял правильную мелодию и ритм, избегая как чрезмерной распущенности, так и излишней напряженности» (цит. по [8, с. 26]).

В Древней Руси «церковное пение» отождествляется с понятием «богослужбное пение» и противопоставляется понятию «музыка», «мусикия» (вокально-инструментальная деятельность). На протяжении X–XVI веков церковное пение и музыка имели разные цели, задачи и ориентиры, они различались по содержанию и наполнению. Духовная музыка исполнялась в храмах, и ее главной задачей было певческое сопровождение богослужения, постепенно она формируется как профессиональное искусство. Со временем, в связи с усилением западного влияния на русскую культуру, совершаются попытки сблизить эти два понятия: «церковное пение» и «мусикия». К середине XVII века термин «мусика» расширился, объединив в себе все виды музыкальной деятельности: вокальное пение, инструментальная игра, включая и церковное пение.

Однако считаем необходимым заметить, что И. А. Гарднер в своем исследовании по истории церковного пения четко разводит понятия «церковное пение» и «церковная музыка». Выдвигая

на первый план в церковном пении слово и его литургический характер, он существенно занижает роль музыкального, то есть художественно-эстетического элемента пения. Это представляется спорным, так как слово, естественно, играет в пении важную роль, но к нему в церковном пении возводится не столько текст песнопения, сколько его музыкально-мелодическое выражение. По мнению И. А. Гарднера, «...главным признаком церковного пения, отличающим его от вокальной хоровой музыки, является не “музыка”, а принадлежность этого музыкального явления церковному богослужению... Поэтому мы вправе сказать, что пение церковное есть одна из форм самого богослужения» [3, с. 148–150].

Следуя логике вышесказанного, можно сделать вывод, что нельзя рассматривать эти понятия как обособленные друг от друга векторы, поэтому для данного исследования важно рассмотреть церковное пение как комплексное понятие, включающее в себя большой круг богословских, философских, музыкальных и культурообразующих вопросов и явлений, так как априори культурологический подход к изучению церковного пения предполагает изучение его как целостного явления.

В философии существуют такие понятия, как «богословие в звуке» и «богословие в красках». О связи богословия и церковного пения писал Н. В. Лосский: «...церковное пение – это есть форма участия в проповеди, а проповедь, по преимуществу, является богослужением. Единство и богословия, и пения, и иконописи возможно увидеть за богослужением. И действительно, в богослужении присутствуют и иконографические образы, которыми украшены иконостас и стены храма, присутствует церковное пение и богословие, то есть сама проповедь священника» [7, с. 237]. Церковное пение, богословие, молитвенный подвиг и икона – составные части единого целого.

Православное богослужение, по выражению священника Павла Флоренского, – это «синтез искусств». Все искусства, одновременно соединяясь в храме, с огромной силой воздействовали сразу на все чувства человека, переносили его в духовный мир через созерцание икон, слушание песнопений. В своей статье П. А. Флоренский богослужение называет музыкальной драмой: «Тут все подчинено единой цели: верховному

эффекту катарсиса этой музыкальной драмы, и поэтому всё подчиненное друг другу здесь не существует или по крайней мере ложно существует, взятое порознь» [13, с. 41–57].

Синтез искусств, задействованный в богослужении, направлен на создание уникальной среды, которая во время церковных служб помогает молящимся устанавливать связь между земным миром и сферой вечного бытия, возвышает человека, приобщая его высшему миру красоты и гармонии. В этом контексте пение выступает наиболее динамичным и действенным средством (в отношении меры наполняемости богослужения, а также непосредственной связи с волевым началом человека). Оживляя созданную всем комплексом искусств уникальную среду храма, связывающую земной мир с горним, пение ориентирует ее к высшему миру через постоянную актуализацию в сознании человека непреходящих ценностей веры.

Церковное искусство обращается к миру духовному, в первую очередь, воздействуя на слух и зрение, поэтому важнейшими средствами являются музыка и иконопись. Обе они, каждая своими средствами, призваны были осмыслить идеи в звуках и образах. В песнопениях и иконах гимнографы и художники воплощали богословские идеи. Если икону называют «умозрением в красках», то песнопение можно было бы назвать «богословием в звуках». В своем «Рассуждении о богослужении» П. А. Флоренский отметил, что «древнее унисонное или октавное пение... удивительно как пробуждает касание Вечности. Вечность воспринимается в некоторой бедности земными сокровищами, а когда есть богатство звуков, голосов, облачений и т. д. и т. д., наступает земное, и Вечность уходит из души куда-то, к нищим духом и бедным богатствами» (цит. по [11, с. 99–103]).

Определенный интерес для культурологического анализа вызывает библейско-историческая периодизация богослужебного пения, предложенная В. И. Мартыновым, по мнению которого, церковное пение берет свое начало в ангельском пении, а музыка зарождается одновременно с появлением ремесла. Периодизация богослужебного пения, согласно В. И. Мартынову, включает в себя три периода: первый период – от грехопадения человека до прор. Моисея – характери-

зается отсутствием самостоятельной мелодической системы для богослужебного пения; музыка служит сопровождением ритуалов культовым богам. Второй период – от прор. Моисея до Рождества Христова – назван как период ветхозаветного богослужебного пения, музыка допущена до служения истинному Богу. Третий период – Новозаветный, богослужебное пение здесь складывает свою систему (осмогласие), церковное пение становится ангелоподобным. Разумеется, перечисленные этапы представляют собой лишь упрощённую схему, и в реальной истории все гораздо сложнее, хотя бы потому, что при известных условиях эти этапы могут быть перемешаны между собой и существовать одновременно.

Также для анализа становления церковнопевческих традиций старообрядцев интерес вызывает фундаментальное исследование И. А. Гарднера, в котором представлена периодизация истории церковного пения в России с разделением на две эпохи. Первая эпоха, связанная с господством унисонного пения, свойственного еще начальной христианской церкви на Руси, охватывает период с конца X века до середины XVII века. Вторая эпоха, с середины XVII века, характеризуется господством многоголосного хорового пения по западному образцу. Внутри каждой эпохи выявляются периоды.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что в основу характеристики основных периодов развития церковного пения положены явления, общие для всех периодов данной эпохи, то, что объединяет их в эпоху. Однако в то же время для каждого периода определен некий признак, который свойственен только рассматриваемому периоду и оказал значительное влияние на становление традиции. Таким образом, первая эпоха характеризуется наличием певческих памятников исключительно с безлинейной («крюковой») нотацией, вторая – почти полным вытеснением безлинейных нотаций линейными, с типичными для современной нотной системы для инструментальной и вокальной музыки.

Следовательно, утверждая, что церковное пение является сложной системой, можно сказать, что богослужебное пение существует как составная часть этой системы и к нему относится только то, что поется на службах. Богослужебное пение Православной церкви является одной

из форм самого богослужения. В качестве канонически предписанного можно назвать пение молитвенное, внимательное, умиленное и благоговейное, без сопровождения инструментов. Святоотеческая традиция характеризует богослужебное пение как смиренное и тихое моление со страхом и трепетом. Богослужебное пение – это искусство, подчиненное законам религиозного мироощущения.

Следующим важным моментом для раскрытия задач данного исследования является освещение вопроса о порядке пения, который был установлен в Древней Церкви. В научной литературе зафиксировано, что изначально пение было общенародным: вместе пели все, собравшиеся на молитву. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Жены и мужи, старцы и юноши различны полом и возрастом, но не различны по отношению к пению, потому что Дух Святой, соединяя голоса каждого, из всех устрояет одну мелодию» (цит. по [14]).

В одном из древних сборников канонического права Церкви, Апостольских постановлениях, указывается более конкретно: «При общественном богослужении, на возгласие диакона народ... восклицает: “Господи, помилуй!”. Также в древних литургиях (ап. Иакова) на возгласы священнослужителя прихожанам следовало отвечать «аминь» «и духови твоему», а победную песнь «Свят, Свят, Свят» призывали народ петь особенно громогласно (цит. по [14]).

Кроме пения общенародного, существовало и пение одиночное, в котором участвовал только один певец, а все остальные молча слушали. В дальнейшем была выделена особая степень «певцов» в клире. На Лаодикийском Соборе в IV веке было установлено, чтобы вместо пения общенародного пели только избранные, музыкально грамотные и способные певцы (правило 15-е). Это, вероятно, объяснялось тем, что общенародное пение звучало нестройно и неблагозвучно. К этому времени произошло значительное увеличение священных песнопений, а люди уже не так охотно посещали храм, как это было у первых христиан, вследствие чего многие прихожане плохо знали священные песнопения и мешали умеющим петь так, как следует. Также на Лаодикийском соборе «Отцы определили, что псалмы в собраниях не должны быть возглашаемы не-

прерывно, но среди них должны быть и чтения, чтобы народ отдыхал и опять пел» (цит. по [9]).

Следующей ступенью развития церковного пения явилось образование отдельных хоров или ликов левого и правого клиросов. Количество песнопений постоянно увеличивалось, поэтому знать и петь все наизусть стало невозможно, в связи с чем в пении стали использовать книги. Само пение стало более изысканным и искусным, кроме того, в богослужбное пение понемногу стали проникать мелодии, которые можно было услышать на зрелищах и в театрах, и Св. Иоанн Златоуст с церковной кафедры обличает нескромного певца: «Несчастный бедняк! Тебе бы надлежало с трепетом и благоговением повторять ангельское пение... Но твой ум омрачен театральными сценами, и что бывает там, ты приносишь в Церковь» (цит. по [14]).

Как следует из вышеизложенного, постепенно происходило обмирщение и коррекция стиля, вместе с чем утрачивалась строгость апостольских времен и целомудренная чистота. Отцы Церкви укоряли за это церковных певцов, Св. Климент Александрийский писал, что «к музыке должно прибегать для украшения и образования нравов... Должна быть отвергнута музыка, надламывающая душу, чрезмерная... неуправляемая и страстная... Мелодии мы должны выбирать проникнутые бесстрастностью и целомудрием...» (цит. по [14]).

К IV веку широко распространился еще один способ пения, который ввел в церковное употребление священномученик Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, – пение антифонное, суть его заключается в попеременном пении двух хоров. Такой способ используется и в настоящее время, так поются на всенощной стихиры, а на Литургии – «Благослови, душе моя, Господа...», «Блаженны», «Прокимен», «Верую...» и прочие.

Следующим немаловажным моментом богослужения является отношение к музыкальным инструментам, которые кое-где уже участвовали в богослужениях. Так, в книге мч. Иустина «Певец» говорится, что «...петь Богу на бездушных инструментах... не допущено» (цит. по [14]), и с тех пор в Западных и Восточных православных церквях до VIII века богослужбное пение было строго вокальным везде и всюду и главным инструментом являлся голос.

Рассмотрев основные составляющие понятия церковного пения и этапы его трансформации, логичным представляется перейти к анализу стилевых особенностей церковно-певческих традиций старообрядцев, их выражения и развития, для чего следует обратиться к истокам этого явления. Принятие христианства на Руси стало не только значительным событием в государственной жизни страны, но и отправной точкой в возникновении и развитии церковно-певческих традиций. В ранний период многие традиции византийской культуры были продолжены на русской почве, где были освоены и трансформированы. В области церковного пения этот процесс затронул жанровую систему и богослужбную книжность, музыкальную теорию, письменность и, наконец, стили пения. Таким образом, «постепенно осуществлялось укоренение церковно-певческих новаций и закрепление их в традиции: византийская духовная певческая культура, переселяясь на новую русскую почву в рамках новационного “толчка”, вызванного принятием христианства, пускает корни, преобразуется в силу национального своеобразия и постепенно формируется как традиция» [15, с. 61].

Церковно-певческие традиции старообрядцев занимают особое место в истории русского православного пения. Их формирование тесно связано с историей России, культурно-историческими процессами и развитием общественной мысли. Церковное пение старообрядцев направлено на создание уникальной атмосферы, которая помогает молящимся устанавливать связь между земным миром и сферой вечного бытия, возвышает человека, приводя его к высшему миру красоты и гармонии. Являясь неотъемлемой частью православной культуры в целом, церковное пение старообрядцев по сей день дает нам возможность получать удовлетворение, слушая образцы пения разных стилей на отреставрированных записях и в живом исполнении.

Порядок литургических текстов в богослужении старообрядцев обуславливается правилами Иерусалимского устава «Око церковное», принятого на рубеже XIV–XV веков. Русской православной церковью. Староверы не приняли новшеств церковной реформы и продолжали следовать канонам этого Устава, который изменялся в последний раз при Патриархе Иосифе, одна-

ко последующее разграничение старообрядцев на беспоповцев и поповцев определило различия в религиозной практике обоих направлений.

Ядро богослужения старообрядцев составляют псалмы, в ряду которых к поющим текстам можно отнести псалмы «Господи, возвах» (140, 141, 129, 116) великой вечерни; псалом 103 (Предначинательный), полиелеос и хвалитные псалмы утрени, Первая кафизма; псалом 33 литургии (обедницы) и образительные антифоны (псалмы 102 и 145). Псалмодическая мелодика довольно широка стилистически и представлена не только речитативными, но и интонационно развитыми структурами. Музыкальные и поэтические формы характеризуются большим единством и представлены строчными композициями, которые базируются на многоразовом повторении двух строк, соответствующих двум полустрокам стихов псалма. Из песнопений молитвенно-славословного характера сформирована другая жанровая группа: Исповедание веры, молитва Господня «Отче наш», светильны, Малое и Великое славословия, песни Вечернего («Свете Тихий»), песнь пророка Исайи «С нами Бог», Великого (Херувимская) входов, «Достойно есть», «Единородный Сын» и другие. При композиционном и стилистическом разнообразии указанные песнопения сходны по стилю, что можно объяснить первостепенностью риторической формы, а также тем, что музыкальная композиция напрямую зависит от структуры поэтического текста.

Востребованными старообрядчеством оказались не все достижения певческой культуры Древней Руси. Были исключены различные многоголосные формы, которые предназначались для проведения торжественных богослужений в самых значимых обителях и храмах. Также существенно был урезан репертуар авторских и местных распевов в связи с локальной ограниченностью их существования. Кроме того, «не восприняты поздние стилевые разновидности, имеющие западно-русское происхождение – киевский и греческий распевы; в минимальной степени и только в традиции староверов-поповцев представлен болгарский распев» [6]. Знаменный распев является основным в певческой практике старообрядцев, некоторые праздничные и обиходные песнопения представлены вариациями большого путевого и знаменного распевов. Раз-

витие демественного распева привело к тому, что в XVIII веке был сформирован специальный сборник – «Демественник». Для записи песнопений в нем использовалась особая демественная нотация. В беспоповских общинах демественный распев меньше распространен, чем в поповских, где используют обычную знаменную нотацию. Ранее нами и другими исследователями было указано, что «старообрядческая певческая культура, сохранившая до наших дней традиции древнего знаменного пения, представляет собой культуру традиционного типа, ориентированную на сохранение певческого канона, это обуславливает родственную связь древнерусской и старообрядческой моделей церковного пения, непосредственную преемственность раннего и позднего периодов бытования древнерусского певческого искусства» [4, с. 62].

Итак, на смену знаменному пению пришло партесное, которое благодаря своим возможностям, простоте и удобству скоро завоевало себе сторонников. В своем желании эмансипироваться от текста музыка постепенно замыкалась в отдельные произведения. В результате этого переосмысливалось и значение богослужебного пения, которое превратилось лишь в сопровождение, стало украшением службы. Музыка использовалась как средство изображения, выражения и вызывания эмоций.

Воссоздание православной певческой культуры сегодня идет через выявление и воспроизведение функций церковного пения, определение его места в современном социокультурном пространстве. Имеют значение в современной православной культуре вообще, и церковном пении в частности функции нравственная, просветительская и воспитательная. Основой для этого служит морально-нравственная составляющая церковного пения, которая заложена в текстовом материале, практически закреплена Уставом и эстетически скорректирована музыкальным компонентом культуры.

Церковное пение берет на себя и организационную функцию, подобно «музыкальной оправе» оформляет ритуальные действия, подчеркивая их сущность, является важным звеном в контексте общей цепи богослужебного храмового действия, включая верующего в новую, сакрально-преобразенную реальность церкви.

В контексте богослужения церковное пение непосредственно воздействует на внутреннее состояние человека во время молитвы, а церковное пение – это прежде всего музыкальная молитва. Знаменный распев позволяет направить внимание человека во время службы именно на молитву, не позволяя отвлекаться на красоту и пассажи в пении.

В. И. Мартынов выделяет четыре основных этапа в истории становления музыки, каждый из которых определяется особенностью воздействия звука на сознание человека: «Первый – магический, характеризуется использованием экстаической природы музыкального звука, способной приводить сознание человека в особые состояния транса или экстаза. Этот наиболее древний музыкальный пласт дожил до наших дней и существует сейчас в практике современного шаманизма. Второй этап – мистический, характеризуется тем, что различные компоненты музыкальной ткани: соотношение тонов, пропорции интервалов и т. д. – рассматривались как мистическое орудие или средство постижения глубинных тайн вселенной. Именно с таким пониманием музыки мы встречаемся у жрецов вавилонских и древнеегипетских святилищ. Третий этап – этический, рассматривающий музыку как некую гимнастику души, развивающую в человеке этическое, нравственное начало и воспитывающую в нем истинного гражданина, нашел наиболее яркое выражение в деятельности древнегреческих философов. Наконец, четвертый – эстетический этап развития музыки, характерен для заката различных культур, когда забывается великое религиозное и мистическое предназначение музыки и музыка воспринимается всего лишь как искусство, предназначенное доставлять эстетическое наслаждение» [8, с. 6–7]. При этом исследователь уточняет, что все перечисленные этапы могут быть перемешаны между собой и существовать одновременно.

На рубеже XIX–XX веков в России предпринимались попытки воскресить, насколько возможно, древние распевы, найти иные способы их гармонизации. Этот процесс связан с именами С. Смоленского, Г. Львовского, А. Никольского, А. Кастальского, П. Чеснокова. В настоящее время песнопения этих композиторов очень по-

пулярны, но вместе с тем отбор певческого репертуара порой определяется весьма далекими от сущности богослужебного искусства причинами: интересной, выразительной мелодикой, красивой гармонией, ярким фактурным решением. Такие, чисто музыкальные, выразительные средства во многом способствуют рассеиванию смысла произносимых слов молитвы, тогда как церковное песнопение должно, напротив, собирать воедино множественность возносимых к Богу молитвословий.

Итак, церковное пение является неотъемлемой частью богослужения, одной из форм самого богослужения, в основе церковного пения лежит строгий канонический текст молитвы, поэтому исполнение его в церкви строго регламентировано по дням недели, времени суток и года; произведения церковной музыки по своей природе *a`cappella*, то есть без инструментального сопровождения. Эти признаки церковного пения являлись и являются традиционными и на протяжении многих веков сохраняют свое постоянство. Византийская певческая система во всем своем объеме со всеми типами пения и чтения во всех их подробностях и во всем разнообразии форм была воспринята на Руси одновременно с усвоением и осознанием основополагающей базисной триады, включающей в себя осмогласие, центонную технику и невменную нотацию. Однако такое восприятие не сводилось к механическому заимствованию готовых форм, а представляло собой целенаправленную переработку, по-новому осмысляющую и как бы переводящую византийскую систему на новый язык русского национального мышления. Так, отпочковавшись от византийской системы, русское церковное пение внесло совершенно новый аспект и новую интонацию в православную традицию.

Таким образом, на пути своего развития церковное пение преодолело ряд глубоких изменений, одно из которых обозначилось в середине XVII века, когда под влиянием западноевропейской хоровой культуры была полностью сломана древнерусская богослужебно-певческая система, коренным образом изменился весь смысловой строй православного пения. В этот период изменились не только внешние формы церковного пения, изменилась его суть.

Литература

1. Гарднер И. А. Богослужбное пение Русской Православной Церкви: в 2 т. – М.: Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-т, 2004. – Т. 1: История. – 526 с.
2. Гарднер И. А. Хоровое церковное пение и театральность в его исполнении // О церковном пении. – М.: Лады, 2001. – С. 85–98.
3. Гарднер И. А. Церковное пение и церковная музыка // О церковном пении: сб. ст. – М.: Лады, 2001. – С. 148–150.
4. Егле Л. Ю., Рябцева В. А. Церковно-певческие традиции староверов как самобытное явление современной музыкальной культуры Сибири [Текст] Рябцева // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 25. – С. 57–64.
5. Зеньковский В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Изд-во Свято-Владимир. братства, 1993. – 224 с.
6. Казанцева Т. Г. Богослужбное пение старообрядцев Сибири [Электронный ресурс] // Энциклопедия Сибири. – Электрон. дан. – URL: <http://russiasib.ru/bogoslužebnoe-penie-starobryadcev-sibiri/>. – Загл. с экрана.
7. Лосский Н. В. Богословские основы церковного пения // Мартынов В. И. История богослужбного пения. – М.: РИО ФА, 1994. – С. 237.
8. Мартынов В. И. История богослужбного пения: учеб. пособие. – М.: РИО Федерал. арх.; Рус. огни, 1994. – 240 с.
9. Парийский Л. Н. О церковном пении [Электронный ресурс] // Азбука веры: православная электронная энциклопедия. – Электрон. дан. – URL: http://azbyka.ru/tserkov/bogoslužheniya/penie/parijskij-o_tserkovnom_penii-all.shtml. – Загл. с экрана.
10. Рябцева В. А. Православно-церковные традиции старообрядческих согласий Кемеровской области (по материалам полевых исследований) // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6 (43). – С. 500–503.
11. Трубочев С. Музыкальный мир П. А. Флоренского // Советская музыка. – 1998. – № 9. – С. 99–103.
12. Федотов Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. – М.: Прогресс, 1991. – 186 с.
13. Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П. А. Собр. соч. – Paris: YMCA-PRESS, 1985. – Т. 1: У водоразделов мысли: ст. по искусству. – С. 41–57.
14. Хорецкая В. Целомудренная музыка. Происхождение и история церковного богослужбного пения [Электронный ресурс] // Азбука веры: православная электронная энциклопедия. – Электрон. дан. – URL: http://azbyka.ru/tserkov/bogoslužheniya/penie/horetskaya_tselomudrennaya_muzyka-all.shtml. – Загл. с экрана.
15. Цыплакова С. М. Традиции и новации в русской духовной музыкальной культуре: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Новосибирск, 2010. – 164 с.
16. Шиманский Г. Наставление церковным певцам [Электронный ресурс] // iКлирос. – Электрон. дан. – URL: <http://iklivos.com/content/germogen-shimanskii-nastavlenie-tserkovnym-pevtсам>. – Загл. с экрана.

References

1. Gardner I.A. Bogoslužebnoe penie Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi1. Tom 1: Istoriya [Church singing of the Russian Orthodox Church. Volum 1: History]. Moscow, Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy Bogoslovskiy institute Publ., 2004. 526 p. (In Russ.).
2. Gardner I.A. Khorovoe tserkovnoe penie i teatral'nost' v ego ispolnenii [Choral church singing and theatrical in its execution]. *O tserkovnom penii [About church singing]*. Moscow, Lad'ya Publ, 2001, pp. 85–98. (In Russ.).
3. Gardner I.A. Tserkovnoe penie i tserkovnaya muzyka [Church singing and church music]. *O tserkovnom penii: sbornik statey [About church singing: a collection of articles]*. Moscow, Lad'ya Publ., 2001, pp. 148–150. (In Russ.).
4. Egle L.Yu., Ryabtseva V.A. Tserkovno-pevcheskie traditsii staroverov kak samobytnoe yavlenie sovremennoy muzykal'noy kul'tury Sibiri [Motet tradition of conservatives as original phenomenon of contemporary musical culture of Siberia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of culture and arts]*, 2013, no 25, pp. 57–64. (In Russ.).
5. Zen'kovskiy V. Problemy vospitaniya v svete khristianskoy antropologii [Problems of education in the light of Christian anthropology]. Moscow, Svyato-Vladimirskogo Bratstvo Publ., 1993. 224 p. (In Russ.).
6. Kazantseva T.G. Bogoslužebnoe penie starobryadtsev Sibiri [Liturgical Singing of the Old Believers of Siberia]. *Entsiklopediya Sibiri [Encyclopedia of Siberia]*. Available at: <http://russiasib.ru/bogoslužebnoe-penie-starobryadcev-sibiri/>. (In Russ.).
7. Losskiy N.V. Bogoslovskie osnovy tserkovnogo peniya [Theological foundations of church singing]. *Martynov V.I. Istoriya bogoslužebnogo peniya [History of liturgical singing]*. Moscow, RIO FA Publ., 1994. 237 p. (In Russ.).

8. Martynov V.I. Istoriya bogoslužhebnogo peniya: uchebnoe posobie [History of liturgical singing]. Moscow, RIO Federal'nykh arkhivov Publ.; Russkie ogni Publ., 1994. 240 p. (In Russ.).
9. Pariyskiy L.N. O tserkovnom penii [About church singing]. *Azbuka very: pravoslavnaya elektronnyaya entsiklopediya* [The ABCs of Faith: Orthodox electronic encyclopedia]. Available at: http://azbyka.ru/tserkov/bogoslužheniya/penie/parijskiy-o_tserkovnom_penii-all.shtml. (In Russ.).
10. Ryabtseva V.A. Pravoslavno-tserkovnye traditsii staroobryadcheskikh soglasii Kemerovskoy oblasti (po materialam polevykh issledovaniy) [Orthodox Old Believers Church tradition accords Kemerovo region (based on field research)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2013, no 6 (43), pp. 500–503. (In Russ.).
11. Trubachev S. Muzykal'nyy mir P.A. Florenskogo [Musical World P.A. Florenskogo]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music], 1998, no 9, pp. 99–103. (In Russ.).
12. Fedotov G.P. Stikhi dukhovnye.russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham [Spiritual poems.russian folk belief on religious poems]. Moscow, Progress Publ., 1991. 186 p. (In Russ.).
13. Florenskiy P.A. Khramovoe deystvo kak sintez iskusstv [Temple acts as a synthesis of the arts]. *Florenskiy P.A. Sobranie sochineniy. Tom 1: U vodorazdelov mysli: stat'i po iskusstvu* [Works. Volum 1: Watershed thoughts: articles on art]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1985, pp. 41–57. (In Russ.).
14. Khoretskaya V. Tselomudrennaya muzyka. Proiskhozhdenie i istoriya tserkovnogo bogoslužhebnogo peniya [Chaste music. Origin and history of the church liturgical singing]. *Azbuka very: pravoslavnaya elektronnyaya entsiklopediya* [ABCs of Faith: Orthodox electronic encyclopedia]. Available at: http://azbyka.ru/tserkov/bogoslužheniya/penie/horetskaya_tselomudrennaya_muzyka-all.shtml. (In Russ.).
15. Tsyplakova S.M. Traditsii i novatsii v russkoy dukhovnoy muzykal'noy kul'ture: Dis. kand. kul'turologii [Traditions and Innovations in Russian spiritual music culture: Diss. PhD. Cultural Studies]. Novosibirsk, 2010. 164 p. (In Russ.).
16. Shimanskiy G. Nastavlenie tserkovnym pevtsam [The Manual of a church singer]. *iKliros* [iKliros]. Available at: <http://ikliros.com/content/germogen-shimanskii-nastavlenie-tserkovnym-pevtsam>. (In Russ.).

УДК 008:7.08

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА В РУССКОМ НАРОДНО-ПЕВЧЕСКОМ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВЕ

Стенюшкина Татьяна Сергеевна, доцент кафедры народного хорового пения, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: tatianasten@yandex.ru

В статье рассматривается коммуникация как смысловой аспект процесса общения. В акте коммуникации выделены этапы. Анализируются виды общения, которые имеют место в народно-певческом исполнительстве.

Ключевые слова: коммуникация, народное исполнительство, деятельность, общение, коллективность творчества.

THE FEATURES OF THE COMMUNICATIVE ACT IN THE RUSSIAN FOLK-SINGING PERFORMANCE

Stenyushkina Tatiana Sergeevna, Docent, Folk Choral Singing Department, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tatianasten@yandex.ru

This article is devoted to the communication act as a semantic aspect of the communication. By means of communication, sharing the knowledge and values, that have been developed by previous generations, becomes possible.

The communication is more complex process of establishment and development of contacts between people, which is caused by the needs in cooperation and includes the exchange of information, development

of a common strategy of interaction, perception and understanding the other person. Communication focuses on the exchange of information and semantic perception of the action and communication, as a multi-component process of interaction between people, is closely related to the process of activity, since contact between people is not limited to the exchange of information.

The process of communication in folk performance can be divided into three stages:

– learning information (singing tradition) passed on from older generations, translating it into a symbolic form;

– giving information by means of direct communication, verbally;

– mastering of the received information, but due to the differences in the perception of the world and different individual experience of older and younger generations this mastering is incomplete.

Folk singing tradition involves a special type of communication and a way of behavior that connects the activity and communication. In the folk singing performance there are the following forms of communication:

1 – dialogue with self, that is “self-dialogue” during the creativity;

2 – performing group participants’ interacting;

3 – dialogue between the performers and the audience.

Personal interaction between creators and performers provides the communicative function of folk singing performance. Folk songs unites man with previous generations in time (continuity of generations) and space (the link between people of the same nationality).

Keywords: communication, folk singing, activity, communication, collective creation.

Термин «коммуникация» (от *лат.* *communicato* – сообщение) определяется как «передача информации» от человека к человеку, как процесс взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности (индивидами, группами, организациями и т. п.) с целью передачи или обмена информацией посредством принятых в данной культуре знаковых систем (языков), приемов и средств их использования. С помощью коммуникации формируются социальные связи внутри общества, управление совместной деятельностью людей, накопление и трансляция социального опыта. Необходимыми условиями коммуникации являются наличие общего языка, каналов передачи информации, правил осуществления коммуникации участниками данного процесса [6].

Термин «коммуникация» появляется в научной литературе в начале XX века и приобретает смысл, связанный со спецификой обмена информацией в социуме. В этом смысле каждое социальное действие, содержащее и выражающее определенную информацию, может быть рассмотрено как коммуникативное. Однако собственно коммуникативными являются лишь действия, имеющие мотивационное основание, ориентированные на передачу информации и осуществляемые с использованием адекватной для этой цели знаковой системы. При этом все участники коммуникации

ориентируются на обобщенные нормы коммуникации, что в совокупности с наличием рациональных мотивов делает возможным сам этот процесс [6]. Благодаря коммуникации становится возможна трансляция знаний, ценностей, выработанных предшествующими поколениями, усвоение которых помогает совершенствовать деятельность.

Коммуникация – одна из составляющих процесса общения людей, который, в свою очередь, понимается как «социальное взаимодействие между людьми посредством знаковых систем в целях трансляции (передачи) общественного опыта, культурного наследия и организации совместной деятельности» [2, с. 279]. Общение – более сложный и многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, который порождается потребностью в совместной деятельности и включает в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека. Рассуждая о сложности процесса общения В. С. Швырёв пишет: «...общение на высоте своих конструктивных возможностей... отнюдь не есть пассивная рецепция позиции Другого, а представляет собой “синэргию”, сотворчество, которое даже в ситуации “прислушивания к Другому”» предполагает усилие соответствующее

шей настройки на контакт общения» [12, с. 113]. М. С. Каган считает общение основой существования всей культуры и искусства как её большой части, и он пишет по этому поводу: «Общение, являющееся необходимым компонентом и этой сферы культуры, имеет в ней также специфический характер, ибо это не только общение самих художников в коллективных формах творчества (театральном, музыкальном, хореографическом), но и – и это особенно важно! – общение тех, кто создает произведения искусства, с теми, для кого они создаются, ибо эти последние не просто воспринимают передаваемую им информацию, но каждый зритель, читатель, слушатель, по-своему переживая произведение, тем самым *соучаствует в выработке этой информации*, становясь своего рода соавтором художника; это значит, что искусство живет по законам *общения, а не коммуникации*» [5, с. 52].

Коммуникация как смысловая сторона общения всегда ориентирована на обмен информацией и смысловое восприятие действия. При этом общение – более многокомпонентный процесс взаимодействия между людьми, тесно связанный с процессом деятельности, так как контакт между людьми не сводится только к обмену информацией. В. С. Лазарев полагает, что «...нельзя понять происхождение деятельности у отдельного человека без раскрытия её изначальных связей с общением...» [7, с. 43]. В. А. Лекторский подчёркивает, что исходная модель деятельности должна включать «момент трансформации внешнего предмета или ситуации и момент коммуникации», подтверждая, таким образом, связь деятельности и коммуникационных процессов [8, с. 65].

Коммуникация происходит во время непосредственного контакта между людьми и рассматривается как смысловой аспект социального взаимодействия и как один из аспектов процесса общения. Общение, в свою очередь, порождается совместной деятельностью, включает в себя, кроме обмена информацией, выработку единой цели, восприятие другого человека, эмоциональную сторону процесса, понимание ситуации, в которой происходит общение. И в этой ситуации происходит самореализация участников процесса общения, формируются психические качества. В ансамбле или хоре исполнители испытывают потребность в общении, так как это духовная

деятельность, объединяющая людей на подсознательном уровне, требующая соответственно духовных и эмоциональных контактов, самопознания, самоутверждения. Поэтому этот процесс гораздо шире и многограннее, чем просто обмен информацией, хотя он тоже необходим.

Передаваясь от поколения к поколению устно, образцы песенного фольклора теряли своё авторство, но коллективность мышления и творчества русского человека, возможность общения в момент исполнения позволяли творить и создавать множество вариантов песен. В подтверждение можно привести слова М. С. Кагана: «Понятно, что культура, основанная на “мы-сознании”, была во всех своих проявлениях *коллективно-анонимной*. Мы не знаем имен творивших ее людей не потому, что это была бесписьменная культура, а потому, что все плоды творческой деятельности создавались коллективно, а наиболее сложные – усилиями нескольких поколений, и соответственно ценился не талант того, кто изобрел колесо, или вылепил глиняный сосуд, или изваял статуэтку, а родоплеменной коллектив, который воспринимался как единый субъект творчества» [5, с. 134]. Индивидуальная деятельность может вырасти только из совместной деятельности. Эта деятельность включается в систему коммуникаций с другими людьми. Деятельность в исполнительстве закрепляется, предметно оформляется в результатах, которые должны рассматриваться в процессе создающей их деятельности. Акт коммуникации в народном быту происходит на основе традиций, ценностей, символов.

Человек не может устанавливать эмоциональные контакты, обмениваться информацией без помощи устной и письменной речи, знаков, звуков, и для общения человеком были созданы различные средства и способы коммуникации, которые имеют место и в исполнительских искусствах. Среди них:

- вербальные (слово, речь);
- невербальные (мимика, жест, позы, элементы хореографии, одежда – сценический костюм);
- паравербальные (темп, ритм и громкость речи или пения, интонация, артикуляция, высота и тембр голоса);
- коды (разнообразные знаки и символы, символическое поведение).

Процесс коммуникации в народном исполнительстве можно условно поделить на три этапа:

– освоение информации (певческой традиции), передаваемой от старших поколений, перевод её в символическую форму;

– передача при помощи непосредственной коммуникации, изустным путём («из уст в уста»), при этом возможна потеря части информации. Устность проявляется во взаимодействии слухового (вербального, музыкального), визуального и пластического способов передачи информации, а устной формой бытования и передачи фольклорных традиций вызвана многовариантность текстов и напевов, которая, в свою очередь, выступает структурно-художественным принципом народного песнетворчества. Новое поколение не консервирует традицию, а обновляет её, переосмысливает и включает в свою жизнь. Каждое поколение оставляет для себя наиболее актуальное и понятное, добавляет своё и передаёт следующему. Передача осуществляется на основе механизма традиции;

– усвоение полученной информации, но в силу различия в представлениях о мире, разного индивидуального опыта старших и младших поколений усвоение происходит не полностью. Часть информации может оказаться не актуальной для нового времени, поэтому она не усваивается. Эффективность коммуникации обеспечивается наличием общего языка, символов и кодов, каналов для передачи информации, соответствующей мотивации, этических, эстетических правил, традиций, канонов, которые определяют возможность передачи информации.

На ранних этапах существования человеческого сообщества возможности коммуникации ограничивались прямыми контактами между людьми, и для передачи информации им приходилось сближаться на расстояние прямой видимости и слышимости. Со временем люди нашли возможность увеличить дальность коммуникации, например с помощью специальных приспособлений. Так появились костры и сигнальные барабаны, но их возможности ограничивались передачей лишь нескольких сигналов. Поэтому важнейшим этапом в развитии культуры стало изобретение письменности, которая позволила донести, в том числе, песенный фольклор до наших дней.

Традиционное народное исполнительство в своей основе – это коллективное музицирование, коллективная художественно-практическая деятельность, поскольку «...культура охватывает целостное существование и развитие материальной, духовной и художественной форм деятельности человека, именно в ней, <...> следует искать движущие силы её – развития, ее самодвижения в условиях изменяющейся среды, социальной и природной» [5, с. 75]. Это коллективная коммуникативная деятельность особого типа, которая характеризуется социальной целенаправленностью и обусловлена внеязыковыми факторами. Исполнительское искусство как процесс творческой деятельности обязательно включает в себя эмоциональную передачу художественных образов, взаимодействие всех участников, согласованность действий, стремление к единому результату. Поэтому исполнение подразумевает не только обмен информацией (коммуникацию), но и полноценный процесс общения, что подтверждает в своём исследовании И. И. Земцовский, рассуждая о музыкальном интонировании: «Интонацию/интонирование я понимаю как содержательно развертываемое музыкальное общение, материализацию этого мышления в культуре... Суть интонирования как вида человеческого мышления – единство (совпадение и т. д.) “музыкального” и “социального” (беру последнее широко, с включением культурных, этноисторических, психических факторов), ибо интонирование всегда содержательно (это входит в его атрибуцию), а содержание всегда конкретно (то есть “социально”, “этнично”, “функционально” и т. п.). Тем самым интонирование неизбежно несет информацию не только о музыкальном, но и о слитом с ним “социальном”, но – своими, чисто музыкальными средствами» [4, с. 99].

Народная певческая традиция основывается на коллективной памяти народа и предполагает особый тип общения. Фольклорной песенной традиции свойственна интенсивная и непрерывная коммуникация (как смысловая сторона общения), взаимообщение носителей фольклора и слушателей, которые при определенных условиях также становятся носителями этой традиции. Выбатывается особый способ поведения, который соединяет деятельность и общение и переводит их в план символический, иллюзорный. В народно-

песенном исполнительстве имеют место следующие виды общения:

1 – общение с самим собой, то есть «самообщение» в процессе творчества;

2 – межличностное общение участников коллектива (хора, ансамбля), который имеет постоянный состав певцов, соответственно, постоянную среду общения;

3 – общение между исполнителями и слушателями.

Первый вид общения существует в любом исполнительском искусстве. Пение, певческая деятельность – часть системы жизнедеятельности человека в традиции. Физиологические основы пения неотделимы от дыхательных и двигательных нормативов повседневного поведения носителя традиционной культуры и формируются при различных формах воспитания, обучения в семье и обществе на протяжении его жизненного пути. Певческая деятельность – это часть традиции, а там «...где ломается преемственность традиции, распадаются целостности, растворяясь одна в другой, там происходит спад культуры, ослабление творческого потенциала, её духовное обмельчание, ибо само развитие предполагает взаимодействие разного» [10, с. 27].

Фольклорное исполнительство уникально по своей природе, потому что возникает и существует для самих носителей этого искусства, а поэтому является наиболее эффективной формой проявления способностей, возможностей, таланта каждого исполнителя. По мнению Ю. М. Лотмана, произведение фольклора выступает как побудитель общения с самим собой, и в этом акте автокоммуникации и осуществляется пророст информации [9]. Кроме того, процесс пения – это физиологические и эмоциональные ощущения исполнителя. Это процесс, который требует обращения внутрь себя, к своим переживаниям, эмоциям, чувствам, потому что здесь «как нельзя ярче проявляются свойства музыки как эмоционального языка, как средства передачи чувств» [1, с. 110]. Каждая песня требует внутреннего переживания, личного отношения, потому что она – «подлинный живой свидетель народного быта, трудового уклада и культа, обрядов и игр. Песня отражает душевный строй и мир эмоций, и горе, и радость, и печаль, и раздумье, и юмор» [1, с. 91]. Каждая песня исполняется как будто о своём, личном, от первого лица, иначе ис-

полнение не будет правдивым. По определению Б. В. Асафьева, в фольклорном исполнительстве главное – «это непосредственный ответ на личное волнение или на потребности тех или иных бытовых явлений и желание его тотчас передать в звуках» [1, с. 101]. Этим можно объяснить интонационно-артикуляционный символизм, который проявляется в индивидуальных тембровых, динамических, акустических, темповых, ритмических, мелодических исполнительских приемах. Они обусловлены психологическими, ассоциативными, эмоциональными факторами исполнительского процесса, который является проявлением индивидуального творчества.

Второй вид общения связан с взаимным обменом информацией, чувствами, переживаниями, эмоциональным отношением к происходящему, взаимодействием во время исполнения русских народных песен разных жанров. Таким образом, всё «в народно-песенной эстетике связано с тем, что пение для народа – не нечто привнесённое и заученное. А его органический язык, воплощение его собственного художественного мышления и, что особенно для нас важно, его живая речь. Народ говорит песней, художественно общается песней» [3, с. 7].

Взаимодействие всех участников коллектива – это неотъемлемая и обязательная черта хорового исполнительства. Деятельность исполнительского коллектива можно определить как организованная активность взаимодействующих людей, которая направлена на воспроизводство (или на производство, если говорить о носителях традиции) песенного фольклора (объектов духовной культуры). Отличительными признаками этой деятельности являются:

1) необходимость пространственного и временного присутствия участников творческого процесса, которое создаёт возможность личного эмоционального контакта между ними, обмена информацией;

2) наличие единой цели, которая отвечает общим интересам, потребностям в воспроизведении образцов песенного фольклора, создании новых вариантов или сохранении традиционных обрядов, многоголосных распевов, если речь идёт о носителях определённой традиции;

3) наличие профессионально образованного руководителя в организованном концертирующем коллективе и лидера в аутентичном ансамбле, ко-

торые наделены определёнными полномочиями, выполняют возложенные на них обязанности;

4) распределение обязанностей между участниками коллектива, которое выражается в разделении на хоровые партии или на голоса в аутентичном ансамбле. Такое разделение певческого коллектива предполагает тесную взаимосвязь всех участников творческого процесса, которая будет сказываться на конечном результате (качестве звучания исполняемого произведения народного искусства, достоверности воспроизведения фольклорного первоисточника);

5) наличие межличностных отношений между участниками совместной деятельности, которые оказывают влияние на весь процесс деятельности и на конечный результат. Взаимодействие всегда происходит в конкретных исторически обусловленных общественных отношениях.

Исполнительскую деятельность народно-певческого коллектива можно представить как непосредственный коммуникативный акт (взаимный обмен информацией) и музыкальное общение (эмоциональный контакт), которые происходят между единомышленниками. Это общение и коммуникативный акт своего рода сотворчество исполнителей, благодаря этому сохраняется традиция исполнения народных песен с соблюдением всех правил и канонов, которые связаны с функциональной ролью песни (приуроченная или неприуроченная), условиями её исполнения (в доме, на улице, в поле), жанровой и стилевой принадлежностью, диалектными характеристиками исполнительского стиля.

Но в процессе исполнения важен не только обмен информацией, но и взаимообмен эмоциями, настроением, которые передаются через мимику, взгляд, интонацию, тембры голосов поющих. Любой народно-певческий исполнительский коллектив – это не случайный набор талантливых людей. Это близкие по духу и целям люди. Их внутренним единством и полнотой человеческих взаимоотношений объясняется гармоничность, цельность их звучания певческого коллектива. В результате рождается особая энергетика звучания, которая захватывает самих исполнителей, их слушателей, позволяя ощутить огромную духовную силу народного искусства.

Третий вид общения выражается в том, что в фольклорном исполнительстве, в его первоначальном виде, нет деления на исполнителя и

публику, в процессе исполнения «...каждый слушатель в любой момент – и исполнитель, и композитор...» [1, с. 90]. Б. В. Асафьев пишет, что бытовая музыка – «один из видов художественного обобщения и эмоционального высказывания, не требующая для своего существования специальных профессиональных организаций и исполнительских сил, легко воспроизводимая в повседневном быту и крайне чуткая к непосредственным переживаниям людей, а потому всегда насыщенная живыми интонациями...» [1, с. 82]. Пение, в отличие от речи, неотрывно от эмоционально-физиологического состояния поющих, которое, в свою очередь, передаётся слушателям. Слушатели не только определённым образом воздействуют на исполнителя, (так называемая обратная связь), но и могут подключиться к исполнению, чувствуя общность и единение. Из этого следует, что из устной формы бытования и «интегрированности музыки в традиционный уклад жизни вытекает особый характер осознания творчества. Музыка не учатся специально, через формализованную инструкцию, а просто слушают и подключаются к исполнению, поскольку участвуют в обрядах и бытовых ритуалах, в которых она звучит» [11, с. 110]. Это «живые интонации», которые Б. В. Асафьев выделял как обязательный компонент бытового исполнительства, кроме того, сокращаются импровизационные и акустические возможности, непосредственность в передаче эмоций. Это исполнение «с целью передачи другим людям своих душевных состояний и ради того, чтобы вызвать сочувствие в беде, согласовать усилие в работе, укрепить общее настроение, вместе порадоваться, вместе оплакать потерю» [1, с. 82]. При этом звуковое пространство народной песни расширяется за счёт эмоционально-личностного компонента переживаний исполнителей и слушателей, создаётся новое пространство общения, что очень важно для исполнения народной песни. Пространство исполнителей вступает во взаимодействие со звуковым пространством самой песни, соединяясь с ним. Эмоциональное переживание песни исполнителями и слушателями, их включение в процесс, уносят в другую пространственно-временную реальность.

Таким образом, общение создателей и исполнителей друг с другом обеспечивает коммуникативную функцию народно-певческого ис-

полнительства. Б. В. Асафьев отмечал, что для традиционных исполнителей не требуется ни каких специальных условий – сцена, декорации, сценические костюмы, это «творчество в сфере бытовых интонаций...» [1, с. 82]. Люди вступают в общение в процессе творческой деятельности по созданию нового варианта песни. Без общения с предшествующими поколениями невозможно создание нового в рамках одной певческой традиции. Народная культура, выступающая в качестве генетической национальной памяти, объединяет человека с предшествующими поколениями во времени (преемственность поколений) и пространстве (связь людей одной национальности). Всё народно-певческое исполнительство есть условие и результат общения людей определённой социальной группы. Только благодаря общению и усвоению культуры предшествующих поколений обновляются произведения музыкального фольклора, который является и средством общения, и результатом общения, потому что «многое в народном пении связано с этой коренной чертой русской народной эстетики – с невычленимостью фольклора из жизни. Традиционное

пение в своей основе – коллективное музицирование, коллективная художественно-практическая деятельность, коллективная исполнительское общение» [3, с. 6]. В свою очередь, общаясь, люди создают, сохраняют и развивают свою местную народно-певческую и исполнительскую традицию. С одной стороны, именно замкнутая среда бытования народно-певческих традиций способствует их наилучшему сохранению, передаче и развитию, а с другой – эта среда обеспечивает её открытость и возможность для приобщения к традиции её новых носителей, выявления народных талантов, так как все участники творческого процесса активно или пассивно участвуют в нём.

Русское народно-певческое исполнительство – это единство утилитарно-бытового и эстетического, его специфику определяют неделимость процессов создания, исполнения и восприятия. Народное пение, народно-певческое исполнительство – это совместная, коллективная творческая деятельность, цель которой заключается в достижении максимального художественного результата средствами певческого искусства, создании яркого индивидуального стиля.

Литература

1. Асафьев Б. В. О народной музыке / сост.: И. Земцовский, А. Кунанбаева. – Л.: Музыка, 1987. – 248 с.
2. Еникеев М. И. Энциклопедия. Общая и социальная психология. – М.: ПРИОР, 2002. – 560 с.
3. Земцовский И. И. Некоторые аспекты народно-певческой эстетики и феномен народного хора // Сохранение и развитие русских народно-певческих традиций: сб. тр. ГМПИ им. Гнесиных. – М., 1986. – Вып. 86. – С. 4–12.
4. Земцовский И. И. Человек музицирующий – Человек интонирующий – Человек артикулирующий // Музыкальная коммуникация: сб. науч. тр. Сер. «Проблемы музыкознания». – СПб., 1996. – Вып. 8. – С. 97–103.
5. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. – СПб.: Петрополис, 2003. – Кн. 1. – 368 с.
6. Культурология. XX век: слов. – СПб.: Университет. кн., 1997. – 640 с.
7. Лазарев В. С. Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления // Вопр. философии. – М.: Наука, 2001. – № 3. – С. 33–47.
8. Лекторский В. А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопр. философии. – М.: Наука, 2001. – № 2. – С. 56–65.
9. Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. – М., 1973.
10. Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры. – М.: Изобраз. искусство, 1983. – 344 с.
11. Чердниченко Т. В. Музыка в истории культуры. – Долгопрудный: Аллегро-Пресс. 1994. – Вып. 1. – 218 с.
12. Швырев В. С. О деятельностном подходе к истолкованию «феномена человека» // Вопр. философии. – М.: Наука, 2001. – № 2. – С. 107–115.

Refereces

1. Asaf'ev B.V. O narodnoy muzyke [About the folk music]. Comp. I. Zemtsovskiy, A. Kunanbaeva. Leningrad, Muzyka Publ., 1987. 248 p. (In Russ.).
2. Enikeev M.I. Entsiklopediya. Obshchaya i sotsial'naya psikhologiya [Encyclopaedia. General and social psychology]. Moscow, PRIOR Publ., 2002. 560 p. (In Russ.).
3. Zemtsovskiy I.I. Nekotorye aspekty narodno-pevcheskoy estetiki i fenomena rodnogo khora [Some aspects of the folk-singing phenomenon of aesthetics and folk choir]. *Sokhranenie i razvitie russkikh narodno-pevcheskikh traditsiy. [Preservation and development of Russian folk singing traditions]*. Moscow, GMPI im. Gnesinyh Publ., 1986, iss. 86, pp. 4–12. (In Russ.).

4. Zemtsovskiy I.I. Chelovek muzitsiruyushchiy – Chelovek intoniruyushchiy – Chelovek artikuliruyushchiy [Man plays music – Man intones – Man articulates]. *Muzykal'naya kommunikatsiya: sbornik nauchnykh trudov [Musical Communication: sat. scientific papers]*, St. Pererburge, 1996, iss. 8, pp. 97–103. (In Russ.).
5. Kagan M.S. Vvedenie v istoriyu mirovoy kul'tury [Introduction to the history of world culture]. St. Pererburge, Petropolis Publ., 2003, vol. 1. 368 p. (In Russ.).
6. Kul'turologiya. XX vek. Slovar' [Cultural Studies. XX Century. Dictionary]. St. Pererburge, Universitetskaya kniga Publ., 1997. 640 p. (In Russ.).
7. Lazarev V.S. Krizis "deyatel'nostnogo podkhoda" v psikhologii i vozmozhnye puti ego preodoleniya [Crisis "activity approach" in psychology and possible ways to overcome]. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*. Moscow, Nauka Publ., 2001, no 3, pp. 33–47. (In Russ.).
8. Lektorskiy V.A. Deyatel'nostnyy podkhod: smert' ili vozrozhdenie? [The activity approach: death or rebirth?]. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*. Moscow, Nauka Publ., 2001, no 2, pp. 56–65. (In Russ.).
9. Lotman Yu.M. Kanonicheskoe iskusstvo kak informatsionnyy paradox [Canonical art as information paradox]. *Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki [Problem canon of ancient and medieval art in Asia and Africa]*. Moscow, 1973. (In Russ.).
10. Nekrasova M.A. Narodnoe iskusstvo kak chast' kul'tury [Folk art as part of the culture]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1983. 344 p. (In Russ.).
11. Cherednichenko T.V. Muzyka v istorii kul'tury [Music in the history of culture]. Dolgoprudnyi, Allegro-Press Publ., 1994, no 1. 218 p. (In Russ.).
12. Shvyrev V.S. O deyatel'nostnom podkhode k istolkovaniyu "fenomena cheloveka" [About the activity approach to the interpretation of "human phenomenon"]. *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*. Moscow, Nauka Publ., 2001, no 2, pp. 107–115 (In Russ.).

УДК 069:394.21.(571.71)

ФОТОРЕКОНСТРУКЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ЭФФЕКТИВНЫХ МЕТОДОВ АКТУАЛИЗАЦИИ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКИХ СИБИРИ В МУЗЕЯХ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Глушкова Полина Валерьевна, аспирант, преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению такого метода актуализации календарной обрядности русских Сибири в музее, как фотореконструкция. Под фотореконструкцией понимается последовательная фиксация обрядовых актов с целью их дальнейшей презентации. Данный метод рассматривается как способ визуализации объектов нематериального культурного наследия. Анализируются особенности данного метода, его преимущества, определяется сфера использования в музейной деятельности.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, календарный обряд, актуализация, музейная деятельность.

PHOTOGRAPHIC RECONSTRUCTION AS ONE OF THE EFFECTIVE METHODS OF UPDATING THE CALENDAR RITUALS OF THE RUSSIANS IN SIBERIA IN THE OPEN-AIR MUSEUMS

Glushkova Polina Valerievna, Post-Graduate, Lecturer, Department of Museology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Updating the Russian calendar rituals is an important activity of the open-air museums. A productive method of updating the calendar rites is a photographic reconstruction. It refers to the sequential fixation of ritual acts with the purpose of their further presentation. Photographic reconstruction is a visualization of the

intangible cultural heritage. This method solves the problem of visibility and gives a calendar rite a formal embodiment, presents the rite in an attractive form, helps to extract more information from the Museum's subject, renders to Museum archives. This method can be used in exhibition, cultural, educational and publishing activities of museums. The method can be used in the field of conservation of cultural heritage, while creating the directory objects and intangible heritage. It possesses advantages compared with other methods of actualization. Its results are permanent, it allows you to comprehensively present the ceremony in relatively simple implementation. This method allows the use of original objects, but also helps to extract information from Museum objects. A photographic reconstruction includes such tasks as restoring the action of rite, its characteristics, highlight the key moment of action, preparation of costumes and attributes, the steps needed to restore the complex, and focus on all specifications. The characteristics of ritual actions are place, time, action features, participants, and attributes. You also need to highlight the most important point, reflecting the characteristics of all ritual actions. In addition, we must pay attention to the costumes and ritual objects. The costumes and attributes can only be used in the method of science-based reconstruction. Compliance with these stages allows to observe the principles of updating the calendar ceremony at the Museum: science, orientation for authenticity, attraction, complexity. The open-air museums have the greatest potential for this method use, as their expositions are located in natural environment. In the museums of this type, it is easy to reconstruct the spatio-temporal runtime rite. Thus, the photographic reconstruction method has a great potential, but almost never used in the operation of the open air museums of Siberia.

Keywords: intangible cultural heritage, calendar rite, updating, activities of a museum.

Актуализация календарной обрядности русских – значимое и прогрессивно развивающееся направление деятельности музеев под открытым небом. Угроза исчезновения объектов нематериального культурного наследия, к которым относятся устные традиции и формы выражения, исполнительские искусства, обычаи, обряды, празднества, традиционные знания и навыки [8], вызывает необходимость не только сохранять данные объекты, но и вводить их в актуальную среду, транслировать в современное общество. Прерванная трансляция и консервация традиции ведет к ее обесцениванию. Традиция должна все время воспроизводиться. Главная задача в сохранении нематериального наследия – его актуализация, а впоследствии – ревитализация [4]. Актуализация календарной обрядности в музеях происходит в рамках форм культурно-образовательной деятельности. Наиболее распространенными формами на сегодняшний день в музеях под открытым небом являются музейный праздник и программа. В рамках данных форм применяются различные методы, единой классификации которых не существует, но можно выделить следующие: реконструкция, стилизация, театрализация, адаптация. Неприменимы к народному календарю методы актуализации, фиксации и трансляции. Мы предлагаем ввести в научный оборот, а впоследствии и

в практическую деятельность музея, такой метод, как фотореконструкция. Его методические описания позволят расширить спектр музейной деятельности по актуализации народного календаря. Кроме того, данный метод имеет ряд преимуществ, позволяющих презентовать календарную обрядность в новом ракурсе.

Специфика нематериальных объектов в том, что они представляют некую идеальную сущность. Актуализируя же подобные объекты, необходимо найти способ их воплощения. Включение идеальных объектов в современное пространство посредством музейной деятельности может осуществляться посредством придания им материального воплощения. Можно выделить четыре варианта формального воплощения календарной обрядности: «опредмечивание», визуализация, «анимирование» и вербализация нематериального объекта. «Опредмечивание» представляет собой воплощение объекта нематериального наследия посредством материальных носителей. Такими носителями выступают предметы из коллекций музея. Данный способ широко применяется в рамках тематических выставок в музейных практиках. Вербализация подразумевает интерпретацию объектов нематериального наследия языковыми средствами. Информация о календарном обряде транслируется посредством рассказа о данной

традиции, на практике вербализация обычно сочетается с визуализацией в рамках тематических экскурсий. «Анимирование» предполагает оживление, воссоздание объектов нематериального наследия, создание модели, функционирующей по аналогии с подлинным объектом нематериального наследия. Не стоит путать «анимирование» с ревитализацией, так как ревитализация подразумевает оживление объекта нематериального культурного наследия, обеспечение возможности его дальнейшего функционирования и самовоспроизведения, то есть возвращение объекта к жизни [5, с. 15]. «Анимирование» же способствует воссозданию объекта в пространстве музея, включение его в актуальную среду. Оно может впоследствии привести к ревитализации, но это не обязательное условие. И, наконец, визуализация предполагает интерпретацию нематериальных объектов посредством визуальных средств, то есть воссоздание зрительного образа данного объекта. Визуализировать объект нематериального наследия можно с помощью метода фотореконструкции. Под фотореконструкцией предлагается понимать последовательную фотофиксацию реконструированных обрядовых актов с целью презентации их в комплексе.

Использование фотоматериалов в музейной деятельности в рамках сохранения нематериального наследия – явление не новое. Фотографии с запечатленными фрагментами праздничных действий являются важным источником информации об объекте нематериального культурного наследия и в ряде случаев способны донести большее количество сведений, нежели этнографические описания. Также фотоматериалы из музейных собраний применяются для презентации народного календаря в рамках тематических выставок и в ряде форм культурно-образовательной деятельности. Однако на выставках такие фотографии выступают как экспонаты второго плана, так как они не обладают достаточной степенью привлекательности и презентативности. В большинстве случаев данные источники очень плохого качества и хотя являются ценным носителем информации для музейного специалиста, для посетителя не всегда могут выступать в данном качестве. Фотореконструкция же позволяет решить проблему привлекательности визуализированных объектов нематериального наследия. Кроме того, материалы, созданные на основе метода фото-

реконструкции, способны решать еще целый ряд задач. Таким образом, фотореконструкции выполняют следующие функции.

1. Решают проблему наглядности и позволяют придать такому нематериальному объекту, как календарный обряд формальное воплощение.

2. Презентуют календарный обряд в привлекательной для посетителя форме. Такое свойство, как привлекательность очень важно при презентации, так как от этого напрямую зависит, насколько воспринятый объект будет воспринят посетителем.

3. Представляют собой информационный ресурс, из которого можно получить широкий спектр информации.

4. Способствуют визуализации музейных архивов. В том случае, если в музее хранятся архивные материалы по календарной обрядности, содержащие уникальные сведения, фотореконструкции позволяют популяризировать музейные собрания.

5. Продуктивно использование полученных материалов в рамках выездных экскурсий и других культурно-образовательных мероприятий, а также внемузейных выставок.

Метод фотореконструкции может использоваться как самостоятельно, так и в комплексе с другими методами актуализации народного календаря. Стоит отметить, что наряду с другими методами он обладает рядом преимуществ.

1. Материалы, полученные на основе применения данного метода, способны сохраняться во времени, носят постоянный характер, в отличие, например, от анимационных моделей, основанных на методе театрализации носящих временный характер.

2. Позволяют последовательно презентовать обрядовые акты, воспроизводить детали действия, презентовать материальную составляющую обряда.

3. Фотореконструкция – более простой метод в исполнении, чем создание реконструированной модели.

4. Допустимо использовать подлинные предметы из коллекций музея в качестве ритуальной атрибутики, костюмов участников действия. При анимации календарного обряда возможности использования подлинных предметов ограничены.

5. Посредством метода фотореконструкции решается проблема недостаточности в коллекци-

ях музеев предметов – носителей информации о календарной обрядности. Дело в том, что ритуальная атрибутика чаще всего изготавливалась специально для совершения ритуала, после же она уничтожалась. Например, маски ряженных «шеликунов» необходимо было сжигать [10, с. 110], уничтожались и чучело Масленки, троицкая березка-«гостейка». Бытовые предметы, не несущие собственно ритуального значения, но используемые в обрядах, широко представлены в коллекциях музеев, однако сами по себе они не способны выражать информацию о ритуальном действии. Фотореконструкции же способствуют раскрытию смыслов, заключающихся в таких предметах, и несут информацию об использовании данных предметов.

Источниками для фотореконструкции являются этнографические описания, фотоматериалы, содержащиеся в музейных собраниях, архивах других институтов, музейные предметы, полевые материалы, научные источники и литература. При использовании метода фотореконструкции в рамках актуализации календарного обряда в музее необходимо опираться на те же принципы, что и при презентации народного календаря на основе других методов: на принципы научности, ориентации на подлинность, комплексности, аттрактивности, интерактивности.

Принцип научности подразумевает воспроизведение обряда на научной основе, с опорой на научные источники. Принцип ориентации на подлинность базируется на презентации максимально приближенных к аутентичным форм. Принцип комплексности предполагает воспроизведение не только непосредственно структуры обряда, но и дополнение его соответствующей атрибутикой, воспроизведением пространственных и временных характеристик обряда и т. д. Единственный аспект, который невозможно передать посредством метода фотореконструкции – вербальное наполнение обряда. Принцип аттрактивности предусматривает визуализацию обряда в максимально привлекательной для посетителя форме. Принцип интерактивности неприменим по отношению к методу фотореконструкции, однако должен учитываться при использовании его результатов в различных формах культурно-образовательной деятельности.

Для соблюдения данных принципов необходимо пройти определенные этапы:

1. Восстановление обрядовых актов.

В рамках применения метода фотореконструкции стоит воссоздать структуру обряда как комплекс составляющих его актов. Необходимость воспроизведения всех структурных элементов обусловлена тем, что обряд – это определенная комбинация. Обрядовые акты могут бытовать и вне контекста определенного праздника, но только их совокупность составляет обряд [2, с. 100]. Например, ряженье характерно для целого ряда календарных обрядов, но только в комплексе с такими актами, как гадания, вечерки, славения, посеваания формируется святочная обрядность.

2. Восстановление характеристик обрядовых актов.

Обрядовый акт обладает рядом особенностей. Для фотореконструкции важно восстановить обрядовое действие во всей его полноте, с учетом мельчайших подробностей. В данном случае важны детали, которые, при анимации могут быть опущены. Каждый обрядовый акт обладает такими характеристиками, как:

- место действия,
- время действия,
- участники действия,
- специфика действия,
- предметы, эксплуатируемые посредством действия.

При воссоздании пространственной среды стоит обратить внимание на особенности самого места и на специфику размещения в пространстве действующих лиц, а также предметов, задействованных в ритуале. Например, при презентации гаданий стоит уделить особое внимание подбору переходных локусов, к которым можно отнести перекрестки, пороги, конец двора и деревни, дороги; «нечистые» места: баню овин [3, с. 21], места у воды: проруби и колодцы; кладбища [7, с. 85]. При воспроизведении гадания с зеркалом, стоит учитывать, что свеча ставилась справа, а не слева от зеркала [9, с. 26].

Проблема воссоздания пространственной среды в музеях под открытым небом не стоит: музеи данного типа имеют возможность эксплуатировать как экстерьерные, так и интерьерные экспозиции.

Воссоздание временной среды также является важным аспектом. Необходимо фиксировать акты в свойственное им время: например, гадания – в темное время суток, сбор росы на Ивана Купалу – на рассвете и т. д.

Участники действия должны подбираться по таким характеристикам, как пол, возраст. Кроме того, необходимо воспроизводить особенности внешнего вида исполнителей обрядового действия, например, во время гадания девушкам необходимо было распустать волосы, снимать пояса, кресты и другие обереги [6, с. 173].

Таким образом, необходимо ответить на вопросы когда, где, кем, посредством чего и как совершался данный акт. Все эти аспекты должны быть учтены при фотореконструкции.

1. Выявление ключевого момента обрядового акта.

Посредством метода фотореконструкции возможно зафиксировать только какой-то один момент обрядового действия, в то время как результат должен иллюстрировать обряд в целом. Следовательно, необходимо выявить такой момент, который в наилучшей степени презентует действие во всей полноте, в наибольшей степени способствует выражению сути и семантической составляющей обряда. Такой момент предлагает обозначить как ключевой.

2. Подготовка ритуальных костюмов.

Так как реконструируемый посредством фотографии материал должен быть ориентирован на аутентичность и создавать иллюзию подлинности, необходимо воссоздать традиционные костюмы участников обряда, в том числе ритуальные. Календарный обряд воспринимался как значимое событие в жизни русского сибиряка, праздничная одежда отличалась от повседневной. Женский праздничный комплекс состоял из юбки, кофты, натальной рубахи. В будни могли ограничиться кофтой и рубахой. Повседневная одежда могла изготавливаться из домотканого полотна, выходная только из покупного. Праздничную одежду шили из кашемира, шелковых тканей, атласа, декорировали кружевом, вышивкой, отделкой. Женщины носили «наколки», а также различные украшения: бусы, серьги, кольца. Мужчины надевали рубахи навыпуск, подпоясанными [1, с. 178–179].

3. Подготовка необходимой атрибутики.

Предметы, применяемые в рамках фотореконструкции, должны быть подобраны тщатель-

ным образом. Допускается использование подлинных предметов из коллекций музея, так как по сравнению с «анимированием» календарных обрядов, риск повреждений их значительно снижен. Воспроизведения атрибутики при использовании метода фотореконструкции могут изготавливаться только с применением метода научно-обоснованной реконструкции. Это относится как к ритуальным атрибутам, так и к сопутствующим.

Соблюдение данных этапов позволит создать продукт, способствующий актуализации календарной обрядности в различных сферах музейной деятельности. Область применения материалов, полученных в ходе фотореконструкции, достаточно широка. Возможно их использование в рамках тематических выставок, культурно-образовательных мероприятий, в издательской деятельности музея. Кроме того, им можно найти применение при сохранении объектов нематериального культурного наследия, например, при формировании музейного каталога в качестве дополнительного материала к текстовым источникам.

Организация тематических выставок позволяет познакомить посетителя с материальным воплощением нематериальных объектов. На тематических выставках презентуются предметы из коллекций музея, являющиеся носителями традиционных представлений о народном календаре, а также фотоматериалы из музейных собраний, иллюстрирующие тот или иной обряд. Использование в рамках таких выставок фотореконструкций позволит создать комплексное представление об обряде, презентовать его во всей полноте, раскрыть информационный потенциал музейного предмета, и, в конечном счете, в аттрактивной форме актуализировать народный календарь.

Использование приема взаимной документации, то есть дополнение фотореконструкций предметами из коллекций музея, позволяет увеличить информационный потенциал музейного предмета, раскрыть глубинные семантические слои предметов, не являющихся ритуальной атрибутикой, но используемых в обрядах. Например, хомут, применяемый при святочном гадании, получает дополнительную семантическую нагрузку и наряду с утилитарными характеристиками приобретает ритуальное значение. Музейными предметами, не имеющими ритуального значения, но

обладающими потенциалом для раскрытия внутренней семантики являются зеркала, используемые в рамках святочных гаданий, полотенца, применяемые в обрядах, кухонная утварь, эксплуатируемая ряжеными. Такие предметы имеются в коллекции практически каждого музея, но чаще всего их информационный потенциал не раскрывается в полной мере. В ряде случаев объединение подобных предметов в единое экспозиционное пространство не способствует экспликации семантической составляющей, связанной с календарной обрядностью. И выразить данное смысловое наполнение можно только посредством фотореконструкций.

Образцы, полученные в ходе фотореконструкции, могут использоваться в рамках практически всех форм культурно-образовательной деятельности. Выступая, с одной стороны, как вспомогательный материал, они, тем не менее, способствуют воссозданию комплексной картины обряда и способны визуализировать объект нематериального культурного наследия.

Использование фотореконструкций в издательской деятельности музея также достаточно продуктивно. В основном, в музейных изданиях печатаются результаты фотофиксации культурно-образовательных мероприятий, презентующих календарную обрядность. Но при создании данных фотографий ставится цель презентовать музейную деятельность, а не объект нематериального наследия, соответственно, и результаты будут выполнять различные функции.

Метод фотореконструкции важен также при фиксации объектов нематериального культурного объекта. В данном случае фотографии могут выступать как иллюстративный материал для этнографических описаний. Эффективно применение данного метода в рамках создания музейного каталога объектов нематериального культурного наследия.

Наибольшим потенциалом для применения данного метода обладают музеи под открытым не-

бом, в частности архитектурно-этнографические или комплексные музеи, презентующие образцы деревянного зодчества. Преимущество музеев данного типа обусловлено возможностью воссоздания пространственно-временной среды, характерной для исполнения обряда, так как экспонирование историко-культурных объектов происходит в музеях под открытым небом в максимально приближенной к естественной среде.

Фотореконструкция может выполняться как специалистами в области фотоискусства, так и сотрудниками музея. Исполнителями также могут выступать как профессиональные модели, так и непрофессионалы. От уровня профессионализма напрямую будет зависеть качество продукта и его attractiveness. Подготовительные этапы должны выполняться только научными сотрудниками музея, в противном случае реконструируемая традиция может быть трансформирована, и результатом станет не актуализация нематериального наследия, а стилизация. Таким образом, в рамках рассматриваемого метода важно соблюсти баланс научной и художественно-образной составляющей.

Метод фотореконструкции обладает большим потенциалом в области актуализации народного календаря, однако в практической деятельности музеев под открытым небом Сибири практически не используется. Функцию фотореконструкций выполняют фотофиксации культурно-образовательных мероприятий музея, которые используются в выставочной и издательской деятельности. Однако, как было сказано выше, они не могут быть отнесены к воссозданным объектам нематериального наследия. Внедрение данного метода в музейную практику в комплексе с другими методами актуализации календарной обрядности будет способствовать увеличению эффективности деятельности музеев по сохранению и презентации такого значимого объекта традиционной русской культуры, как народный календарь.

Литература

1. Бардина П. Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 224 с.
2. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Мотив «уничтожения – проводов нечистой силы» в восточнославянском купальском обряде [Электронный ресурс] // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). – М.: Наука, 1990. – С. 99–118. – URL: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/1990_Pogrebals'nyj_obr'ad.pdf. – Загл. с экрана.

3. Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. – М.: Наука, 1988. – 240 с.
4. Кирюшина Ю. В. Нематериальное культурное наследие – актуальное понятие современности [Электронный ресурс] // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2011. – № 2. – URL: <http://izvestia.asu.ru/2011/2-1/cult/TheNewsOfASU-2011-2-1-cult-01.pdf>. – Загл. с экрана.
5. Курьянова Т. С. Музей и нематериальное культурное наследие [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 361. – С. 55–57. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/muзей-i-nematerialnoe-kulturnoe-nasledie>. – Загл. с экрана.
6. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начало XX века. – М.: Наука, 1996. – 269 с.
7. Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX века. – Новосибирск: Изд-во ИА и Э СО РАН, 2004. – 240 с.
8. Международная конвенция по охране нематериального культурного наследия, Париж, 17 окт. 2003 года [Электронный ресурс]. – URL: fapcom.ru/files/Konventsija_ob_ohrane_nematerial_nogo_kul_turnogo_naslediya.pdf. – Загл. с экрана.
9. Фольклор Кемеровской области / сост. Е. И. Лутовинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 197 с.
10. Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX век). Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. – Новосибирск: АГРО, 2002. – Ч. 1. – 285 с.

References

1. Bardina P.E. Byt russkikh sibirjakov Tomskogo kraja [The Russian Siberian routine in Tomsk region]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1995. 224 p. (In Russ.).
2. Vinogradova L.N., Tolstaya S. M. Motiv “unichtozheniya – provodov nechistoy sily” v vostochnoslavjanskom kupal’skom obryade. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoj kul’tury: (Pogrebal’nyy obryad)* [The motif of “destruction of evil forces” of East midsummer rites. *Research in Balto-Slavic spiritual culture: (funeral rite)*]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 99–118. Available at: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/1990_Pogrebal'nyj_obr'ad.pdf. (In Russ.).
3. Dmitrieva S.I. Fol’klor i narodnoe iskusstvo russkikh Evropejskogo Severa [Folklore and Folk Art Russian European North]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 240 p. (In Russ.).
4. Kiryushina Yu.V. Nematerial’noe kul’turnoe nasledie – aktual’noe ponyatie sovremennosti [Intangible cultural heritage – the actual concept of modernity]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]*, 2011, no 2. Available at: <http://izvestia.asu.ru/2011/2-1/cult/TheNewsOfASU-2011-2-1-cult-01.pdf>. (In Russ.).
5. Kur’yanova T.S. Muzey i nematerial’noe kul’turnoe nasledie [Museum and intangible cultural heritage]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2012, no 361, pp. 55–57. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/muзей-i-nematerialnoe-kulturnoe-nasledie>. (In Russ.).
6. Lipinskaya V.A. Starozhily i pereselentsy.russkie na Altae XVIII – nachalo XX veka [Old residents and immigrants. russian Altai of the XVIII – beginning of XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 269 p. (In Russ.).
7. Lyubimova G.V. Vozrastnoy simbolizm v kul’ture kalendarnogo prazdnika russkogo naseleniya Sibiri. XIX – nachalo XX veka [Age symbolism in the culture of the holiday calendar of the Russian population of Siberia. XIX – early XX century]. Novosibirsk, IA i E SO RAN Publ., 2004. 240 p. (In Russ.).
8. Mezhdunarodnaya konventsija po okhrane nematerial’nogo kul’turnogo naslediya, Parizh, 17 oktyabrya 2003 goda [International Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, Paris, 17 October, 2003]. Available at: fapcom.ru/files/Konventsija_ob_ohrane_nematerial_nogo_kul_turnogo_naslediya.pdf. (In Russ.).
9. Fol’klor Kemerovskoy oblasti [Folklore of Kemerovo Region]. Ed. E.I. Lutovinova. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1997. 197 p. (In Russ.).
10. Fursova E. F. Kalendarnye obychai i obryady vostochnoslavjanskikh narodov Novosibirskoy oblasti kak rezul’tat mezhetnicheskogo vzaimodeystviya (konets XIX–XX veka). Obychai i obryady zimne-vesennego perioda [Calendar customs and rites of East Slavic peoples of Novosibirsk region as a result of inter-ethnic interaction (XIX–XX). Customs and traditions of the winter-spring period]. Novosibirsk, AGRO Publ., 2002, part. 1. 285 p. (In Russ.).

УДК 7803

КОНЦЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЫКАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В НОВОКУЗНЕЦКЕ

Лесовиченко А. М., доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ). E-mail: lecovichenko50@mail.ru

Прибыткова А. В., соискатель, Новосибирский государственный педагогический университет, преподаватель, Детская школа искусств № 1 (г. Новокузнецк, РФ). E-mail: a.v.profit@mail.ru

В статье рассмотрена краткая история становления концертной деятельности в городе Новокузнецке, начиная с первой половины XX века до настоящего времени. Авторами была представлена линия развития художественной самодеятельности, приведшая к возникновению профессиональных учебных заведений, которые являются одним из основных средств концертной деятельности промышленного города.

Ключевые слова: концертная жизнь, художественная самодеятельность, коллективы, музыкальные школы, школы искусств, колледж искусств.

CONCERT ACTIVITY IN MUSICAL EDUCATION INSTITUTIONS OF NOVOKUZNETSK

Lesovichenko A. M., Doctor of Culturology, Professor, Chair of Folk Art Culture and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lecovichenko50@mail.ru

Pribytkova A. V., Post-Graduate Student, Novosibirsk State Pedagogical University, Teacher, Children's Art School No. 1 (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: a.v.profit@mail.ru

The article describes a brief history of the formation of concert activity in Novokuznetsk, since the first half of the XX century to the present. The authors have presented the development of amateur line that created the vocational training institutions, which are one of the main means of concert activity of the industrial city.

Keywords: concert life, amateur, groups, music schools, art schools, college of art.

Структура концертной жизни в музыкальной культуре европейского типа опирается большей частью на профессиональных артистов, выступающих с концертами постоянно. Однако в условиях провинциального города основная нагрузка ложится на клубные учреждения. А по мере развития системы музыкальных учебных заведений – и на них тоже.

Города, отдаленные от центра региона, в культурном плане несколько обделены разнообразием концертной жизни. Это касается, в частности, индустриальных городов. Новокузнецк не стал исключением. При том, что с появлением крупных предприятий, здесь сконцентрировались большие массы трудящихся, интенсивность му-

зыкальной жизни увеличивалось гораздо медленнее, чем собственно производственная.

Конечно, до появления промышленных гигантов (город имеет четырехсотлетнюю историю, а бурный рост начался в первой половине XX века, со времени строительства Кузнецкого металлургического комбината) культурная жизнь здесь была ещё менее богатой, однако, изменения в структуре музыкальной жизни, несмотря на количественное увеличение города, долгое время были не очень существенными.

Пожалуй, самым заметным обстоятельством можно считать активное внедрение рабочих и учащихся фабрично-заводских училищ в художественную самодеятельность. Именно она многие

годы была основным ресурсом концертной жизни города. Например, оркестр баянистов из рабочих и учащихся Кузнецкого металлургического комбината за небольшой срок существования (с мая 1937 по март 1938 года) дал более 50 выступлений перед рабочей аудиторией, исполнив произведения классического и народного репертуара [1, с. 4]. В 1939 году самодеятельные кружки Дворца культуры металлургов 371 раз выступили на различных площадках, обслужив в праздники и на выборах более 107 тысяч человек [2, с. 8].

В годы войны в художественной самодеятельности возникали коллективы, способные исполнять даже сложные образцы классики. Так, известно, что на концерте, посвященном юбилею П. Чайковского, струнным оркестром самодеятельного кружка Дворца культуры металлургов (руководитель Б. А. Галыгин) в 1942 году была исполнена интермедия к опере «Пиковая дама» [3, с. 4]. Разумеется, среди участников коллектива были педагоги, а возможно и учащиеся.

Площадками для выступлений чаще всего были клубы и другие учреждения культуры. Например, самодеятельные коллективы профсоюз угольщиков показывали свои творческие достижения на сцене Летнего театра металлургов [4, с. 2]. Позже в различных клубах города стали организовываться и проводиться не только единичные концерты, а целые фестивали и циклы концертов художественной самодеятельности предприятий Новокузнецка. В частности, в 1957 году памятным событием стал фестиваль молодежи Старокузнецка в клубе им. Гоголя. На праздниках молодежи выступал хор Сталинской ТЭЦ [6, с. 2]. В клубе Островской площадки проходили концерты, в которых принимал участие коллектив художественной самодеятельности учебно-производственного предприятия общества слепых – руководитель А. Кулаков [5, с. 8].

Так продолжалось до середины 90-х годов XX века, когда клубная система стала испытывать большие проблемы в своей деятельности.

Более жизнеспособной оказалась концертно-просветительская деятельность музыкальных школ, школ искусств, колледжа искусств и музыкального отделения факультета Педагогики и методики начального образования Кузбасской государственной педагогической академии. Здесь

основная нагрузка ложится на учреждения ведомства культуры, педагогическое – выполняет вспомогательные задачи. Например, сводный хор студентов Новокузнецкого колледжа искусств и Кузбасской государственной педагогической академии под руководством заслуженного деятеля искусств РФ С. Липового, выступая на крупных хоровых мероприятиях, таких как ежегодный фестиваль Православной духовной музыки, в большей степени опирается на студентов колледжа искусств [8, с. 129].

В постсоветское время стало понятно, что в структуре концертной жизни деятельность учебных заведений художественной культуры является важной не только для формирования профессионализма обучающихся, но и в аккумуляции слушателей, выполняет тем самым важную социальную функцию в рамках города.

При этом следует отметить, что концертная роль учебных заведений непрофессиональной направленности – детских музыкальных школ и школ искусств, школ для взрослых, кружков и студий в клубных учреждениях – не совпадают с задачами центров специальной подготовки музыкантов в колледже искусств.

Тем не менее, могут быть выделены общие моменты, характеризующие концертную деятельность всех учебных заведений: основные формы концертной работы осуществляются, прежде всего, как способ активизации учебного процесса и демонстрации его результатов [7, с. 19]. Например, во всех вышеперечисленных музыкальных учебных заведениях проводятся ежегодные отчетные концерты. В музыкальных школах и школах искусств такие концерты демонстрируют всю музыкально-концертную деятельность за год, а колледж искусств представляет концерты каждого из своих отделений в отдельности. Слушателей города ежегодно радуют концерты студенческого оркестра русских народных инструментов под руководством А. Михайлина, а также студенты и преподаватели духового, оркестрового, фортепианного и вокального отделений. Примером может послужить концерт вокальной музыки «Мелодии поющих сердец», прошедший во Дворце культуры «Алюминщик». В концертах принимают участие преподаватель Новокузнецкого колледжа искусств, лауреат международных конкурсов

Наталья Николаюк и студентка вокального отделения колледжа, лауреат международного конкурса в Болгарии, стипендиат областной стипендии имени Б. Штоколова Екатерина Исаева [9].

Концертная деятельность учебного заведения – не самоцель. Однако, если речь идет о концертах преподавателей, можно говорить и об иных позициях. Для некоторых это именно главная часть профессиональной жизни.

Нужно иметь в виду также, что зал учебного заведения зачастую становится более или менее систематической площадкой для выступления гастролирующих музыкантов, а учащиеся и преподаватели – нередко единственными слушателями.

Восприятие концертов, проходящих в учебном заведении достаточно специфично. Исходным моментом здесь является удовлетворение художественно-познавательных потребностей и лишь попутно эстетических и гедонистических.

Различия роли музыкальных учебных заведений определяется как социальной задачей учебного заведения, так и особенностями развития культуры населенного пункта в том или ином регионе. Преимущественно индустриальный спектр новокузнецкого социума неизбежно сказывается на приоритетах в выборе репертуара выступлений преподавателей и учащихся, который ограничивается пределами популярной классики или музыки, распространяемой в СМИ.

Несмотря на заметную концертную деятельность, которую ведет колледж искусств, в этой сфере с ними успешно конкурируют музыкальные школы и школы искусств. Там, где нет никаких музыкальных вузов, средние учебные заведения могут быть главным звеном концертной жизни города, если к тому же отсутствуют профессиональные концертные организации. Именно такая ситуация сложилась в Новокузнецке.

Когда музыкальная школа или школа искусств не имеет своей концертной площадки, которую можно использовать как общедоступную, происходит труднорасчленимое сращивание концертной деятельности музыкальной школы и клубного учреждения или дворца культуры, например, на совместном концерте преподавателей Детская школа искусств № 1 и школы-студии современного танца «Танцующий остров», посвященном Дню медицинского работника. Ежегодно

проходит «Рождественский концерт», на котором учащиеся хореографического отделения Детской школы искусств № 1 выступают со всеми балетными классами города на сцене Дворца культуры «Алюминщик».

Положение учреждения в концертной жизни населенного пункта во многом определяет социально-психологические свойства учащихся, что, в свою очередь, сказывается на профессиональном развитии последних.

Ключевое положение учебного заведения любого уровня в концертной жизни населенного пункта обеспечивает быстрое формирование сценической, а через это и личностной уверенности учащихся, создает условия для взросления, особенно это относится к профессиональным заведениям.

Вместе с тем, тот же момент является одним из факторов ограничения творческого роста, рано создает сугубо прагматическое отношение к художественной деятельности. И, напротив, в тех случаях, когда начинающий музыкант долго изолирован от систематической концертной практики, в его сознании формируется образ идеального слушателя, который стимулирует потребность непрерывного творческого роста.

Аналогичным образом складывается и система ценностей в концертно-исполнительской работе у преподавателей учебных заведений: возможность интенсивной концертной деятельности при отсутствии творческой конкуренции обуславливает часто среднее качество результата, но обеспечивает сценическую уверенность и «легкое» отношение к своему труду. Новокузнецкие музыканты часто берутся за разные виды музыкальной деятельности, поскольку музыкантская среда в городе не очень дифференцирована.

Исключение составляют те случаи, когда преподаватель сам прошел становление в элитарной среде, ориентируется на ее ценности. Нередко в условиях географической оторванности от своей группы добивается высоких и самобытных творческих результатов. Если такой музыкант способен влиять на духовную атмосферу учебного заведения, где он работает, может сложиться школа с высоким творческим потенциалом в городах, удаленных от традиционных творческих музыкальных центров. В Новокузнецке показана

тельным, в этом смысле, деятелем является Лазарь Александровский – в прошлом доцент Новосибирской консерватории, интересный пианист, с начала 90-х живущий в кузбасском городе.

Концертная деятельность музыкальных учебных заведений в Новокузнецке стала не толь-

ко заметным, но во многом решающим фактором концертной жизни города, поскольку клубные учреждения опираются в наибольшей мере именно на учащуюся молодёжь, а выступления профессиональных артистов в последние десятилетия стали достаточно редкими.

Литература

1. Большеви́стская сталь. – 1938. – № 67. – 28 марта.
2. Большеви́стская сталь. – 1940. – № 26. – 9 февр.
3. Большеви́стская сталь. – 1942. – № 46. – 17 апр.
4. Бухтиярова Т. Городской смотр художественной самодеятельности // Большеви́стская сталь. – 1950. – № 108. – 2 июня.
5. Илларионова З. Совершенствуется мастерство самодеятельных артистов // Кузнецкий рабочий. – 1960. – № 82. – 24 апр.
6. Кузнецкий рабочий. – 1957. – № 36. – 20 февр.
7. Лесовиченко А. К проблеме концертной деятельности музыкального учебного заведения // Интеллект. Культура. Образование: мат-лы сибир. конф. – Новосибирск, 1994. – С. 129–132.
8. Липовой С. Из опыта работы с Новокузнецким муниципальным камерным хором // Из истории музыкальной культуры Сибири: сб. ст. / ред.-сост. О. А. Киселева. – Новокузнецк. – 2009. – С. 13–23.
9. ГОУ СПО «Новокузнецкий колледж искусств» [Электронный ресурс]. – URL: <http://artcollege-nk.ru> (дата обращения: 03.09.2014).

References

1. Bol'shevistskaya stal' [The Bolshevik steel], 1938, no 67, March 28. (In Russ.).
2. Bol'shevistskaya stal' [The Bolshevik steel], 1940, no 26, February 9. (In Russ.).
3. Bol'shevistskaya stal' [The Bolshevik steel], 1942, no 46, April 17. (In Russ.).
4. Bukhtiyarova T. Gorodskoy smotr khudozhestvennoy samodeyatel'nosti. [Urban review of amateur art work]. *Bol'shevistskaya stal'*, 1950, no 108, June 2. (In Russ.).
5. Illarionova Z. Sovershenstvuetsya masterstvo samodeyatel'nykh artistov [Improved mastery of amateur actors]. *Kuznetskiy rabochiy*, 1960, no. 82, April 24. (In Russ.).
6. Kuznetskiy rabochiy [Kuznetsk worker], 1957, no 36, February 20. (In Russ.).
7. Lesovichenko A. K probleme kontsertnoy deyatel'nosti muzykal'nogo uchebnogo zavedeniya [On the problem of live performances music schools]. *Intellekt. Kul'tura. Obrazovanie: materialy sibirskoy konferentsii [Intellect. Culture. Education: Siberian conference materials]*. Novosibirsk, 1994, pp. 129–132. (In Russ.).
8. Lipovoy S. Iz opyta raboty s Novokuznetskim munitsipal'nym kamernym khorom [From experience with Novokuznetsk Municipal Chamber Choir] *Iz istorii muzykal'noy kul'tury Sibiri. Sbornik statey. Red.-sost. O.A. Kiseleva [From the history of musical culture of Siberia. Collection of articles. Ed. O.A. Kiselyova]*. Novokuznetsk, 2009, pp. 13–23. (In Russ.).
9. GOU SPO "Novokuznetskiy kolledzh iskusstv" [Novokuznetsk College of Arts]. Available at: <http://artcollege-nk.ru> (accessed 03.09.2014). (In Russ.).

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 101.8

РОЛЬ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО МЕТОДА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ртищева Оксана Владимировна, кандидат философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: ortishheva@mail.ru

На отдельных этапах своего развития герменевтика понималась как метод исторической интерпретации, искусство перевода исторических текстов. Но герменевтический метод не ограничивается только принципом историчности. Безусловно, принцип историчности занимает в герменевтике не последнее место, и о нем правомерно говорить с точки зрения обусловленности любого истолкования конкретной исторической и социокультурной ситуации независимо от реальной дистанции, отделяющей объект интерпретации от интерпретатора. Однако нельзя забывать, что герменевтика возникла как наука о понимании, а это способствовало выработке определённой стратегии и методов исследования проблем понимания межкультурной коммуникации. Данное исследование посвящено проблеме достижения межкультурной коммуникации через интерпретацию иноязычного текста. Перевод и интерпретация являются важнейшими средствами достижения понимания в межкультурной коммуникации. Проблема интерпретации не исчерпывается уяснением герменевтического смысла и вообще истолкования. Практика интерпретации опирается на социальную обусловленность референции. Отношение интерпретации представляет собой основу, или вид контекстуальности и даже интерконтекстуальности. Это значит, что мир дан или, точнее, задан всегда в определенном контексте, в ситуации, во времени. Любая истолковывающая интерпретация отталкивается от общего понимания мира. В случае конфликта интерпретаций меняется не мировоззрение, а интерпретация.

Так как цель исследования – определить роль герменевтического метода в процессе межкультурной коммуникации, то объектом исследования является иноязычный текст. Герменевтический метод на первый план выдвигает текст. В данной статье автор предлагает рассмотреть и проанализировать основные виды-группы герменевтической интерпретации, включаемые в процесс перевода: языковая (грамматическая) интерпретация, стилистическая интерпретация, культурно-историческая интерпретация. Языковая (грамматическая) интерпретация не обращает внимания на художественные цели автора, на исторические обстоятельства функционирования сознания, она ориентирована на слова и их связи, точнее, на мысли и чувства, в них выраженные. Языковая интерпретация, основанная на изучении конкретного языка, включает в себя анализ слов (анализ лексики, значений слов, их этимологии, рассмотрение метафор) и анализ словосочетаний, грамматических форм. Стилистическая интерпретация выявляет как данное произведение (текст) достигает своей цели. Эти цели могут быть указаны в предисловиях, введениях, заголовках. Причем цель может лежать и вне произведения, и в нем самом. Культурно-историческая интерпретация связана с выявлением конкретных обстоятельств создания текста (произведения). Мало знать автора, его язык и стиль. Всякий автор – сын своей эпохи. Сфера культурно-исторической интерпретации бесконечна, и чем лучше и детальней мы познаем эпоху и ее культуру, тем лучше мы поймем произведение – элемент данной культуры.

Ключевые слова: герменевтика, герменевтический метод, межкультурная коммуникация, язык, перевод, интерпретация, текст.

THE ROLE OF HERMENEUTIC METHOD IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Rtischeva Oksana Vladimirovna, Candidate of Philosophic Sciences, Docent, Director of Institute of Social Sciences and Humanities, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ortishheva@mail.ru

Hermeneutics as a general science of interpretation can be traced back to more domain-specific applications in the ancient Greeks' study of literature and ancient Biblical exegesis. Regarding texts as organic or coherent wholes, rather than collections of disjointed parts, the text is expected to be consistent in grammar, style and ideas. The outlook and values of people varied over different historical periods and cultures. The text and actions are as much products of their time as expressions of individuals, and their meanings were consequently constrained by both an orientation to values of their period and place. Hermeneutics emerged as a science of understanding, and it contributed to the development of specific strategies and methods of research the problems of understanding cross-cultural communication. In this study, we are interested in the problem of achieving cross-cultural communication through the interpretation of foreign text. Translation and interpretation are essential means of achieving understanding of cross-cultural communication. The goal of the research is defining the role of hermeneutical method in the process of cross-cultural communication; the object of the study is a foreign text. The text is propounded by the hermeneutical method in the first place. But it is necessary to make adjustments in the meaning of the text. Some representatives of hermeneutics tend to understand a text as only written facts of natural language. The meaning of the text is hidden from the subject of cognition, so it must be decrypted, understand, realize, and interpret. All these concepts can be synthesized in a general methodological category of "understanding". In this study, the author suggests to consider the basic types (groups) of hermeneutic interpretation included into the translation process. These are language (grammatical) interpretation, stylistic interpretation, cultural and historical interpretation. Language (grammatical) interpretation, based on the study of a particular language, includes an analysis of words (vocabulary analysis, the meaning of words, their etymology, and metaphor consideration) and the analysis of phrases, grammatical forms. The importance of adequate perception of social and linguistic meaning of the words appears in translation. Stylistic interpretation reveals how the work (text) achieves its goal. These objectives can be stated in the preface, introduction and headings. In addition, the goal may lie outside the work, and in itself. An important component of stylistic interpretation is individual artistic style, it combines all the works of one author, and it is his individual creative method. Cultural and historical interpretation involves specific circumstances of creating the work (text). The scope of cultural and historical interpretation is infinite, the better and more detailed the era, and the culture is known, the better the work – the element of the culture is understood.

Keywords: hermeneutic, hermeneutic method, cross-cultural communication, language, translation, interpretation, text.

At different stages of its development hermeneutics was understood as a method of historical interpretation, the art of translating historical texts. But hermeneutical method is not limited only to the principle of historicity. Of course, the principle of historicity in hermeneutics takes not the last place, and it is correct to speak in terms of the conditionality of any particular interpretation of the historical and

social and cultural situation regardless of the actual distance separating the object of interpretation from the interpreter. But we must not forget that hermeneutics emerged as a science of understanding, and it contributed to the development of specific strategies and methods of research the problems of understanding cross-cultural communication. In this study, we are interested in the problem of

achieving cross-cultural communication through the interpretation of foreign text. Translation and interpretation are essential means of achieving understanding of cross-cultural communication. The problem is not confined to clarify the meaning and general hermeneutical interpretation. The practice is based on the interpretation of social conditioning for reference. The attitude is the basis for interpretation, or the kind of contextual and even inter-contextual. This means that the world is given, or, more precisely, always set in a particular context, in a situation, in time. Any interpretation construed repelled from the common understanding of the world. In case of conflict between the interpretations, the outlook is changed but not interpretation.

Since the goal of our research is defining the role of hermeneutical method in the process of cross-cultural communication, the object of the study is a foreign text. The text is propounded by the hermeneutical method in the first place. But it is necessary to make adjustments in the meaning of the text. Some representatives of hermeneutics tend to understand a text as only written facts of natural language. For V. Dilthey's hermeneutics, the text was the art of understanding written facts. In other cases, the concept of text is expanded; the text is interpreted as a semiotic, sign system. From the sign nature of the text, it should be noted that the text is a carrier of information. Unit of information in the text is a simple sentence. Different logical connections of information units combine the meaning of simple sentences. The logic of these relationships (the logic of the text) defines the resulted sense as a whole. And if syntactic structures are considered explicitly by the researcher, the meaning of the text refers to a conceptual level of linguistic structures (sign systems) and, therefore, its assimilation methods should be fundamentally different than the research methods of syntactic structures [3, p. 65].

The meaning of the text is hidden from the subject of cognition, so it must be decrypted, understand, realize, and interpret. All these concepts can be synthesized in a general methodological category of "understanding" which has particular methodological sound in the humanities: interpretive methods of getting knowledge are nominated in the first place in these sciences.

At the turn of the XIX–XX centuries, the diversity of procedures has been reduced to traditional hermeneutics, for the four main types (groups) of interpretation: grammar (language), stylistic, cultural and historical and psychological (personality). E. Batty gives a similar distinction between types of interpretation as a method of hermeneutics, defining them as moments of hermeneutic understanding. E. Betty combines grammar (philological), style (technical and morphological) and the historic "moments" by the meaning of "recognition" interpretation, highlighting the psychological interpretation as "reproductive" interpretation, reproducing individual personal meaning. While E. Batty adds specific hermeneutical procedure – normative application (normative interpretation), which is associated with the implementation of interpretation regarding to a particular semantic form: theological, legal and scientific [5, p. 39].

Further, the basic types (groups) of hermeneutic interpretation included into the translation process are proposed to consider. Translation is a tool of cross-cultural communication in which a comparison of not only two languages is important but also two cultural communities, with their worldview, social and behavioral characteristics. M. Heidegger paid attention of translators to the fact that the interpretation of the words are given in the dictionary, and to challenge them is meaningless. It is important to understand what was thought at this translation [6].

Language (grammatical) interpretation ignores the artistic goals of the author and historical circumstances of consciousness functioning, it focuses on the words and their relationships, more precisely, to the thoughts and feelings expressed in them. Language (grammatical) interpretation, based on the study of a particular language, includes an analysis of words (vocabulary analysis, the meaning of words, their etymology, and metaphor consideration) and the analysis of phrases, grammatical forms. Language interpretation in the spirit of the author is identifying logical accents, accents, which can be detected, for example, from the word order. Confirmation of the fact that the greatest philosophical possibilities has the lexical system can be found in the L. Vaysgerber's concept of language picture of the world, which has a centrally word orientation. The category of

verbalization or filling the world with words is taken a central place in it [2]. Famous experts on Russian language picture of the world such as T. Bulygina and A. D. Shmelev noted: “We know that a clear reflection of the people’s character and outlook is their language and, in particular, lexical composition. Analysis of Russian vocabulary suggests the peculiarities of Russian vision of the world and provides the arguments on the “Russian mentality” objective basis.” [1, p. 481]. The importance of adequate perception of social and linguistic meaning of the words appears in translation. Social and linguistic vocabulary associated with the national specific character of people using this language. Such vocabulary includes the words for everyday objects, ethnic dishes, customs, rituals, and objects unique to certain conditions. In the national context, it is perceived automatically; having full inherent semantic characteristics reflecting familiar objects sent extralinguistic reality. For the full perception of their foreign-language recipient an explanatory comment is needed, otherwise lacuna is formed – total or partial loss of word information transfer.

Stylistic interpretation reveals how the work (text) achieves its goal. These objectives can be stated in the preface, introduction and headings. Moreover, the goal may lie outside the work, and in itself. Firstly, stylistic interpretation has to do with the means of expression of the main idea of the work: metaphors, hyperbole and other tropes, allegories, alliteration, rhyme, meter, period. Secondly, qualitative specificity means of expression associated with a certain style – specific, national and individual are revealed. Thirdly, the author’s stylistic dependence from precursors and contemporaries is appeared. The solution of the above mentioned three problems allows developing an idea of the work as an organic semantic whole. This is due to the integrity of the idea embodied in the work. The situation of cross-cultural communication applied in the text is the basis for using certain language means, which in turn determines its communicative stylistic character. Every word in the text has a certain stylistic function depending on the context, author’s style, the nature of the entire message. In the translation, exactly the inherent specificity of words combination in a given language is revealed. In this situation, the context plays a vital role. The

immediate environment of any linguistic unit is always responsible for implementing its meaning. If the word is used in the occasional art context acquires additional meaning, then the repetition of the word in different contexts can be expected a certain accumulation of contextual increments that is a special development, relevant for this text semantic structure of the repeated word, which unlike verbal given is individual, not reproducible in other texts. An important component of stylistic interpretation is individual artistic style, it combines all the works of one author, and it is his individual creative method. In other words, the recipient finds the peculiarities of the work which have repetitive character. These facts are repeated and they have particular significance to the author’s disclosure attitude, from the approach to the phenomena of reality and ending to linguistic means of their implementation.

Cultural and historical interpretation involves specific circumstances of creating the work (text). It is not enough to know the author, his language and style. Every author is the son of his era. The scope of cultural and historical interpretation is infinite and the better and more detailed we know the era and the culture, the better we understand the work – the element of the culture. These may be the historical facts and circumstances – perceived, and not perceived by the author. Therefore, cultural and historical interpretation can be carried out with the “subjective position” (the author’s position), and with “objective” position (based on such facts concerning the circumstances of creating the work, which are taken from other sources). The national specificities include traditions and customs; consumer culture, closely associated with traditions; everyday behavior (habits of some representatives of the culture, norms of communication, national picture of the world, reflecting the specific perception of the world, national peculiarities of thinking, art culture, reflecting the cultural traditions of a particular ethnic group can be the components of the culture. But even being within their culture, but eventually separated from the reality described, the recipient may not understand the context of a particular historical period. And these gaps are not cross-cultural but internal. Huge number of such examples can be found in the novel “Eugenyi Onegin” by A. Pushkin. For example, “cab-

stand” is parking for cabbies, and “ohtenka” is thrush, because Finns lived in Ohta on the outskirts of St. Petersburg and supplied the inhabitants of the capital with dairy products. Thus, a true understanding of the information is possible if the recipient has the similar knowledge as the sender has. If knowledge is different the gap is formed in the process of communication, and it is understood as the absence of something. Thereafter the perception of the translation is broken. This occurs when there is no special meaning in one language, which exists in the other. For example, the Russian words such as sovest, soul, Otchizna, Motherland, or Russian characters, the words which are typical for Russian folk tales such as a hut on chicken legs, Firebird, Bag of Bones, Vasilisa the Wise, can be translated into another language using functional replacements, but such a transfer does not disclose the cultural background specific to Russian. To know the meaning of words and grammar rules is not enough to interpret a particular text. You must know the era of creation: traditions, consumer culture, everyday behavior, artistic culture. In other words, in

addition to the meanings of words and grammar rules you need to know when to say / write, how, to whom, with whom, where; how the object of thought lives in the real language.

Creative author’s individuality is inseparable from social, historical and cultural conditions, and his creative efforts, his work the author created under the influence of a complex unity of subjective and objective factors. Any work is created to communicate ideas, thoughts and experiences of the author, i. e. communicatively always directed. Therefore, it should be based on the whole text to obtain reliable data in the hermeneutical interpretation of foreign language text. It is important to take into account the principle of “hermeneutic circle”, i. e. the unity of the whole is clarified by understanding the individual parts, and the meaning of each part is conceived through the whole context. Thus, the hermeneutic interpretation in the process of cross-cultural communication enriches own world of the recipient by comprehension of another reality, and this is constant renewal of ideas, thoughts and experiences of people.

Литература

1. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на примере русской грамматики). – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – 574 с.
2. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. – М.: МГУ, 1993. – 223 с.
3. Залевская А. А. Некоторые проблемы теории понимания текста // *Вопр. языкознания*. – 2002. – № 3. – С. 62–74.
4. Михайлов А. А. Современная философская герменевтика: критический анализ. – Минск: Университет, 1984. – 191 с.
5. Тульчинский Г. Л. Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. – Новосибирск: Наука, 1986. – 208 с.
6. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.

References

1. Bulygina T.V. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na primere russkoy grammatiki) [Language conceptualization of the world (for example, Russian grammar)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 574 p. (In Russ.).
2. Vaisgerber Ja.L. Rodnoy yazyk i formirovanie dukha. Per. s nem., vstup. st. i. comment. O.A. Radchenko [Native language and the formation of the spirit; lane. with it., joined. art. and comments. O.A. Radchenko]. Moscow, MGU Publ., 1993. 223 p. (In Russ.).
3. Zalevskaya A.A. Nekotorye problemy teorii ponimaniya teksta [Some problems of the theory of text comprehension]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics], 2002, no 3, pp. 62–74 (In Russ.).
4. Mikhailov A.A. Sovremennaya filosofskaya germenevtika: kriticheskiy analiz [Modern philosophical hermeneutics: a critical analysis]. Minsk, Universitetskoe Publ., 1984, 191 p. (In Russ.).
5. Tul'chinskiy G.L. Interpretatsiya kak istoriko-nauchnaya i metodologicheskaya problema [Interpretation as a historical and scientific and methodological problems]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. 208 p. (In Russ.).
6. Khaidegger M. Razgovor na proselochnoy doroge [Conversation on a country road]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 192 p. (In Russ.).

УДК 81.119

КОНЦЕПТ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Данилевич Алина Игоревна, аспирант, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: aline-the-queen@mail.ru

В статье характеризуется взаимосвязь национально-культурной ментальности и ключевых для культуры концептов, аккумулирующих исторически накопленный коллективный опыт. Базовые концепты фиксируют специфический «образ мира» и способы его постижения, выступают мировоззренческими матрицами национальной культуры, определяя систему ее ценностей и критерии идентичности, специфику образа национального «Я» и репертуар жизненных стратегий и способов самореализации субъекта культуры.

Ключевые слова: национально-культурная ментальность, концептосфера языка, лингвокультурные концепты, мировоззренческие матрицы культуры.

A CONCEPT AS A MEANS OF REPRESENTATION OF NATIONAL AND CULTURAL MENTALITY

Danilevich Alina Igorevna, Post-Graduate Student, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences of Trade Unions (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: aline-the-queen@mail.ru

This paper describes the link of ethno-cultural mentality and the key concepts for the culture, accumulating the historically based collective experience, fixing the specific “image of the world” and the ways of its realization. The basic concepts represent themselves as the philosophical matrix of the national culture, defining their system of values and criteria of identity, specifics of the national image “I” and repertoire of life strategies and ways of self-actualization of culture. Identifying the peculiarities of conceptualization is an urgent factor in language and culture study. The process of conceptual verbalization (that reflects national mentality) is important to reveal the language pattern.

However, concept doesn't only fix the dictionary meaning of a word, it contains a symbolic part of meaning. It is metaphorically embodied into symbols and signs. The basic concepts exist in semantic contrast and similarity: happiness-pleasure, happiness-success, happiness-unhappiness; love-passion, love-charity, love-hatred, justice-fairness, injustice. So, they create linguistically founded cultural idea or mental and moral dominant of culture. The universal and specific meanings are deeply intertwined in the concept structure. Reflected in the language, the mental features of culture form the mentality of a nation. They are common but at the same time they have some peculiarities. Any cultural concept contains the meanings obvious for foreigners and that help identify the “alien concept” subject sphere.

Keywords: national and cultural mentality, concept of language, linguocultural concepts, world outlook matrix of culture.

В структуре философско-культурологического знания особую актуальность получает проблема понимания сущности и специфики национально-культурной ментальности, которая является фундаментом культурной системы, определяя специфику ценностно-нормативной базы, основания

солидарности и консолидации субъектов культуры в единую общность «мы», критерии формирования личностной идентичности. Ментальность лежит в основе культурных различий, которые становятся фактором межкультурного непонимания и причиной конфликтов, определяют обла-

сти достижений нации, представления субъекта культуры о счастье и смысле жизни, о добре и зле, значимость ценностей права и справедливости, долга и ответственности. С помощью вербальной символики национального языка культура маркирует «своих» и «чужих», определяя особенности и стандарты коммуникации внутри «своего» и «чужого» культурного пространства.

В этом контексте проблема понимания и учета специфики национально-культурной ментальности приобретает особую значимость. Происходящие в отечественной культуре в последние два десятилетия процессы показывают, что деформация основ национально-культурной ментальности провоцирует усиление кризисно-катастрофических явлений в обществе (а в крайних случаях ведет к сбою всей цивилизационной программы). Не случайно понимание ментальных особенностей рассматривается в гуманитарном знании в качестве важнейшего условия преодоления духовного кризиса общества: оно позволит осознать и принять собственную историко-культурную уникальность, увидеть «зоны» несогласования глубинных черт ментальности и стратегии сегодняшних реформ, скорректировать модель экономических и политических преобразований.

Существуют различные подходы к пониманию содержания и специфики национально-культурной ментальности. Наиболее продуктивной является лингвокультурологическая методология¹, которая опирается на антропоцентрическую парадигму понимания языка и культуры, считая ее ключевым принципом не только языкознания, но всех других наук о человеке. Лингвокультурология носит междисциплинарный характер, изначально возникая на стыке лингвистики и культурологии, но ее основная задача состоит в «постижении культуры через язык» (С. Г. Воркачев), который рассматривается в качестве важнейшего

фактора сохранения и проявления национально-культурной ментальности. Именно язык является базовой смысловой и образно-символической средой функционирования этнокультурной общности, формируя модели идентичности и основу национального самосознания составляющих ее субъектов. Концептосфера языка представляет собой «банк смыслов» культуры, поэтому, чем богаче культура нации, тем богаче концептосфера народа (Д. С. Лихачев).

Ключевой категорией лингвокультурологии является концепт, понимаемый как совокупность смыслов и характеристик, «погруженных» в культуру предметов, явлений и состояний; «языков-ленная ментальная единица сознания» (мышления и хранения информации), представляющая собой «квант структурированного знания» (И. А. Стернин), «сгусток смысла», зафиксированный в коллективной памяти (В. И. Карасик). Лингвокультурные концепты являются базовым средством языковой репрезентации и объективации культурно-национальной ментальности, они представляют собой «конституирующие единицы этнического менталитета, его «опорные точки» (В. В. Колесов), совокупность которых образует «лингвоконцептосферу как языковую картину мира» [5, с. 13–22]. Концепты – это ячейки культуры в ментальном мире человека, существующие в виде понятий, переживаний, ассоциаций, метафор. Концепт не только фиксирует содержание основного словарного значения слова, но и содержит образно-символическую составляющую, глубинные смыслы которой «светятся» в слове, воплощаясь с помощью метафорических ресурсов образа и символа. Базисные лингвокультурные концепты находятся в отношениях семантического подобия и контраста: счастье – блаженство, счастье – удача, несчастье; любовь – страсть, любовь – милость, ненависть; справедливость, правда, несправедливость, фиксируют и образуют в результате «лингвокультурную идею» или духовно-нравственную доминанту культуры. В структуре концепта универсальные и специфические смыслы переплетаются: находящие выражение в языке универсалии духовной культуры, составляющие менталитет нации, безусловно, несут специфический характер, но в то же время

¹ Лингвокультурология (как и культурология) «представляет собой чисто автохтонное, российское образование, циркулирующее исключительно в русскоязычном научном пространстве (в западной научной традиции культурологию называют “культурной антропологией”, а лингвокультурологию – “антропологической лингвистикой”») [3, с. 11].

в них содержится нечто универсальное, свойственное другим культурам и ментальностям. Поэтому любой культурно-специфический концепт содержит смыслы, понятные иноязычному сознанию и позволяющие ему идентифицировать предметную область «чужого» концепта (С. Г. Воркачев)².

«Энциклопедическое поле» концепта (И. А. Стернин) складывается из понятийной и образно-символической составляющей. Помимо своего информационного капитала и «перцептивной составляющей» концепты обладают мощным образно-символическим и метафорическим ресурсом, который глубинно встроен в структуру языка. Не случайно в некоторых концептах оформленная метафорическими приемами символика выступает в качестве основного смыслопорождающего содержания – она фиксируется уже в самом имени концепта (в частности, концепты «ангел» и «дьявол» имеют преимущественно образное воплощение, они выступают персонифицированными символами-матафорами «добра» и «зла» [10]. Такой перенос абстрактного имени на нечто конкретное имеет функциональный смысл – абстракция «материализуется» и становится доступной чувственному восприятию, выделяя в нем важные признаки.

«Предметно-образная» (В. И. Карасик) составляющая концепта фиксирует субъективный опыт его чувственного восприятия (его «когнитивные», метафорически-образные пласты смыслов), с ее помощью сознание «считывает» глубинные уровни смыслового наполнения концепта. В содержании концепта обнаруживается также его ценностная составляющая, фиксирующая социокультурную и субъективную значимость смысловых полей концепта, его особенно важные смыслы – «культурные доминанты» (В. И. Карасик). Поэтому концепты «не только мыслятся, но

и переживаются» (Ю. С. Степанов), заставляют «биться сердце быстрее при попадании в фокус мысли» [8], но лишь в том случае, если происходит резонанс его смыслов с экзистенциальным полем субъекта культуры.

Многоуровневая взаимосвязь национально-культурной специфики «смысловых банков» базовых концептов и особенностей ментального мира субъекта культуры фиксируется многочисленными исследованиями. Она обнаруживается в специфике языковых картин мира. Мощным средством формирования, сохранения и трансляции «смысловых полей» концептов, составляющих основу ментальности, являются пословицы, поговорки, анекдоты и другие формы народного творчества, афоризмы, которые вошли в плоть языка, нередко теряя при этом авторство. Ключевым средством концептуализации мира и концентрированным воплощением и выражением смысловых полей ментальных концептов выступает фразеологический состав языка, выполняющий функции «смыслового посредника» в актуальном пространстве коммуникации.

В частности, ключевой для европейской культуры концепт «свобода» в английском языке (*freedom*) фиксирует значимость личных прав индивида, пространства личной независимости (англичане любят повторять, что свобода человека ограничивается кончиком носа соседа). Эквивалентом «свободы» выступает «*liberty*» – данная лексическая единица в последнее время приобретает отрицательную коннотацию (например, в выражениях «*to take the liberty of...*» – позволить себе; «*to take liberties with smb*» – позволять себе вольности с кем-либо и т. п.), а область ее применения ограничивается, преимущественно, политическим дискурсом и специализацией на проблеме «общественных прав» личности. В русском языке и русской культуре в концепте «свобода» присутствуют коннотации простора, широкого и бескрайнего пространства, которых нет в слове *freedom*. Это состояние связано с отсутствием давления и тесных оков, оно переживается как чувство счастья. Англо-русский словарь под редакцией В. К. Мюллера в качестве русских эквивалентов английского слова «*freedom*» предлагает не только «свободу», но и «волю».

² Например, смыслы русской «тоски» как «душевной тревоги, томления, соединенного с грустью и скукой» будут понятны и представителю другой культуры – в европейских языках в соответствующих концептах также присутствует отрицательно-эмоциональный характер, фиксирующий душевную боль, возникающую в результате потери чего-то или отсутствия значимых людей, вещей, ситуаций.

Фундаментальный концепт европейской культуры – «счастье», которое является высшей человеческой ценностью [4, с. 36]. Как русская, так и английская фразеология фиксирует представление людей о том, что счастье дается свыше: счастливый – это младенец, родившийся в рубашке (англ. *be born with a caul/on one's head*). Однако важные для понимания ментальности смыслы данного концепта имеют очевидное национальное своеобразие. Для англичан родиться счастливый – это родиться в богатой семье: *be born with a silver spoon in one's mouth* (букв. родиться с серебряной ложкой во рту). В русской языковой культуре понятие «счастье» интегрирует корень «Сч» (связанный с древнеиндийским *Śṣ* – «хороший») и *часть*, что дает в итоге смысл «хорошей судьбы». Другой вариант объяснения связывает счастье с «совместным участием» в чем-то. В словарях русских пословиц и поговорок тематические разделы, связанные с категорией счастье, включают следующие ассоциативные группы: счастье – удача, счастье – благополучие, счастье – блаженство и т. п. Многие пословицы, содержащие концепт «счастье», воплощают идею о том, что надежным источником счастья является добродетель: «Где правда, там и счастье»; «Счастлив тот, у кого совесть покойна». Во многих поговорках используется принцип контраста, в соответствии с которым счастье с необходимостью предваряется несчастьем, горем, утратами: «Кто нужды не видал, и счастья не знает»; «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Значимым элементом в структуре национальной ментальности является образ «времени», который в русской культуре ассоциируется с вращением, обращением, возвращением, кругооборотом в природе, душе и сознании, и это отличает его от рубленого *tempus*, в котором слышится «ступление римского легионера по римской дороге (*via romana*) – вперед, без оглядки» [6]. Русское «*время*» (верема, веретено, вертеть) символизирует колесо жизни, в то время как немецкое «*zeitig*» фиксирует образ линейный, указывает на нечто, что тянется. Или концепт «*истина*»: в греческом варианте обнаруживается смысловой эквивалент *алетейи*, представляющей синтез несокрытости и незыблемости. В романских языках русско-

му концепту «истина» соответствует «*веритас*», то есть вера. Для русского сознания истина – это «*естина*» – то, что «есть», «существует».

Национально-культурная специфика обнаруживается и в таком ментально-образующем концепте как «пространство»: русскому варианту данной категории соответствует латинское – «*спациум*» (производное от глагола «*spation*» – шагать, перемещаться). Идея перемещения (шагания) содержится и в немецком «*spazieren*», что являет нам образ разорванного, дискретного пространства. Если немецкое «*Raum*» (от *raumen* – очищать) – это нечто чистое, пустое, то в русской культуре смысловые грани «пространства» фиксируют «ширь – даль» и ассоциируются с «родной сторонкой». Как отмечает Г. Гачев, «в русском же “проСТРАНстве” явно слышится “страна” – ширь, бок, край, родимая сторонка...» [6, с. 384]. В этом контексте интересны языковые репрезентации еще одной важной черты отечественной национальной ментальности – особого патриотизма русских. Г. Гачев пишет: «Недаром в русском языке самое любовное слово у возлюбленных – это не “дорогая” (*darling*) и не “любимая”, а “родная”, “родненький”, “родимый”; то есть русская любовь между мужчиной и женщиной – той же природы, что и любовь к родине» [6, с. 322]. Основу концептосферы пространства в русской культуре составляет символ-образ «матери-сырой Земли», где живет народ, «легкий на подъем» – вдаль, вширь, в путь. И здесь обнаруживается любопытная связь пространства с ментальностью: «Равнинные народы могут быть беспамятны: рвется традиция через переселение или кочевье, напряжение греха ослабляется. Я не вижу убийцу отца – он переехал, а я переселился. И дело с концом. Ни у него нет долга совести, ни у меня нет долга отмщения» [6, с. 322].

Таким образом, лингвокультурный (или концептуальный) анализ феномена национальной ментальности позволяет осознать устойчивые ценностные доминанты национальной культуры, понять специфический для культурного сообщества «образ мира» и типичные способы его постижения. Смысловые глубины концептов обнаруживают ценностную картину мира, мозаика которой складывается из представлений о добре и зле, законе и справедливости, любви и дружбе.

Они фиксируют специфику образа национально-го «Я» и его возможные поведенческие проекции в виде специфического репертуара жизненных стратегий, форм и способов самореализации. Обеспечивая устойчивость типа национально-культурной ментальности, концепты осуществляют репрезентацию ее сущностных составляющих в национальном самосознании и выступают ее «заместителем» как в структуре национально-

го самосознания, так и в пространстве субъективного мира личности. В этом качестве «доминантные» («константные») концепты выполняют функцию *мировоззренческих матриц культуры*, на основе которых выстраивается базисная система ценностей и соответствующие поведенческие программы, образующие содержание и определяющие специфику национально-культурной ментальности.

Литература

1. Антология концептов / под ред.: В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2006–2011.
2. Вежибицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелёва. – М.: Яз. славян. культуры, 2001.
3. Воркачев С. Г. «Куда ж нам плыть?» – Лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2010. – Вып. 8. – С. 5–27.
4. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар, 2002.
5. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Изв. РАН. Сер. лит. и яз., 2007. – Т. 66, № 2. – С. 13–22.
6. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М., 1995.
7. Карасик В. И., Красавский Н. А., Слышкин Г. Г. Лингвокультурная концептология: учеб. пособие к спецкурсу. – Волгоград, 2009.
8. Перельгина Е. М. Катартическая функция текста: АКД. – Тверь, 1998.
9. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. – М., 2010.
10. Черкасова И. П. Концепт «ангел» и его реализация в тексте: АДД. – Волгоград, 2005.

References

1. Antologiya kontseptov. Pod red. Karasik V.I., Sternin I.A. [The corpus of concepts]. Volgograd, Paradigma Publ., 2006–2011. (In Russ.).
2. Wezhbitskaya A. Ponimanie kultur cherez posredstvo kl'uchevykh slov [Understanding cultures through their key words]. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 2001. (In Russ.).
3. Vorkachev S.G. Kuda zh nam plyt'? – Lingvokul'turnaya kontseptologiya: sovremennoe sostoyanie, problemy, vector razvitiya [Where to float? – Lingvocultural concepts: current situation, problems and perspectives]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda [Language, communication and social environment]*. Voronezh, Nauka unipress Publ., 2010, iss 8. (In Russ.).
4. Vorkachev S.G. Kontsept schastya v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza [The concept of happiness in Russian linguistic mind: experience of linguistic and cultural analysis]. Krasnodar, 2002. (In Russ.).
5. Vorkachev S.G. Lingvokul'turnaya kontseptologiya: stanovlenie i perspektivy [Language and cultural concepts: formation and perspectives]. *Trudy Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka [Proceedings of Academy of Sciences]*. Moscow, 2007, vol. 66, no 2. (In Russ.).
6. Gachev G. Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-Psikho-Logos [National images of the world. Cosmo-Psycho-Logo]. Moscow, 1995. (In Russ.).
7. Karasik V.I., Krasavsky N.A., Slyshkin G.G. Lingvokul'turnaya kontseptologiya: uchebnoe posobie k spetskursu [Language and cultural concepts: textbook for special courses]. Volgograd, 2009. (In Russ.).
8. Perelygina E.M. Katarticheskaya funktsiya teksta: AKD [Cathartic function of the text: AKD]. Tver', 1998. (In Russ.).
9. Radbil' T.B. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta [Basic learning of the language mentality]. Moscow, 2010. (In Russ.).
10. Cherkasova I.P. Kontsept "angel" i ego realizatsiya v tekste: ADD [The concept angel and its realisation in the text: ADD]. Volgograd, 2005. (In Russ.).

ФИЛОЛОГИЯ PHILOLOGY

УДК 821.161.1

ДИНАМИКА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКОГО КНИЖНИКА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО ТВОРЧЕСТВА ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА)

Шунков Александр Викторович, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и инновационной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

Актуальность статьи обусловлена общей задачей, решаемой сегодня в отечественном литературоведении, – изучение поэтики книжных памятников переходного периода русской литературы. Литературная природа посланий царя Алексея Михайловича демонстрирует подвижность средневековой книжной традиции в условиях исторически меняющегося восприятия мира и человека. Одновременно они демонстрируют и новое эстетическое сознание автора, выражающееся в использовании в литературной практике художественных приемов, раскрепощающих героев в сюжетных сценах эпистолярных сочинениях. Отмеченные в статье приемы, использовавшиеся Алексеем Михайловичем в своей эпистолярной практике, позволяют говорить о царских посланиях как о произведениях, представляющих во второй половине XVII века переходный тип литературного текста.

Ключевые слова: русская литература второй половины XVII века, литературное творчество царя Алексея Михайловича, эпистолярный жанр, литературная традиция Средневековья в условиях перехода к Новому времени.

THE DYNAMICS OF WORLDVIEW IDEAS OF A RUSSIAN SCRIBE IN THE TRANSITIONAL PERIOD (AS AN EXAMPLE OF EPISTOLARY CREATIVITY OF TSAR ALEXEY MIKHAILOVICH)

Shunkov Alexander Victorovich, Candidate of Philological Sciences, Docent, Vice-Rector for Research and Innovation, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

This article is devoted to the problem of studying the literary heritage of Tsar Alexey Mikhailovich within processes in Russian literature of the transition period (the second half of the XVII century.) The relevance of the article is determined by the general problem today in the Russian literary criticism, studying the poetics of the literary relics of Russian literature in the transitional period. The subject of a special study is the monarch's epistolary work. These observations complement and extend the understanding of the nature and characteristics of the processes determining the transitional nature of Russian literature in the image of the event and the person. This examination leads to the conclusion that messages of Alexey Mikhailovich were written using medieval literary tradition and innovation of the Tsar as a writer. Literary nature of the messages shows mobility of the medieval book tradition in a historically changing perception of the world and the man. At the same time, they demonstrate a new aesthetic consciousness of the author, expressed by using artistic techniques in the literary practice, liberating characters in the story scenes of the epistolary works. The techniques highlighted

in the article, used by Alexey Mikhailovich in his epistolary practice, allow talking about the Tsar's messages as the works representing the transitional type of a literary text in the second half of the XVII century.

Keywords: Russian literature of the second half of the XVII century, literary works of Tsar Alexey Mikhailovich, epistolary genre, literary tradition of the Middle Ages in the transition to the modern age.

Русская литература, рожденная в лоне Церкви, приняла от Византии и усвоила особую систему христианского мировоззрения, определяющуюся бинарным методом познания мира и человека. К середине XVII века в силу ряда обстоятельств прежняя картина мира и концепция человека, вербализованные в сочинениях древнерусских книжников, существенно были трансформированы. Результатом процессов динамики в культуре и литературе переходного периода стало появление в произведениях новых представлений о мироздании и месте в нем человека [3].

Свидетельством подвижности и неустойчивости мира в прежних его границах в переходный период русской культуры могут также являться полемические столкновения представителей идейных направлений в русской культуре: традиционалистов во главе с протопопом Аввакумом и новаторов, сторонников идей европоцентризма, главным выразителем которых стал Симеон Полоцкий. Идеологический характер и литературно-эстетическая природа сочинений двух антагонистов, их роль в развитии русской культуры переходного времени была показана и объяснена А. М. Панченко, который в одной из своих работ писал: «Это был <...> спор об историческом идеале, исторической дистанции, о соотношении духа и интеллекта, человека и времени, о вечности и бренности, о прошлом, настоящем и будущем» [9, с. 124]. Позиция и аргументы каждой из противоборствующих сторон в общей ситуации идеологического противостояния и отстаивания своей правды свидетельствуют о том, что мир находится в нестабильном положении, перед выбором дальнейшего пути своего развития. Причины потрясений необходимо видеть в складывании новой культурной парадигмы, находившей свое воплощение в новой «литературной формации». Именно по этой причине антиномичность как проявление столкновения двух противоположных и взаимоисключающих идей, приемов, с помощью которых автор воплощает ее в книжном произведении, определяет поэтику произведений русской литературы переходного периода.

Отмеченная особенность характерна и для эпистолярного творчества наиболее ярких исторических фигур эпохи, к числу которых, несомненно, относится и царь Алексей Михайлович. Российские историки XIX века (С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров) были единодушны в оценке царя как личности противоречивой по своему характеру. «Среди западников и старозаветных людей, не принадлежа всецело ни к тем, ни к другим, стоит личность самого царя Алексея Михайловича», – так определил местоположение монарха в современной ему истории С. Ф. Платонов [10, с. 410]. «Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу, соответствующую такому взгляду на дело: одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении», – в таком ракурсе царь был оценен В. О. Ключевским [6, с. 301].

Изучение эпистолярного фонда царя Алексея Михайловича с позиции герменевтики позволяет в рамках творчества одного автора проследить эволюцию мировоззренческих идей в литературе переходного периода, на фоне традиционных средневековых методов создания письменного текста увидеть новаторские приемы в изображении портрета героя, используемые в писательской практике.

Эпистолярное творчество царя Алексея Михайловича условно можно разделить на два периода, каждый из которых отражает его взгляды, выраженные в тексте посланий. Границей между двумя периодами можно назвать историческое событие, которое сыграло особую роль в формировании личности монарха, – это русско-польская война 1654–1667 годов. Роль войны в изменении мировоззрения царя и русского придворного общества была отмечена еще его современниками. Так, англичанин Самуэль Коллинс, находившийся на службе лекарем у Алексея Михайловича, позже писал в своих мемуарах: «С тех пор, как Его Величество был в Польше, видел тамошний

образ жизни и стал подражать Польскому Королю, круг его понятий расширился: он начинает преобразовывать двор, строить здания красивее прежнего, украшать покои обоями и заводить увеселительные дома» [8, с. 207]. Война России с Польшей повлияла как на политический курс страны, так и определила ее новый культурный вектор развития, ориентированный на принятие и усвоение европейской модели мироустройства [17; 16, с. 251–259]. Одним из ее последствий стало то, что «при московском дворе утвердились и элементы культуры Нового времени. Так в стене, отделявшей Московское царство от Запада, была пробита непоправимая брешь. Новшества из-за рубежа подрывали основы традиционного уклада московской жизни» [17, с. 111].

Два этапа эпистолярного творчества царя иллюстрируют смену ценностной парадигмы личностных качеств человека в переходную эпоху, в конечном итоге приводящей к индивидуализации героя в эпистолярных сочинениях монарха. Послания, написанные в конце 40-х – в 50-е годы XVII века, отражают взгляды молодого царя, определяемые еще средневековым подходом в понимании устройства мироздания и места в нем человека. Воспитанный и опекаемый в начале своего правления представителями старой традиции, основанной на принципах византийской патриархальности, Алексей Михайлович и в своих сочинениях последовательно проводит мысль о необходимости соблюдать заветы старины, жить так, как жили отцы и деды. Всякий поступок, выходящий за установленные рамки, ведет к разрушению порядка (чина) и воспринимается как посягательство на установленный Богом закон. Царь несет ответственность перед Всевышним за все деяния, вольно или невольно совершенные его подданными. «Сердце царево в руке Божией» – эта библейская цитата из Книги Притчей Соломона (Притч. 21: 1) будет приводиться в многочисленных царских грамотах как доказательство убежденности в своем мессианском предназначении быть царем православного мира, пастырем и грозным судьей для своих подданных, исполнителем воли Господа на земле: «Рабе Божій, вѣдаеш ли, како от Бога поставленнымъ, а отъ насъ, великого государя <...>, и во учененныхъ надъ людьми Божіими, какое попеченіе имѣти о нихъ и какое вамъ послушаніе къ намъ, царемъ, имѣть»

[5, с. 748]. Поэтому долг подданных – быть покорными воле помазанника Божьего.

Как некое программное сочинение, в котором высказано царем понимание и видение природы царской власти, принципы, на которых должны выстраиваться взаимоотношения между государем и его подданным, может быть названо обширное послание с царскими правками к князю Ивану Ивановичу Лобанову-Ростовскому [5, с. 742–749]: «И въ томъ ты пред Богом <...> солгал, а от насъ вел. Государя, неутаимая хотеть утайть. И так дѣлають недумные и худые люди, а думнымъ нашимъ великого государя людемъ ложно писать не довелось. От вѣка того не слыхано, чтобы природные холопи государю своему в ратном дѣле в находкахъ и въ потеркахъ писали неправдою и лъгали» [5, с. 743].

Осознание высокой ответственности за свои земные поступки – черта, характеризующая Алексея Михайловича и выражающаяся в использовании в писательской практике речевых оборотов, свойственных книжной традиции Средневековья: «<...> занеже зѣло грѣшень и беспрестани во грѣсѣхъ суетныхъ пребываю и николи же отдохновеніе имать отъ злыхъ грѣхъ своихъ» [5, с. 696]. Заметим, что царь использует устойчивые речевые обороты, призванные подчеркнуть его греховность, не только ради соблюдения литературного этикета и демонстрации его книжной образованности. Использование в писательской практике одних и тех же устойчивых речевых оборотов, подчеркивающих христианскую смиренность и покорность, в данном случае может быть сравнено с молитвенным словом, которому уже имманентно присуща вневременная авторитетность, не зависящая от воли автора.

Именно поэтому можно утверждать, что Алексей Михайлович вполне серьезно воспринимает вводимые им в тексты посланий этикетные речевые обороты, которые прочно укоренены в книжной традиции и порождают у читателя устойчивые смысловые ассоциации. И в данной ситуации «чужое» слово, используемое царем в своей писательской практике, не воспринимается таковым. Наоборот, включенность его в текст демонстрирует одну из особенностей писательского мышления монарха – православный традиционализм, основу которого составляет христианское понимание характера человека, выражаемого

не только через его поступки, но и через слово. Поэтому Алексей Михайлович в своих посланиях характеризует адресата, одинаково оценивая и его дела, и речи. И поступает именно так, как это показано в книгах Священного Писания: «Вспомняни, человекъ, Спасово слово: на кого призрю? На кроткого и смиренного и трепещущего словесъ Моихъ; отъ кого отвращуся? Отъ гордого, немилосердаго, братоненавистца, отъ лживаго и кленущагося во лжу Мною и Моимъ именемъ святымъ» [5, с. 746].

Вместе с тем в посланиях, отредактированных или написанных самим царем, нельзя не заметить совершенно новые риторические приемы, «оживляющие» эпистолярную традицию и передающие уже индивидуальный стиль письма автора. В результате и образы персонажей (адресатов этих посланий) становятся «очеловеченными», с индивидуальными своими характеристиками. И на общем фоне эпистолярного чина подобные примеры текстовых фрагментов предстают уже как явления новой литературной техники в переходный период. Под пером Алексея Михайловича образы героев в его посланиях получают зримыми, выпуклыми, выходящими за рамки средневековой этикетности.

Подобные примеры позволяют наблюдать начало постепенного складывания новой концепции личности автора и героя в русской литературе переходного периода еще задолго до появления представителей русского барокко (Симеон Полоцкий и др.), с именами которых традиционно связывают коренное изменение всей литературной системы во второй половине XVII – начала XVIII века [19, с. 220–231].

Алексей Михайлович отстает от средневековых правил в оценке действий адресата послания и определяет его сущность не через религиозно-этические категории, а на основе наблюдений, позволяющих сделать выводы о природе человеческой личности по его поступкам. Новизна изображения героев эпистолярных сочинений Алексея Михайловича проявляется прежде всего в том, что они выходят в своих поступках за границы привычного «чинного» и «уставного» поведения человека, что не может не вызвать эмоциональной реакции царя, поскольку подобные действия «ябедников, обышных людишек» ведут к нарушению установленного свыше порядка и гармонии. В результате эмоциональной реакции

царя на поступки своих «холопей», «государевых и родословных людей» возникает галерея образов (своего рода парсуны) героев эпистолярных произведений, каждый из которых, несмотря на то, что принадлежит определенному типу (праведник или грешник), обладает своими особыми индивидуальными чертами. И вот в этих моментах уже «ощутима эпоха, канун нового времени с его апелляцией к личности, со стремлением сознательно задействовать внутренние силы и энергию человека» [1, с. 65].

В галерею эпистолярных образов, созданных царем, находятся исторические лица, которые могут быть названы героями переходного времени в силу неоднозначного отношения к ним самого царя Алексея Михайловича, персонажи, обладающие чертами характера человека, порожденного особым временем – динамичным и быстро меняющимся. В результате герои эпистолярных сочинений царя Алексея Михайловича предстают как иллюстрации оттенков человеческого характера, порожденного «бунташным веком». Символично, что и сам Алексей Михайлович как в восприятии иностранцев, посетивших Россию во время его правления (Самюэль Коллинс, Август Майерберг, Яков Рейтенфельс, Павел Алеппский), так и соотечественников (Симеон Полоцкий, Григорий Котошихин, протопоп Аввакум) предстал противоречивой фигурой и получал неоднозначные оценки своим поступкам.

Стремясь к соблюдению «чина» как в светской жизни, так и особенно в церковной, Алексей Михайлович особое внимание уделял и словесной стороне ритуализации жизни. Как отмечает Л. И. Сазонова, «торжественный, насыщенный особым рода символикой придворный церемониал, включавший и формы словесности, являлся своеобразной семиотической конструкцией, приводящей в связь различные уровни общественного сознания и культуры. Поведение участников придворного церемониала регулируется риторикой» [15, с. 146]. Однако даже в четко упорядоченном и выстроенном по законам риторики послании сам Алексей Михайлович позволял себе выйти за рамки словесного церемониала. В конечном итоге это приводило к появлению сочинений, обладающих иным звучанием и приближенных к разговорному языку, выражающему естественное отношение автора к герою послания.

Примерами «живых» портретов героев, выходящих за рамки ритуализованного текстового пространства послания, могут быть названы патриарх Иосиф из Статейного списка 1652 года, испытывающий страх и ужас от ожидания наступления своей смерти и тем самым обнажающий свою душу грешника; казначей Савво-Сторожевского монастыря Никита, который, по словам царя, «всбѣсился и задуроваль», растратил монастырские деньги и предался разгулу: «Ей, ей, тайной волкъ, а в люди казался простосердымъ обычаемъ» [5, с. 697].

В новой художественной парадигме по сравнению со средневековой традицией находится и собирательный образ московских бояр, упоминающихся в послании к князю А. Н. Трубецкому [5, с. 716] и сопровождающих царя в польском походе. Вводимый в послание художественный образ облака, символизирующий бояр, создан на основе развернутой метафоры и передает типичные, с точки зрения Алексея Михайловича, черты характера: лицемерие, лукавство, корысть: «А у насъ ѣдутъ с нами отнюдь не единоюшiem, наипаче двоедушiem, какъ есть **оболока**» [5, с. 716].

Алексей Михайлович как писатель прекрасно чувствовал слово и умело им пользовался в своей практике. В примерах, приводившихся выше, была предоставлена возможность оценки литературных способностей царя в выражении своего мнения и отношения к герою, с использованием приемов риторики средневековой книжной традиции. В то же время царь мог себе позволить отступить от требований формуляра и дать личную оценку герою, не прибегая к этикетным словесным формулам. В таких случаях одним из приемов, которым пользуется Алексей Михайлович, является ирония, в полной мере проявившая себя, например, в послании к Никону, известившем его о смерти патриарха Иосифа.

Однако эпистолярное наследие монарха дает возможность увидеть проявление иронического отношения автора к своим героям и в других посланиях. Так, например, в одном из своих писем к А. С. Матвееву (23 января 1655 года из Вязьмы) Алексей Михайлович не может не рассказать своему ближайшему другу о встрече им шведского посланника, поразившего и удивившего его своей глупостью: «Посланникъ при-

ходилъ отъ Свейсково Карла короля думной человекъ, а имя ему Удде Удла, а таковъ смыслень, и купить ево то дорого дать, что полтина, хотя думной человекъ. Мы, великий государь, въ десеть лѣтъ впервые видимъ таково глупца посланника, а присланъ нарокомъ такой глупецъ...» [5, с. 726]. Царь абсолютно искренен в передаче своего впечатления от произошедшей встречи и считает, что тем самым шведский король показал свое неуважительное отношение к русскому государю: «... хотя и глупъ, да што же дѣлать, така намъ честь» [5, с. 727]. Приведенный пример показателен и в том плане, что имеет двойственный характер: он не только содержит характеристику героя, но и обладает еще зеркальной проекцией на самого автора. Через образ посланника, который в его глазах не отличается большим умом, царь видит и отношение к себе соседей. Алексею Михайловичу ничего не остается делать, как смириться с этим фактом. В своем письме царь жалуется А. С. Матвееву на то, что шведский король (Карл X Густав) в своей грамоте, адресованной русскому царю и переданной через посланника «братомъ не смѣль писатца к намъ, великому государю <...>». В совокупности все эти эмоциональные ноты в диапазоне от иронии, юмора и сожаления, звучащие в небольшом фрагменте послания, создают живой образ автора грамоты, не связанного в своем творчестве жанровыми формальностями.

Искренность в выражении своего отношения к герою послания присутствует и в ряде других сочинений Алексея Михайловича. Показательный пример этого – грамота к А. Л. Ордину-Нащокину [5, с. 766–767], написанная в двух разных стилистических традициях. Первая часть грамоты – официальное послание, составленное дьяком с соблюдением формуляра. Вторая же часть является собственноручным текстом Алексея Михайловича, в котором он сразу устраняет дистанцию между собою и адресатом, обращаясь к нему по имени: «Афанасей Лаврентьевичъ! В прежних временах люди говаривали про тебя всяко: да одно у него добро. Богъ де милует да царь жялует, а и нынъ милость Божія свыше прежнева, а и мы к тебъ всякаго добра желаем...» [5, с. 767]. Подобный прием – отказ от соблюдения формуляра, обращение к адресату не «по чину», а как к близкому человеку, царь использовал

в своей практике. Известно, например, письмо к Афанасию Матюшкину, начинающееся с обращения к нему «Брат!» [2, с. 54].

В другом послании А. И. Матюшкину [2, с. 77–78] царь позволяет себе объединить в одну начальную фразу требования формуляра (как и положено, приводится официальный титул государя) и обращение, демонстрирующее дружеское и ироничное отношение царя к своему адресату и намекающее на событие, по всей видимости, связанное с Матюшкиным на охоте: «От царя и великого князя Алексеѣя Михайловича всея Русиі стольнику нашему Афонасью слепому». Послание известно тем, что в деталях рассказывает о потехе царя – купании в проруби стольников, опаздывающих к смотру. Послание демонстрирует настолько естественное человеческое лицо царя, что оно не могло остаться незамеченным не одним поколением исследователей, интересовавшихся исторической эпохой и личностью Алексея Михайловича, его литературным творчеством³. К высказанным ранее наблюдениям, имеющим отношение к этому посланию, добавим то, что оно органично вписывается в процессы, происходившие в литературе переходного периода, является одной из их иллюстраций. В своем послании Алексей Михайлович, используя разговорный язык, рисует повседневную сторону жизни царя вне парадного церемониала. Небольшое по объему послание тем и ценно, что демонстрирует человеческое начало – художественное открытие русской литературы переходного периода. Герои (и царь, и стольники) незатейливой потехи объединены общим эмоциональным состоянием, что делает их с этой стороны равными.

Одновременно в послании нельзя не заметить и авторской иронии, проявляющейся в описании потехи. В наименовании водоема (пруда) царь использует маркированное слово «Иордань»,

³ Так, например И. Е. Забелин время написания царем письма определил 1653 годом. См.: Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. – М., 1872. – Ч. 1. – С. 237. Послание также привлекло внимание и С. М. Соловьева, который увидел в царской потехе «патриархальные отношения <...> без прикрас, во всем своем непригожестве». См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15 кн. – М., 1961. – Кн. VI, т. 11–12. – С. 615.

связанное с христианским обрядом Крещения: «Да извещаю тебѣ, што тѣм і тѣшюся, што стольников безпрестани купаю ежеутр в пруде. Иордань хороша здѣлана: человека по четыре і по пяти и по двѣнадцати человек за то, хто не поспеет к моему смотру, так тово і купаю. Да после купанья жалую я: зову их ежеден. У меня купальщики те ядят доволи, и иные говорят: мы де нароком не поспѣем, так де и нас выкупают да і за стол посадят. Многие нароком не поспевают»⁴. В данном случае можно говорить о приеме «пародического использования» в том понимании, как это предлагалось Е. К. Ромодановской: «<...> пародичность – это использование формальных приемов “положительного” образца для внелитературных целей» [14, с. 174]. Одно из посланий царя, принадлежащих к раннему периоду творчества, обладает признаками, сближающими его со смеховой культурой. В их числе: присутствие игрового начала, театральности, проявляющейся и в разыгрываемом представлении среди стольников, и в просьбе, с которой обращается к Матюшкину царь – посетить его семью, предварительно сменив свой наряд, чтобы у сестер сложилось впечатление, что Матюшкин приехал от царя: «Нарядись въ ѣздное платье да съѣзди к сестрам, бутто ты от меня приѣхаль, да спрошай о здоровьѣ, да скожи, што я буду в воскресенья, што будет, а то, кончя (скорее всего, по крайности. – А. Ш.), што в понедельник часу в четвертомъ дни» [2, с. 77].

Таким образом, дружеское послание Алексея Михайловича оказывается показательным примером процессов происходивших в русской литературе второй половины XVII века. Послания царя демонстрируют подвижность средневековой книжной традиции в условиях исторически меняющегося восприятия мира и человека. Одновременно они демонстрируют и новое эстетическое сознание автора, выражающееся в использовании в литературной практике художественных приемов, раскрепощающих героев в сюжетных сценах эпистолярных сочинениях. Отмеченные в статье приемы, использовавшиеся Алексеем Михайловичем в своей эпистолярной практике, позволяют говорить о царских посланиях как о произведениях, представляющих во второй половине XVII века переходный тип литературного текста.

⁴ Российский государственный архив древних актов. – Ф. 27. – Оп. 1. – № 51/1.

Литература

1. Андреев И. Л. Алексей Михайлович: штрихи к портрету // Исторический вестник. Романовы: династия и эпоха. – М., 2013. – Т. 3 [150]. – С. 48–70.
2. Баргнев П. Собрание писем царя Алексея Михайловича. – М., 1856.
3. Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. – М., 1977.
4. Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. – М., 1872. – Ч. 1.
5. Записки отделения русской и славянской археологии. – СПб., 1861. – Т. 2.
6. Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. – М., 1988. – Т. 3.
7. Котшихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб., 1884.
8. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Утверждение династии. – М., 1997.
9. Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ // Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. – СПб., 2005. – С. 81–333.
10. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. – М., 1993.
11. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в середине XVII века. – СПб., 1898.
12. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, посланца Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. – М., 1874.
13. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему Герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. – М., 1997. – С. 240–406.
14. Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. – Новосибирск, 1994.
15. Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. – М., 2006.
16. Севастьянова С. К., Шунков А. В. Русско-польская война и идея власти в России в середине XVII века // Homo communicans II: человек в пространстве межкультурной коммуникации / ред. Кристина Янашек и др. – Szczecin, 2012. – С. 251–259.
17. Седов В. П. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. – СПб., 2008.
18. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15 кн. – М., 1961. – Кн. VI, т. 11–12.
19. Черная Л. А. Концепция личности в русской литературе второй половины XVII – первой половине XVIII века // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII века / ред. А. Н. Робинсон. – М., 1989. – С. 220–231.

References

1. Andreev I.L. Aleksey Mikhaylovich: shtrikhi k portretu [Aleksey Mikhaylovich: finishing touches to the portrait]. *Istoricheskiy vestnik. Romanovy: dinastiya i epokha* [Historical Bulletin. The Romanovs: the dynasty and the era]. Moscow, 2013, vol. 3 [150], pp. 48–70. (In Russ.).
2. Bartenev P. Sobranie pisem tsarya Alekseya Mikhaylovicha [Collection of Letters of Alexei Mikhailovich]. Moscow, 1856. (In Russ.).
3. Demin A.S. Russkaya literatura vtoroy poloviny XVII – nachala XVIII veka. Novye khudozhestvennye predstavleniya o mire, prirode, cheloveke [Russian literature of the second half of XVII – beginning of XVIII century. New artistic representations of the world, nature and man]. Moscow, 1977. (In Russ.).
4. Zabelin I.E. Opyty izucheniya russkikh drevnostey i istorii [Experience of studying Russian history and antiquities]. Moscow, 1872, part. 1. (In Russ.).
5. Zapiski otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii [Notes Branch of Russian and Slavic archeology]. St. Petersburg, 1861, vol. 2. (In Russ.).
6. Klyuchevskiy V.O. Sochineniya [Works]. Moscow, 1988, vol. 3. (In Russ.).
7. Kotshikhin G.K. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhaylovicha [About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich]. St. Petersburg, 1884. (In Russ.).
8. Nyneshnee sostoyanie Rossii, izlozhennoe v pis'me k drugu, zhivushchemu v Londone. Sochinenie Samuila Kollinsa, kotoryy devyat' let provel pri Dvore moskovskom i byl vrachom tsarya Alekseya Mikhaylovicha [The current state of Russia, set out in a letter to a friend who lives in London. The writing of Samuel Collins, who spent nine years at the Court of Moscow and was a physician of Tsar Alexei Mikhailovich]. *Utverzhdenie dinastii* [Adoption of the dynasty]. Moscow, 1997. (In Russ.).

9. Panchenko A.M. Russkaya kul'tura v kanun Petrovskikh reform [Russian culture on the eve of Peter's reforms] *Panchenko A.M. Ya emigriroval v Drevnyuyu Rus'. Rossiya: istoriya i kul'tura [I emigrated to the ancient Rus'. russian history and culture]*. St. Petersburg, 2005, pp. 81–333. (In Russ.).
10. Platonov S.F. Lektsii po russkoy istorii [Lectures on Russian history]. Moscow, 1993. (In Russ.).
11. Puteshestvie antiokhiyskogo patriarkha Makariya v Moskvu v seredine XVII veka [Journey of Patriarch Macarius of Antioch in Moscow in the middle of XVII century]. St. Petersburg, 1898. (In Russ.).
12. Puteshestvie v Moskoviyu barona Avgustina Mayerberga i Goratsiya Vil'gel'ma Kal'vuchchi, poslov Avgusteyshego Rimskogo Imperatora Leopolda k Tsaryu i Velikomu Knyazyu Alekseyu Mikhaylovichu v 1661 godu, opisannoe samim baronom Mayerbergom [Travel to Muscovy of Baron Augustine Mayerberg and Horace William Kalvuchchi, after August Roman Emperor Leopold to the King and Grand Duke Alexei Mikhailovich in 1661, described by Baron Mayerberg]. Moscow, 1874. (In Russ.).
13. Reytenfel's Ya. Skazaniya svetleyshemu Gertsogu Toskanskomu Koz'me Tret'emu o Moskovii [Tales about Muscovy to High Duke of Tuscany Kozma III]. *Utverzhenie dinastii [Adoption dynasty]*. Moscow, 1997, pp. 240–406. (In Russ.).
14. Romodanovskaya E.K. russkaya literatura na poroge novogo vremeni. Puti formirovaniya russkoy belletristiki perekhodnogo perioda [Russian literature at the turn of time. Ways of formation of Russian fiction transition]. Novosibirsk, 1994. (In Russ.).
15. Sazonova L.I. Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya [Russian literary culture. Early Modern Times]. Moscow, 2006. (In Russ.).
16. Sevast'yanova S.K., Shunkov A.V. russko-pol'skaya voyna i ideya vlasti v Rossii v seredine XVII veka [Russian-Polish war and the idea of power in Russia in the middle of the XVII century]. *Homo communicans II: chelovek v prostranstve mezhkul'turnoy kommunikatsii. Red. Kristina Yanashek i dr. [Homo communicans II: the man in the space of intercultural communication. Ed. Christina Yanashek et al.]*. Szczecin, 2012, pp. 251–259. (In Russ.).
17. Sedov V.P. Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskiy dvor kontsa XVII veka [Sunset Moscow kingdom: King's yard late XVII century]. St. Petersburg, 2008. (In Russ.).
18. Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen [History of Russia since ancient times]. Moscow, 1961, part VI, vol. 11–12. (In Russ.).
19. Chernaya L.A. Kontseptsiya lichnosti v russkoy literature vtoroy polovine XVII – pervoy polovine XVIII veka [Concept of personality in Russian literature of the second half of XVII – the first half of the XVIII century]. *Razvitie barokko i zarozhdenie klassitsizma v Rossii XVII – nachala XVIII veka. Red. A. N. Robinson [Development of Baroque classicism and the personality in Russia of the XVII – beginning of the XVIII century. Ed. A.N. Robinson]*. Moscow, 1989, pp. 220–231. (In Russ.).

УДК 811.111

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВЫЙ СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕУТСКОГО ЯЗЫКА. ОПЫТ НАПИСАНИЯ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ⁵

Фаломкина Ирина Павловна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: falomkina@mail.ru

В статье обосновывается актуальность создания пропозиционно-фреймового словаря телеутского языка. Моделирование структуры фрейма «Жилище» призвано продемонстрировать методологические принципы создания словарных статей. Описание фрейма «Жилище» отражает фрагмент языковой картины мира телеута – представителя немногочисленного тюркоязычного народа, проживающего преимущественно в Кемеровской области.

Ключевые слова: фрейм, пропозиционно-фреймовый словарь, словарная статья, языковая картина мира, телеутский язык.

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Фреймовое моделирование бытового и религиозного лексикона для составления словаря телеутского языка», проект № 13-14-42004/12.

THE PROPOSITIONAL FRAMING DICTIONARY OF THE TELEUT LANGUAGE. AN ATTEMPT TO WRITE A DICTIONARY ENTRY

Falomkina Irina Pavlovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Chair of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: falomkina@mail.ru

In the article, we prove the necessity to create the propositional framing dictionary of the Teleut language. Modeling of the structure of the frame intended to demonstrate the methodological principles of creating entries. A description frame “home” reflects the fragment of the Teleuts’ worldview who are members of a small Turkic people living mainly in Kemerovo region. Kemerovo region is home to about 2,500 Teleuts, of which 2,000 live in Gurievsky and Belovsky areas.

A frame-based organization of the dictionary, where the operational units of the frame use a proposition, takes into account the associations between words, and the assignment to a specific fragment of extralinguistic reality.

The tokens used in this article were collected as a result of expeditions in 2013–2014 in Bekovo village, Belovsky district of Kemerovo region. The source of tokens is used as a material of the Russian-Teleut dictionary.

The article analyzes semantic nodes tokens verbalized frame “home”: the names of the home and its parts (the Teleut name of the house, the name of the house in size, the name of house number of hosts, the name of house number of floors, the names of the parts of the house, the names of the rooms in the house, the name of the home depending on what it is made), the name of outbuildings (the names of buildings for animals, the name of outbuildings by use), the name of building materials, the names of the owners of the home, the names of settlements. Frame structure is determined the nomadic life of the Teleuts for several centuries in the first place, and secondly, assimilation with Russian-speaking population. The Teleuts used in speech as traditional dwelling names and its parts are borrowed from the vocabulary of the Russian language, if they want to call the modern building materials, modern house parts, household items.

Keywords: frame, frame dictionary, dictionary entry, worldview, Teleut.

В работе сделана попытка представления словарной статьи в электронный пропозиционально-фреймовый словарь телеутского языка. Идея и принципы написания пропозиционально-фреймового словаря не раз освещались в научных исследованиях представителей Кемеровской дериватологической школы [1]. Фреймовая организация словаря, где в качестве операциональных единиц используются фрейм и пропозиция, учитывает ассоциативные связи между словами, соотношенными с определенными фрагментами внеязыковой действительности. Языковой материал в словаре будет объединен во фреймовые блоки, такие, к примеру, как «Рождение ребенка», «Родственные связи», «Одежда», «Животноводство», «Охота», «Средства передвижения», «Жилище», «Игры» и др., в совокупности представляющие достаточно полную картину мира телеутов. Каждая словарная статья будет представлять собой описание определенного фрейма с указанием значения слов, его актуализирующих, контекстуальной и культурологической инфор-

мации, полученной в ходе общения с представителями малочисленного народа и из научных источников.

В далеком прошлом телеуты были кочевниками, занимающимися скотоводством, охотой и рыбной ловлей. Кочевой образ жизни предков и дальнейшая ассимиляция с русскоязычным населением определяют особенности мировидения носителей телеутского языка. В Кемеровской области проживает около 2500 тысяч телеутов, из которых 2000 живут в Гурьевском и Беловском районах.

Языковой материал, использованный в статье, был собран в результате полевых экспедиций в 2013–2014 годах в селе Беково Беловского района Кемеровской области. В роли информантов выступали как двуязычные носители, так и представители старшего поколения, владеющие исключительно телеутским языком (в этом случае мы пользовались услугами переводчика). В качестве источника лексем использовались также материалы русско-телеутского словаря [4].

В работе под фреймом понимается «структура знаний об определенном фрагменте человеческого опыта (стереотипной ситуации), эксплицируемая средствами языка» [3, с. 15]. Стереотипность ситуации заключается в том, что она содержит некий фиксированный набор смысловых компонентов (узлов) [2], которые в нашей статье названы субфреймами. Словарная статья призвана продемонстрировать вербализацию смысловых узлов лексемами телеутского языка (субстантивами одной тематической направленности). В работе находит отражение прежде всего структура фрейма, которая в электронном словаре будет проиллюстрирована контекстами и дополнена культурологическими комментариями.

Фрейм «Жилище», вербализованный лексическими единицами телеутского языка, образуют следующие узлы: «наименования жилища и его частей», «названия хозяйственных построек», «наименования материалов, предназначенных для строительства дома», «наименования обитателей жилища», «названия населенных пунктов».

ФРЕЙМ «ЖИЛИЩЕ»

I. Наименования жилища и его частей

1. Названия дома:

жер үй – любая землянка, независимо от ее формы;

үй – название любого дома.

2. Наименования дома по размеру:

жаанүй – большой дом;

кичү үй – маленький дом;

кинчегеш үй – маленький дом;

тийик үй – высокий дом;

жабыс үй – низкий дом.

3. Наименование дома в зависимости от числа хозяев:

үй эки жара. Үй эки жара жарылган. – Дом на двух хозяев делился.

4. Наименования дома по числу этажей:

эки қат үй – двухэтажный дом, буквально «дом в два ряда»;

көп қатту жадатан үй – многоэтажный дом, буквально «дом, в котором лежит много рядов».

5. Наименования частей дома:

жабу – кровля, крыша;

кирнесте – крыльцо;

көзнөк – окно, буквально «то, куда смотрят»;

қып – комната;

кемеге – русская печь;

позого – порог;

поорон – погреб;

тепкиш – лестница;

тўнўк – дымоход;

эжик – дверь;

эжиктиң жаагы – косяк (двери);

ўйдең ўзи – чердак;

төр – почетное место в доме (*Аймакчыды төргө отырзага. – Посадить гостя на почетное место.*).

6. Названия комнат по назначению:

уктапжунжер – спальня, буквально «место, где спишь»;

ойнопжунжер – детская, буквально «место, где играют»;

junjtунжер – кухня, буквально «место, где едят»;

курзақ пыжыржунжер – кухня, буквально «место, где варят»;

курзақ тунжунжер – кухня, буквально «место, где принимают пищу».

7. Наименования жилища в зависимости от используемого строительного материала:

агаи үй – деревянный дом;

таи үй, – каменный дом;

кирпич үй – кирпичный дом.

II. Названия хозяйственных построек

1. Наименования построек для содержания животных:

чулан;

ийттиң үй – будка для собаки, буквально «дом собаки».

2. Наименование хозяйственных построек по способу использования:

чеден – плетенные хозяйственные постройки, от *чеденде* – городить, огораживать;

мылча – баня.

III. Наименования материалов, предназначенных для строительства дома

агаи – дерево;

таи – камень;

кирпич;

тал – тальник, ива (*Үйди талаң жазагандар. – Землянку из тальника делали.*);

ақ палқаш – белая глина;

тезек – конский помет;

салам – солома;

өлөң – трава, сено, солома (*Үйдиң жабу өлөң иштелу. – Крыша сделана из соломы.*);

слейе – стекло.

IV. Наименования обитателей жилища

1. Названия хозяев дома:

Ўйдиң ээзи – хозяин и хозяйка;

Ўй-ажы – домохозяйка, *уйдиң ижи* – выполняющий домашнюю работу;

Ўй кижси – домохозяйка, буквально «человек дома»;

Ўйдеги кижилер – домашние, члены семьи.

2. Наименование нанятых работников:

јалга јүрген ўй кижси – наемный человек, домработница, *јал* – наем.

3. Названия соседей по месту проживания:

айылдаш – соседи, от *айыл* – селение, деревня, *айылда* – гостить, ходить в гости.

4. Названия гостей в зависимости от места проживания:

айылчы – гость из местных;

аймақчы – гость издалека.

5. Названия мифологических существ, обитающих в доме:

Ўйдиң – имя духа дома (домового).

V. Названия населенных пунктов

Айыл – поселение;

улус – село;

јурт – деревня.

Многовековой кочевой образ жизни телеутов, с одной стороны, современный оседлый образ жизни и ассимиляция с русскоязычным населением, с другой стороны, определяют структуру фрейма «Жилище».

Мы видим, что современные носители телеутского языка используют в речи как традиционные наименования жилища и его частей, так и заимствованную из русского языка лексику в том случае, если необходимо назвать современные строительные материалы, современные части дома, элементы обстановки. Современная действительность требует и деления дома на отдельные комнаты, в то время как традиционное жилище телеута представляло собой единое пространство, поделенное лишь пологом. В связи

с этим появляются сложные описательные конструкции, именующие отдельные комнаты.

Фреймы, являясь моделью языкового сознания человека, устроены по принципу поля, имеют ядерные и периферийные смысловые узлы и размытые границы, провоцирующие взаимодействие фрейма с другими, семантически связанными фреймами. Пространство фреймов не является замкнутым, поскольку отображаемые ими ситуации взаимодействуют друг с другом, соответственно и фреймы связаны между собой через смысловые узлы и имеют пересекающиеся сферы, репрезентированные одним языковым материалом, что, безусловно, найдет свое отражение в словаре пропозиционально-фреймового типа. Фрейм «Жилище» оказывается связанным с такими фреймами, как «Предметы быта» (они заполняют дом), «Приготовление пищи» (приготовление еды осуществляется в определенном месте дома), «Животноводство» (животные содержатся в постройках во дворе дома), «Возделывание культурных растений» (инструменты для обработки земли и продукты земледелия хранятся во дворе или доме) и т. д.

При составлении словаря будет учитываться также тот факт, что не все описываемые фреймы имеют одинаковую культурную значимость, часть из них занимает ядерное положение в картине мира телеута (например, «Животноводство»), часть – периферийное. Поэтому электронный словарь предполагает расположение словарных статей по полемому принципу с учетом количественной представленности того или иного фрейма.

Электронный пропозиционально-фреймовый словарь находится в стадии разработки, словарные статьи будут дополняться лексемами и контекстами на телеутском языке с переводом. Объединение лексем в словаре на основе пропозиционально-фреймового подхода, а не в привычном алфавитном порядке, позволит отразить языковую картину мира телеута – представителя коренного тюркоязычного малочисленного народа Сибири.

Литература

1. Араева Л. А. Электронный пропозиционально-фреймовый многоязычный словарь как основа толерантной межкультурной коммуникации // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2008. – № 5. – С. 48–50.
2. Никонова Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка): автореф. ... дис. д-ра филол. наук. – Н. Новгород, 2009. – 41 с.
3. Рыскина О. Ю. Репрезентация фрейма «принятие решения» в современном английском языке (на материале глагольной и субстантивной лексики): дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 154 с.
4. Рюмина-Сыркашева Л. Т. Русско-телеутский словарь. – Кемерово, 2002. – 192 с.

References

1. Araeva L.A. Elektronnyy propozitsional'no-freymovyy mnogoyazychnyy slovar' kak osnova tolerantnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii [Electronic propositional-frame multilingual dictionary as the basis of tolerant intercultural communication]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of culture and arts]*, 2008, no 5, pp. 48–50. (In Russ.).
2. Nikonova Zh.V. Freymovyy analiz rechevykh aktov (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka). Dis. dokt. filol. nauk [Frame analysis of speech acts (based on modern German language). Dr. filol. sci. diss.]. Nizhniy Novgorod, 2009. 41 p. (In Russ.).
3. Ryskina O.Yu. Rerezentatsiya freyma “prinyatie resheniya” v sovremennom angliyskom yazyke (Na materiale glagol'noy i substantivnoy leksiki). Dis. cand. filol. nauk [Representation of the frame “decision” in the modern English language (based on verbal and substantive vocabulary). Cand. filol. sci. diss.]. Irkutsk, 2004. 154 p. (In Russ.).
4. Rumina-Syrkasheva L.T. Russko-teleutskiy slovar' [Teleut-Russian dictionary]. Kemerovo, 2002. 192 p. (In Russ.).

УДК 811.112.28(81'0)

ГИБРИДИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ИДИШСКИХ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСОМ *TSU-*)

Шишигин Кирилл Александрович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

Статья посвящена феномену гибридного языка, который рассматривается на примере идишских глаголов с отделяемым префиксом *tsu-*. Гибридизация глагольно-префиксальной системы имела место на уровне формы, содержания и/или морфосинтаксиса. Формальная гибридизация выразилась в калькировании славянского рефлексива и присоединении его к немецкому по форме глаголу, содержательная гибридизация – в адаптации славянских смыслов и выработке собственных, а морфосинтаксическая – в калькировании славянского или приобретении собственного, отличного от немецкого языка-основы и адстатных славянских языков управления. Следствием гибридизации глагольно-префиксальной системы идиша стало его отделение от немецкого и превращение в самостоятельный язык.

Ключевые слова: гибридизация, идиш, префикс, префиксальный глагол, семантика, словообразование, морфосинтаксис.

HYBRIDIZATION OF A LANGUAGE SYSTEM (EXAMPLED BY YIDDISH VERBS WITH THE PREFIX *TSU-*)

Shishigin Kirill Aleksandrovich, Candidate of Philological Sciences, Docent, Head of Chair of German Philology, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

This article focuses on the phenomenon hybrid language exemplified by Yiddish verbs with the prefix *tsu-*. The hybridization of the prefixed verb system took place on the formal, content and/or morphosyntactic level. The formal hybridization was manifested by the calking of the Slavonic reflexive and its combination with the formally German verb, the content hybridization – by the adoption of Slavonic and creation of its own senses, the morphosyntactic hybridization – by the calking of the Slavonic government or creation of own once different from the German basis language and from the adstratum Slavic. The hybridization consequence was that Yiddish became separate from German and is an independent language.

Keywords: hybridization, Yiddish, prefix, prefixed verb, semantics, derivation, morphosyntax.

В настоящей статье рассматривается феномен гибридного языка на примере глаголов с префиксом *tsu-* в языке идиш, испытавшем существенное славянское влияние, которое – в том числе за счет гибридизации глагольно-префиксальной системы – способствовало обособлению идиша от немецкого языка-основы. При этом данное влияние затронуло глагольно-префиксальную систему идиша существенно, но не в полной мере. В результате идиш превратился, как полагают большинство исследователей (см., например [6, с. 9; 7, с. 1399; 14, с. 32]), в язык гибридный, или фузионный, соединивший в себе немецкие, семитские и славянские элементы. Что касается префиксальных глаголов, то здесь наибольшую роль в гибридизации сыграли языки славянские (в хронологическом порядке: польский, украинский, белорусский и русский), а влияние семитских языков выразилось в основном в появлении в идише особого рода перифрастических, или описательных глаголов (которые в настоящей статье не рассматриваются), образующихся по модели «немецкий вспомогательный глагол *zaun* (*zikh*) / *vern* + семитское причастие» (подробнее см. [1; 2, с. 705–706]).

Идиш начал развиваться достаточно поздно путем заимствования ашкеназскими евреями немецкого языка (средневерхненемецкого периода), то есть путем превращения его в свой родной язык, а затем через адстратное и интерференциальное влияние древнееврейского и древнеарамейского (на всех уровнях), романских (только в сфере лексики) и – позднее – славянских языков (также на всех уровнях) получил ряд черт последних. По утверждению основоположника современной идишистики М. Вайнрайха, «...около 1000 года появляются первые данные об использовании немецкого языка евреями» [16, с. 27], а в период с 1500 по 1700–1750-е годы в немецком языке евреев происходит «отрыв от немецкого, упрощение грамматики, проникновение древнееврейских компонентов, сближение со славянскими языками» [16, с. 32]. Эти тенденции коснулись и анализируемого в настоящей статье префикса, и глагольных конструктов с ним.

Отделяемый префикс *tsu-* (транскрипция в статье в соответствии с [17]) развился из средневерхненемецкого наречия-префикса *zuo*, имевшего значение ‘сюда; рядом’ (см. [8, с. 340]), и

родственен, тем самым, современному немецкому отделяемому глагольному префиксу *zu-*.

Анализ идишских префиксальных глаголов с *tsu-* показал, что: а) все они сохранили немецкую форму, б) часть из них сохранили немецкое содержание, в) часть приняли и адаптировали славянское содержание, которое влилось в немецкую форму, г) ряд префиксальных глаголов под влиянием славянских языков модифицировали немецкую форму и содержание, д) а некоторые префиксальные глаголы в силу интралингвистических тенденций, ставших следствием гибридизации, выразившейся в процессах, указанных в пунктах б, в и г, «выработали» собственные – отличные от немецких и славянских – смыслы.

Результаты данных процессов и тенденций рассматриваются на уровне семантики, словообразования и морфосинтаксиса анализируемых префиксальных глаголов.

Анализируемый префикс комбинируется с большим количеством глагольных, адъективных и субстантивных основ (всего 149 глагольно-префиксальных лексем, по данным словаря [15]) разных тематических классов, кроме глаголов позиционных типа *lign* ‘лежать’. Единственное исключение составляет позиционный глагол *sh-teyn* ‘стоять’, который в виде префиксального *tsush-teyn* означает ‘присоединяться, пристать’, следуя славянскому образцу: ср. польск. *przystać*, укр. *пристати*, белорус. *прыстаць* и рус. *пристать* в значении ‘присоединяться’, где славянский префикс *przy-/npu-/nry-* со значением ‘рядом’ семантически соответствует идишскому *tsu-*, так как идиш приписал последнему данное славянское значение.

В настоящей работе предлагается нижеследующая классификация глаголов с префиксом *tsu-*.

1. Приближение субъекта к ориентиру.
2. Присоединение объекта субъектом к ориентиру.
3. Закрытие объекта.
4. Добавочное действие.
5. Интенсивное действие.
6. Неинтенсивное действие.

Ниже иллюстрируются префиксальные глаголы с *tsu-* классов 1, 2 и 5, в которых наиболее четко прослеживается гибридизация идишской глагольно-префиксальной системы.

Глаголы, описывающие приближение субъекта к ориентиру

Дифференциальными семами у префиксальных глаголов, обозначающих приближение субъекта к объекту, являются семы <приближение> (за счет префикса) и <движение> (за счет производящего глагола).

Половина из них (7 из 14), обладают немецкой семантикой и, как и немецкие префиксальные глаголы, образуются от интранзитивных глаголов передвижения: *tsufaln I* 'выпасть (на долю)', *tsuforn* 'подъехать', *tsugeyn* 'подойти', *tsukrikhn* 'подползти', *tsukumen* 'приблизиться', *tsuloyfn* 'подбежать', *tsutretn* 'подойти' (см. пример 1).

Два глагола образованы по славянскому образцу, соответственно, от интранзитивного и рефлексивного глагола передвижения: *tsufaln II* 'припасть', *tsushlogn zikh* 'прибиться' (см. пример 2).

Одна лексема имеет гибридную форму «немецкий префиксальный глагол + славянский рефлексив»: *tsurukn zikh* 'придвинуться' (ср. нем. *zurücken* 'придвинуться' без рефлексива и рус. *придвинуться* с рефлексивом).

Четыре префиксальных глагола также являются продуктом гибридизации идиша, но возникли в силу действия интралингвистических тенденций: *tsuglidern zikh* 'присоединиться', *tsunetn zikh* 'пролезать', *tsukrign zikh* 'добираться', *tsuayln zikh* 'торопиться'. Под интралингвистическими тенденциями мы при этом понимаем случаи, когда ни в немецком языке-основе, ни в адстратных славянских языках не существуют аналогичные конструкции (подробнее см. [4; 13]).

Рассмотрим следующие примеры:

(1) *tsugeyn* 'подойти': *tsugeyn noent hot er moyre gehat – tsvey moyredike shtsheres vi kelblekh di groyse* [12, с. 69]. 'Подойти близко он боялся: две страшные крысы, большие как телки'.

(2) *tsushlogn zikh* 'добираться': *zayn eyntsiker vuntsh oyf der velt iz geven: got zol im helfn, er zol konen zikh tsushlogn tsu a ferdl* [11]. 'Его единственным на земле желанием было, чтобы бог помог ему добираться до коня' (ср. укр. *прибитися* 'добираться').

Глагол *tsugeyn* и формально, и по содержанию повторяет немецкий *zugehen* 'подходить, приближаться', а глагол *tsushlogn zikh* представляет собой кальку славянских рефлексивных префиксальных глаголов приближения (ср. укр. *прибу-*

тися 'добираться'; идишский и украинский глаголы буквально означают 'прибиться'), которые отсутствуют в немецком.

В морфосинтаксическом плане префиксальные глаголы и немецкого образца, и славянского образца, а также все пять гибридных форм приняли предложное управление (дополнением, актуализирующим ориентир приближения), которое дублирует префикс, чего мы не находим ни у немецких глаголов с *zu-*, ни у славянских с *przu-/npu-/nry-*:

(3) *tsukrikhn* 'подползть': *pamelekh krikh ikh tsu tsu yenem ort* (Доп. предлож.), *vu dos meserl ligt bagrobn* [9]. 'Медленно я подползаю к тому месту, где зарыт ножик'.

(4) *tsufaln* 'припасть': *vu iz der krug? – fregt mikh mayn bruder elye. – in politsye! entfer ikh im un fal tsu tsu der mamen* (Доп. предлож.) *mit a geveyn* [12, с. 54]. 'Где кружка? – спрашивает меня мой брат Эля. – В полиции! – отвечаю я ему и припадаю к маме плача'.

Как видно из примеров 3 и 4, предлог *tsu* дублирует префикс *tsu-*. При этом аналогичные немецкие префиксальные глаголы с *zu-* имеют предложное управление *auf*, а славянские с *przu-/npu-/nry-* предложное управление *do/do/da/к*. Таким образом, и в плане морфосинтаксическом анализируемые префиксальные глаголы испытали гибридизацию, присовокупив к немецкой и славянской формам и семантике собственно идишское синтаксическое управление.

Глаголы, описывающие присоединение объекта субъектом к ориентиру

Дифференциальными семами у префиксальных глаголов, обозначающих приближение субъекта к объекту, являются семы <приближение> (за счет префикса) и <целенаправленное действие> (за счет производящего глагола).

Данные префиксальные глаголы, составляющие наибольший класс (60 лексем, или 40 % от общего числа глаголов с *tse-*), образуются от разных производящих основ, а именно:

- глаголов, например: *tsubayln* 'прижать', *tsubeygn* 'наклонить', *tsubindn* 'привязать', *tsubren-gen* 'принести', *tsudrikn* 'придавить', *tsudroteven* 'привязать проволокой', *tsufestikn* 'прикрепить', *tsugeveynen (zikh)* 'приучить(ся)', *tsuhengen* 'подвесить', *tsukhapn zikh* 'схватиться', *tsuleytn* 'приделывать', *tsulozn* 'допустить', *tsunuren [zikh]* 'присло-

няться, прижаться’, *tsupaskenen* ‘присуждать’, *tsupasn (zikh)* ‘припособить(ся)’, *tsuteyln* ‘выделить’, *tsutrefn* ‘попасть в точку’, *tsutrogn* ‘подносить’, *tsutshepen* ‘прицепить’, *tsutsien* ‘привлечь’, *tsuvarfn* ‘бросить’, *tsuvinken* ‘подозвать кивком’, *tsuzaytlen zikh* ‘присоседиться’ и др.;

- существительных, например: *tsuglidern* ‘присоединить’, *tsuhefn* ‘прикрепить’, *tsunoglen* ‘пригвоздить’, *tsuzeugern* ‘приурочить’ и др.;

- прилагательного: *tsuglaykhn* ‘уподоблять’.

Данные префиксальные глаголы образованы в основном по немецкому образцу (ср. нем. *zudecken (sich)* ‘укрыть (ся)’):

(5) *tsudekn zikh* ‘укрыться’: <...> *hobn mir zikh oysgetsoygn beyde, ikh un mayn bruder eyle <...> tsugedekt zikh beyde mit eyn koldre <...>* [12, с. 18]. ‘<...> разделись мы оба, я и мой брат Эля <...> укрылись одним покрывалом <...>’.

Особый интерес представляют в данном классе отглагольные *tsuganvenen* ‘украсть’, *tsukhapn* ‘отобрать’, *tsukrign* ‘заполучить’, *tsulatkhnen* ‘украсть’, *tsunemen* ‘отобрать’, *tsurabeven* ‘заполучить грабежом’, которые создают собственно идишскую концептуализацию ситуации присвоения чужого. Под концептуализацией, или концептом ситуации, мы понимаем обобщенно-абстрагированный, наивно-языковой способ репрезентации ситуации посредством префиксального глагола [3, с. 205].

Ситуация данными префиксальными глаголами концептуализуется как «присоединение принадлежащего виктиму объекта субъектом к самому себе», то есть в качестве ориентира выступает сам субъект, что отличает их от соответствующих по значению глаголов немецкого и славянского языков:

(6) *tsunemen* ‘отобрать’: <...> *zey* (Подл) *zoln tsunemen bay ruvn dem epl-yid* (Доп_{предлож.}) *dos shtikl broyt* (Доп_{прям.})?.. <...> [12, с. 28-29]. ‘<...> что, им отбирать у Рувина-яблочника кусок хлеба?.. <...>’.

Для выражения данных значений в немецком языке префиксации подвергается только глагол *nehmen* ‘брать’: *abnehmen*, *wegnehmen* или *fortnehmen* ‘отобрать’; данные глаголы за счет префикса концептуализуют ситуацию как ‘отделение субъектом объекта от третьего ориентира’. Аналогичная немецкой концептуализация имеет место у славянских глаголов, использующих для этого разные префиксы: ср. польск. *odbierać*, укр. *відбирати*, белорус. *адабраць* ‘отобрать’

и рус. *отобрать*; польск. *ukraść*, укр. *вкрати*, белорус. *скрасці* ‘украсть’ и рус. *украсть*.

В плане морфосинтаксиса префикс *tsu-* требует предлога *bay* ‘у’ при дополнении, актуализирующем виктима, прямого дополнения, актуализирующего объект, и подлежащего, актуализирующего субъект-ориентир (см. пример 6). Таким образом, данные префиксальные глаголы являются собой в чистом виде гибридом с немецкой формой, собственно идишским содержанием и славянским синтаксическим управлением.

Глаголы, описывающие интенсивное действие

Дифференциальными семантиками у префиксальных глаголов, обозначающих приближение субъекта к объекту, являются семы <интенсивно> (за счет префикса) и <целенаправленное действие> (за счет производящего глагола).

Как форма, так и содержание данных глаголов обусловлено немецким компонентом идиша: так, немецкие глаголы с *zu-* могут придавать производящим основам дополнительное значение интенсивности [5, с. 342], что мы наблюдаем также у 10 идишских глаголов с префиксом *tsu-*: *tsuheren zikh* ‘прислушиваться’, *tsuklaybn* ‘приводить в порядок’, *tsuklern* ‘придумывать (планы, идеи и т. п.)’, *tsukukn [zikh]* ‘присматриваться’, *tsuleyenen* ‘читать внимательно’, *tsuputsn* ‘приводить в порядок’, *tsuramen* ‘приводить в порядок’, *tsushpitsn* ‘заострить’, *tsutrakhtn* ‘придумывать (планы, идеи и т. п.)’, *tsuzen* ‘наблюдать’.

В данном случае в идише произошло отождествление интенсивности выражаемого немецкими глаголами восприятия типа *zusehen* ‘наблюдать’ и *zuhören* ‘слушать внимательно, прислушиваться’, которые за счет префикса содержат сему <внимательно>, на глаголы прямого эффекта, в чем также проявляется феномен гибрида. Здесь, однако, проявляется и славянское влияние, которое находит свое выражение в рефлексивации глаголов *tsuheren zikh* и (факультативно) *tsukukn [zikh]* (ср. польск. *przysłuchać się*, укр. *прислухатися* ‘прислушаться’).

В морфосинтаксическом плане данные префиксальные глаголы также требуют дублирующего предлога *tsu*:

(7) *tsukukn zikh* ‘наблюдать’: *azoy trakhtn zikh undzere tsvey umgliklekehe indyaner <...> un*

kukn zikh tsu tsu der doziker moyrediker *tragedye* (Доп_{предлож}) <...> [10]. ‘Вот и лежат два наших несчастных индейца <...> и наблюдают за этой страшной трагедией <...>’.

В немецком же языке при соответствующих глаголах требуется прямое, в польском дативное беспредложное управление, а в украинском и белорусском предложии *до/да*, что в очередной раз свидетельствует о внутриидишских тенденциях.

Таким образом, в настоящей статье было показано, что гибридикация системы языка может происходить на разных уровнях. Так, в глагольно-префиксальной системе идиша она имела место на уровне формы, содержания и/или морфосинтаксиса префиксальных глаголов. Следствием гибридикации идиша стало его отделение от немецкого языка-основы и превращение в самостоятельный язык.

Литература

1. Тышкевич Н., Лучина Е. Глагольные перифрастические конструкции семитского происхождения в идише [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.hse.ru/data/2014/10/21/1098975994/Перифрастические конструкции с элементами семитского происхождения в идише.pdf](http://www.hse.ru/data/2014/10/21/1098975994/Перифрастические_конструкции_с_элементами_семитского_происхождения_в_идише.pdf)
2. Фалькович Э. О языке идиш // Русско-еврейский (идиш) словарь. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 666–715.
3. Шишигин К. А. Ситуация и концептуализация ситуации высказыванием (на примере префиксальных глаголов языка идиш) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 10 (28). – С. 204–207.
4. Шишигин К. А. Генезис глагольно-префиксальной системы языка идиш: экстралингвистические факторы и интралингвистические тенденции // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – Томск: ТГУ, 2014. – № 3 (29). – С. 74–91.
5. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. – 375 s.
6. Jakobson R. Preface to the first edition (1949) // Weinreich U. *College Yiddish: An introduction to the Yiddish language and to the life and culture.* – New York: YIVO Institute for Jewish Research, 1995. – P. 9–10.
7. Kiefer U. *Das Jiddische in Beziehung zum Mittelhochdeutschen // Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung.* – Berlin; New York: de Gruyter, 2000. – Band 2. – S. 1399–1408.
8. Lexer M. *Mittelhochdeutsches Wörterbuch.* – Stuttgart: Hirzel, 1992. – 516 s.
9. Sholem-Aleykhem. *Dos meserl* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uni-trier.de/index.php?id=31289>
10. Sholem-Aleykhem. *Dos porfolk* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uni-trier.de/index.php?id=31336>
11. Sholem-Aleykhem. *Mesushlekh* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uni-trier.de/index.php?id=34714>
12. Sholem-Aleykhem. *Motl Peyse dem khazns.* – Yerusholaim: Magnes pres, 1997. – 366 z.
13. Timm E. *An den Quellen des Jiddischen. Ergebnisse eines Forschungsprojekts // Von Enoch bis Kafka. Festschrift für Karl Grözinger zum 60. Geburtstag.* – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. – S. 105–115.
14. Vaynraykh M. *Geshikhte fun der yidisher shprakh: bagrifn, faktn, metodn.* – Nyu-York: YIVO, 1973. – Band I. – 356 z.
15. Vaynraykh U. *Modern english-yidish, yidish-english verterbukh.* – Nyu-York: YIVO; Shoken, 1977. – 790 z.; XLIII z.
16. Weinreich M. *Geschichte der jiddischen Sprachforschung.* – University of South Florida, 1993. – 326 s.; XXV s.
17. *Yiddish Alphabet/Alef/Beys* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.yivo.org/index.php?tid=57&aid=275>

References

1. Tyshkevich N., Luchina E. *Glagol'nye perifrasticheskie konstruktсии semitskogo proiskhozhdeniya v idishe* [Verbal periphrastic constructions of Semitic origin in Yiddish]. Available at: [http://www.hse.ru/data/2014/10/21/1098975994/Перифрастические конструкции с элементами семитского происхождения в идише.pdf](http://www.hse.ru/data/2014/10/21/1098975994/Перифрастические_конструкции_с_элементами_семитского_происхождения_в_идише.pdf) (In Russ.).
2. Fal'kovich E. *O yazyke idish* [About Yiddish]. *russko-evreyskiy (idish) slovar' [Russian-Yiddish dictionary]*. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1989, pp. 666–715. (In Russ.).
3. Shishigin K.A. *Situatsiya i kontseptualizatsiya situatsii vyskazyvaniem (na primere prefiks'al'nykh glagolov yazyka idish)* [The Situation and its Conceptualization by an Utterance (Examplified by Yiddish Prefixed Verbs)]. *Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2013, no. 10 (28), pp. 204–207. (In Russ.).
4. Shishigin K.A. *Genezis glagol'no-prefiks'al' noy sistemy yazyka idish: ekstralingvisticheskie faktory i intralingvisticheskie tendentsii* [The prefixed verb system genesis in Yiddish: extralinguistic factors and intralinguistic tendencies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2014, no. 3 (29), pp. 74–91. (In Russ.).
5. Fleischer W., Barz I. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache.* Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1992. 375 p.
6. Jakobson R. *Preface to the first edition (1949).* *Weinreich U. College Yiddish: An introduction to the Yiddish language and to the life and culture.* New York, YIVO Institute for Jewish Research, 1995, pp. 9–10.

7. Kiefer U. Das Jiddische in Beziehung zum Mittelhochdeutschen. *Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. Berlin, New York, de Gruyter, 2000, band 2, pp. 1399–1408.
8. Lexer M. *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Stuttgart, Hirzel, 1992. 516 p.
9. Sholem-Aleykhem. Dos meserl. Available at: <http://www.uni-trier.de/index.php?id=31289>
10. Sholem-Aleykhem. Dos porfolk. Available at: <http://www.uni-trier.de/index.php?id=31336>
11. Sholem-Aleykhem. Mesushelekh. Available at: <http://www.uni-trier.de/index.php?id=34714>
12. Sholem-Aleykhem. Motl Peyse dem khazns. Yerusholaim, Magnes pres, 1997. 366 p.
13. Timm E. An den Quellen des Jiddischen. Ergebnisse eines Forschungsprojekts. *Von Enoch bis Kafka. Festschrift für Karl Grözinger zum 60. Geburtstag*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2002, pp. 105–115.
14. Vaynraykh M. Geshikhte fun der yidisher shprakh: bagrifn, faktn, metodn. Nyu-York, YIVO, 1973, band I. 356 p.
15. Vaynraykh U. Modern english-yidish, yidish-english verterbukh. Nyu-York, YIVO, Shoken, 1977. 790 p., XLIII p.
16. Weinreich M. *Geschichte der jiddischen Sprachforschung*. University of South Florida, 1993. 326 p., XXV p.
17. Yiddish Alphabet/Alef/Beys. Available at: <http://www.yivo.org/index.php?tid=57&aid=275>

УДК 811.112.28(81'0)

ГЛАГОЛЫ С ПРЕФИКСОМ *AHIN*- В ИДИШЕ

Шишигин Кирилл Александрович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

В статье анализируются макросемантические и микросемантические характеристики идишских глаголов с префиксом *ahin*-, а также их парадигматические связи. Префиксальные глаголы с *ahin*-сохранили немецкую форму и модель словообразования, причем *ahin* имеет переходно-двойственный характер и статус наречия-префикса. С префиксом *ahin*- могут комбинироваться только глаголы перемещения и прямого эффекта, так как он за счет семы <сюда> лишь уточняет направление движения или целенаправленного действия, но редко создает новые смыслы. Анализируемый префикс обуславливает симметричную или изоморфно-симметричную концептуализацию ситуаций по немецкому образцу. В некоторых случаях префиксальные глаголы с *ahin*- имеют гибридную немецко-славянскую форму, что в минимальной степени модифицирует содержание. Префикс *ahin*- обуславливает полиситуативность семантики глаголов, с ним комбинирующихся. Ряд глаголов с *ahin*- вступают в антонимические отношения с глаголами с префиксом *aher*- и в синонимические с префиксом *avek*-. Новизна исследования заключается в том, что комплексный подход, в том числе двухуровневый семантический и полиситуативный анализ, к изучению префиксальных глаголов языка идиш применяется впервые.

Ключевые слова: семантика, идиш, ситуация, концепт ситуации, ситуатема, полиситуативность, префикс, префиксальный глагол.

YIDDISH PREFIXED VERBS WITH *AHIN*-

Shishigin Kirill Aleksandrovich, Candidate of Philological Sciences, Docent, Head of Chair of German Philology, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

This article deals with macro-semantic and micro-semantic characteristics and paradigmatic relations of Yiddish prefixed verbs with *ahin*-. The prefixed verbs with *ahin*- preserved their German form and derivation pattern and have a transitionally dual nature and status as adverb and prefix. Only movement and direct effect verbs can collocate with the prefix *ahin*- because of the direction seme <driving here> which defines the direction of movement or intentional action more exactly and seldom creates new senses. This prefix causes symmetrical or asymmetrical conceptualizations of situations like in German. The prefixed

verbs with *ahin-* sometimes have a hybrid German-Slavonic form, but it modifies the verb content minimally. The prefix *ahin-* causes the semantic polysituativity of verbs collocating with it. A number of verbs with *ahin-* have antonyms among verbs with the prefix *aher-* and synonyms among verbs with *avek-*. An integrated approach including the two-level semantic and polysituational analysis of Yiddish prefixed verbs applied for the first time are indicative of the newness of the investigation.

Keywords: semantics, Yiddish, situation, concept of situation, situateme, polysituativity, prefix, prefixed verb.

Цель настоящей статьи – показать макросемантические, микросемантические, словообразовательные характеристики и парадигматические связи идишских глаголов с отделяемым префиксом *ahin-* (здесь и далее транскрипция в соответствии с [15]). Отделяемый префикс *aher-*, родственный немецкому *her-*, – один из немногих семантически «простых» префиксов идиша, так как он, во-первых, в чистом виде сохранил свою наречную природу, во-вторых, имеет полный наречный антоним *aher* ‘туда’ и, в-третьих, вступает в комбинации исключительно с глагольными производящими основами, а именно с глаголами перемещения и прямого эффекта.

На макросемантическом уровне префиксальные глаголы с *aher-* концептуализуют ситуации только симметрично или изоморфно-симметрично; концепт ситуации можно представить следующей схемой:

Рисунок 1. Симметричная и изоморфно-симметричная концептуализация ситуации «Удаление от наблюдателя» глаголами с префиксом *ahin-*

На рис. 1 рука с жестом – наблюдатель, указывающий на находящуюся вдалеке от него точку L, в которую удаляется субъект; L и заштрихованный круг – точка удаления; стрелка – путь удаления; S/O – субъект или объект; Obs – наблюдатель.

Такая концептуализация, то есть обобщенно-абстрагированная, наивно-языковая репрезентация ситуации префиксальным глаголом (подробнее см. [4]), обусловлена семей <туда>. Ю. Марк в своей «Грамматике литературного языка идиш» пишет про *ahin-* только, что он, как и префикс *aher-* «указывает на направление» [9, с. 302], а «Большой словарь идиша» Ю. Марка и Й. Йофе дает, например, такие дефиниции глаголов с рассматриваемым префиксом, как:

- *ahintsien* ‘переехать’: «перебираться в другое (определенное) место <...>» [10, с. 55];

- *ahinshikn* ‘посылать’: «отправлять в определенном направлении, в определенное место <...>» [10, с. 56].

Сема <туда>, будучи семей направления, накладывает запрет на комбинацию префикса *ahin-* с глаголами состояния типа **ahinshteyn** ‘стоять туда’ и **ahinlign** ‘лежать туда’.

Микросемантические свойства рассмотрим на примере высказываний:

(1) *ahinraytn* ‘ускакать’: ver (S) vet gikher *ahinraytn* tsum taykh (L)? [10, с. 56]. ‘Кто быстрее прискачет туда, к реке?’.

(2) *ahinshteln* ‘поставить’: unter der khupe (L) vi a getselt hot men (Obs) dem khosn (S) *ahingeshtelt* [10, с. 56]. ‘Туда, под хупу, как под шатер, поставили жениха’.

Данные высказывания описывают, соответственно, следующие ситуации:

- неназванный человек, выступающий в роли наблюдателя, указывает субъекту S (референт вопросительного местоимения *ver* ‘кто’) на точку L (референт существительного *taykh* ‘река’), в которую он должен удалиться (индицируется префиксом *ahin-* ‘туда’) на коне (обозначается производящим глаголом *raytn* ‘ехать верхом’), причем эта точка находится на значительном пространственном удалении от наблюдателя;

- гости (референт неопределенно-личного местоимения *men*) свадьбы, выступающие в роли наблюдателя Obs, каузируют удаление (сигнализируется префиксом и производящим глаголом *shteln* ‘ставить’) субъекта S (референт существительного *khosn* ‘жених’) в надлежащее по еврейской традиции место L, то есть под хупу (референт существительного *khupe*), находящуюся на некотором удалении от наблюдателя.

Анализ высказываний свидетельствует о том, что префикс *ahin-* указывает на удаление в пространственную точку, либо далекую от наблю-

дателя (как в примере 1), либо близкую к нему (пример 2). С этой точки зрения *ahin-* находится в отношении частичной синонимии с префиксом *avek-*, который в конкретно-пространственном употреблении указывает на удаление, так сказать, «в далекую даль» (о префиксе *avek-* подробнее см. [3]).

Префиксальные глаголы концептуализуют ситуации, представленные в примерах 1 и 2, симметрично, то есть, будучи языковыми средствами, зеркально отражают ситуацию.

Примером изоморфно-симметричной концептуализации может служить временная ситуация, выраженная во фразеологизме:

(3) *ahingeyn* ‘приходить’ (букв. ‘идти туда’):
az der *shabes-koydesh* (S) *geyt ahin*, kumt di libe vokh *aher* [10, с. 58]. ‘Когда уходит святая суббота, приходит дорогая неделя’.

Префиксальный глагол *ahingeyn* используется здесь для описания ситуации удаления времени, что часто концептуализуется как удаление пространственное, то есть как самостоятельное удаление субъекта.

Данный фразеологизм иллюстрирует также парадигматические отношения префиксов *ahin-* ‘туда’ и *aher-* ‘сюда’ (префиксальный глагол *aherkumen* ‘приходить’), которые являются полными антонимами как при описании конкретно-пространственных, так и темпоральных ситуаций.

Микросемантический уровень глаголов в высказываниях 1 и 2, то есть их ситуатема, под которой понимается единица плана содержания префиксального глагола, «<...> отражающая динамическую полиситуативную денотативную структуру открытого, нелимитируемого типа <...>» [1, с. 30], может быть представлена схемой (см. рис. 2).

Рисунок 2. Ретроспективная ситуатема глаголов *ahinraytn* и *ahinshteln*

На рис. 2 МСЯ в жирном прямоугольнике – ядерная микроситуация; МСП в квадратных скобках – периферийная микроситуация; МСЗ в круглых скобках – закадровая микроситуация; стрелки и цифровые индексы – порядок следования микроситуаций (см. также пояснения к рис. 1).

Ситуатема анализируемых и им подобных глаголов с *aher-*, описывающих ситуации удаления от наблюдателя, представляет собой ретроспективный полиситуативный комплекс из четырех микроситуаций, где:

- нахождение субъекта рядом с наблюдателем – закадровая микроситуация, не обозначенная другими языковыми единицами;

- задание направления наблюдателем и удаление субъекта от наблюдателя в заданную последнюю точку – периферийные микроситуации, сигнализируемые префиксом *aher-* и производящими основами;

- появление субъекта в заданной точке на удалении от наблюдателя – ядерная микроситуация, называемая самой глагольной лексемой.

У глагола *ahingeyn* ‘приходить’, описывающего временную ситуацию в примере 3, ситуатема будет иная, чем у конкретно-пространственных глаголов с рассматриваемым префиксом:

Рисунок 3. Ретроспективная ситуатема глагола *ahingeyn*

На рис. 3 Imm – временной субъект-иммигрант (см. также пояснения к рис. 2).

В подобных ситуациях периферийная микроситуация задания направления исключена в силу объективной независимости временного субъекта-имминента.

Префиксальные глаголы с *ahin-*, концептуализуя ситуацию по немецкому образцу, подверглись, однако, гибридизации. Она выражается в том, что к немецкой форме присовокупились славянские формальные элементы, например:

(4) *ahinton zikh* 'дѣтсья': *di velt iz a groyse und s'iz nito vu zikh ahintsuton* [10, с. 54]. 'Мир большой, а деться некуда';

Глагол *ahinton zikh* состоит из формально немецкого префиксального глагола *ahinton* (ср. нем. *hintun* 'дѣть, дѣвать') и калькированного вслед за славянским образцом рефлексива *zikh* 'себя, себе, -ся' (ср. укр. *діватися*, белорус. *дзявацца* 'дѣваться', рус. *дѣваться*). Конструкция *sich huntun* возможна в немецком языке не как лексема со значением 'дѣваться', а как разговорное словосочетание со значением 'дѣвать себя', где *sich* выступает не как часть рефлексивного глагола, а как прямое дополнение в свободном сочетании слов. В идише же *zikh* при рассматриваемом префиксальном глаголе является составной частью лексемы *ahinton zikh*. Таким образом, здесь мы имеем дело с гибридным немецко-славянским конструктом.

Необходимо также отметить, что грамматический статус *ahin*, как и антонимичного ему *aher*, в идишистике определен недостаточно четко. Так, М. Аптроот и Х. Нат, Ю. Марк, Й. Вайсберг считают вышеназванные и т. п. элементы конвербами [5, с. 52–53; 9, с. 302–311; 10, с. 57–59; 14, с. 191–195], а Л. Талми именует их «отделяемыми, или ударными префиксами» [13, с. 234–235]. Это связано с двоякостью теоретического статуса немецких *hin* и *her* (см., например [6, с. 366–367; 7, с. 300–302; 2; 8; 11]), от которых в средневрхненемецкий период взяли свое начало соответствующие идишские элементы.

Синтаксическое и морфосинтаксическое поведение *ahin* (и здесь он следует немецкому образцу) также двоякое:

(5) *her nor, tomer voltst du gegangen ahin* (Обст_{мест}) <...>? [12]. 'Послушай-ка, может, ты бы сходил туда <...>?'.
Здесь *ahin* однозначно выступает в качестве наречия-обстоятельства места, о чем свидетельствует синтаксическая структура предложения и морфосинтаксическая структура глагола: его постпозиционное неконтактное положение при глаголе, как у наречия; при префиксном характере анализируемого элемента форма условного наклонения глагола была бы *voltst ahingegangen*, что, однако, тоже возможно, свидетельствует о чисто адвербиальном характере *ahin* и о его переходном-двойственном статусе наречия-префикса.

Анализ фактического материала позволяет, таким образом, констатировать следующее:

а) префиксальные глаголы с *ahin-* сохранили немецкую форму и немецкую модель словообразования, причем, как и в немецком языке, в качестве производящей основы в идише могут выступать только глаголы перемещения и прямого эффекта, поскольку семантика префикса *ahin-* за счет семы <сюда> лишь уточняет направление движения или целенаправленного действия, но редко создает новые смыслы;

б) в некоторых случаях префиксальные глаголы с *ahin-* имеют гибридную немецко-славянскую форму, что в минимальной степени модифицирует содержание;

в) префикс *ahin-* обуславливает симметричную или изоморфно-симметричную концептуализацию ситуаций префиксальными глаголами, при этом концепт ситуации следует немецкому образцу;

г) рассмотренный префикс *ahin-* обуславливает полиситуативность семантики глаголов, с ним комбинирующихся;

д) ряд глаголов с *ahin-* вступают в антонимические отношения с глаголами с префиксом *aher-* и в синонимические – с префиксом *avek-*;

е) *ahin* имеет переходном-двойственный характер и статус наречия-префикса.

Литература

1. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 262 с.

2. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. – М.: Иноизд-во, 1953. – 376 с.
3. Шишигин К. А. Глаголы с префиксом *avek-* в языке идиш: когнитивно-семантическая классификация // Вестн. КемГУ. – Вып. 2 (54), т. 2. – Кемерово, 2013. – С. 195–199.
4. Шишигин К. А. Ситуация и концептуализация ситуации высказыванием (на примере префиксальных глаголов языка идиш) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 10 (28). – С. 204–207.
5. Aptroot M., Nath H. Einführung in die jiddische Sprache und Kultur. – Hamburg: Helmut Buske, 2002. – 508 s.
6. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 1998. – 912 s.
7. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. – 375 s.
8. Hundsnurscher F. Das System der Partikelverben mit AUS in der Gegenwartssprache. – Göppingen: Alfred Kümmerle, 1968. – 287 s.
9. Mark Y. Gramatik fun der yidisher klal-shprakh. – Nyu-York: Alveltlekher yidisher kultur-kongres, 1978. – 407 z.
10. Mark Y., Yofe Y. Groyser verterbukh fun der yidisher shprakh. – Nyu-York: Komitet farn Groysn verterbukh f. der yidisher shprakh, 1961. – Band I. – 2333 z.
11. Mungan G. Die semantischen Interaktionen zwischen dem präfigierenden Verbzusatz und dem Simplex bei deutschen Partikel- und Präfixverben. – Frankfurt/Main etc.: Peter Lang, 1986. – 329 s.
12. Sholem-Aleykhem. Di erev-peysekhike emigratsye [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.uni-trier.de/index.php?id=31404>
13. Talmy L. Borrowing Semantic Space: Yiddish Verb Prefixes between Germanic and Slavic // Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. – Berkeley, 1982. – P. 231–250.
14. Weissberg J. D. Der Aspekt in abgeleiteten jiddischen Verben. Dargestellt anhand der korrelierenden Konverben *iber-* und *ariber-*. Eine kontrastive jiddisch-deutsch-slawische Darstellung // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Jg. 58. – Stuttgart: Franz Steiner, 1991. – S. 175–195.
15. Yiddish Alphabet/Alef/Beys [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.yivo.org/index.php?tid=57&aid=275>

References

1. Lebedeva N.B. Polisituativnost' glagol'noy semantiki (na materiale russkikh prefiks'al'nykh glagolov) [The polysituativity of verb semantics (exemplified by Russian prefixed verbs)]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1999. 262 p. (In Russ.).
2. Stepanova M.D. Slovoobrazovanie sovremennoego nemetskogo yazyka [Word formation of modern German]. Moscow, Inoizdatel'stvo Publ., 1953. 376 p. (In Russ.).
3. Shishigin K.A. Glagoly s prefiksom *avek-* v yazyke idish: kognitivno-semanticheskaya klassifikatsiya [Yiddish Prefixed Verbs with *avek-*: a Cognitive-Semantic Classification]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. Kemerovo, 2013, iss. 2 (54), vol. 2, pp. 195–199. (In Russ.).
4. Shishigin K.A. Situatsiya i kontseptualizatsiya situatsii vyskazyvaniem (na primere prefiks'al'nykh glagolov yazyka idish) [The Situation and its Conceptualization by an Utterance (Exemplified by Yiddish Prefixed Verbs)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2013, no. 10 (28), pp. 204–207. (In Russ.).
5. Aptroot M., Nath H. Einführung in die jiddische Sprache und Kultur. Hamburg, Helmut Buske, 2002. 508 p.
6. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim etc., Dudenverlag, 1998. 912 p.
7. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1992. 375 p.
8. Hundsnurscher F. Das System der Partikelverben mit AUS in der Gegenwartssprache. Göppingen, Alfred Kümmerle, 1968. 287 p.
9. Mark Y. Gramatik fun der yidisher klal-shprakh. Nyu-York, Alveltlekher yidisher kultur-kongres, 1978. 407 p.
10. Mark Y., Yofe Y. Groyser verterbukh fun der yidisher shprakh. Nyu-York, Komitet farn Groysn verterbukh f. der yidisher shprakh, 1961, band I, 2333 p.
11. Mungan G. Die semantischen Interaktionen zwischen dem präfigierenden Verbzusatz und dem Simplex bei deutschen Partikel- und Präfixverben. Frankfurt/Main etc., Peter Lang, 1986. 329 p.
12. Sholem-Aleykhem. Di erev-peysekhike emigratsye. Available at: <http://www.uni-trier.de/index.php?id=31404>
13. Talmy L. Borrowing Semantic Space: Yiddish Verb Prefixes between Germanic and Slavic. *Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1982, pp. 231–250.
14. Weissberg J.D. Der Aspekt in abgeleiteten jiddischen Verben. Dargestellt anhand der korrelierenden Konverben *iber-* und *ariber-*. Eine kontrastive jiddisch-deutsch-slawische Darstellung. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. Jg. 58. Stuttgart, Franz Steiner, 1991, pp. 175–195.
15. Yiddish Alphabet/Alef/Beys. Available at: <http://www.yivo.org/index.php?tid=57&aid=275>

УДК 811: 81-25

**ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ТЕЛЕУТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРЕЙМА «ШАМАНИЗМ»)¹**

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: araeva@list.ru

Образцова Мария Николаевна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: maria_obraztsova@mail.ru

Зоболева Анастасия Игоревна, студентка 3-го курса факультета филологии и журналистики (направление «Отечественная филология»), Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: zoboleva.nastya@mail.ru

В статье представлена языковая картина мира телеутов на материале фрейма «Шаманизм», отдельные взаимосвязанные между собой фрагменты которого сохранены в долговременной памяти старшего поколения телеутов. Сохранению сюжетов шаманизма способствуют пропозициональные структуры, а также реализованные в их пределах оязыковленные суждения (пропозиции), деривационные связи слов в пределах гнезд, типов, полимотивационных процессов.

Ключевые слова: языковая картина мира, фрейм, пропозиция, пропозициональная структура, гнездо однокоренных слов, словообразовательный тип, полимотивация.

**FRAGMENT LINGUISTIC WORLD TELEUTS
(ON THE MATERIAL OF THE FRAME “SHAMANISM”)**

Araeva Ludmila Alekseevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: araeva@list.ru

Obraztsova Maria Nikolaevna, Candidate of Philological Sciences, Assistant of Chair of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: maria_obraztsova@mail.ru

Zoboleva Anastasia Igorevna, 3rd Year Student of the Faculty of Philology and Journalism (Department of “Patriotic Philology”), Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zoboleva.nastya@mail.ru

Article is dedicated to the description of linguistic world Teleuts on the material frame “shamanism”. This frame has been presented as dictionary article in propositional framing Dictionary Teleut language. Teleut language is unwritten languages indigenous small in numbers people of Kuzbass, a member of the indigenous small in numbers peoples of North. In Russia there are only about 3000 Teleuts, 2,500 of whom live in the Kuzbass region, about 1,500 of them live in the village Bekovo of Belovo district of Kemerovo region. Propositional-framing Dictionary Teleut language designed for the younger generation imbued Teleuts feature of their culture and committed to its preservation. Any language is a very peculiar view of the world. If people are not yet mature enough to express this opinion in writing, the task of linguists is that with the help of the people, communicating with representatives of minority ethnic groups, to describe their especially view of the world.

Propositional-framing dictionary is a description of a propositional-semantic organization of frames. This dictionary reveals particular worldview of people specific nations, nationalities.

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00556 «Описание фрагментов языковой картины мира телеутов».

Propositional structures (PS) remain at the level of the unconscious. Because the same PS represented abstract subject-object predicative relation and implemented in a variety of frames. And PS realized thus characteristic of a particular frame of a proposition in this moment. In addition the consolidation of long-term memory of certain human subjects connected with derivational language processes which manifested through the predicative connectivity motivating and motivated speech, propositional-semantic organization of single-root words within the family of words and word-formation type and on a deeper level through polimotivation processes. The grammatical indicators as suffixes play a specific function in the process of maintaining a long-term memory Teleuts derivatives whose semantics associated with shamanism. This grammatical indicators form a series of typed view within subcategories (for example, suffix -chi in Teleut language unites the naming of persons in professional activities).

So far, the family of words, word-formation types and processes in polimotivation in Teleut language are not the object of description in the literature, which are well described by representatives of Kemerovo derivate school on Russian material.

The article noted that frames in Teleut language have blurred the border crossing at the level of lexical units. These multifunctional lexical units come in different frames, showing the dynamic nature of the language, representing the features of mental human activities. Obsolescence of one of the frame provokes modification of other frames that found in the analysis frame "shamanism".

A leaving of the teleuts's memory names of specific acts committed by the shaman at seances, wedding ceremonies, hunting and others causes modification of the frame. As a result the linguistic world Teleuts changed.

Keywords: language world picture, frame, proposition, propositional structure, with the same root words, word-formation type, polimotivation.

Проблема сохранения этнической культуры, языков коренных малочисленных народов Севера является актуальной задачей, решаемой этнологами, социологами, психологами, историками и лингвистами. Данная проблема является основной в Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), под эгидой которой проходят масштабные конференции в разных странах, посвященные сохранению национальной картины мира и языков малочисленных народов.

Данная статья посвящается описанию языковой картины мира телеутов на материале фрейма «Шаманизм», который в качестве словарной статьи авторами настоящего исследования подготовлен в электронный Пропозиционально-фреймовый словарь телеутского языка (теоретическое обоснование Пропозиционально-фреймового словаря дано в [1]).

Телеутский язык является бесписьменным языком коренного малочисленного народа Кузбасса, входящего в состав коренных малочисленных народов Севера. В России насчитывается всего около 3000 телеутов, 2500 из которых проживает в Кузбассе, примерно 1500 из них живут в с. Беково Беловского района Кемеровской области. Пропозиционально-фреймовый словарь

телеутского языка предназначен для того, чтобы подрастающее поколение телеутов прониклось особенностью своей культуры, стремилось к ее сохранению. Любой язык – это своеобразный взгляд на мир. И если народ пока не созрел для того, чтобы излагать этот взгляд в письменной форме, задача лингвистов состоит в том, чтобы с помощью этого народа, общаясь с представителями малочисленного этноса, описать их картину мира, особенности их мировидения.

Пропозиционально-фреймовый словарь представляет собой описание фреймов в их пропозиционально-семантической организации. Такой словарь вскрывает особенности мировидения людей конкретной нации, народности. Словарь выполнен в рамках когнитивной лингвистики, которая определяется как «наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных процессов» [6, с. 34].

Познавая мир посредством языка, человек категоризирует его, что позволяет сохранить полученные данные, образованные по определенной

структурно-семантической ассоциативно организованной схеме, в долговременной памяти. По мнению Дж. Лакофф, «человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некую структуру данных (образ), называемую фреймом. Некоторые лингвисты вместо фрейма используют понятие категории. Эта идея категоризации окружающего мира свойственна и традиционному, и когнитивному подходам в изучении языка» [7, с. 12].

Анализируемый фрейм представляет собой этнообусловленную ситуативно-тематическую композицию ассоциативно связанных структур знаний о телеутском шаманизме. Пропозиционные структуры (далее – ПС) знания сохранились в долговременной памяти телеутов в пределах фрейма «Шаманизм». Пересекаясь, они образуют ассоциативную связь употребляющихся в речи лексических единиц. В анализируемом фрейме представлены достаточно разнообразные взаимосвязанные между собой ПС. Так, ПС «субъект по характерному признаку» реализована следующими лексическими единицами: *ак кам* (белый шаман); *кара кам* (черный шаман); духохранители – *ак-яик* (белый дух) и *сары-яик* (желтый дух). Якучаков Сафрон Николаевич (1965 года рождения, житель села Беково) говорит о том, что «есть белые шаманы и есть черные шаманы». В сознании телеутов сохранилась пропозиционная структура «субъект, характеризующийся по предмету», которая используется при характеристике шамана. Раиса Дмитриевна Шадеева (1963 года рождения, жительница села Беково) рассказала, что шаманом не становятся, а рождаются. Это врожденный дар, который может проявляться уже в раннем возрасте. Ребенок-шаман обладает умениями, которые не свойственны другим. Конечно, это умения сверхъестественного характера. Есть и один физический отличительный признак – наличие так называемого «одиннадцатого пальца» (небольшой нарост на большом пальце руки). Также возможны были и иные физические особенности, например, родимое пятно, ямка на мочке уха, приступы эпилепсии и т. д. Как говорит Раиса Дмитриевна, «одиннадцатый палец» есть у всех настоящих шаманов, в детстве и раннем возрасте они его скрывают. Юному шаману непременно нужен наставник, ко-

торый будет помогать ему в познании шаманского ремесла. Мария Павловна Колчегосева (подшаманка, 1935 года рождения) говорит: «Считается, что у шамана при рождении есть отдельная кость». Такая кость была обнаружена у нее в области носа. Но шаманом она стать не захотела, потому что у шамана либо вообще не рождаются дети, либо рождаются больными. Так или иначе, шаман, как считают жители села Беково, имеет отличия в строении своего организма при рождении.

Наряду с именованиями шаманов и духов по характеризующему их дела цвету (белый дух – добрый; черный – злой; желтый назван по ассоциации с цветом солнца – то есть добрый дух) в памяти телеутов сохранились именования духов по месту их обитания, реализованные ПС «субъект по определенному месту действия»: дух земли – *жер тынганы* (*жер* – земля; *тын* – дух); дух воды – *су тынганы* (*су* – вода); дух леса – *сас тынганы* (*сас* – лес); дух горы – *туу танганы* (*туу* – гора); дух огня – *от тынганы* (*от* – огонь). Духов называют также: дух земли – *жер ээзи* (*ээзи* – хозяин); дух воды – *су ээзи*; дух леса – *сас ээзи*; дух горы – *туу ээзи*; дух огня – *от ээзи*. Сложно сказать, какое словосочетание было первоначальным. Так или иначе дух воспринимается телеутами как хозяин того места, где он проживает. Данные названия являются синонимичными.

Остались в памяти телеутов именования богов: божество – *Эрлик*; высшее божество – *Ульгень*. Но почему они названы так, забыто. Тем не менее, телеуты знают, что Ульгень – это высший бог, живущий на небесах, а Эрген – хозяин подземного мира. Кам (шаман), как говорит Ирина Михайловна Потапова, выступает как посредник между этими богами.

Евдокия Михайловна Тушманакова (Каргина) 1946 года рождения (село Беково) вспоминает: «Третье поколение телеутов без шамана. Мои родители слышали, что были у нас шаманы. Они камлали, лечили больных. Обычные люди, но у них особая одежда и бубен. Они общались с духами верхнего мира и подземного мира. *Ульгень* – верхний, светлый дух. *Эрлик* – подземные, злые духи, темные силы. *Лемре* – светлый дух. Чтили духа огня (*от ээзи*), духа горы (*туу ээзи*), духа леса – (*сас ээзи*), духа земли (*жер ээзи*), духа воды (*су ээзи*). Домовой – *уй ээзи*».

Солнце (*күн*), горы, которые в шаманизме характеризуются как священные (*ийик-туу*), земля (*жер*) во фрейме «Шаманизм» выступают в аспекте объекта, на который направлено действие субъекта (шамана, подшаманки).

Заклинания произносились как злым, так и добрым духам: заклинание злых духов – *алас*; заклинание добрых духов – *чымыр*. Субъект, который произносил заклинание добрым духам, назывался *чымырчи* (заклинатель).

Субъект выполнял действие с помощью определенного средства: бубен – *јууйнур*. Помнят телеуты, как называется рукоять бубна, – *барс*. Осталось в памяти название жертвенного животного, в качестве которого использовался баран: *пайтал*, а также именованное места, на котором приносился в жертву баран: *таслак*. Деревянный идол – *күрмүйи*.

В словарной статье представлены лексические единицы, относящиеся к шаманизму, которые современные телеуты еще помнят. Но даже в этих лексических единицах в их совокупности и предикативной связанности видно, что шаманизм – это достаточно специфичная языковая картина мира, которая складывалась на протяжении веков. С переменой в конце XIX века вероисповедания с шаманизма на православие система шаманизма в определенной степени разрушилась. Но даже сейчас видно, что в этой картине мира были субъекты действия. Это прежде всего шаман (*кам*), который, как утверждает Ирина Михайловна Потапова, находился на среднем уровне (он же человек) и осуществлял связь между высшим и подземным уровнями с помощью бубна и молитв, входя в особое состояние. Таким образом, в сознании современных телеутов сохранилась пропозициональная структура, указывающая на то, что субъект (шаман) действовал с помощью определенного средства (бубна). Шаманы лечили людей. Их приглашали на свадьбу. Как делался бубен, современные жители не помнят (это хорошо описано в [5]). Сохранился бубен в Краеведческом музее г. Кемерово. Изображения на бубне – это особое видение воображаемого мира, в котором представлены подземные и высшие, поднебесные миры.

На телеутском празднике, который проходит в летнее время в селе Шанда, Владимир Иосифович Сатин надевает шаманский халат, подвя-

зывается поясом и с помощью бубна совершает ритуальные действия шамана.

Жители сел помнят, что есть добрые и злые духи. Злых духов задабривали. И в настоящее время подшаманка Мария Павловна Колчогошева лечит детей, делает алас, то есть задабривает злых духов. Готовит саламат (жидкую мучную кашу на молоке или на воде, в которую добавляет сливочное масло). Саламатом кормит кукол (эмегендер). Читает молитвы. Во дворе у нее стоит береза (сомо), которую во время лечения она обрызгивает водкой и молоком, причем молоком утреннего надоя. Делает сомдор. Как объясняет подшаманка, сомдор используется при лечении мужчин, а эмегендер – при лечении женщин. Аласом лечит как мужчин, так и женщин. Аласом она лечила и нас. Для лечения аласом берется какая-нибудь вещь человека (лучше всего платок, можно полотенце). У нас с собой было полотенце. Круговыми движениями против часовой стрелки Мария Павловна размахивает полотенцем, произнося составленную ею молитву, которая начинается с многократного повторения слова алас. В этой молитве она обращается к духам с тем, чтобы они помогли излечению имеющих у человека болезней. Затем выходит из комнаты. Что она делает на улице, не знает никто. Затем возвращается. И снова повторяет те же действия с полотенцем и читает молитву. Так происходит три раза. После этого она говорит о своих ощущениях. Помогает далеко не всем алас. Но есть люди, которым помогает сразу. Сомдор – это лечение людей мужского пола с помощью задабривания духа огня молоком и водкой, а также поклонения березе, чтения молитвы и кормления берез саламатом с целью задабривания злых духов. Береза стоит у нее во дворе с восточной стороны, меняется береза каждый год, можно один раз в три года. В случае тяжелого заболевания сомдор совершается за селом, в месте, где ставится семь берез. Разводится костер и помимо чтения молитвы, совершения ритуальных действий, кормления огня и сомо водкой, молоком и саламатом, приносится жертвоприношение в виде барана, которого не убивают, а душат с помощью надеваемого на голову барана мешка с тем, чтобы не вышла кровь. Потом снимают шкуру барана, а мясо готовят в казане на костре. Приготовленное мясо и бульон съедают. Кости разбрасывать нельзя. Их либо закапывают, либо сжигают.

Ирина Каримовна Алабашева, вспоминая о своей свадьбе, говорит, что на свадьбе также ставилась береза, на нее завязывались белые и красные ленточки и обязательно привязывался тусенок с прожаренной мукой, чтобы задобрить злых духов.

Сомо ставят и в настоящее время на Троицу, завязывают белые и красные ленточки и также привязывают тусенок с прожаренной мукой. Рубят березы за три дня до праздника пожилые мужчины. Так шаманские традиции оказались переплетенными с православными. В Беково сомо и в настоящее время стоит возле клуба на площади слева перед входом, береза стоит весь год, до следующей Троицы. Это оберег для селян.

Человек, обретая в социальной среде, которая со временем изменяется, влияет на изменения в языке; вместе с тем сам язык, являя собой сложно организованную систему, оказывает воздействие на человека. Сохранению в памяти телеутов сюжетов из шаманизма способствуют деривационные связи слов. Например: *чымыр* – заговор от недугов; *чымырла* – заклинать злых духов; *чымырчи* – заклинатель злых духов. *Аласта* – задабривать злых духов; *алас* – заклинание; *аласчи* – заклинатель. *Арба* – колдовать. *Арбыши* – колдовство; *арбышчи* – колдун. *Толго* – ворожба; *толголо* – ворожить; *толгочи* – ворожея, гадалка. Слова в рамках гнезда однокоренных слов пропозиционально поддерживают друг друга. Знание одного слова гнезда возбуждает в долговременной памяти человека ассоциативно связанные с ним другие слова. В этом случае срабатывают также грамматические нормы языка, которые изменяются крайне медленно. Например, суффикс -чи в телеутском языке оформляет производные, именующие человека по производимому действию. Кроме того, полимотивационные процессы, которые также присутствуют в телеутском языке, способствуют как уточнению малейших нюансов в семантике деривата, так и сохранению ассоциативных связей в долговременной памяти

телеутов. Следует отметить, что в научной литературе до настоящего времени полимотивационные отношения в агглютинативных языках не описаны в отличие от скрупулезного описания процессов полимотивации в русском языке [2; 4], равно как и деривационные связи в целом [3; 8; 9 и др.].

Таким образом, фрейм «Шаманизм», несмотря на то, что в повседневной жизни телеутов он практически не используется, за исключением лечения, которое подшаманка с. Беково производит с помощью аласа, сондора и эмегендер, все-таки в определенной степени сохранился в долговременной памяти телеутов старшего поколения, чему способствуют как факторы экстралингвистического плана (лечение подшаманки, установка сомо на Троицу), так и лингвистические. К лингвистическим факторам, обуславливающим сохранение в долговременной памяти телеутов слов и сюжетов, связанных с религиозной культурой предков, относятся предикативная связанность мотивирующего и мотивированного слов, их типологическая реализация в пределах гнезда однокоренных слов и словообразовательных типов. Наличие явления полимотивации, которое также проявляет пропозициональную связанность мотивирующих единиц, способствует сохранению производных единиц в долговременной памяти телеутов. Такой грамматический показатель, как суффикс, который значим при образовании типизированных, построенных по одной и той же пропозициональной структуре производных слов, детерминирует сохранение дериватов с определенной обобщенной семантикой. Вместе с тем, уход из современной действительности конкретных действий, совершаемых шаманом при камлании, в свадебных обрядах, на охоте и др. обуславливает модификацию сопряженных с действиями шаманов фреймов, что приводит к модификации языковой картины мира телеутов по сравнению с той, которая была в период шаманизма.

Литература

1. Араева Л. А. Электронный пропозиционально-фреймовый многоязычный словарь как основа толерантной межкультурной коммуникации // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – № 5. – С. 48–50.
2. Араева Л. А. Теория полимотивации в отечественной лингвистике // Актуальные проблемы современного словообразования: мат-лы Междунар. науч. конф. / под ред. Л. А. Араевой. – Кемерово: ИНТ, 2009. – С. 39–46.

3. Булгакова О. А. Полисемия как результат категоризации действительности в языковой картине мира русских говоров // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008 – № 1 (1). – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 44–48.
4. Катышев П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы / под ред. Л. А. Араевой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 260 с.
5. Кацюба Д. В. Духовная культура телеутов. – Кемерово, 1993. – 191 с.
6. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопр. языкознания. – М., 1994. – № 4. – С. 34–37.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 792 с.
8. Образцова М. Н. Специфика деривационного пространства в рамках гнезда однокоренных слов // Актуальные проблемы современного словообразования: мат-лы Междунар. науч. конф. / под ред. Л. А. Араевой. – Кемерово: ИНТ, 2009. – С. 190–196.
9. Осадчий М. А. Однокоренная лексика русских народных говоров: Фреймовая структура гнезда / под ред. Л. А. Араевой. – М.: Либроком, 2013. – 304 с.

References

1. Araeva L.A. Elektronnyy propozitsional'no-freymovyy mnogoyazychnyy slovar' kak osnova tolerantnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii [Electronic propositional-frame multilingual dictionary as the basis of tolerant intercultural communication]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts]. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2008, no 5, pp. 48–50. (In Russ.).
2. Araeva L.A. Teoriya polimotivatsii v otechestvennoy lingvistike [Theory polimotivatsii in Russian linguistics]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Pod red. L.A. Araevoy* [Actual problems of modern word-formation: materials Intern. scientific. Conference. Ed. L.A. Araeva]. Kemerovo, INT Publ., 2009, pp. 39–46. (In Russ.).
3. Bulgakova O.A. Poliseмиya kak rezul'tat kategorizatsii deystvitel'nosti v yazykovoy kartine mira russkikh govorov [Polysemy as a result of categorization of reality in a language picture of the world of Russian dialects]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2008, no 1 (1), iss. 2, part .1, pp. 44–48. (In Russ.).
4. Katsyhev P.A. Polimotivatsiya i smyslovaya mnogomernost' slovoobrazovatel'noy formy. Pod red. L.A. Araevoy [Polimotivatsiya and semantic multidimensionality derivational forms. Ed. L.A. Araeva]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2005. 260 p. (In Russ.).
5. Katsyuba D.V. Dukhovnaya kul'tura teleutov [Spiritual Culture Teleuts]. Kemerovo, 1993. 191 p. (In Russ.).
6. Kubryakova E.S. Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma. Lingvistika – psikhologiya – kognitivnaya nauka [Initial stage of cognitivism. Linguistics – Psychology – Cognitive Science]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of linguistics]. Moscow, 1994, no 4, pp. 34–37.
7. Lakoff Dzh. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. Per. s angliyskogo I.B. Shatunovskogo [Women, Fire and Dangerous Things. That the categories of language tell us about thinking. Trans. with English IB Shatunovskij]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 792 p. (In Russ.).
8. Obraztsova M.N. Spetsifika derivatsionnogo prostranstva v ramkakh gnezda odnokorenykh slov [Specificity diversion space within the nest single-root words]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya. Materialy Mezhdunar. nauch. Konferentsii. Pod red. L.A. Araevoy* [Actual problems of modern word-formation: materials Intern. scientific. conference. Ed. L.A. Araeva]. Kemerovo, INT Publ., 2009, pp. 190–196. (In Russ.).
9. Osadchiy M.A. Odnokorennaya leksika russkikh narodnykh govorov: Freymovaya struktura gnezda. Pod red. L.A. Araevoy [Cognate vocabulary of Russian folk dialects: Frame structure nest / ed. L. A. Araeva]. Moscow, Knizhnyy dom Librokom Publ., 2013. 304 p. (In Russ.).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ HISTORY OF ART

УДК 393.05.94, 398.88

ПЕСНОПЕНИЕ «ТРИСВЯТОЕ» В ПОХОРОННЫХ ОБРЯДАХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ (ШОРЦЕВ, ХАКАСОВ, ЧУВАШЕЙ)

Измаилова Екатерина Игоревна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, Россия). E-mail: zhimul@ngs.ru

Статья посвящена актуальной для современной фольклористики теме функционирования богослужбных песнопений в народно-исполнительской среде. В работе анализируются интонационные трансформации церковного напева, подвергающегося воздействию фольклоризации, также представлен этнографический контекст исполнения песнопения. Трансформации канонического напева приводят к появлению разнообразных мелодических вариантов, а также версий – переинтонирующих и оригинальных. Исследование выполнено на современном материале, зафиксированном в конце XX – начале XXI века.

Ключевые слова: фольклоризация богослужбных текстов, похоронные обряды тюрков Сибири, христианизация сибирских этносов.

THE “TRISVYATOE” SINGING IN THE BURIAL RITES OF TURKIC PEOPLES OF SIBERIA (SHORES, KHAKASS, CHUVASH)

Ismagilova Ekaterina Igorevna, Candidate of Art History, Researcher of Sector of Folklore of Siberian Ethnic Groups, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zhimul@ngs.ru

As a result of Christianization of the peoples of Siberia and Volga regions, some liturgical genres have entered into the folklore traditions of several Turkic Siberian ethnoses (native: Shores, Khakass, Altai, and resettled: Chuvash). The performance of “Trisvyatoe” received certain dissemination in the practice of traditional burial rites of the mentioned ethnoses. Functioning of Orthodox Christian singing in the intonational cultures of Turkic-speaking ethnoses is very little studied for the moment. The present article is dedicated to the consideration of intonational transformations of a canonical song, taking place as a result of its existence in the foreign cultural medium, and also to the characterization of ethnographical context of the performance of Orthodox Christian songs. The burial rites of many peoples of Siberia have been significantly transformed under the influence of Christianity. The means of burial was changed: a funeral in the coffin, with singing of some prayers has propagated. In the traditional Siberian Chuvash culture also the Russian funeral-commemorative rites are reproduced. The material for musicological analysis were 16 folklorized samples of songs, performed in the Church Slavic language and in the native languages of tradition bearers. The majority of samples considered by us (12) were represented by themselves the variants of performances of the four-voice funeral song score; melodic pattern of the other four songs is very different from that, which allows to determine these samples as traditional versions of the songs. Upon consideration of the variants and versions of singing recorded from the representatives of different Turkic peoples, no distinctly pronounced indications of national specifics, characteristic of the intonational cultures of each of these ethnoses, were found. Because of that, through the principle of placement of the folklorized samples of songs in the table, based on the extent of their

remoteness from the written canonical original song source, the intonational analysis was chosen. The song with the bass voice in all the variants is subjected to significant melodization. The most affected by transformations is the melody line of the final segment of song. The functional harmonic logic of the bass voice movement does not find response in the consciousness of the performers, and thus it is very rarely reproduced by them. The versions of songs distinctly different from the liturgical ones are more individualized and, therefore, are considered more thoroughly. A syllabic-rhythmical organization of the folklorized samples of “Trisvyatoe” was also analyzed. A peculiar layer of assimilated Orthodox Christian songs in the intonational cultures of Turkic peoples of Siberia at the present time is close to disappearance. However, this phenomenon needs to be studied because, based on its example, it is possible to trace the regularities of action of the folklore traditions.

Keywords: folklorization of liturgical texts, burial rites of Turkic peoples of Siberia, Christianization of Siberian ethnoses.

В результате христианизации народов Сибири и Поволжья, проводимой православными миссионерами преимущественно во второй половине XIX – начале XX века, в фольклорные традиции некоторых тюркских сибирских этносов (коренных – шорцев, хакасов, алтайцев и переселенческих – чувашей) проникли отдельные православные песнопения. Среди них наиболее известные и часто употребляемые молитвы, такие как «Отче наш», «Трисвятное», «Богородице Дево», пасхальные песнопения, рождественский тропарь и т. п. Исполнение «Трисвятого» получило определенное распространение в практике народных похоронных обрядов перечисленных христианизированных этносов.

Необходимо отметить, что тема бытования православных песнопений в процессе совершения «мирских молений по умершим» (термин Н. Ю. Данченковой) уже неоднократно затрагивалась в современной фольклористической литературе. Исследования функционирования богослужебных жанров в народно-исполнительской среде, особенностей воспроизведения вербальной и музыкальной основ канонических текстов базировались, как правило, на материале, записанном от русского населения европейской части России и Сибири [4; 6; 10; 12]. Подобное явление, существующее, хотя и в значительно меньших масштабах, в традициях отдельных тюркоязычных этносов, на данный момент изучено значительно меньше. В настоящей работе предпринимается попытка частично заполнить этот пробел: статья посвящена рассмотрению интонационных трансформаций канонического по происхождению напева, происходящих в результате его бытования в инокультурной для него среде, а также характеристике этнографического контекста исполнения православных песнопений.

Условия бытования песнопения в народно-исполнительской среде

Известно, что похоронные обряды многих народов Сибири значительно трансформировались под влиянием христианства. Это проявилось прежде всего в изменении способа захоронения: на смену воздушному и другим традиционным способам погребения приходит захоронение в земле, в гробу, с крестом, в отдельных случаях для отпевания покойника на кладбище приглашали священника. «Христианство, особенно с середины XIX века очень заметно воздействовало на эту сторону жизни алтайцев, как свидетельствуют этнографические источники и наши полевые наблюдения, погребальный обряд по христианским предписаниям был распространен среди алтайцев повсеместно. Умерших крещеных алтайцев хоронили почти без каких-либо отклонений от общепринятых православных норм» [13, с. 101]⁶. Подобная информация существует о шорцах [5, с. 57] (известна даже дата первого отпевания, совершенного в «Кузнецком крае» – 15 декабря 1858 года) и хакасах [16, с. 186]. При этом в отдельных случаях во время совершения похоронного обряда сохраняются элементы дохристианской обрядовой практики – зажигание костра около могилы, бросание в него жертвенной еды и т. п., что свидетельствует о синкретичных представлениях о смерти и связанных с ней похоронных ритуалах у ряда сибирских этносов.

О существовании подобных форм похоронных обрядов, включающих пение молитв и ритуальные действия, восходящие к дошаманистским культам, свидетельствуют и современные полевые материалы. В качестве примера приведем

⁶ Об этом также пишет Н. О. Тадышева в своей монографии [14, с. 137–141].

описание похорон в поселке Малый Монок Бейского района республики Хакасия, выполненное участниками экспедиции Новосибирской консерватории в октябре 1998 года⁷. В проведении обряда можно выделить два этапа, проходящие в помещении и на кладбище после погребения⁸. В доме, перед выносом гроба все присутствующие (жители поселка, родственники умершего, прибывшие из окрестных мест) пели, многократно повторяя, краткие православные песнопения («Трисвятое», «Слава Тебе Боже»), стоя, обратившись лицом к иконам, крестясь в паузах между пением. Запевали, очевидно, наиболее опытные и знающие исполнительницы – пожилые женщины-хакаски. Затем, во время выноса, во дворе звучал традиционный плач-*сыыт*. На кладбище после погребения был сооружен костер из жердей, на которых несли гроб. В костер бросали жертвенную еду, кости от мяса, что-то при этом приговаривая, видимо, обращаясь к умершему. Далее повторилось пение молитв, завершившееся песнопением «Вечная память», после чего была устроена ритуальная поминальная трапеза.

Похоронно-поминальные обряды чувашей также изменились под воздействием христианства. По всей вероятности, это произошло еще на материковой территории проживания этноса – в Поволжье, до времени массового переселения чувашей в Сибирь в первых десятилетиях XX века [9, с. 122–124]. В настоящее время в известных нам локальных традициях сибирских чувашей (Новосибирская, Омская, Кемеровская, Томская области, Красноярский край) практически точно воспроизводятся русские похоронно-поминальные ритуалы [9, с. 142; 7, с. 258]⁹.

⁷ Информация о проведениях подобных похоронных обрядов была также зафиксирована автором настоящей статьи в Орджоникидзевском районе Республики Хакасия (д. Сарала, 2005 года). Сведения об исполнении православных песнопений во время похорон у шорцев также содержатся в публикации, посвященной анализу результатов полевой работы [2]. Материалы экспедиций хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки.

⁸ Здесь и далее мы опираемся на информацию из полевого дневника участницы экспедиции Н. М. Скворцовой.

⁹ Автор опирается также на полевые материалы, записанные в 2002–2013 годах преподавателями и сту-

дентами Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки и сотрудниками Института филологии СО РАН.

«Трисвятое» – одно из самых часто исполняемых православных песнопений – обязательно звучит практически на всех службах и является незаменимым для совершения похоронного обряда (за исключением пасхального периода, в течение которого вместо этого песнопения поется тропарь «Христос воскрес»). Песнопение легко остается в памяти благодаря своей краткости, словесной повторности (трижды повторяется слово «Святой» – «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас»), структурной и смысловой ясности. Важной предпосылкой для запоминания текста служат то обстоятельство, что в пении молитвы могут участвовать все присутствующие на похоронах.

В чине отпевания за этим песнопением закреплен так называемый «погребальный» или «надгробный» напев. В современной богослужбной практике используется многоголосный вариант «Трисвятого», сложившийся в течение последних трех веков (см. рис. 1)¹⁰.

Материалом для музыковедческого анализа послужили 16 фольклоризованных образцов песнопения, исполняемых на церковно-славянском языке и на родных языках носителей традиций – шорском, хакасском, чувашском¹¹. Большинство рассмотренных нами образцов (12) представляют собой варианты¹² басового или альтового голоса четырехголосной партитуры погребального напева; мелодика четырех напевов значительно от него отличается, что позволяет определить эти образцы как народные версии песнопения¹³. При рассмотрении вариантов и версий песнопения, зафиксированных от представителей различных

дентами Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки и сотрудниками Института филологии СО РАН.

¹⁰ Опубликовано в [3, с. 44].

¹¹ Особенности воспроизведения словесных текстов фольклоризованных песнопений подробно описаны нами в более ранней публикации [8].

¹² Под термином «вариант» мы понимаем «текст произведения, возникший в процессе его живого бытования в устной или письменной традиции и отличающийся от других текстов этого произведения, возникших тем же путем» [1, с. 62].

¹³ «Версией» в нашем понимании является разновидность произведения, содержащая качественные преобразования, не приводящие при этом к трансформации в другое, новое произведение.

тюркских народов, не было обнаружено ярко выраженных проявлений национальной специфики, характерной для интонационных культур каждого из этих этносов. Поэтому для интонационного анализа был избран сквозной принцип расположения фольклоризованных образцов песнопения в таблице по степени их удаления от письменного первоисточника песнопения¹⁴.

ПБВт

Свя - тый Бо - же, Свя - тый Кре - пкий, Свя - тый Бе - ссме - ртный, по - ми - луй нас.

Рисунок 1. Многоголосный вариант напева «Трисвятое», используемый в современной богослужебной практике

Мелодические варианты песнопения.

Сравнение вариантов «Трисвятого», бытующих в народно-исполнительской среде, с их письменным каноническим первоисточником показало, что напев бывшего басового голоса во всех образцах в той или иной степени мелодизируется. При этом снижается роль квартовой интонации и выдвигается на первый план интонация малой терции с заполнением. Преобладающими становятся поступенное движение, заполнение скачков либо их отсутствие, интонации опевания опорного тона. Мелодическая линия начальных сегментов становится замкнутой, завершаясь на основном тоне (звук *a'*).

Обращает на себя внимание также появление синтеза интонаций из разных, чаще всего крайних голосов хоральной фактуры богослужебного первоисточника. Вследствие мелодизации бывшего басового голоса включение интонаций верхних голосов осуществляется вполне естественно и органично. При этом в суммировании фактуры можно проследить связь со структурой напева: в начальных сегментах, как правило, более отчетливо слышна опора на басовый голос, затем в процессе развития мелодии постепенно происходит переключение на интонации альтовой и сопрановой партий. Заметим также, что более всего подвержена трансформациям мелодическая линия именно заключительного сегмента напева.

¹⁴ Для удобства анализа образцы «Трисвятого» были транспонированы и записаны от звука *a*.

Вероятно, функциональная гармоническая логика движения басового голоса не находит отклика в сознании исполнителей и поэтому практически никогда ими не воспроизводится. Данное обстоятельство способствует значительному переосмыслению церковного напева, можно сказать, что каденционная зона представляет собой простор для творчества исполнителей.

Версии напева «Трисвятое».

Описанные модификации церковного напева, отражая многообразие вариантов преломления их в народно-певческой практике, как правило, не приводят к качественному переосмыслению канонического первоисточника либо к отказу от него. В более редких случаях церковный напев трансформируется более радикально или же текст молитвы звучит с напевами самостоятельного, чаще всего, фольклорного происхождения. Это свидетельствует о формировании различных мелодических версий песнопения. Обнаруженные нами версии можно разделить на две группы по признаку частичного присутствия или полного отсутствия интонаций богослужебного первоисточника. Версии первой группы можно обозначить как переинтонирующие, версии второй – как оригинальные (по два образца в каждой группе). Далее остановимся подробнее на каждой версии.

Переинтонирующая хакасская версия.

Мелодическая линия «Трисвятого», звучащего во время описанного выше похоронного обряда значительно отличается от канонического напева (см. рис. 2)¹⁵.

¹⁵ Записано в октябре 1998 года Н. М. Скворцовой, Л. С. Астанаевой в с. Малый Монок Бейского района Республики Хакасия (во время проведения похоронного обряда) от группы жителей этого села. Место хранения: Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории (АТМ НГК), коллекция А 137.

Рисунок 2. Переинтонирующая хакасская версия напева «Трисвятное»

Интонационному наполнению этой версии свойственны каденционная однозначность, выпрямленность квартовых и замкнутость малотерцовых интонаций, подчеркнутая опеванием с VII# ступенью, далее в процессе коллективного пения вместо нее появляется VII натуральная ступень. Секстовый скачок в заключительной фразе суммирует квартовую и терцовую интонации начальных строк¹⁶.

Можно заметить, что рассмотренная здесь мелодическая линия опирается на закономерности гармонической логики. Вероятно, этот напев очень опосредованно связан с каноническим первоисточником, как бы вырастает из него, значительно его переинтонируя (рудименты церковного напева проявляются в интонациях восходящей кварты и поступенного движения в объеме терции). Интонационный состав этого образца песнопения позволяет отнести его к переинтонирующим версиям.

Переинтонирующая чувашская версия.

В чувашской версии квартовая интонация $g'-c''\uparrow$, заложенная в мелодике богослужебного образца, получает совершенно иную реализацию с утверждением опоры на своем нижнем тоне, восходящая малотерцовая интонация в этом случае отсутствует (см. рис. 3)¹⁷. На протяжении

¹⁶ В этом образце реально звучит разноголосие, при этом хорошо прослушивается голос, вступающий на одну восьмую позже и на полтона выше основной мелодической линии.

¹⁷ Записано 11.06.2005 Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в д. Сидоровка Кольванского района Новосибирской области от К. П. Акимовой (Федотовой), 1926 года рождения (чувашка, в 1936 года приехала из Уфы). Место хранения: архив Е. И. Жимулевой. В оригинале напев звучит от *as*.

всего песнопения последовательно утверждается опора g' , таким образом мелодическая линия заканчивается на секунду ниже основного тона. Возможно, в настоящем напеве таким образом проявляется творческое начало исполнительницы – авторитетной носительницы фольклорной традиции, по-видимому, нетвердо помнящей мелодию песнопения и сочинившей свое завершение. Этот образец также можно оценить как переинтонирующую версию, отталкивающуюся от церковного напева и трансформирующую его.

Оригинальная хакасская версия. Мелодика напева «Трисвятное», записанного от жительницы деревни Когаево Орджоникидзевского района Республики Хакасия, пожалуй, перешла грань, отделяющую очень свободную интерпретацию церковного напева от самостоятельной мелодии, приближаясь при этом к последней (см. рис. 4)¹⁸. С каноническим напевом этот образец связывает лишь вариантная повторность первой и второй строк, возникающая, кроме того, как следствие вербальной повторности. Напев развивается в диапазоне малой сексты ($a'-f''\uparrow$), этот интервал появляется в самом начале как скачок с последующим заполнением. Интонация сексты с частичным, а затем и полным заполнением нисходящим поступенным движением (в третьей строке), лежит в основе всего описываемого напева.

¹⁸ Записано 16.08.2005 Н. М. Скворцовой, Е. И. Жимулевой в пос. Когаево Орджоникидзевского района Республики Хакасия от Ф. Е. Гашковой (Аргудаевой), 1929 года рождения (хакаска, Хызыл, род. в д. Ошколь Ширинского района Республики Хакасия). Место хранения: АТМ НГК, А 0218. В оригинале напев звучит от *cis*.

Свя - тый Бо - же, Свя - тый Кре - пкий,
Свя - тый Бес - сме - ртный, по - ми - луй нас.

Рисунок 3. Переинтонирующая чувашская версия напева «Трисвятое»

Све - тий Бо - жи - нья, Све - тий Кре - пий,
Све - тий Бес - сме - ртны - я, по - мя - ни нас.

Рисунок 4. Оригинальная хакасская версия напева «Трисвятое»

Вероятно, в данном случае рождается самостоятельная – оригинальная версия песнопения, по своему интонационному наполнению весьма близкая русской лирической песне поздней традиции. Эта версия родилась в результате творческой фантазии носительницы традиции и, возможно, не очень хорошей сохранности в ее памяти канонического напева. Основанием для суждения об этом напеве именно как о версии (а не импровизации) является троекратный, практически неизменный повтор этого песнопения. Показательно, что словесный ряд описываемого образца также претерпевает достаточно ощутимые изменения.

Оригинальная шорская версия. Следующий образец, поющийся на родном языке носительницы традиции, ничего общего не имеет с каноническим первоисточником. Это распевная мелодия в пентатонном ладу, начинающаяся с вершины-источника. В каденции (первая половина третьей строки отсутствует) появляется интонация кварты, отдаленно напоминающая церковный напев. Влияние напева «Трисвятое» прослежива-

ется лишь в мелодической повторности первого и второго сегментов (см. рис. 5)¹⁹.

Можно предположить, что на формирование этой мелодии оказала влияние шорская народно-песенная культура, в частности, интонационные особенности лирической песни *сарын* (широкий диапазон, преобладание в напевах нисходящего движения и т. п.) [11, с. 296] или же это продукт сугубо личного творчества исполнительницы. Показательна зависимость от языка, на котором звучит песнопение: эта же носительница традиции пела «Трисвятое» на церковно-славянском языке с минимальными отклонениями от богослужебного напева, исполняющееся же следом за ним песнопение на шорском языке звучит с полностью самостоятельной мелодией.

¹⁹ Записано 11.07.2001 экспедицией НГК (руководитель Г. Б. Сыченко) в с. Нижний Матур Таштыгского района Республики Хакасия от М. Н. Кызынгашевой, 1923 года рождения (мать – русская, отец – хакасский шорец). Место хранения: АТМ НГК, А 181. В оригинале напев звучит от *d'*.

Рисунок 5. Оригинальная шорская версия напева «Трисвятое»

Слогоритмическая организация фольклоризованных образцов «Трисвятого». Для анализа ритмики песнопений была составлена таблица, содержащая слогоритмические схемы богослужебного и фольклоризованных образцов песнопения, записанных цифрами, указывающих продолжительность звучания каждой слоги ноты (см. табл. 1)²⁰. Единицей измерения служили четверти или восьмые, в зависимости от того, какая счетная единица преобладает в отдельном образце²¹. В образцах на национальных языках для более корректного анализа слогоритма вписаны тексты песнопения. Временная организация вариантов и версий песнопения сравнивалась с письменным богослужебным вариантом на церковнославянском языке.

На фоне ряда частных изменений, присутствующих в слогоритмических схемах фольклоризованных образцов, можно выделить несколько общих закономерностей ритмических трансформаций первоисточника (см. табл. 1). Прежде всего, в большинстве образцов прослеживается тенденция к большей выровненности слогоритма (особенно в чувашских и хакасских вариантах),

четности ритмических рисунков, что вместе с более подвижным темпом интонирования можно рассматривать как проявление закономерностей двигательной динамики. Особенно ярко моноритмичность проявилась в первой из хакасских версий, зафиксированной во время погребального шествия; возможно, это обстоятельство исполнения повлияло на характер пения молитвы.

В русскоязычных образцах заметно ритмическое подчеркивание (продление) ударного слога в слове «бессмертный». Закономерность продления ударного слога проявляется и в текстах на других языках: так, например, в чувашских образцах (ФВт 7, 10–13) ударных слог в слове «святой» звучит дольше, чем это отражено в письменном первоисточнике, отличающемся моноритмичностью первых двух строк. Произнесение слова «бессмертный» с подчеркиванием ударного слога наложило свой отпечаток на звучание его аналога на чувашском языке («вилемсёр»): несмотря на то, что ударение в этом слове приходится на первый слог, ритмически выделяется либо второй слог (как в слове «бессмертный»), либо третий.

Таблица 1

Слогоритмические схемы богослужебного и фольклоризованных образцов песнопения

Текст	Свя-тый Бо-же,	Свя-тый Крепкий,	Святой Бессмертный, помилуй нас.
ПБВт	2 2 4 2	2 2 4 2	2 2 1 1 1 2 2 2
ФВт 1	2 2 4 2	2 3 4 2	2 2 1 2 1 1 2 2 2
ФВт 2	2 2 2 2	2 2 2 2	2 2 1 1 1 1 1 2 2
ФВт 3	2 2 2 2	2 2 2 2	2 2 1 1 2 2 2 2 2
ФВт 4	2 2 2 2	2 2 2 2	2 2 1 2 1 1 2 2 4

²⁰ Условные сокращения, применяемые в таблице: ПБВт – письменный богослужебный вариант, ФВт – фольклоризованный вариант, ФВс – фольклорная версия песнопения.

²¹ Измененная по сравнению с письменным первоисточником продолжительность слоги ноты записана жирным шрифтом; слоги ноты, появившиеся в результате возникновения новых слогов, выделены курсивом. В случаях отсутствия нормативных слогов текста представлены точки. Паузы, продолжительность которых суммирована с длительностью предшествующего звука, указаны знаком «˘».

Окончание таблицы 1

Текст Название/номер образца	Свя-тый Бо-же,	Свя-тый Крепкий,	Свя-тый Бессмертный, помилуй нас.
ФВт 5	1 1 2 2 2 Аг-арыг Кудай,	1 1 4 2 Аг-А-рыг Күш,	1 1 2 2 2˘ 1 2 1 1 4 Аг-А-рыг Ольбес, пистиң хайрала.
ФВт 6	2 2 2 2	2 2 2 2	2 3 1 3 1 1 2 2 4˘
ФВт 7 ²²	—	2 4 2 2 Свя-той Хва-тла,	2 3 1 2 2˘ 2 3 1 2 1 4˘ Свя-той Вилемсёр, Свя- той, сырлах пи-ре.
ФВт 8	1 1 2 2 2 Аг-арыг Ку-дай,	1 1 2 2 2 Аг-арыг Э-стен,	1 1 2 2 2 2 2 2 Аг-арыг Ольбес, те-скен я-сен.
ФВт 9	1 1 2 2 3 Аг-арыг Кудай,	1 1 4 2 Аг-а-рыг Күш,	1 1 2 2 2˘ 1 2 1 1 4 Аг-а-рыг Ольбес, пистиң хайрала.
ФВт 10	2 3 2 2˘	2 3 2 2˘	2 2 1 2 1 1 2 2 4
ФВт 11	2 4 2 4 Светтуй Ту-ра,	2 3 2 2 Светтуй Хватла,	2 4 1 1 2 1 2 2 4 Све-ттуй Ви- ле-мсёр, сырлах пи-ре.
ФВт 12	2 2 2 2 Светтуй Ту-ра,	2 2 2 2 Светтуй Хватла,	2 4 1 1 2 1 2 2 4 Све-ттуй Ви- ле-мсёр, сырлах пи-ре.
ФВс 13	2 4 2 3˘	2 4 2 3˘	2 3 1 2 1 1 2 2 4
ФВс 14	2 2 2 4	2 2 2 4	2 2 1 1 2˘ 2 2 2 2
ФВс 14а	1 1 2 2 2 Аг-арыг Ку-дай,	1 1 2 2 2 Аг-арыг Э-стен,	1 1 2 2 2 2 2 2 Аг-арыг Ольбес, тескен я-сен.
ФВс 15	2 2 2 1 2 Свя-тый Бо-жинь- ка,	2 2 2 2 Свя-тый Кре-п-кай,	2 1 1 2 1 1 1 1 2 4 Свя-тый Бессмер- т-ный, по-мя-ни нас.
ФВс 16	2 2 2 2 4 А-га-рок Ку-дай,	2 2 4 4 А-га-рок куш,	— 1 3 2 2 4 — пе-стей хай-ра – ла.

В песнопениях, звучащих на языках сибирских народов, за счет большего количества слогов в первом слове («Аг-Арыг» вместо «Свя-тый»)

²² Первая строка пропущена исполнительницей.

происходит дробление первой доли; эта особенность свидетельствует о зависимости ритмической организации песнопения от языка, на котором оно исполняется.

Временная организация оригинальных версий «Трисвятого» более индивидуализирована, в основном это происходит за счет текстовых преобразований (особенно в ФВс 15), влекущих за собой изменение слогоритмического рисунка. Но и в этих, наиболее отошедших от первоисточника образцах, можно обнаружить действие уже выявленных закономерностей: тяготение к моноритмичности (особенно в первой и второй строках) и ритмическое подчеркивание ударных слогов. В целом же в слогоритмических структурах фольклоризованных вариантов достаточно ясно прослеживается связь со слогоритмом канонического первоисточника.

Можно заметить, что звучание песнопений на родных языках носителей традиции приводит к некоторому разнообразию ритмических рисунков и соответственно слогоритмических схем, хотя в целом слогоритмическая логика первоисточников сохраняется. В целом же, мелодика трансформируется в большей степени, чем ритмический рисунок, поскольку ритм (слогоритм) тесно связан с вербальным текстом, играющим важную конструктивную роль в напеве. В степени трансформации напева достаточно четко прослеживается зависимость от языка, на котором исполняется песнопение. Как правило, больше отклонений от первоисточников появляется в образцах, поющих на родных языках носителей традиции. Показательно также, что песнопения, звучащие на чувашском, хакасском, шорском языках, лучше сохраняются в памяти исполнителей, легче воспроизводятся и уверенней воспроизводятся.

В заключение отметим, что в настоящее время мы, к сожалению, располагаем весьма ограниченным числом звукозаписей этих ассимилированных жанров, поскольку подобные образцы фиксировались собирателями очень редко. Причинами здесь послужили не только общая атеистическая идеология в XX веке, но и установка исследователей, направленная исключительно на сбор произведений, являющихся традиционными для какой-либо интонационной культуры. При этом заимствованные жанры, находясь на периферии фольклорной традиции, как прави-

ло, обходились вниманием собирателей. Запись фольклоризованных песнопений среди тюркских этносов Сибири начала осуществляться лишь в конце 1990-х – 2000-е годы. В настоящее время стремительно уходит из жизни поколение людей, находящихся еще в состоянии воспроизвести эти песнопения. Передача их более молодому поколению происходит крайне редко. Очевидно, этот своеобразный пласт ассимилированных произве-

дений, функционирующих в инокультурной и иноэтнической для них среде, в наше время близок к исчезновению. Тем самым усиливается важность фиксации этого еще бытующего своеобразного явления – фольклоризованных православных. На примерах интонационных трансформаций, происходящих с заимствованными произведениями, можно проследить закономерности действия народного музыкального мышления.

Литература

1. Азбелев С. Н. Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора / отв. ред. Б. Н. Путилов. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 260–302.
2. Андреева О. И., Белоусова Л. Ю., Сыченко Г. Б. Итоги экспедиционной работы в районе хакасско-шорского пограничья // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей / отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 69–72.
3. Божественная литургия. – М., 1997. – Ч. 1: Литургия оглашенных. Для малого смешанного хора.
4. Данченкова Н. Ю. Деревенский обычай «ходить по покойнику». Мирская православная традиция молений об умерших (Владимирская область) // Религиозный опыт народной культуры. Образы. Обычаи. Художественная практика: сб. ст. – М.: Гос. ин-т искусствознания, 2003. – С. 173–225.
5. Ерошов В. В., Кимеев В. М. Тропую миссионеров Алтайской Духовной Миссии в Кузнецком крае. – Кемерово, 1995. – 132 с.
6. Жимулева Е. И. Православные песнопения в народных похоронно-поминальных обрядах // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 4. – С. 138–142.
7. Жимулева Е. И., Леонова Н. В. Фольклорные традиции чувашей Красноярского края: результаты экспедиции 2009 года // Народная культура Сибири: мат-лы XVIII науч. семинара-симп. Сибир. регион. вузов. центра по фольклору. – Омск: Амфора, 2009. – С. 256–261.
8. Исмагилова Е. И. Трансформации вербальных текстов фольклоризованных православных песнопений (на материале традиций Сибирского региона) // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 40–47.
9. Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и культурная адаптация). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 272 с.
10. Леонова Н. В. Похоронные и поминальные причитания // Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть / сост. Р. П. Потанина, Н. В. Леонова, Л. Е. Фетисова. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 325–331. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 22).
11. Назаренко Р. Б. Шорцы // Музыкальная культура Сибири: в 3 т. – Новосибирск: Новосибир. Гос. консерватория, 1997. – Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири, кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. – С. 284–300.
12. Похабов В. Ф. Культурное наследие русских Кузбасса (семейно-обрядовый фольклор северо-востока Кемеровской области). – М.: Ред. журн. «Самообразование и МФ “Семигор”», 2000. – 264 с.
13. Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М.: Наука, 1980. – 240 с.
14. Тадышева Н. О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Гор.-Алт. тип., 2011. – 168 с.
15. Чуваш: история и культура/ отв. ред. В. П. Иванов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – Т. 2. – 335 с.
16. Шибаева Ю. А. Влияние христианизации на религиозные верования хакасов (религиозный синкретизм хакасов) // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). – Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1979. – С. 186–196.

References

1. Azbelev S.N. Osnovnye ponyatiya tekstologii v primenenii k fol'klornomu materialu [Basic concepts of textual applied to folklore materials]. *Printsipy tekstologicheskogo izucheniya fol'klora. Otv. red. B.N. Putilov* [Principles of textual study of folklore. Exec. Ed. B.N. Putilov]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 260–302. (In Russ.).

2. Andreeva O.I., Belousova L.Y., Sychenko G.B. Itogi ekspeditsionnoy raboty v rayone khakassko-shorskogo pogranich'ya [Results of expeditionary operations in the area Khakass-Shor Borderland]. *Narodnaya kul'tura Sibiri: nauchnye poiski molodyh issledovateley. Otv. red. T.G. Leonova* [Folk culture of Siberia: the scientific quest for young researchers. Exec. Ed. T.G. Leonov]. Omsk, OmGPU Publ., 2001, pp. 69–72. (In Russ.).
3. Bozhestvennaya liturgiya. Chast' 1: Liturgiya oglashennyh. Dlya malogo smeshannogo hora [Divine Liturgy. Part 1: The Liturgy of the Catechumens. For small mixed choir]. Moscow, 1997. (In Russ.).
4. Danchenkova N.Yu. Derevenskiy obychay "hodit' po pokoyniku". Mirskaya pravoslavnaya traditsiya moleniy ob umershih (Vladimirskaya oblast') [Village custom of "walking on the dead." Worldly Orthodox tradition of prayer for the dead (Vladimir region)]. *Religioznyy opyt narodnoy kul'tury. Obrazy. Obychai. Khudozhestvennaya praktika. Sbornik statey* [Religious experience of popular culture. Images. Customs. Artistic Practice: Proc.]. Moscow, Gos. institut iskusstvoznaniya Publ., 2003, pp. 173–225. (In Russ.).
5. Eroshov V.V., Kimeev V.M. Tropoyu missionerov Altayskoy Duhovnoy Missii v Kuznetskom krae [By the Path of Altai Spiritual Missionaries in Kuznetsk region]. Kemerovo, 1995. 132 p. (In Russ.).
6. Zhimuleva E.I. Pravoslavnye pesnopeniya v narodnykh pokhoronno-pominal'nykh obryadakh [Orthodox chants folk funeral and memorial rites]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2008, no 4, pp. 138–142. (In Russ.).
7. Zhimuleva E.I., Leonova N.V. Fol'klornye traditsii chuvashy Krasnoyarskogo kraya: rezul'taty ekspeditsii 2009 goda [Chuvash folk traditions Krasnoyarsk region: results of the expedition 2009]. *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy XVIII nauchnogo seminara-simpoziuma Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia: Proceedings of the scientific seminar XVIII symposium Siberian regional academic center of Folklore]. Omsk, Amfora Publ., 2009, pp. 256–261. (In Russ.).
8. Ismagilova E.I. Transformatsii verbal'nykh tekstov fol'klorizovannykh pravoslavnykh pesnopeniy (na materiale traditsiy Sibirskogo regiona) [Transformation of verbal texts of folklorized Orthodox Chants (based on the traditions of the Siberian region)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2013, no 2, pp. 40–47. (In Russ.).
9. Korovushkin D.G., Lotkin I.V., Smirnova T.B. Neslavyanskies etnodispersnye gruppy v Zapadnoy Sibiri (formirovanie i kul'turnaya adaptatsiya) [Ethnodispersed non-Slavic groups in Western Siberia (the formation and cultural adaptation)]. Novosibirsk, Institut arkheologii i etnografii SO RAN Publ., 2003. 272 p. (In Russ.).
10. Leonova N.V. Pokhoronnye i pominal'nye prichitaniya [Funerals and memorial lamentations]. *russkiy semeyno-obryadovyy fol'klor Sibiri i Dal'nego Vostoka: Svadebnaya poeziya. Pokhoronnaya prichet'. Sost. R.P. Potanina, N.V. Leonova, L.E. Fetisova* [Russian family ritual folklore of Siberia and the Far East: Wedding poetry. Funeral prichet. Comp. R.P. Potanina, N.V. Leonova, L.E. Fetisova]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002, pp. 325–331. (In Russ.).
11. Nazarenko R.B. Shorcy [Shors]. *Muzykal'naya kul'tura Sibiri. Tom 1: Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura narodov Sibiri. Kniga 1: Traditsionnaya kul'tura korennykh narodov Sibiri* [Musical Culture of Siberia. Volume 1: The traditional musical culture of the peoples of Siberia. Book 1: Traditional culture of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, Novosibirskaya gosudarstvennaya konservatoriya Publ., 1997, pp. 284–300. (In Russ.).
12. Pokhabov V.F. Kul'turnoe nasledie russkikh Kuzbassa (semeyno-obryadovyy fol'klor severo-vostoka Kemerovskoy oblasti) [Russian Cultural heritage of Kuzbass (family and ritual folklore on the North-east of Kemerovo region)]. Moscow, Semigor Publ., 2000. 264 p.
13. Semeynaya obryadnost' narodov Sibiri (opyt sravnitel'nogo izucheniya) [Family rites of peoples of Siberia (the experience of a comparative study)]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 240 p. (In Russ.).
14. Tadysheva N.O. Vliyanie khristianizatsii na semeynyu obryadnost' korennykh naseleniya Gornogo Altaya [Effect of Christianization on family rituals of the indigenous population of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaya tipografiya Publ., 2011. 168 p. (In Russ.).
15. Chuvashi: istoriya i kul'tura. Otv. red. V.P. Ivanov [Chuvash history and culture. Ed. V. P. Ivanov]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 2009, vol. 2. 335 p. (In Russ.).
16. Shibaeva Yu.A. Vliyanie khristianizatsii na religioznye verovaniya khakasov (religioznyy sinkretizm khakasov) [Influence of Christianization on religious beliefs of the Khakas (religious syncretism Khakas)]. *Khristianstvo i lamaizm u korennykh naseleniya Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Christianity and Lamaism of indigenous population of Siberia (the second half of XIX – early XX centuries)]. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoe otdelenie, 1979, pp. 186–196. (In Russ.).

УДК 783 + 784.1 (571.5)

ЦЕРКОВНЫЕ ПЕВЧЕСКИЕ КУРСЫ УЧИТЕЛЕЙ ХОРОВОГО ПЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ДУХОВНОЙ ЕПАРХИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Никулин Владимир Георгиевич, кандидат искусствоведения, доцент, факультет исполнительских искусств, Арктический государственный институт искусств и культуры (г. Якутск, РФ). E-mail: agiki@mail.ru

В статье говорится о создании церковных певческих курсов учителей хорового пения Иркутской духовной епархии конца XIX – начала XX века.

Ключевые слова: Епархия, духовная школа, семинария, духовенство, обиход, литургия, курсы, псаломщик, стихира, кондак.

CHURCH SINGING COURSES FOR CHOIR TEACHERS AT IRKUTSK EPARCHY IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Nikulín Vladimír Georgievich, Candidate of Art History, Docent, Faculty of Performing Arts, Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: agiki@mail.ru

In late XIX century (1896), the secondary schools of 4-years term of education were opened in eparchies of Eastern Siberia. The fourth year at these schools was teacher's one: teachers of church singing were trained. The opening of these schools was associated with the need of improvement of teaching church singing, the subject that was not the last in church service, and that was in poor condition at the primary stage of education at eparchy schools then.

The situation was the result of objective circumstances of that time in absence of the subject of church singing in curriculum of a number of schools and the lack of trained teachers. As a rule, these positions were replaced by local psalmists and in majority of cases by former choristers.

They could not properly match the status of a teacher and the clergy of eparchy worried about search for new forms of improving the teachers' training. This task was assigned to the secondary stage of eparchy schools. They were allowed to hold church singing courses in summer period. During the courses, summer schools were organized for teaching practice and educational work of students.

The first church singing courses took place from the 27th of July to the 15th of August, 1897 in the town of Troitskoslavsk of Zabaikal region. They enrolled 43 students. The followed courses were held in Nerchinsk department of eparchy (Zabaikal region), in Irkutsk uyezd (area) (1898), in the city of Chita (1902), in Kirensk (Ilimsk department, 1904) and in the city of Irkutsk (1907, 1909).

The courses were different in both, students' number (up to 120 students participated) and education. To conduct singing courses, there were invited the most experienced singing teachers from eparchy schools and from Irkutsk Theological Seminary, church music connoisseurs, Mostits: T.M. Masyukov, I.N. Drozdov, A.I. Prelovsky, deacon Podgorbunsky, priest Fr. Raisky.

In the list of church singing courses of that time, the course held in Irkutsk Theological Seminary in 1909 stands out. It was the most representative of all previously held ones. Three choirs were organized from 57 students of the course, male, female and mixed. The choirs produced two vocal-music concerts in which pieces of church and secular music were performed by the best singers of Irkutsk. Good practice of organizing such courses, training teachers of church singing began later in other eparchies of Eastern Siberia. The students of the courses became certified teachers of church singing. Subsequently, they greatly contributed to the development of choral singing culture of new formation.

Keywords: Eparchy, Eparchy school, seminary, clergy, rules of church singing, liturgy, courses, psalmist, canticle, kondakion.

В конце XIX века (с 1896 года) в духовных епархиях Восточной Сибири открываются второклассные школы (церковно-приходские школы с 4-годовалым сроком обучения). Последний год обучения предполагал обеспечить подготовку учителей церковного хорового пения для начального звена – 2-годовалых церковно-приходских школ, в которых церковное пение находилось в плачевном состоянии [1, с. 260].

Главной причиной создавшегося положения в обучении церковному пению была его необязательность в перечне предметов начальных духовных школ. Если же этот предмет наличествовал, то редко кто обращал внимание на имевшиеся успехи. Если эти занятия были безуспешными, то это не ставилось учителям в вину. Таким образом, даже способные в этом предмете учителя не имели желания или охоты им заниматься [17 л., 21 об.].

Несмотря на важность и обязательность изучения церковного пения, получаемые знания и практическая подготовка обучаемых во второклассных школах были весьма минимальными и имели неоднородный характер. Такое явление отмечалось и в духовных училищах, семинариях [1, с. 264].

Определенные надежды в решении этого вопроса возлагались на второклассные школы. Так, например, подготовка учителей в области церковного пения предусматривала обязательное создание ими организованного хора, являвшегося необходимой принадлежностью школы. Именно создание хора и его стройное пение в храме с участием школьников рассматривалось как первое и важнейшее средство привлечения народных симпатий и внимания местного населения к нуждам школы [1, с. 264–265].

Удивительно, но плохое состояние церковного пения до 1885 года отмечалось повсеместно не только в духовных школах, но даже в духовных училищах и семинариях, имевших специальных учителей. Их выпускники готовясь стать духовными лицами имели твердое убеждение в ненужности освоения ими пения, считая это делом дьячков и псаломщиков. Но, объективная реальность подтверждала обратное: выпускники духовных семинарий возглавляли школы, становились преподавателями, ведущими церковное пение. Это возникшее противоречие вызывало

особую тревогу не только за общее состояние церковного дела, но и за обучение учащихся, этому предмету, являвшемуся далеко не последним в духовных службах.

Иркутская духовная епархия не была исключением. Примеры низкого уровня певческой подготовки отмечались у ряда имевшихся учителей. Такое положение вызывалось объективными обстоятельствами, связанными с подбором учителей пения из имевшихся на местах лиц. Поэтому, наряду с редкими выпускниками Петербургской певческой капеллы и Московского синодального училища, являвшихся, как правило, регентами архиерейского хора, учителями пения в учебных заведениях епархии назначались опытные псаломщики, но в большей степени просто бывшие певчие.

Это не соответствовало должному статусу учителей пения и высшее духовенство епархии, понимая эту насущную проблему, весьма озабочилось поиском новых форм совершенствования подготовки учительского корпуса. Одна из них виделась в обязательном создании певческих церковных коллективов с вовлечением в них школьников, для участия в православных службах. Такое видение получало полное одобрение и поддержку не только духовенства, но и большинства прихожан. Поэтому население, особенно сельское, преобладавшее в Восточной Сибири, выражало непереносимое желание иметь учителя с «пением», способного устроить при школе организованный хор. Однако это желание воплощалось в жизнь все же весьма слабо и медленно в сельских духовных школах.

Дело осложнялось еще и тем, что имевшиеся учителя практически не владели методикой обучения этому предмету и нуждались в серьезном освоении необходимых методических и практических приемов. Необходимость организации такого обучения и привела духовных пастырей к твердому убеждению об организации педагогических курсов церковного хорового пения непосредственно в самой епархии.

Мысль эта не была новой. Подобная практика изредка осуществлялась в Центральной России еще до 1885 года, посредством проведения подобных курсов в крупных культурных центрах с привлечением известных российских хоровых

и музыкальных деятелей. Но имеющиеся факты их проведения свидетельствуют о подготовке на них лишь отдельных представителей крупных учебных заведений указанной территории [17, л. 21 об.]. Поэтому, результативность этих курсов, даже с учетом имевшихся положительных моментов, для остальных территорий была незначительной. Участие же в них представителей сельской глубинки, особенно из огромной территории Восточной Сибири, было практически недоступным. Это также послужило основанием для организации подобной практики в рамках педагогических курсов церковного пения в летний период непосредственно в Иркутской епархии при второклассных школах [1, с. 260].

Первое реальное проведение педагогических курсов церковного пения в этой епархии, являвшейся духовным центром Восточной Сибири, состоялось с 27 июля по 15 августа 1897 года в г. Троицкославске Забайкальской области. На организацию и проведение курсов изыскали 500 рублей, а руководство ими возглавил епархиальный наблюдатель протоиерей Михаил Сизов [17, л. 245–245 об.].

Однако малочисленность выделенных средств не позволила привлечь основной состав духовного округа. Для обучения приехали лишь 8 учителей и 15 учительниц из духовных школ троицкославского, баргузинского, верхне-удинского и петрозаводского отделений (вместо ожидаемых 43 человек) [17, л. 245–245 об.]. Приезде заявленного числа учителей помешали и объективные обстоятельства (распутица). Но епархия, учитывая сложившиеся затруднения и сознавая важность проведения курсов, отходит от жестких установок и приглашает для участия в них учителей городских и близлежащих сельских училищ Министерства народного просвещения (совершенно другого ведомства [17, л. 246]). Впрочем важно подчеркнуть, что подобная уступка имела и вполне определенную цель: обеспечить обязательное внедрение церковного пения в учебные заведения данного министерства, в которых оно к тому периоду фактически не преподавалось.

Предложенная программа по церковному пению, проводимая учителем подготовительного класса местного реального училища Мостиц, была минимальной. Она включала всего 17 уро-

ков в неделю по теории обиходного и хорового пения, сводившихся к изучению некоторых главных церковных песнопений и обучению игре на скрипке. Ознакомительный шестичасовой курс игры на инструменте точного строя, конечно, не мог дать глубоких и серьезных познаний курсантам, но оказал благотворное влияние на выработку правильной и точной интонации певцов организованного при курсах хора.

Этот столь незначительный, на первый взгляд, объем учебного времени и нотного материала существенно дополнялся обязательным церковным пением в начале и по окончании всех занятий. Кроме того, в целях совершенствования певческой подготовки им вменялось исполнение новых церковных песнопений, изученных самостоятельно в свое свободное вечернее время. Следует также отметить, что участие слушателей в субботних и воскресных церковных службах в пении и чтении на клиросе было обязательным. Это, несомненно, дополнило и расширило практическую часть учебной программы [17, л. 21 об, 249, 249 об.].

В деятельности курсов просматривался и еще один важный момент – совершенствование педагогической подготовки курсантов, проходившей во временной начальной школе с тремя отделениями, организованной специально для созданных курсов. Это сыграло доминирующую роль в подготовке курсантов и важность этого начинания прослеживается в последующем.

Проведение курсов явилось необычным событием в православной музыкальной жизни епархии и как новое явление получает одобрение духовенства. Особую важность и значение курсов подчеркнул статс-секретарь Коломзин, посетивший их 8 августа 1897 года. Его высокой оценки и похвалы удостоился хор курсантов, стройно пропевший в его честь духовные сочинения «Коль славен», «Храните имя Господне» и гимн «Боже, царя храни» (А. Львова) [17, л. 247–248 об.].

Несомненно, что в проведении курсов, как в начинании любого нового дела, имелись свои недостатки. Так, несмотря на принимаемые усилия организаторов, обязательная учебная программа допускала сокращение сроков обучения, не всегда выполнялась в полном объеме. Однако отмечалось, что их проведение явилось новизной

и имело определенные положительные моменты. Главным из них явилась подготовка для епархии первых 16 учителей церковного хорового пения, получивших специальные удостоверения. Начало большого дела послужило стимулом к дальнейшему продолжению проведения подобной практики в Иркутской епархии и в дальнейшем способствовало развитию этого процесса в других епархиях Восточной Сибири [17, л. 249 об.].

Так, инициативу в организации очередных курсов, состоявшихся с 15 июля по 15 августа 1898 года, проявляет Нерчинское отделение Иркутской епархии (Забайкалье), Это пожелание способствовало приезду 32 курсантов (16 учителей и 16 учительниц), на обучение которых выделялось уже 1500 рублей [17, с. 253–254]; [4, с. 191–193].

Это была более подготовленная к обучению группа. В ее составе были учителя духовных второклассных и воскресных школ, выпускники светских учебных заведений. Все претендовавшие на должность учителя церковного пения имели необходимый педагогический стаж от одного года до девяти лет, что было обязательным условием и явилось новшеством [17, л. 250, 253–254].

Теоретическая часть программы предусматривала изучение строения церковной гаммы, ряда образцов обиходного, осмогласного и хорового пения. Но как выяснилось позднее в процессе обучения, к освоению программы были готовы только 12 человек, что обусловило создание лишь младшей учебной группы, с которой была пройдена вся программа. Более подготовленные курсанты, изъявившие желание получить удостоверения учителя пения, занимались во внеклассное время. В педагогические часы включалось и обучение на скрипке (12 часов). Изучать инструмент пожелали 20 курсантов, но занятия фактически посещали лишь 8 человек [3, с. 40–41].

Для обучения курсантов был привлечен очень известный в этих местах преподаватель Нерчинского мужского училища Т. М. Масюков²².

²² Масюков Тимофей Михайлович – преподаватель русского, церковно-славянского языков и церковного пения. Певческий хор Нерчинского училища с участием любителей-горожан славился по всему Забайкалью. Кроме пения в приходском воскресном соборе, хор часто давал концерты и в Общественном собрании [15, с. 379–380].

Представленная им учебная программа младшей группы включала 20 часов теоретических занятий по изучению тетракордов и музыкального строения ряда обиходных песнопений: «Господи воззвах», «Бог-Господь», из «Всенощной», Литургии Киевского и Греческого распева.

Практическая часть включала 80 обязательных уроков по церковному пению, и хотя было проведено всего 65 уроков, здесь проводились общие спевки. Педагогическая подготовка курсантов совершенствовалась также в созданной при курсах духовной школе. По субботам и воскресеньям курсанты участвовали в проводимых богослужениях, клиросном пении и чтении. К тому же они самостоятельно изучали новые песнопения [4, с. 191, 193; 17, с. 249].

Но учебная программа оказалась недоступной для определенной части курсантов: сказывалась слабая теоретическая подготовка и повышенные требования для совершенствующих свою подготовку. По результатам выпускного экзамена, состоявшегося 14 августа 1898 года, свидетельства учителей церковного пения были выданы только половине курсантов (11 учителям и 4 учительницам), что свидетельствовало о высокой требовательности к обучению [17, л. 334–334 об.].

Положительная практика организации курсов постепенно закрепляется и в других округах Иркутской епархии. Так, например, очередные певческие курсы, открывшиеся для слушателей иркутского уезда, проходили 15 июня – 01 июля 1898 года. Открывая их, архиепископ Иркутский Тихон отметил важность этого события, подчеркивая нелегкую задачу духовного образования в народной среде при неуклонном усилении роли духовных школ в общей системе образования, называя это дело в высшей степени важным, тяжелым и ответственным [2, с. 19; 11, с. 103; 12, с. 393].

К учебе на курсах приступили 50 слушателей. Но по ходу занятий их состав постоянно пополнялся. В числе слушателей были отдельно приходящие учителя и даже не являвшиеся таковыми, но «сильно желавшие ознакомиться с основными положениями в области церковного пения», псаломщики церковей, ученицы старшего класса Иркутского духовного училища, выпускники прогимназии. В ходе обучения состава слушателей был достигнут своеобразный пик –

94 обучающихся, но к завершению работы в составе курсов насчитывалось 88 человек, некоторые из них посещали только определенные занятия [2, с. 24].

Большой состав курсантов, важность и существенная необходимость их обучения, требовали тщательного подбора преподавателей курсов. Так, ведение теоретического цикла церковного пения поручалось И. Н. Дроздову²³, учителю пения Иркутской духовной семинарии. Убедительно проводилась и практическая часть по освоению духовных песнопений регентом архиерейского хора, диаконом Подгорбунским [2, с. 23].

Однако следует отметить, что большое желание курсантов овладеть, необходимой певческой подготовкой, в то же время не подкреплялось начальными теоретическими знаниями и, в целом, отмечалась как «довольно слабая». Учитывая это, в тематику курсов включалась небольшой, но весьма важный круг вопросов теоретического и практического обучения. Так, младшая группа осваивала основные песнопения: «Господи воззвах» и «Бог-Господь», руководствуясь методиками и рекомендациями А. Карасева и А. Ряжского.

В старшей же (специально созданной группе), занимавшейся во внеурочное время, с курсовой программой справились 12 человек, и их успешная аттестация способствовала присвоению звания учителя пения [3, с. 40, 41]. В работе курсов определенное внимание уделялось и обучению игре на скрипке.

Несмотря на необязательность этих занятий, желающих хотя бы элементарно освоить этот самый сложный инструмент, было предостаточно. Но оснащение музыкальным инструментарием было недостаточным. Эта проблема вызвала особую тревогу и усиленное внимание как руководства епархии, так и известных меценатов и даже частных лиц. Совместными усилиями к пяти имеющимся скрипкам для обучения передаются еще три из мужского духовного училища. Их приобретали на собранные добровольно средства в сумме 130 рублей (пожертвования Никона, некоторых лекторов и преподавателей), которые

²³ Дроздов Иоанн Никандрович, учитель пения Иркутской духовной семинарии с октября 1893 года по 7 сентября 1899 года. Затем вновь служил там же учителем пения с 1 сентября 1902 года [6, с. 418; 8, с. 81–82].

в последующем предлагались для покупки курсантам лишь за три четверти их фактической стоимости [3, с. 41].

Следует отметить, что число слушателей курсов существенно увеличивалось с каждым разом. Так, например, на курсах епархии, начавших свою деятельность с 12 июня, принимали участие 120 учителей-слушателей духовных учебных заведений, включая и представителей других различных категорий. Причем, интересен тот факт, что половина из них обучалась по собственной инициативе [7, с. 275–276].

Эти курсы отличало необычное нововведение. Так, на занятиях, проводившихся в Иркутской Преображенской церковно-приходской школе, наряду с обучением церковному пению впервые особое внимание обращалось на усиление воспитательной работы, ставшей уже необходимой объективной реальностью. Духовное руководство неоднократно подчеркивало, что «школа много учила, но мало воспитывала». Это послужило формированию непоколебимого убеждения об устранении сложившейся чисто внешней связи учителей с учениками и проявлении должной заботы о внутреннем союзе между ними, о чем раньше заботились мало [5, с. 314–315]; [7, с. 275–276].

Очередные певческие курсы, проходившие с 19 июля по 1 августа 1902 года в Забайкалье (Чита) пополнились 33 слушателями, желавшими получить соответствующую подготовку в области церковного пения. Их число дополнили 10 вольнослушателей и 7 девиц, окончивших курс местного епархиального училища. Руководителем ежедневных занятий по церковному пению был назначен учитель пения Алексей Иннокентьевич Преловский [18, л. 581].

Несмотря на непродолжительность хода обучения, результативность учебы строго контролировалась епископом Забайкальским и Нерчинским Мефодием и комиссией из членов епархиального училищного совета и уездных наблюдателей. При подведении итогов курсов 30 июля 1902 года комиссия констатировала весьма удовлетворительные успехи по одноголосному пению у 12 учителей и 15 учительниц (оценки ставил сам Мефодий). Успехи же по курсу многоголосного хорового пения были еще скромнее: эти испытания успешно прошли лишь 9 учителей

и 3 учительницы, представившие в исполнении хора ряд духовных песнопений обихода. Всего же удостоверения учителей церковного пения получили 24 курсанта из 50 [18, л. 636].

Отличительной особенностью очередных краткосрочных курсов, проводившихся с 19 по 24 января 1904 года в Илимском крае (отделении) явилось присутствие не только всех учителей церковного пения духовных школ, но и почти всех священников, заведующих ими. На занятиях, проходивших в с. Киренске особое внимание уделялось церковному хоровому пению и первые уроки давали более опытные преподаватели этих школ. Такое решение было вызвано тем, что в Илимском крае в ряде школ учителя совершенно не владели этим предметом. В ходе занятий, несколько позднее, руководство курсов пришло к выводу, что постановка ведения церковного пения оставляет желать лучшего практически во всех школах.

Главной целью уроков церковного пения являлось ежедневное поурочное освоение примерной методики преподавания церковного пения на первоначальном этапе обучения в младших группах. По предмету давалось 5 уроков. В тематику занятий включались подготовительные упражнения по правильной посадке поющих, организации владения правильным дыханием, восприятию звуков, их длительности, определению высоты и силы звука, пению нот на одной высоте различной длительности, пению звуков на гласные «а», «и». С освоением первоначальных азов изучались и пропевались общеизвестные молитвы «Господи, помилуй», «Слава отцу и сыну» и др.

Учебный курс уроков церковного пения делился на практическую и теоретическую части. Особое внимание обращалось на теоретическую часть, предназначавшуюся исключительно учителям и учительницам, мало знакомым с пением. До них доводились самые необходимые сведения про теории пения, включавшие изучение употребительных интервалов, строение мажорных и минорных гамм. В конце проведенных занятий подчеркивалось, что вся деятельность курсов принесла «вполне желанный успех».

Обучение на курсах выявило заинтересованность слушателей, их сознательное и серьезное отношение к церковному пению. Некоторые из

присутствующих, обладая слабым голосом и слухом, ранее были уверены в том, что, не имея необходимых способностей, никогда не смогут научиться петь. Однако, получив соответствующие и надлежащие разъяснения и необходимую подготовку, по окончании курсов обрели надежду не только самим научиться петь, но и быть способным вести преподавание этого предмета в своих школах [14, с. 119–122].

Перечисленные примеры проведения церковных певческих курсов свидетельствуют об усилении в епархии особого внимания к развитию и совершенствованию необходимых навыков певческой культуры, обучению этому имевшихся учителей пения. Это, несомненно, положительный момент. Но, удивление вызывал тот факт, что к обучению практически не привлекались местные псаломщики церковей, повсеместно занимавшиеся этой деятельностью с любительскими певческими коллективами прихожан. А ведь именно они, в силу объективных причин, являлись проводниками определенных церковных певческих традиций, особенно в небольших поселениях. Хотя, как показывают исследованные материалы, они далеко не всегда соответствовали своему назначению.

Этот серьезный пробел в некоторой степени пытались восполнить на летних педагогических курсах псаломщиков, состоявшихся с 1 июня по 1 июля 1907 года. Программа курсов была весьма насыщенной, особое внимание в ней уделялось работе над церковно-хоровым строем изучаемых мелодий молитв и церковных канонов, а также рассмотрению важных проблем музыкальной педагогики.

Так, например, в учебной программе в первые предусматривалось изучение гласов сибирских напевов, выявление общих и характерных черт построчных четырех гласов, особенностей Киевского напева, напева Н. Бахметьева и мелодий древних распевов. Не была обойдена и уже сложившаяся практика обучению игре на музыкальных инструментах [9, с. 13]. Курсанты изучали простую гармонизацию построчного, со всеми попевокми, напева первого гласа сибирского распева «Господи воззвах» и несколько стихир на «Пятидесятницу» со стихами.

Изученные песнопения прозвучали в подготовленной программе объединенного одно-

родного мужского хора, созданного на курсах. Курсантами изучалось и одноголосное простое пение основных молитв: «Верую», «Отче наш» и отдельные номера Всенощного Бдения, дополнявших практически занятия. Программа обучения включала изучение Антифона четвертого гласа Божественной Литургии «От юности моя», великое славословие Киевского распева, несколько номеров начала литургии: праздничные антифоны, «Единородный сыне», «Яко за царя» и «Тебе поем» св. Виноградова [10, с. 68].

В перечне канонов песнопений литургии изучались «Милость мира», «Задостойник» на Пятидесятницу П. Турчанинова и «Херувимская № 7» Д. Бортнянского. Отдельные сочинения, исполняемые слушателями, были переложены для исполнения мужским составом, а регентами являлись сами слушатели, выбираемые из состава курсантов [10, с. 68].

Однако, сложившаяся практика проведения церковных певческих курсов в огромной епархии еще не решала всех проблем развития и совершенствования церковного пения. Определенные надежды на решение этой задачи возлагались на певческие курсы, проводившиеся с 1 июля по 1 августа 1909 года для учителей духовных школ. Организованные при Иркутской духовной семинарии, они оказались самыми представительными из всех, проходивших ранее. Значительность их видится в том, что для проведения музыкальных занятий на них впервые организовались три состава хора – мужской, женский и смешанный, включавших 57 курсантов. Специальную музыкальную подготовку хористов блестяще провел регент курсов о. Ипполит Райский [11, с. 103; 12, с. 393].

Такой оценкой его отметил сам владыка Иркутский Тихон, строго контролировавший проходившие занятия. Присутствуя на одном из них и послушав несколько духовных сочинений, он остался весьма доволен пением мужским хором запричастного стиха «Величит душа моя, Господа» (музыка о. И. Райского), выразив регенту и исполнителям свою благодарность [13, с. 520].

Но не только это явилось главным достижением курсов. Стараниями регента о. Райского по организации музыкальных занятий курсов были подготовлены два вокально-музыкальных концер-

та, состоявшихся в малом зале Иркутской духовной семинарии, с участием лучших исполнительских сил Иркутска²⁴. Примечательно, что наряду с церковной музыкой исполнялась и светская, а само исполнение продемонстрировало высокое творческое мастерство.

Так, первый концерт (светская музыка) состоялся 8 июля 1909 года (всего через неделю с начала работы курсов). Но, несмотря на небольшой срок подготовки концерта, его качественная сторона никак не пострадала. К слову, эта довольно сложная программа была весьма удачно исполнена женским хором. В концерте с особым успехом прозвучали следующие произведения: «Souvenir» Дрилля, «Легенда» Гольтермана, «Andante» из трио Ф. Мендельсона, «Гусляр» Речкунова и «Крестьянская пирушка» П. Чеснокова. В ряде довольно интересных и сложных, в плане исполнительства, сочинений верхом совершенства явилось исполнение «Колыбельной песни» Голли на сл. М. Лермонтова, вызвавшее беспредельный восторг слушателей благозвучным пением хора [16, с. 561]. В концерте принял участие и смешанный хор, продолживший исполнение светской музыки и оставивший не менее яркое впечатление не только у слушателей, но и у самих исполнителей, многие из которых впервые участвовали в хоровом пении. Лучшими по исполнению являлись русская народная песня «На родимую сторонушку» Кленовского и «Колыбельная песня» А. Гречанинова [16, с. 563].

Своей тщательной подготовленностью и масштабностью заметно выделялась и программа второго (духовного) концерта, состоявшегося 30 июля 1909 года. Особую важность этому событию придавало присутствие на нем Иркутского губернатора, главного инспектора училищ Восточной Сибири и других высоких чиновников светского и духовного ведомств. Прекрасно исполненную программу этого концерта предвосхитил народный гимн «Боже, царя храни» и ряд номеров, особо выделявшихся в художественном плане, исполненных по просьбе слушателей, повторно [16, с. 562].

²⁴ В концерте приняли участие: А. Г. Андреев (баритон), Н. Я. Пежемский (скрипка), П. Ф. Нигоф (виолончель), Борзаковский (альт), И. А. Белоголовый (рояль).

Перечисленные примеры свидетельствуют об особом внимании духовенства епархии к развитию и совершенствованию необходимых навыков церковного хорового пения. Следует подчеркнуть, что крайне необходимая и положительная практика организации подобных курсов стала позднее постепенно закрепляться и в других духовных епархиях Восточно-Сибирского региона, но, конечно, особая результативность этого

процесса все же прослеживается в Иркутской. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что в течение 1897–1909 годов в ее духовных округах осуществилось, по неполным данным, проведение более шести педагогических курсов церковного пения, выпускники которых в последующем активно способствовали развитию хоровой певческой культуры новой формации.

Литература

1. Иркутские епархиальные ведомости. – 1896. – № 11. – 01 июня. – С. 260, 264–265.
2. Иркутские епархиальные ведомости. – 1899. – № 3. – 01 февр. – С. 19, 23–24.
3. Иркутские епархиальные ведомости. – 1899. – № 4. – 15 февр. – С. 40–41.
4. Иркутские епархиальные ведомости. – 1899. – № 6. – 15 марта. – С. 191–193.
5. Иркутские епархиальные ведомости. – 1901. – № 13. – 01 июля. – С. 314–315.
6. Иркутские епархиальные ведомости. – 1902. – № 23. – 01 дек. – С. 418.
7. Иркутские епархиальные ведомости. – 1902. – № 24. – 15 дек. – С. 275–276.
8. Иркутские епархиальные ведомости. – 1904. – № 16. – 15 авг. – С. 81–82.
9. Иркутские епархиальные ведомости. – 1908. – № 1. – 01 янв. – С. 13.
10. Иркутские епархиальные ведомости. – 1908. – № 3. – 01 февр. – С. 67–68.
11. Иркутские епархиальные ведомости. – 1909. – № 12–13. – 01 июля. – С. 103.
12. Иркутские епархиальные ведомости. – 1909. – № 14–15. – 01 авг. – С. 393.
13. Иркутские епархиальные ведомости. – 1909. – № 21. – 01 нояб. – С. 520.
14. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1904. – № 5. – Март. – С. 119–122.
15. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1905. – № 5. – 15 апр. – С. 379–380.
16. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1909. – № 23. – 01 дек. – С. 561–563.
17. РГИА. – Ф. 803. – ОП. 16. – Д. 135. – Л. 21 об., 245–245 об., 246, 247, 248 об., 249, 249 об., 250, 253, 254, 264, 333–334 об., 335.
18. РГИА. – Ф. 803. – ОП. 16. – Д. 146. – Л. 581, 636.

References

1. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk Eparchy news], 1896, no 11, June 1, pp. 260, 264–265. (In Russ.).
2. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk Eparchy news], 1899, no 3, February 1, pp. 19, 23–24. (In Russ.).
3. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk Eparchy news], 1899, no 4, February 15, pp. 40–41. (In Russ.).
4. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk Eparchy news], 1899, no 6, March 15, pp. 191–193. (In Russ.).
5. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk Eparchy news], 1901, no 13, July 1, pp. 314–315. (In Russ.).
6. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk Eparchy news], 1902, no 23, December 1, p. 418. (In Russ.).
7. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk Eparchy news], 1902, no 24, December 15, pp. 275–276. (In Russ.).
8. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk Eparchy news], 1904, no 16, August 15, pp. 81–82. (In Russ.).
9. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk Eparchy news], 1908, no 1, January 1, p. 13. (In Russ.).
10. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk Eparchy news], 1908, no 3, February 1, pp. 67–68. (In Russ.).
11. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk Eparchy news], 1909, no 12–13, July 1, p. 103. (In Russ.).
12. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk Eparchy news], 1909, no 14–15, 01 August, p. 393. (In Russ.).
13. Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk Eparchy news], 1909, no 21, November 1, p. 520. (In Russ.).
14. Pribavleniya k Irkutskim eparkhial'nym vedomostyam [Additions to Irkutsk Eparchy news], 1904, no 5, March, pp. 119–122. (In Russ.).
15. Pribavleniya k Irkutskim eparkhial'nym vedomostyam [Additions to Irkutsk Eparchy news], 1905, no 5, April 15, pp. 379–380. (In Russ.).
16. Pribavleniya k Irkutskim eparkhial'nym vedomostyam vedomostyam [Additions to Irkutsk Eparchy news], 1909, no 23, December 1, pp. 561–563. (In Russ.).
17. RGIA, f. 803, op. 16, d. 135, l. 21 ob., 245–245 ob., 246, 247, 248 ob., 249, 249 ob., 250, 253, 254, 264, 333–334 ob., 335. (In Russ.).
18. RGIA, f. 803, op. 16, d. 146, l. 581, 636. (In Russ.).

УДК 7

РАЗВИТИЕ ПОЛИФОНИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Иванова Ольга Сергеевна, аспирант, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: kfehtfn@mail.ru

В статье рассматривается проблема «полифонического диалога» как социокультурной модели эпохи постмодерна и процессы ее формирования в пространстве XX – начала XXI века. Полифоническая организация художественного материала в разных областях искусства и культуры постмодерна выступает как проекция «внутренней формы» современной культуры.

Ключевые слова: полифонический диалог, художественная fuga, полифонизация сознания, многоязычие, контрапункт, диалогизм, множественность, интертекстуальность.

DEVELOPMENT OF THE POLYPHONIC DIALOGUE IN SOCIO-CULTURAL ASPECT IN XX – BEGINNING OF XXI CENTURY

Ivanova Olga Sergeevna, Post-Graduated, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kfehtfn@mail.ru

The article considers the problem of “polyphonic dialogue” as a socio-cultural model of the postmodern era and the processes of its formation in the XX century. In the socio-cultural aspect of the modern era a fundamentally new cultural-communicative situation has developed. The system of means of mass communication and mass media has the key role in it. Mass media, photography, telegraph, radio, cinema, television, satellite TV, video, computer, Internet, email, mobile, CDRoms, all these mentioned above have become the information challenge to the post-industrial era.

The style of thinking and life style of our century have actualized polyphony of consciousness. Also it was as a result of life experience, and in the form of metaphors of modern culture, life of society, and as the type of the logic of rational thinking, reflected in different types of intellectual activity. Polyphonic organization of artistic material in different fields of art and culture induce to assume that it complies with the “inner form” of the culture of the XX century. Postmodern situation is the basis for the development of polyphonic hearing as a result of polyphony of consciousness.

In the 20–30’s of XX century, under polyphonic dialogue, M.M. Bakhtin has reviewed the method, with the help of which all the novels by Dostoevsky are written. The term metaphorically transferred from musical terminology into literary field has gained new perspectives of development in the socio-cultural aspect in the XX century. The transposition of the musical term “polyphony” into all kinds of art such as cinematograph, theatre, painting, literature, poetry and other. The transfer of the musical term “fugue” into the non-musical material gives the phrase the “artistic fugue”.

The “polyphonic dialogue” and “artistic fugue” are the notions, which are similar, but not identical, in music, they gain in a broad socio-cultural aspect of Post-Modernism not only metaphorical, but the sense-making meaning characterizing our polyphonic era. In the content of the concepts under the words “polyphony” and “counterpoint,” a set of interrelated phenomena has focused: dialogism, multiplicity, procedural transparency, contrast, installation. Polyphony of consciousness is the modern form of the incarnation of the diversity of informative socio-cultural aspect which has replaced the line monodic thinking of the past.

Keywords: polyphonic dialogue, art fugue, polifonizatsiya consciousness, multilingualism, counterpoint, dialogism, multiplicity, intertextuality.

В XX – начале XXI века человеческое сознание столкнулось с активным воздействием на него разнородной информации. Эпоха постмодерна, которая характеризуется многими учеными как «информационная эпоха», породила ту почву, на которой сложилась принципиально новая культурно-коммуникативная ситуация. Ключевую роль в нем сыграла система средств массовой коммуникации (СМК) и средств массовой информации (СМИ). С каждым десятилетием эта система обогащается все более совершенными и разнообразными технологическими изобретениями. Информация является той ценностью, на которой строится новая парадигма культуры. Это история создания и интерпретация текста. Сложно уловить грань между реальностью и виртуальной реальностью. Получается, что реальность утратила смысл, и остался только текст, который несет информацию различного рода.

Мучительный поиск границ между текстом и реальностью, разделения времени текста и реальности составляет неотъемлемую задачу фундаментальной культурной коллизии XX века. Порой эта грань так тонка, что можно предположить, что в какой-то мере уже текст формирует действительность. Такое понимание реальности характерно и для новейших философских систем. Прогрессивно расширяющаяся система массовых коммуникаций породила новое культурное пространство. Его можно охарактеризовать как совокупность информационно-коммуникативных средств, содействующих формированию нового общественного полифонического сознания. Практически каждый индивид вовлечен в это социокультурное пространство, благодаря радио, телевидению, сети интернет. Технологический взрыв создал появление интенсивных технологий и компьютеризации производства. Массовая пресса, фотография, телеграф, радио, кино, телевидение, спутниковое ТВ, видео, ЭВМ, Интернет, электронная почта, сотовая связь, CD-Rom – всё это явилось информационным вызовом постиндустриальной эпохи. Уже с помощью сети Интернет складывается система образования различных уровней, проводятся научные конференции, творческие интернет-конкурсы. Все перечисленные явления современности породили феномен новой полифонической культуры.

Стиль мышления и формы жизни нашего столетия сами собой актуализировали полифонизацию сознания. Она проявилась и как следствие непосредственного жизненного опыта, и в виде образных представлений современной культуры, жизни социума, и как тип логики рационального мышления, отраженный в разных видах интеллектуальной деятельности. Вся человеческая история, весь информационный багаж знаний оказался в одном информационном пространстве, в едином временном мгновении. В него входят все континенты, регионы, народы Земли, а также контрастные временные показатели эпох. Драматическая напряженность мироощущения, противоречивость, разнородность, конфликтность, избыточность, беспредельность, хаотичность, коллизия, противопоставление одного другому, культурное многоязычие – все это явления культуры Новейшего времени.

Информационный поток СМИ и СМК влияет буквально на все стороны человеческой жизни и сознания. Многомерность психики современного человека по уровню сложности превосходит организацию внутреннего мира представителей прошлых эпох. Средства массовой информации тесным образом связаны между собой. Их образы и символы взаимодействуют и образуют тем самым некую систему. Современная ситуация – это условия множества альтернатив. Полифоничность сознания является той современной формой воплощения многообразия информационного социокультурного пространства, которая пришла на смену линейному монодическому мышлению прошлого.

Создатели произведений искусства нашего времени поставлены в новые условия поиска культурной идентичности. Учитывая информационный объём художественного пространства их задача – показать свой индивидуальный отклик в современных условиях. Поиск нового подхода к осмыслению действительности ставит вопрос о приемлемой художественной форме, которая смогла бы эту противоречивую действительность обобщить, обозначить границы, систематизировать, и тем самым выявить «код» культурной парадигмы. Полифонический диалог становится такой формой, в которой главным фактором явля-

ется сосуществование множества смыслов и решение проблемы их взаимодействия.

XX век стал веком тотальной полифонизации различных областей культуры. Однако исторически такое явление, как «полифония» относилось исключительно к музыкальному искусству. Будучи одним из трех существующих складов в музыке (монодия, гомофония, полифония), полифония сыграла в разные эпохи, начиная со Средневековья, важнейшую роль в формировании важнейших музыкальных жанров-форм (органум, мотет, месса, fuga, инвенция, пассакалия и др.). В наше время полифоничность перестает быть свойством только фактуры, только складом, а распределяется как некое особое качество на самые разные параметры музыкального языка: звук, гармония, ритм, формообразование, тембр и т. д. Значимость полифонии в музыке исключительно возрастает.

Понятие «полифония» (греч. *poli* – многий и *rhonus* – звук, голос, многоголосие) берет свои корни в музыкальном искусстве, с давних времен эпох Средневековья и Возрождения. «Полифония» и «контрапункт» достаточно широкие понятия – они характеризуют: 1) склад в музыке; 2) технику письма; 3) множество музыкальных жанров и форм, построенных на полифонической технике, таких как инвенция, fuga, фугато и т. д.; 4) музыкально-теоретическую дисциплину, входящую в специальный и общепрофессиональный комплекс подготовки музыкантов. Полифоническая форма очень гибкая, она способна внутри себя отразить особенности определенной эпохи и выразить уже по-новому художественный материал. Смещение акцентов несет внутренние изменения. В различные исторические эпохи развития музыкальной культуры полифония то уходит на второй план, уступая место гомофонно-гармоническому мышлению (классицизм, романтизм), то находится в полном расцвете, занимая собой большую часть музыкального пространства (барокко, модернизм, авангард).

Эпоха постмодерна раскрывает это явление уже не только в образцах музыкальной культуры, но и в гигантском мегатексте и контексте всего художественного пространства. Печать, кинематограф, радио, телевидение, видео, аудио – все эти феномены современности, наряду с тра-

диционными видами искусства, продемонстрировали обрамление художественного материала полифонической формой. Совершенно точно сказала Н. А. Симакова в учебном пособии «Контрапункт строгого стиля и fuga»: «...поскольку отдельные компоненты fuga шлифовались на протяжении целого ряда веков, неудивительно, что за это время основные черты ее приобрели замечательную выносливость и стойкость, и одновременно – удивительную гибкость, способность реагировать на изменения художественных запросов и эстетических критериев» [2, с. 90].

В содержании понятий, стоящих за словами «полифония», «контрапункт», сосредоточен комплекс взаимосвязанных явлений: диалогизм, множественность, процессуальная открытость, контрастность, монтаж. Устойчивость этого комплекса, его повторяемость в разных областях искусства и культуры побуждает высказать предположение о его соответствии «внутренней форме» культуры XX века. Этим и объясняется частое обращение к термину «полифония» вне специального музыкального контекста, когда фактически она включает в себя метафорические образы-понятия, через которые идентифицируется внутренняя форма культуры XX столетия. Основной структурной особенностью термина «полифония» является одновременное сочетание двух или более самостоятельных голосов, мелодических линий в музыкальном произведении, жизненных позиций или мнений в литературном освещении, имеющих свое самостоятельное развитие во временной оси. Наложение самостоятельных независимых линий в горизонтальном развертывании и их вертикальное соотношение между собой, их взаимодействие представляет сложность этой композиции.

В музыкальной педагогической литературе теоретической дисциплине «полифония» отводится много времени. Сама полифоническая конструкция предполагает развитый полифонический слух учащегося. Развитие полифонического слуха занимает основополагающее место в учебном процессе. Не каждый музыкант в своей концертной практике считает обязательным для себя исполнение полифонических произведений, но любой педагог не мыслит воспитание учащего без изучения полифонии и овладения техникой

ее исполнения. Вся музыка по своей природе полифонична за счет своей многослойной фактуры. Даже в гомофонном сочинении, где нет самостоятельных голосов, а имеются лишь голоса, дополняющие мелодию гармонически, ритмически, темброво, складывается «многослойное» построение. Немногие способны услышать одновременное звучание нескольких голосов, но полифонический слух при определенных условиях и постоянных тренировках воспитывается и развивается.

Под полифоническим слухом понимается музыкальный слух в его проявлении по отношению к фактуре, образованной как минимум двумя самостоятельными голосами; в этом отличие полифонического слуха от мелодического, который выявляет себя по отношению к однополосно изложенной мелодии. Таким образом, полифония – это сочетание самостоятельных голосов. Однако стоит проиграть один из голосов полифонического произведения, чтобы убедиться в том, что для самостоятельного высказывания он недостаточен. К тому же, в четырех- или пятиголосных произведениях один или даже два голоса могут одновременно паузировать на протяжении многих тактов. Следовательно, каждый голос в полифонии приобретает смысл лишь в сочетании с другими голосами.

Итак, все разобранные нами характеристики особенностей полифонии приводят к его точному определению. Полифония в отличие от гомофонии, в которой разные голоса выполняют различные функции, является сплетением голосов, выполняющих одинаковую мелодическую функцию. Это главное отличие между полифонией и гомофонией, как двух видов музыкальной речи и, следовательно, как двух видов музыкального мышления. Под воспитанием полифонического слуха предполагается способность расчленено, дифференцированно воспринимать (слышать) и воспроизводить в музыкальном действии (а так же и в художественном полифоническом значении) несколько сочетающихся друг с другом в одновременном развитии звуковых линий. Этот процесс мышления – один из важнейших и наиболее сложных разделов музыкального воспитания. Период работы, протекающей в рамках однополосия, этап формирования и последующего разви-

тия, совершенствования полифонического слуха, фактически вбирает в себя всю профессиональную биографию музыканта. Без развитого полифонического слуха музыкальная деятельность невозможна.

Необходимость надлежащим образом услышать полифонию, полностью воспринять голоса, образующие в комплексе движения то согласованные, то противоречивые, предъявляет совершенно особые требования к музыкальному слуху, к объему слухового внимания, его устойчивости, способности к концентрации и одновременно к его гибкости, подвижности, распределяемости – этому важнейшему из параметров, характеризующих качество полифонического слуха, уровень его профессиональной развитости. Поскольку интерпретация многоголосной ткани в значительной мере сводится к проблеме удержания в центре слухового сознания, играющего одновременно нескольких звуковых линий. Занятие музыкой дает отличные результаты по воспитанию полифонического слуха.

Возможно, предположить, что в постмодернистской ситуации наличие развитого полифонического слуха облегчит восприятие художественных шедевров последней трети XX – начала XXI века. А также сама постмодернистская ситуация является той почвой, на которой произойдет развитие полифонического слуха. Музыкальный термин «контрапункт» в художественном восприятии можно представить как некоторую самостоятельную систему, в которой все голоса между собой согласованы и взаимодействуют. В ней присутствуют строгие законы. Восприятие, осознание и осмысление этой системы в пространстве художественной культуры требует интеллектуального напряжения, подобно тому, какого уровня музыкального интеллекта требует от музыканта-исполнителя игра полифонических произведений. Сложность восприятия этой конструкции открыта пониманию немногих, так как требует изучения и опыта в этой технике.

В XX веке термин «полифония» приобретает общекультурный, общеэстетический смысл, поэтому речь идет уже не только о музыке. Смена культурной парадигмы протекает как драматичная встреча, в которой происходит столкновение разных культурно-исторических миров.

Она порождает контрастность, противоречивость, внутреннюю подвижность разных сторон культуры. Человек культуры XX – начала XXI века стремится знать и понимать полноту истории человечества – архаику первобытного мира, культуры древних цивилизаций, неисчислимо разнообразие традиций, стилей, направлений ушедших столетий. Осмысление всей истории в синхроническом единстве сегодняшнего мира, осмысление каждого явления на оси многочисленных разнозначимых исторических параллелей – одна из важнейших примет времени. Таким образом, общий контекст современной эпохи – это сложное многоплановое межкультурное информационное пространство, специфичность которого заключается не только в факте параллельного существования многих разных культур, но и в непрерывном, активном взаимодействии между ними. Человек сегодня утратил ощущение целостного центрированного мировосприятия.

Духовный кризис неотделим и от неразрешимости противоречий социального мира. Контрапункт, с его сущностной идеей контрастирования, вошел в резонанс с эпохой, оказавшись выражением мироощущения человека. Как уже говорилось выше о полифоничности сознания социокультурной ситуации Новейшего времени, большинство авторов решают этот вопрос обрамлением материала в полифоническую оправу. Фуга – наиболее красноречиво выражает идею диалога. «Полифонический диалог» – термин, введенный в конце 1920-х годов русским философом и мыслителем М. М. Бахтиным – создателем новой теории европейского романа, в том числе концепции полифонизма (многоголосия) в литературном произведении [1]. Понятия «контрапункт», «полифония» были заимствованы и перенесены им из сферы музыки в художественное пространство литературы. В дальнейшем эти термины уже принадлежат всей художественной культуре XX века.

Бахтин применил термин «полифония», прежде всего, к творчеству Достоевского в книге «Проблемы творчества Достоевского» [1]. Под полифоническим диалогом он рассмотрел метод, по которому строятся все романы Достоевского. Термин, метафорически перенесенный из музыкальной терминологии в литературоведческую область, получил новые перспективы развития в социокультурном пространстве XX века. Текст ро-

манов Достоевского, по мнению Бахтина, построен по принципу самостоятельных партий героев. Здесь нет основополагающей истины или главной идеи произведения, а есть отражение различных идей и мнений, составляющих разноплановость, монтаж. Герой рассматривается под разными ракурсами, с различных точек зрения. Весь сюжет разворачивается вокруг напряженной полемики, порой утратившей связь с реальностью. Сюжет настолько переплетается идеями, что напоминает уже увлекательную интеллектуальную языковую игру. Бахтин научно доказал полифоничность строения романов Достоевского.

Полифонический роман является современным способом познания действительности со всеми его законами взаимодействия. Вся концепция Бахтина диалогична: он считает, что текст нужно судить по законам диалога. Текст становится наследием художественной литературы только тогда, когда он вбирает в себя целый букет разнообразных текстов, когда он преобразуется в некий момент поэтики. Идею текста Бахтин переводит в идею произведения таким образом, что произведение оказывается не равным тексту, а всегда больше него, поскольку включает другие бесконечные контексты и помещает себя в них. Благодаря этому исходное отношение знак-значение преобразуется в диалог смыслов, эстетический диалог личностей.

Само понятие полифония раскрывает себя в литературе через диалог. Чужое слово воспринимается как чужая смысловая позиция. Каждая позиция героя обладает своей независимостью. И задача автора – выразить идею через взаимодействие и сплетение этих свободных смысловых линий. М. М. Бахтин писал: «Достоевский обладал гениальным даром слышать диалог своей эпохи или, точнее, слышать свою эпоху как великий диалог, улавливать в ней не только отдельные голоса, но прежде всего, именно диалогические отношения между голосами, их диалогическое взаимодействие» [1, с. 52]. Через полифонический принцип романов Достоевского М. М. Бахтин предвосхитил противоречия эпохи в целом, а концепция полифонического диалога первой половины XX века предвосхитила теорию интертекстуальности, оформившуюся и развитую уже в эпоху постмодерна в конце столетия.

Можно привести множество примеров произведений в литературном наследии нашего столетия, когда авторы используют полифонический метод Бахтина. Прежде всего, это детективный жанр вообще, в котором один персонаж преследует другого. Подобное «происходит», к примеру, и в музыкальной форме фуги, где голоса будто бы догоняют друг друга, создавая эффект бесконечной погони.

Нечто подобное происходит в отдельных текстах современной художественной литературы, в том числе и той, которая не относится к жанру детектива. Так философский роман Дмитрия Галковского «Бесконечный тупик» (1988), основанный на бесконечно сети примечаний, представляет собой некий идеологический плюрализм. В нем можно последовательно проследить три основные риторические фигуры поэтики XX века, полифоничные по своему строению: текст в тексте (комментарии к собственным размышлениям); интертекст (коллаж цитат – скрытых и явных) и гипертекст (читать можно с любого места).

Блестящий пример литературной полифонии или «текстовой фуги» – более ранний по времени нелинейный роман «Бледный огонь» Владимира Набокова (1962). Композиция этого произведения представляет собой текст в тексте и строится как 999-строчная поэма с изобилующим литературными аллюзиями комментарием. Почти на 20 лет раньше этого романа Набокова – в 1943 году – был начат «Доктор Фаустус» Томаса Манна, который тоже можно считать примером полифонической прозы. Ведь сама биография главного героя романа Адриана Левверкюна представляет собой контрапунктическое объединение биографий многих выдающихся личностей, а в идейном отношении соотносится не с одним или несколькими реально существовавшими людьми, а с судьбой немецкой культуры в целом, как ее воспринимал Манн в годы Второй мировой войны.

Творчество Германа Гессе в особенности его роман «Игра в бисер» (1942) также тяготеет к полифоническому методу построения художественного текста, иначе говоря, к методу интертекста. По своей природе «Игра в бисер» – загадка, с которой Гессе предложил «поиграть» читателям. Не напоминает ли это многочис-

ленные каноны-загадки, которыми занимались композиторы-интеллектуалы эпохи Ренессанса – Йоханнес Окегем, Жоскен Де Пре, Орlando ди Лассо? Подобные полифонические экзерсисы так любил загадывать и разгадывать великий Иоганн Себастьян Бах. Вспомнить хотя бы его «Музыкальное приношение».

Вернувшись в наше время, в эпоху постмодерна, нельзя обойти вниманием полифонические художественные тексты знаменитого писателя-концептуалиста Владимира Сорокина. Его «Роман» (1985–1989) представляет собой коллаж русской литературы XIX века, где автор как бы играет вниманием читателя. Множество других примеров литературных шедевров нам доказывают, что фрагменты текстов XX века строятся порой как целые блоки, каскады цитат; образующие новые литературные серийные полифонические техники.

Крупнейший новатор кино С. Эйзенштейн анализирует в своих работах контрапунктический принцип строения художественного произведения, приводит множество примеров не только по отношению к кино, но и применительно к другим видам искусства: мизансцены В. Мейерхольда, живопись Восточной Азии, а именно произведения, принадлежащие кисти Тойо Сесшу, где одно сплетается с другим [4]. С. Эйзенштейн употребляет музыкальный термин «фуга», анализируя монтажные структуры своих фильмов, детективные романы, китайские и японские пейзажи, японский театр но и кабуки, архитектурные фантазии Дж. Б. Пиранези. Музыкальный термин «фуга» в работах Эйзенштейна применяется обобщенно и созвучен понятию «полифонический диалог» и является его синонимом.

Кино убедительно выдает иллюзию за настоящую реальность. Кинематограф не отражает окружающую реальность, а создает свою. Эта фундаментальная особенность киноязыка – игра на границе иллюзии и реальности – стала возможной во многом благодаря тому, что сейчас называют «эффектом Кулешова», то есть благодаря монтажу. Монтаж является главным его принципом, который по своей природе полифоничен. Развитие кинематографа шло в двух направлениях – элитарном и массовом. Элитарное кино отражало свод литературных приемов XX века.

Кинематографический интертекст и гипертекст, по сути, – полифонический прием, перенесенный в визуальное искусство кинематографии.

Полифоническая организация материала в кинематографе достигается через монтаж. Наложение разных по содержанию и по времени видеокартинки раскрывают этот метод. Также в кино по принципу полифонии используется наложение звука, фотографии, совершенно разнохарактерных героев в одном сюжете – все это вмещает в себя «полифония». Примеров, отражающих полифонический принцип строения, множество. Таким примером может служить фильм Андрея Тарковского «Зеркало». Само название говорит за себя. Герой рассматривает себя в разных зеркальных отражениях, меняющих его, подобно тому, как в музыкальной фуге тема модифицируется на протяжении произведения. Таким образом, зеркало – это виртуальный собеседник, одновременно подтверждающий и опровергающий нашу самотождественность.

Перенесение музыкального термина «фуга» на художественный материал рождает словосочетание «художественная фуга». Интересен тот факт, что в фундаментальном учебном пособии по полифонии Н. А. Симаковой есть уже такая комбинация слов [2], хотя автор применяет ее в области музыкального искусства. Однако это определение, рождает аналогии с трудами ведущих культурологов, литературоведов, теоретиков кино, изучающих этот феномен. Н. А. Симакова пишет: «Художественная фуга представляет собой, с художественно-эстетической точки зрения, совершенно иной вид фуги. Несмотря на внешнее соблюдение “канонов” в отношении трактовки, как темы, так и противосложений, интермедий и пр., она лишь в единичных случаях остается полностью выполненной “по всем правилам”. По сути дела, каждый образец ее несет в себе непременно какое-то новое, индивидуальное решение, обновление традиционных приемов и правил. В такой фуге буквально все бывает подчинено выражению некой творческой идеи, воплощению яркого творческого замысла. Художественная фуга безгранична в своих возможностях. Об этом свидетельствует, в частности, многочисленность ее разновидностей» [2, с. 150].

«Художественная фуга» – это пространство, в котором человеческое сознание имеет возмож-

ность перейти в другое качество мировосприятия. За счет мощного технического информационного потока появляются предпосылки к переходу в новое состояние сознания, к иному духовному созерцанию, к формированию нового понимания феноменов художественной культуры. Это пространство иной масштабности восприятия, когда индивидуум переходит на путь развития глобализации, когда он способен мыслить широко, стратегически, веками, континентами, цивилизациями, вселенными.

«Художественная фуга», «полифонический диалог», «контрапункт» и близкие ему значения предполагают тонкую звуковую дифференциацию самостоятельных линий или голосов, расслоение их, достижение эффектов перспективы, индивидуальную очерченность. Человек, так или иначе, расширяет масштабы своего мышления, находясь в многоголосном социокультурном пространстве. Эпоха постмодерна представляет собой сложный пространственно-временной процесс, основанный на определенной логике разворачивания двух и более самостоятельных идей. Складываются новые отношения между различными областями духовной и практической деятельности. Роль этих отношений еще полностью не раскрыта.

Полифонический диалог в XX веке эволюционировал и по-разному преломился в художественной литературе, кинематографе, изобразительном искусстве. В последних своих работах С. Эйзенштейн с присущим ему вниманием к глубоким связям разных сторон культуры писал, что «в эпоху электронных счетных машин и управляемых по радио снарядов, совершающих полет в дальние сферы других небес, требуется искусство совершенно новых, невиданных средств и измерений, далеко идущих за пределы тех паллиативов, которыми на этом пути окажутся и традиционный театр, и традиционная скульптура, и традиционное кино. Надо готовить место в сознании к приходу небывалых новых тем, которые, помноженные на возможности новой техники, потребуют небывалой новой эстетики» [4, с. 483]. Предвидения великого режиссера в первой половине XX века реализуются в социокультурной действительности нашего времени. Наблюдать за этими процессами необходимо уже сегодня, но многое еще предстоит и будущим поколениям.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Augsburgim Werden – verlag», 2002. – 167 с.
2. Симакова Н. А. Контрапункт строгого стиля и fuga: учеб. пособие. – М.: Композитор, 2007. – 800 с.
3. Франтова Т. В. Полифония А. Шнитке и новые тенденции в музыке второй половины XX века. – Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ АПСН, 2004. – 403 с.
4. Эйзенштейн С. М. Избр. произвед.: в 6 т. – М.: Искусство, 1964. – Т. 3. – 672 с.

References

1. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Augsburgim Werden – verlag Publ., 2002. 167 p. (In Russ.).
2. Simakova N.A. Kontrapunkt strogogo stilya i fuga: uchebnoe posobie [Counterpoint and Fugue strict style: Textbooks]. Moscow, Kompozitor Publ., 2007. 800 p. (In Russ.).
3. Frantova T.V. Polifoniya A. Shnitke i novye tendentsii v muzyke vtoroy poloviny XX veka [Polyphony Schnittke and new trends in the music of the second half of XX century]. Rostov-na-Donu: SKNTs VSh APSN Publ., 2004. 403 p. (In Russ.).
4. Eyzenshteyn S.M. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1964, vol. 3. 672 p. (In Russ.).

УДК 7

**ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ С ОРКЕСТРОМ
Д. ШОСТАКОВИЧА: ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Андриевская Ирина Владимировна, доцент, кафедра оркестрово-инструментального исполнительства, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: andrievskaya67@mail.ru

Виолончельные концерты Д. Д. Шостаковича широко востребованы в исполнительской, конкурсной и учебной практике. В данной статье исследуется Концерт для виолончели с оркестром № 1 (Es-dur, соч. 107) Д. Д. Шостаковича. Автор рассматривает особенности концертного стиля Д. Шостаковича, значение Виолончельного концерта № 1 в мировой виолончельной литературе, анализирует его содержание, драматургию и музыкальную форму. В центре внимания автора статьи – проблемы исполнения и интерпретации этого сочинения, обусловленные техническими и артикуляционными трудностями солирующей партии. Автор статьи дает рекомендации по методике работы над этим произведением. Концепции концертов Шостаковича были созвучны своему времени, но важно и то, что они нашли продолжение в творческих идеях современников и последователей великого композитора. В статье также уделяется внимание вопросам трактовки жанра виолончельного концерта и влиянию концепции Первого виолончельного концерта Шостаковича на замыслы последующих поколений композиторов.

Ключевые слова: Дмитрий Шостакович, Виолончельный концерт, интерпретация, технические трудности.

**FIRST CONCERTO FOR CELLO AND ORCHESTRA BY D. SHOSTAKOVICH:
QUESTIONS OF INTERPRETATION**

Andrievskaya Irina Vladimirovna, Docent, Chair of Orchestral Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: andrievskaya67@mail.ru

The cello concertos of Shostakovich are widely demanded in performing, competitive and educational practice. This paper examines Shostakovich's Concerto for Cello and Orchestra № 1 (Es-dur, op. 107).

The author examines the concerto style characteristics of Shostakovich's Cello Concerto № 1, value in the global cello literature, and analyzes its content, drama and musical form. The focus of the article's author challenges the execution and interpretation of this work, due to the technical difficulties and articulation Solo party. The author gives recommendations on how to work on this piece. A concept of the Shostakovich concertos was in tune with its time, but it is important and that it was continued in the creative ideas of his contemporaries and followers of the great composer. The article also focuses on the interpretation of the genre Cello Concerto and the influence of the concept of Shostakovich's First Cello Concerto on ideas subsequent to generations of composers.

Keywords: Dmitri Shostakovich's Cello Concerto, interpretation, technical difficulties.

Дмитрий Дмитриевич Шостакович всегда чутко реагировал на трагическое несовершенство мира. Природа щедро наградила великого композитора талантом выражать в музыке мучительные размышления о добре и зле, жизни и смерти. Так, например, его Четвёртая симфония пронизана трагизмом; в Седьмой симфонии сопоставляется неумолимое, механистическое нашествие зла с животворными силами добра; в Четырнадцатой симфонии выражаются размышления о жизни и смерти (здесь можно провести параллель с философско-драматической Шестой симфонией П. И. Чайковского). Пронизан болью, тяжестью потери Седьмой струнный квартет композитора, посвящённый памяти жены. Восьмой квартет (Памяти жертв войны и фашизма) также развивает тему человеческих страданий и безысходности. Этот квартет имеет ещё одну особенность: здесь использованы цитаты из ранее написанных произведений. В частности, это до-минорная тема из финала Фортепианного трио (памяти Соллертинского), реплики Катерины Измайловой из финала одноимённой оперы (эта тема звучит в высоком регистре виолончели). В квартете использован также начальный мотив Первого виолончельного концерта. Сначала он проходит в скерцозной, вальсовой третьей части, а затем в четвёртой части воплощается в совершенно ином облике – звучит как гневное обличительное восклицание, как протестующий ответ натиску образов зла второй части.

По тематике, углублённости и выразительности к вышеперечисленным произведениям Шостаковича примыкает и его Первый виолончельный концерт (Es-dur, op. 107), написанный в течении лета 1959 года. Здесь решается важный

для искусства всех веков философский вопрос сопоставимости жизни и смерти. В этом концерте Шостакович обращается к инструменту, тембр которого, насыщенный бархатной мягкостью и глубиной, издавна привлекал его: с виолончельных пьес в юности композитор начинал своё инструментальное творчество, с такими виолончелистами как В. Кубацкий, А. Феркельман, А. Лившиц много играл в ансамблях не только собственную сонату, но и сонаты классиков.

Непосредственным импульсом к сочинению Виолончельного концерта, как указывал автор, явилось знакомление с Симфонией-концертом для виолончели с оркестром Сергея Прокофьева. Шостакович говорил, что произведение это весьма заинтересовало его и вызвало желание попробовать свои силы в этом жанре. Но в этом произведении сказалось родство не столько с сочинением Прокофьева, сколько с предшествующим Скрипичным концертом самого Шостаковича (написанным раньше в 1948 году), вплоть до интонационной близости некоторых тем. Здесь также решались специфические задачи соотношения партий солиста и оркестра, их контраста и слитности. Очень развернута и масштабна каденция Первого виолончельного концерта. Как и в Скрипичном концерте, это монолог, демонстрирующий богатые виртуозные возможности виолончели. Стремясь к цельности композиции, Шостакович все части цикла насыщает интонационно родственными материалами. Кроме того, он объединяет вторую, третью части и финал в контрастное целое, звучащее без перерыва.

Отметим некоторые особенности этого концерта, вошедшего в сокровищницу произведений для виолончели. Первый концерт написан в фор-

ме четырехчастного цикла, что более характерно для жанра симфонии. Ведь концерты по традиции трехчастны. Однако желание Шостаковича обратиться к четырехчастному циклу обусловлено не только стремлением к симфонической концепционности. Композитор задумал сделать каденцию отдельной частью. Решение это пришло не сразу – в первоначальном варианте каденция отсутствовала, и концерт был трёхчастным. Трактовка каденции как отдельной части в Первом виолончельном концерте Шостаковича в дальнейшем повлияла на замыслы композиторов последующих поколений. Появляются самостоятельные сочинения под названием «Каденция»: Каденция для виолончели соло В. Екимовского (1970) и Каденция для альтя соло К. Пендерецкого (1984). Под впечатлением от Первого виолончельного и Первого скрипичного концертов Шостаковича был написан Виолончельный концерт Р. Щедрина, тоже четырехчастный с III частью «*Scherzo-cadenza*» для виолончели соло, которая полностью решена как каденция.

Шостакович использовал здесь не традиционный, а камернизированный состав оркестра: исключил трубы, тромбоны, но оставил и развернул партию одной валторны, нередко органично сочетая её тембр с тембром солирующей виолончели, которая почти везде доминирует. Традиционно виолончель выступает как певучий, мелодический инструмент. Шостакович использует эту певучесть, но добавляет «остроту», «колючесть». Он также широко применяет звучание кантилены в верхних регистрах, выявляя тем самым новое качество инструмента.

О Концерте никак нельзя сказать, что он «не характерен» для Шостаковича. Композитор создал музыку во всех отношениях «свою», но широко использовал тембровые, регистровые, технические качества инструмента в новом освещении. Концерт занял почётное место в репертуаре выдающихся виолончелистов всего мира, наряду с концертами Боккерини, Гайдна, Шумана, Дворжака, «Вариациями на тему рококо» Чайковского. Впервые Концерт Шостаковича прозвучал 4 октября 1959 года в Ленинграде в исполнении Мстислава Ростроповича, которому и посвящён. Впоследствии Первый виолончельный концерт

наряду с Ростроповичем исполняли такие выдающиеся виолончелисты XX века как Наталья Гутман, Александр Ивашкин, Миша Майский, Йоханнес Мозер и др. Произведение широко используется в учебном репертуаре.

При интерпретации сочинения возникают специфические технические, аппликатурные трудности (это во многом связано с тем, что Шостакович сам не был виолончелистом и не знал всех особенностей и тонкостей виолончельного исполнительства). Поэтому исполнять произведение может музыкант, находящийся на достаточно высоком уровне подготовленности, хорошо владеющий техническими навыками и приёмами игры на виолончели. Концерт можно включать в репертуар продвинутым учащимся на старших курсах музыкального училища и в консерватории. В зависимости от этого подход к работе над произведением, решаемые задачи в каждом из данных случаев будут различны. В музыкальных училищах исполняется в основном первая часть, так как по степени технической сложности она наиболее доступна.

Взяв в работу концерт в учебном заведении, необходимо предварительно подобрать инструктивный материал, направленный на усвоение и закрепление какого-либо технического навыка применительно к каждому сложному эпизоду, встречающемуся в произведении. Прежде всего, это этюды современных композиторов: например, «Избранные этюды для виолончели» в двух тетрадах (под редакцией А. Никитина). Концерт насыщен полифонией. Для понимания полифонических эпизодов учащийся, безусловно, должен пройти некоторые сюиты Баха. Желательно, чтобы учащимся уже были пройдены такие произведения, как Концерт № 2 А. Ромберга, концерты К. Давыдова, что поможет при работе над Виолончельным концертом Д. Шостаковича, в частности, над приемами интонирования и способом игры на ставке (в том числе кантилены). Предварительно изученная виолончельная Соната Шостаковича поможет получить представление о стиле композитора и трактовке цикла.

Первая часть часто воспринимается как гротескный марш. В партитуре и клавише проставлено оригинальное авторское обозначение темпа

марша «четверть равна 116». Однако первоначальное указание метронома, выписанное композитором, было с его ведома, изменено на первых исполнениях М. Ростроповичем на гораздо более быстрый темп. Современные исполнители играют эту музыку ещё быстрее в темпе «четверть равна 132».

Главная партия I части звучит в виде вопроса с очень характерными для композитора обострёнными интонациями²⁵. Значительность её подчеркнута также тем, что солирующая виолончель выступает в первом же такте без традиционной оркестровой экспозиции и tutti. Главная партия исполняется плотным маркированным деташе²⁶. Необходимо обратить внимание на характер «произношения» штриха, то есть активную атаку звука вначале и плотное проведение смычка до конца звучания каждой ноты как «вниз», так и, особенно, «вверх». Немаловажное значение здесь имеет координация движений обеих рук, то есть атака правой руки должна совпадать с чёткой постановкой пальцев левой руки и импульсивной вибрацией каждой ноты, особенно при смене струн и в переходах. В процессе развития материала главная партия динамизируется и звучит уже фортиссимо (цифра 27). В этом случае надо использовать всю длину смычка, оставляя неизменным маркированный характер штриха.

Обилие хроматических отклонений представляет определённую трудность для интонирования. Существенная сложность заключается в исполнении двойных нот (цифра 3), непросты для интонирования и чистые квинты в высоком регистре, играемые на ставке. Здесь нужно плотно прижимать пальцы левой руки к грифу и вести смычок ближе к подставке – это будет способствовать чистоте звучания.

²⁵ Анализ Концерта для виолончели с оркестром № 1 производится по изданию: Шостакович Д. Концерт для виолончели с оркестром № 1. Переложение для виолончели и фортепиано. – М.: Музыка, 1964. (Редакция партии виолончели М. Ростроповича).

²⁶ Деташе (фр. *détacher* – отделять) – на смычковых инструментах (скрипке, виолончели и др.) исполнение каждой ноты отдельным движением смычка – вверх (от конца к колодочке) или вниз (от колодочки к концу) поочередно; специального обозначения не имеет. Большое деташе (*grand détache*) – такое же исполнение, но с применением на каждую ноту всей длины смычка [2].

В 36–37-м и 39–40-м тактах появляется другой материал с более певучими четвертями и «укрупнёнными» восьмыми. Он контрастирует с акцентированными «половинками», звучащими в 35, 38 и 41-м тактах. Акценты должны быть одинаковыми при движении смычка «вниз» и «вверх». Перед каждой нотой с акцентом должна быть цезура, чтобы успеть подготовиться к одновременной атаке смычком и импульсом вибрации. Встречаются и метроритмические сложности – переменный метр, чередование размеров (4/4; 3/2; 5/4), обилие внутритактовых и межтакттовых синкоп.

Материал главной партии последовательно развивается в усилении эмоциональной напряжённости и динамики. Эмоциональная напряжённость подчёркивается двойными нотами в нюансе фортиссимо вниз смычком. Здесь и далее в аналогичных местах от исполнителя требуется хорошее владение смычком у колодки для активного переброса его к началу каждой ноты, сохраняя метрическую точность.

Побочная партия (*c-moll*) начинается с четырёхтактного мощного, ритмически подчеркнутого вступления оркестра. Затем на фоне продолжающегося остинатного движения темы вступления солирующая виолончель излагает побочную партию. Это новый музыкальный образ, исполненный драматической напряжённости. Исполнение побочной партии в концертах обычно предусматривает владение кантиленой, ощущение правой рукой всего смычка. Но в данном случае нет развитой мелодической линии. Настойчиво повторяется краткий, как бы скандированный мотив, верхнюю малую секунду которого представляется целесообразным подчеркнуть вибрацией. Динамизируя тему, Шостакович переносит её в более высокий регистр. Особенно трудно озвучивание дальнейшего изложения темы на ставке, где все сложности её исполнения увеличиваются в несколько раз. Поэтому здесь нужно уделить большое внимание работе над качественным звукоизвлечением. Это может быть достигнуто плотно прижатыми пальцами левой руки и широким ведением смычка ближе к подставке. Восьмые подлигой должны исполняться с такой артикуляцией, как при пиццикато левой рукой.

Разработка не очень обширна. Обе темы взаимодействуют в острых, напряжённых звучаниях. Динамизируясь, они получают новое освещение. В эпизоде под цифрой 18 необходимо показать яркий контраст колючих акцентов с кантиленой. Здесь Шостакович, подобно Баху в Сюитах для виолончели соло применяет скрытую полифонию. Происходит перефразирование главной партии. И в 20-й цифре необходимо выделить мелодическую линию. Побочная партия здесь (цифра 23) приобретает гротескный, злой образ. Колючие, острые четверти должны исполняться быстрым движением всей протяжённости плотно прижатого к струне у подставки смычка.

Динамическая реприза сохраняет драматический накал, свойственный этой части. Это органичное сочетание главной и побочной партий на основе их фактурной однородности. Её развитие – «дополнительная» разработка в симметрии трёхчастности. Побочная партия на этот раз поручена валторне, а к виолончели на какое-то время переходит функция «аккомпанирующего оркестра». В связи с этим в виолончельную партию композитор вводит вкрапления главной темы, вычленения её мотивов, исполняемые двойными нотами и аккордами. Здесь могут представлять некоторую сложность переходы смычка с нижних струн на верхние. Это осуществляется активным его проведением всей правой рукой для качественного озвучивания двойных нот как в нижнем, так и в верхнем регистрах.

В коде у виолончели снова появляется тема главной партии. Негромкая динамика её проведения не снижает драматического накала. И в последних тактах части следует динамический взрыв на фортиссимо. В этом месте нужно хорошо продумать распределение смычка и скорость его ведения, чтобы сделать большое кресцэндо на ноте «си» в нюансе *ff*.

Стремясь к целостности цикла Первого виолончельного концерта, композитор насытил все части интонационно родственными материалами и объединил вторую, третью части и финал в контрастное целое. II часть концерта (*Moderato, amoll*) составляет выразительный контраст первой. Её характер светел, наполнен душевной теплотой, прозрачностью. Здесь виолончель «поёт» лирическую тему, интонационно близкую к протяжным

русским песням. Соответственно здесь присутствуют все трудности, связанные с исполнением кантилены. Необходимо добиваться правильного распределения смычка, его мягких смен, плавного соединения звуков, следить за протяжённостью мелодической линии. Следует обратить внимание и на выпуклость фразировки, добиться красивого, качественного звучания мелодии в высоких позициях и, в связи с этим, соответственно использовать вибрацию. Необходимо заострить внимание на сменах смычка, чтобы ассиметричные и комбинированные штрихи звучали на одном большом «легатном» дыхании на протяжении всего эпизода. Так, например, с 40-й по 45-ю цифру мелодическая линия объединяется единой фразой.

Середина части интонационно связана с главной партией. Здесь суровое, плотное, напряжённое звучание (авторская ремарка «*espressivo*»). В музыкальном материале под цифрой 54 нужно обратить внимание на чистоту интонации и качество извлечения нот, играющихся попеременно на закрытых и открытых струнах. Этот эпизод исполняется на *fff* широким штрихом плотно прижатого смычка. Нельзя не отметить одного из замечательных темброво-интонационных открытий Шостаковича. В этой части он применил у виолончели технический приём игры флажолетами в очень высоком регистре (цифра 57)²⁷, тем самым приблизив её звучание к хрустальным звукам челести. Для точного интонирования необходимо отработать постановку пальца на «узел» условного деления струны на обертоны, где наиболее ярко звучит флажолет.

III часть (*Cadenza*) представляет собой широко развёрнутый монолог-речитатив виолончели.

²⁷ Флажолет (фр. *flageolette*) – название тонов, извлекаемых посредством частичных колебаний струн у смычковых инструментов. Флажолеты имеют своеобразно свистящий, но мягкий эфирный тембр, свободный от шуршащего призвука, свойственного обычным тонам этих инструментов. Ф. применяется часто также и ради удобства в отношении особенно высоких нот; он извлекается таким образом, что слегка прикасаются концом пальца к той точке на струне, которая точно соответствует половине, трети, четверти и т. д. струны; при этом струна колеблется не по всей своей длине, а подразделенная на 2, 3, 4 и т. д. части, из коих каждая самостоятельно дает соответствующий обертон [1].

И в скрипичном, и в виолончельном концертах Шостакович часто пользовался возможностями сольного инструмента, обращая порой к сложным виртуозным приёмам. Богато использована техника солирующего инструмента – широкий мелодический диапазон, двойные ноты, аккорды, блестящие пассажи, пиццикато левой рукой. Каденция (III часть) является смысловым центром цикла Концерта и разработкой всех его тем, которые проходят в зеркальном порядке: сначала темы II части, причём также в обратном порядке, затем темы I части. При развитии тематизма второй части композитором применяется приём скрытой полифонии. Здесь нужно следить за ровностью звучания обоих голосов. III часть – соло виолончели – по смысловому наполнению непосредственно вытекает из второй части и поначалу продолжает развивать мелодические образы сосредоточенного, неторопливого раздумья. Затем, во втором разделе каденции темп постепенно ускоряется (*Allegretto*, *accelerando* к *Allegro*). Таким образом подготавливается энергичный характер четвёртой части.

IV часть, финал концерта (*Allegro con moto*) написан в форме рондо. Слышащиеся здесь интонации главной темы первой части придают ему решительный, мужественный характер. И, благодаря тематизму, финал обретает не формальное, но смысловое значение заключительной части, обобщающей художественное содержание цикла. Финал изобилует многообразием штриховых приёмов: сотиёе (*sautiller*)²⁸, спиккато (*spiccato*)²⁹. Мелодическая линия как бы заполняется мелкими длительностями, она интонационно усложняется

²⁸ Сотиёе (фр. *sautiller* – припрыгивать, подпрыгивать) – штрих смычковых струнных инструментов, относящийся к группе «прыгающих» штрихов. Этот штрих выполняется быстрыми и мелкими движениями смычка, лежащего на струне и лишь слегка отскакивающего вследствие эластичности и пружинящих свойств трости смычка. Принципиальное отличие сотиёе от спиккато заключается в том, что штрих идет от струны, а не бросок на струну. Также *sautillé* возможно только в быстром темпе и при небольшой силе звучания (*pp-mf*).

²⁹ Спиккато (итал. *spiccato*) – музыкальный штрих, используемый на струнных смычковых инструментах. Извлекается броском смычка на струну; получается короткий отрывистый звук.

хроматизмами. IV часть насыщена аккордами *pizzicato* и *arco* (цифра 76), пассажными взлётами (цифра 81), широчайшими интервалами (цифра 82). Аккорды должны быть яркими, резонирующими (этому помогает наличие в них открытой струны), полётными с чёткой атакой звука. Одновременное звучание трёх струн требует интонационной чистоты. Все пассажи должны быть озвученными, исполняться крепкими твёрдыми пальцами.

Драматическая кульминация завершается стремительной кодой. Здесь Шостаковичем используется следующий приём: хроматическое опевание верхнего голоса накладывается на тянущийся звук нижнего голоса в очень широком интервальном расположении (цифра 82), что способствует представлению об исполнении как бы на двух инструментах. Стремительность развития подчёркивается повторяющимися ритмическими фигурациями (восьмая и две шестнадцатые) на постоянно меняющемся метроритме (цифра 83). Нехарактерная для виолончели фактура аккордов необычно, но единственно верно выписывается на двух строчках. Исполнение этой фигуры «дважды вниз» помогает подчеркнуть динамичный характер музыки.

Кода в её стремительном движении и жизнеутверждающем характере, рассматриваемая в контексте всего концерта, способствует целостности представления о концепции произведения, приближающейся к концепциям «от мрака к свету» симфонических полотен Бетховена.

В педагогическом процессе Первый виолончельный концерт Шостаковича является бесценным материалом, на котором воспитывается мышление музыканта в плане претворения современной содержательности посредством использования всех выразительных возможностей, в том числе технического арсенала виолончели. Несмотря на то, что Концерт создан более полувека назад, он остается репертуарным произведением актуальным и в наши дни, произведением, повествующим о том, что волнует современного человека. И это повествование выражается всем комплексом композиторской техники нашего времени, требующим адекватной инструментальной выразительности.

Литература

1. Бадалбейли А. Толковый монографический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://lugat.musigi-dunya.az/ru/data.pl?id=1046&lang=ru>.
2. Яндекс словари. Музыкальный словарь. Флажолет [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Музыкальный%20словарь/Флажолет/>

References

1. Badalbeyli A. Tolkovyy monograficheskiy slovar' [Explanatory monographic dictionary]. Available at: <http://lugat.musigi-dunya.az/ru/data.pl?id=1046&lang=ru>.
2. Yandeks slovari. Muzykal'nyy slovar'. Flazholet [Yandex dictionaries. Music Dictionary. Flageolet]. Available at: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Muzykal'nyy%20slovar'/Flazholet/>

УДК 7

**ОСОБЕННОСТИ ОРКЕСТРОВКИ СЮИТЫ ДЛЯ БАЛАЛАЙКИ
С СИМФОНИЧЕСКИМ ОРКЕСТРОМ С. КОЛМАНОВСКОГО
ПО МОТИВАМ РОМАНА Н. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»**

Чайран Вячеслав Александрович, соискатель, Российская академия музыки им. Гнесиных, (г. Москва, РФ). E-mail: slava375chairan@mail.ru

В статье рассматривается текст партитуры сюиты для балалайки с симфоническим оркестром С. Колмановского, написанный им под впечатлением и по мотивам романа Н. Гоголя «Мертвые души». На первом плане вопросы тембровых, фактурных и динамических средств оркестровки, которые играют основную роль в становлении музыкального образа гоголевских персонажей. Помимо этого, в процессе анализа учитывается контекст взаимосвязи партии солиста и оркестра. Здесь обнаруживаются характерные звуковые сочетания, а также те или иные композиторские находки, связанные с максимальным донесением до слушателя специфических черт образов каждого из героев романа. В этом смысле, преобладающим фактором оказывается область решения задач колористического и динамического порядка. Сюита С. Колмановского представляет редкий и удачный синтез балалайки и симфонического оркестра.

Ключевые слова: сюита, оркестровка, тембр, фактура, музыкальный образ.

**S. KOLMANOVSKY'S SUITE FOR BALALAICA
AND SYMPHONY ORCHESTRA ON N. GOGOL'S NOVEL
“DEAD SOULS” ORCHESTRATION FEATURES**

Chairan Vyacheslav Aleksandrovich, Degree Seeking Applicant, Gnessin Russian Academy of Music (Moscow, Russian Federation). E-mail: slava375chairan@mail.ru

The article deals with theoretical analysis of the suite for balalaika and symphony orchestra by S. Kolmanovsky “Dead souls.” S. Kolmanovsky is one of some Russian composers who created this piece under the impression of the famous Russian novel “Dead souls” written by N. Gogol. The main aim of the article is to reveal characteristic features of the orchestration. The article emphasizes the problems of connection between musical imagery and means of this expression by orchestration. Most of them are texture, timbre and dynamics. The author of the article says about the influence these factors on creating musical imagery which includes reflection of central figures of Gogol’s novel. The article is considered a texture of balalaika and its co-operation with orchestral texture. The conclusion emphasizes a value of the piece in the repertoire for balalaika and points out to the fact that musical language of the suite is based on classical

and romantic musical traditions. “Dead souls,” suite for balalaika and orchestra by S. Kolmanovsky, is one of the rare piece of well co-operation of the balalaika with the symphony orchestra.

Keywords: suite, orchestration, timbre, texture, musical imagery.

Обращение композиторов к сочинениям для балалайки с симфоническим оркестром восходит к опусам еще первой половины XX века. Среди них можно назвать «Негритянские эскизы» К. Плансона (1926)³⁰, сюиту Б. Трояновского (1927), концерт для балалайки с симфоническим оркестром С. Василенко (1930), фантазию «На посиделках» М. Ипполитова-Иванова (1931). Появление жанра сюиты в контексте сочетания балалайки и симфонического оркестра значительно расширяло камерные границы привычного инструментального воплощения балалаечной сюиты – дуэта балалайка-фортепиано. Кроме того, возможности оркестра представляли композиторам широкий спектр авторского самовыражения.

Программные сюитные опусы, в основе которых лежит тот или иной литературный источник – особый феномен в области балалаечного репертуара, в особенности, если объектом воплощения становится наследие Н. В. Гоголя – «великого исследователя дисгармонии человеческой жизни в контексте социальных проблем» [3, с. 20].

Влияние творчества писателя на отечественную композиторскую школу неоспоримо. Оно нашло отражение в музыке М. Мусоргского, Н. Римского-Корсакова, П. Чайковского, Д. Шостаковича, Р. Щедрина, А. Шнитке, А. Эшпая и др. «Гоголь, – отмечает А. Гозенпуд, – указал композиторам одно из средств овладения новой тематикой – обращение к народному песнетворчеству» [2, с. 29].

Создание юмористической концертной сюиты в духе «Лубок» для балалайки с симфоническим оркестром «Мёртвые души» Сергея Колмановского³¹ (2008) – еще одно обращение к гого-

³⁰ Сочинение написано для балалайки с малым составом симфонического оркестра.

³¹ Колмановский Сергей Эдуардович (год рождения 1945) – отечественный композитор. Окончил Московскую консерваторию. Работает в самых разных музыкальных жанрах, куда входят как камерные (струнные квартеты «Образы детства» и «Поиски жанра»), так и симфонические («Симфония созидания», «Три наброска к балету «Цыганы») опусы. Автор многих мюзиклов, театральных и киноработ.

левской тематике, которое до сих пор не нашло отражения в современной музыковедческой литературе. Исключение составляет небольшой аналитический очерк А. Мурзы, помещенный в предисловии к клавиру цикла. В нем автор указывает на основные моменты музыкального содержания и некоторые средства их воплощения.

Драматургия цикла складывается из портретных характеристик героев романа (за исключением первой части). «Музыкальный “портрет”, – как отмечает Ю. Хохлов, – передает не столько внешний облик героя, сколько его “внутреннюю сущность” <...>, но нельзя отрицать воспроизведение в музыкальном портрете существенных черт внешнего облика» [6, с. 45]. Перед нами встает задача проследить средства музыкальной персонификации героев романа, использованные А. Колмановским при создании сюиты. В данной статье мы также обращаемся к методам анализа оркестровки Г. Банщикова, используя его термин «Вертикаль» [1, с. 19].

Сюита состоит из шести частей: «Гимн балалайке», «Чичиков», «Манилов», «Плюшкин», «Собакевич», «Ноздрев». Включение первой части «Гимн балалайке» в «портретный» контекст служит, как отмечает А. Мурза, впечатлением композитора «от Гоголевского восприятия народного инструмента» [5, с. 1].

Название «Гимн» включает в себе особый метафорический оттенок, поскольку контраст образно-эмоциональных сфер, который лежит в основе пьесы, наделяет сочинение оттенками мягкого юмора. С одной стороны, это фольклорный контекст (наигрыш балалайки-соло без оркестра во вступлении), с другой – разделы D, G, H, которые «разбавляют» фольклорный строй чертаниями, близкими к джазовой музыке.

Развитие оркестровой ткани в пьесе отмечено тембровым переукрашиванием тем, связанным с явлением фактурной переменности. Такова, например, передача темы-наигрыша, порученной изначально балалайке, тембру струнных (раздел А) и трубы (раздел F), а также смена инструментального состава в проведении «джазовых» разделов (D и G-H). **Наличие звукоподражатель-**

Cl. Solo

Bsn.

Balalaika Solo

Vln. I arco unis.

Vln. II arco unis.

Vla. arco unis.

Рисунок 1. С. Э. Колмановский. Сюита «Мертвые души», раздел D

ных эффектов в тексте (форшлагги) стали отличительным свойством нового тематического элемента в проведении у флейты *piccolo* (раздел В). Данный эпизод, видоизменяясь интонационно, трансформируется в тугтийное изложение в завершающем разделе, указывая на элемент тембровой драматургии в тексте.

Piccolo Solo

Hn. con sord.

Рисунок 2. С. Э. Колмановский. Сюита «Мертвые души», раздел В

Наличие сурдин в тексте у медных духовых говорит о динамической стороне партитуры, где, в первую очередь, учитываются звуковые возможности солилирующей балалайки.

Во второй части цикла «**Чичиков**» образ персонажа, таинственность его замысла находят отражение в характере музыки (*Allegretto misterioso*) и «детективной» (А. Мурза) теме (скрипки *detache* и виолончели *pizzicato*).

Piccolo

Fl.

Ob.

Cl.

Bsn.

Tpt.

Рисунок 3. С. Э. Колмановский. Сюита «Мертвые души», раздел I

Загадочность образа Чичикова воплощена, например, в опере Р. Щедрина «Мертвые души». Здесь, как пишет М. Черкашина, герой характеризуется не совсем как реальный бытовой персонаж: он не приходит и не уходит, движимый вполне определенными целями, но появляется и исчезает, окруженный ореолом неразгаданности [7, с. 80]. Частью тематического развития в пьесе становит-

Рисунок 4. С. Э. Колмановский. Сюита «Мертвые души», вступление

ся тембровая драматургия основной темы, которая включает фактурную, динамическую и образную ее трансформацию. Здесь, и красочность проведения темы в сочетании английского рожка и фагота, трубы и тромбона (раздел G), и тембр арфы (раздел H), отдельные интонации темы в обращении у струнной группы (разделы D и I) и квартетное изложение темы у балалайки-соло (разделы G, H, I).

Ярким тембро-колористическим моментом текста становится сочетание партий клавирина и челесты вместе с *con sordini* у медных духовых. Сопоставление засурдиненных духовых со звучанием клавирина рождает особый приглушенный тембр, который звучит колоритно за счет также гармонической терпкости. Наличие сурдин у медных обусловлено динамическим фактором взаимодействия оркестра с солистом. Благодаря сурдинам одноголосная тема у балалайки на *vibrato* в разделе С не «тонет» в звуковом поле *divisi* медных.

В рамках романтической традиции композитор трактует мечтательный образ третьей части сюиты «Манилов». Вступление с сонористическим окрасом (**Sul ponticello у струнных, включение челесты и вибратона, *con sordini* у медных**), вокального склада тема у балалайки, незамысловатый «вальсок» в середине пьесы созвучны эмоциональному миру героя романа. Чередование различных в стилистическом отношении эпизодов в пьесе отвечает принципу маниловского образа мысли, суть которого состоит в пустоте и несостоятельности праздных, рассыпающихся идей.

Ярким карикатурным моментом служит использование в этой части стилизованный коллаж благодаря введению в текст темы из вальса И. Штрауса и мелодии «Санта Лючия». Обрыв первой из них после **tutti оркестра без солиста и резкий переход от tutti к «доигрыванию»** второй фразы темы штраусовского вальса, появление мини-каденции у балалайки и возврат к романтической теме начала (в ложной репризе) также служат примером смены эмоциональных состояний персонажа.

Примером поиска необычных тембровых сочетаний в оркестровке служит взаимодействие засурдиненных медных с вибратоном и челестой, где естественное «затухание» звучания вибратона и челесты компенсируется пролонгацией звучания медных.

В основу драматургии четвертой части «Плюшкин» положен контраст двух образно-эмоциональных сфер: образа самого Плюшкина и его брани с дворовыми и прислугой [5, с. 2]. Первую сферу олицетворяет «заунывная» тема у кларнета и нарочито «скупая» оркестровка, которая как бы передает убогость мира Плюшкина. Вторая сфера обозначена появлением медной группы, наделенной штрихом стаккато и особой остротой гармонического профиля путем использования диссонантных созвучий. Перепады разных эмоциональных состояний в пьесе оказывают влияние на развитие ее оркестровой ткани. В частности, используя термин Г. Банщикова «Вертикаль», стоит указать на мобильность их смены в тексте. Каждая Вертикаль сменяется новой в процессе последовательности разделов в сочинении. Так, раздел С отличает проведение темы у английско-

го рожка и обрывистых интонаций у балалайки. Раздел D обозначен уже новой пунктирной темой у балалайки, интонационно производным подголоском у скрипок I, пульсацией ритмогармонических восьмых у гобоев I, II и фаготов I, II. Раздел E показателен сменой темпа (*presto*), переменностью размера (2/4; 5/8; 4/4; 9/8; 4/4), изложением «секвенционной» темы у балалайки восьмыми на фоне скандированных интонаций медной группы.

Раздел H характерен возвращением «заунывной» темы на фоне тембрально-окрашенных *sul ponticello* струнных.

Последний раздел I отличает особая Вертикаль, где педаль у гобоев I, II и балалайки (тритон ре-ля b) вместе с мерной пульсацией партии тарелок (*schellen*) и удара колокола в конце вызывает аллюзию недосказанности и затаенной незавершенности.

Рисунок 5. С. Э. Колмановский. Сюита «Мертвые души», 3 такта до конца

Карикатурный характер пятой части сюиты «Собакевич» связан с заострением свойственных герою черт. Органичным решением оркестровки для создания впечатления физической «тучности» Собакевича становится звучание медной группы с частым поручением им сольных эпизодов. Сюда относится соло тубы, соло валторны, соло тромбона (раздел В). Комичный оттенок сочинению придает угловатая тема Собакевича у баритоново-саксофона, которая вносит в его характеристику шутивно-скерцозный оттенок.

Благодаря колорированию VII ступени и паузированию в мелодической линии рождается аллюзия на джаз. Ассоциация с джазом возникает также в теме тромбона (раздел В из-за такта) на фоне вариаций у балалайки, а также в последней теме (раздел С) с характерными пунктирными интонациями струнных. Соединение двух образно-эмоциональных сфер в пьесе – грузности, тяжеловесности и комичности отражает и темповая ремарка (*Allegretto pesante*).

Тематическую основу последней части сюиты «Ноздрев» составляют две quasi цитаты – мелодии в духе сентиментальных романсов XIX века. Романсовая лирика с оттенком цыганской мелодики, здесь нарочито «искажена»

подвижным темпом, а проведение первой темы альтовым саксофоном восходит к пародии³². Бешабашность Ноздрева и его приторность при заверении в дружеских чувствах (А. Мурза) находят воплощение в выразительной системе оркестровки. Так, пародийный эффект достигается композитором совокупностью звукоизобразительных приемов. Среди них, например, *buzzing* у медных духовых, фрулато деревянных, *glissandi* арфы, игра *sul ponticello* у струнных, *glissandi* медных, шумовые приемы у балалайки, включение в оркестровую ткань партии корбочки.

В насыщении фактурного пространства партитуры необходимую роль выполняет контраст оркестровых групп. Сошлемся на раздел В, где на фоне звучания темы у альтового саксофона (начало в разделе А) возникают интонационные переключки между медной (*legato* валторны и трубы) и деревянной группами (*staccato*) в сочетании со струнными (*pizz. divisi*). Показательно, что контраст усилен разными штрихами. Наличие небольшой каденции у балалайки в конце пьесы свидетельствует о ярком проявлении концертности в сюите.

³² Первым на данный факт указал А. Мурза.

Рисунок 6. С. Э. Колмановский. Сюита «Мертвые души», вступление

В заключение стоит подчеркнуть, что Сюита С. Колмановского занимает достойное место в репертуаре для балалайки. Ее создание открыло новые горизонты в сфере сочетания тембра балалайки и симфонического оркестра, став звуковым пространством для воплощения образов персонажей гоголевского произведения. Найденные композитором многие находки в сфере тембровых сочетаний балалаечной и оркестровой партий в сюите говорят о скрытом потенциале русского инструмента.

В то же время относительная недавность создания сюиты отличает ее ясностью музыкального языка, выразительностью мелодики и гармонии, где композитор минует многие способы авторского самовыражения, которые отразили «глубокие и существенные изменения в музыкальной культуре нашего времени» [4, с. 2]. Музыка сюиты С. Колмановского осталась в русле классикоромантической традиции, убеждая слушателя в том, что и в ее пределах могут возникать неповторимые версии «художественного» прочтения романа Гоголя.

Литература

1. Банщикова Г. И. Законы функциональной оркестровки: учеб. пособие. – СПб.: Композитор, 1999. – 240 с.
2. Гозенпуд А. А. Гоголь в музыке // Гозенпуд А. А. Избр. ст. – Л., 1971. – С. 29–66.
3. Долинская Е. Б. О русской музыке XX века (60–70-е годы) [Текст]: учеб. пособие по курсу «История современной отечественной музыки». – М.: Композитор, 2003. – 158 с.
4. Красникова Т. Н. Музыкальная фактура в аспекте синтеза искусств // Музыковедение. – М., 2009. – Вып. 5. – С. 2–7.
5. Мурза А. А. Комментарий к клавиру сюиты для балалайки и симфонического оркестра «Мертвые души». – Одесса: Радость, 2010. – С. 1–2.
6. Хохлов Ю. Н. О музыкальной программности. – М.: Музгиз, 1963. – 145 с.
7. Черкашина М. Р. «Мертвые души» – в партитуре и на сцене // Музыка России. – М., 1980. – Вып. 3. – С. 69–114.

References

1. Banshchikov G.I. Zakony funktsional'noy orkestrovki: uchebnoe posobie [Laws functional orchestration: Ouch. allowance]. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 1997. 240 p. (In Russ.).
2. Gozenpud A.A. Gogol' v muzyke [Gogol in music]. *Gozenpud A.A. Izbrannye stat'i [Featured Articles]*. Leningrad, 1971, pp. 29–66. (In Russ.).
3. Dolinskaya E.B. O russkoy muzyke XX veka (60 – 70-e gody): uchebnoe posobie po kursu “Istoriya sovremennoy otechestvennoy muzyki [On Russian music of the XX century (60th–70th years): manual for the course “History of modern Russian music”]. Moscow, Kompozitor Publ., 2003. 158 p. (In Russ.).
4. Krasnikova T.N. Muzykal'naya faktura v aspekte sinteza iskusstv [Musical texture in terms of synthesis of arts]. *Muzykovedenie [Musicology]*. Moscow, 2009, no. 5, pp. 2–7. (In Russ.).
5. Murza A.A. Kommentariy k klaviru suity dlya balalayki i simfonicheskogo orkestra “Mertvye dushi” [Commentary on the Clavier Suites for balalaika and orchestra “Dead Souls”]. Odessa, Radost' Publ., 2010, pp. 1–2. (In Russ.).
6. Khokhlov Yu.N. O muzykal'noy programmnosti [About music software]. Moscow, Muzgiz publ., 1963. 145 p. (In Russ.).
7. Cherkashina M.R. “Mertvye dushi” – v partiture i na stsene [“Dead Souls” – in the score and stage]. *Muzyka Rossii [Music Russia]*. Moscow, 1980, no. 3, pp. 69–114. (In Russ.).

Палитра мнений

УДК 7

ЛАНДШАФТНОЕ ИСКУССТВО И МУЗЫКАЛЬНЫЙ АВАНГАРД

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой оркестрово-инструментального исполнительства, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: sinell@narod.ru

В статье освещается фестиваль современной музыки «Musik 21», который проходил 18–20 июля 2014 года в Германии. Фестиваль базировался на концепции ландшафтного искусства, основанной в свою очередь на синтезе изобразительного искусства и музыки с окружающей средой. Объединение в одном художественном пространстве различных направлений и жанров современного искусства – **land-art, saund-art, музыкальный авангард, инсталляция, перформанс** – стимулировали исследовательский интерес автора данной статьи к названным явлениям. В статье рассматриваются направления и содержательный потенциал ландшафтного искусства, особенности звуковой скульптуры как разновидности саунд-арта. Музыкальные произведения, прозвучавшие на фестивале, как и визуальные объекты пластического лэнд-арта, были органично встроены в природный ландшафт Лüneбургской пустоши. В статье рассматриваются опусы музыкального авангарда, написанные в наши дни. Многие из них были впервые исполнены на фестивале.

Ключевые слова: ландшафтное искусство, звуковое искусство, музыкальный авангард, инсталляция, перформанс, звуковая скульптура, синтез искусств, новый синкретизм.

*Different views***THE LANDSCAPE ART AND MUSIC AVANT-GARDE**

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Doctor of Art History, Professor, Chair of Orchestral-Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: sinell@narod.ru

In Germany, it has become a good tradition to organize festivals of contemporary music. These events are held regularly in different cities and in different venues. The article highlights the contemporary music festival “Music 21,” which was on 18–20 July 2014 in Germany. In this case, the venues for concerts of the festival were in the unusual scenic area. The festival was built on the concept of landscape art, based on the synthesis of the fine arts and music with the environment. Combined in a single space of different artistic trends of the contemporary art, landscape-art, sound-art, musical avant-garde, installation, performance stimulated the research interest of the author of this article. The article deals with the direction and content features of landscape art, especially sculpture as a kind of sonic sound art. Musical works made at the festival, as well as visual objects plastic landscape-art, were organically integrated in natural landscape of Lüneburg Heath.

The article considers the musical avant-garde pieces of music written in our day and first performed at the festival. Among them there were the following pieces: “The Bells of Vineta” for trombone by Bent Sorensen, “Cyclone” for cello and live electronics by Willem Schulz, “Xylobiont” for Bass by John Eckhardt, “Echo-interferenzen” for percussion Carola Baucholt, “Motororientierung” for motorized object in the wide expanse of Stephan Meier, “sky’s the sky’s the limit” for six percussionists by Ole Hübner, “Andante cantabile by Als Tchaikowsky einmal Murakami traf ...” for string quartet by Natalia Pshenichnikova, “Relief” for brass quintet by Marcus Aydintan, “O” by Patrick Witte and “Tempus fugit percussionem” for a quartet of percussionists by Liza Lengert. Interestingly, the same concert included several famous works of composers that have become classics of the musical avant-garde of the XX century. They are: the “TIERKREIS” by Karlheinz Stockhausen, “Desserts” by Edgard Varèse, and “An idyll for Misbegotten” by George Crumb. These three

songs have become a sort of central nodes of musical space of the festival, which pulled together the invisible threads of other sounding works.

Keywords: land-art, saund-art, musical avant-garde, installation, performance, sound sculpture, synthesis of the arts, new syncretism.

Говорят, что немцы очень любознательны. Они постоянно стремятся изучать что-то новое, будучи даже в весьма преклонном возрасте. Может быть, именно эта черта национального характера стала стимулом интереса к новейшей музыке, созданной в наши дни. Вероятно, это качество является движущей силой организации многочисленных фестивалей современной музыки, проходящих в разных городах Германии. На них звучит музыка разных композиторов: от титулованных, знаменитых до совсем молодых, начинающих, еще студентов консерваторий. Более того, в Германии стали очень популярны проекты, где исполняется классика и тут же, в одном концерте, произведения современных композиторов с аллюзиями и (или) цитатами (либо без них) на эту самую классику. И совсем не важно, будет ли звучащая музыка малоизвестных сегодня композиторов жить дальше на сцене, будет ли она исполняться на других концертных площадках и в рамках других фестивалей. Главное, что эта музыка звучит сегодня и сейчас, она презентует и раскрывает многообразную творческую палитру современной музыкальной жизни.

Таким запоминающимся и многоплановым стал фестиваль «Musik 21», который проходил 18–20 июля 2014 года в местечке Neuenkirchen (Новая церковь) между Гамбургом и Ганновером в уникальном заповедном комплексе Германии, именуемом «Люнебургской пустошью». Место выбрано не случайно. Идея фестиваля – соединить в одном пространстве различные направления современного искусства: land-art, saund-art, музыкальный авангард, перформанс, инсталляция. Фестиваль был представлен различными поколениями композиторов XX – начала XXI века. При этом акцентировалась концепция лэнд-арта, презентующая новый синтез изобразительного искусства и музыки, сливающийся с переменчивыми звуковыми и визуальными эффектами окружающей среды. Организаторы фестиваля стремились наполнить музыкой великолепные пейзажи этого края можжевеловых лесов и вересковых полей.

Думается, что идея слияния искусства с природой в рамках настоящего мероприятия была реализована весьма удачно, перерастая подчас в качество нового синкретизма. Однако обо всем по порядку.

Природный заповедник «Люнебургская пустошь», расположенный на территории одноименного национального парка, – это уникальный ландшафтный комплекс и потрясающий пример бережного отношения к природе в самом «сердце» густонаселенной Европы. Тем более, если поинтересоваться историей возникновения этого ландшафтного шедевра и узнать, что когда-то здесь был крупный промышленный регион: в этих местах добывали нефть, а разработки прекратились только в начале 60-х годов XX века. Тогда остались загрязненные поля и опустевшие поселки. Теперь там вечнозеленые заросли можжевельника, яркие ковры цветущего вереска, мерное жужжание пчел и переливчатые трели птиц.

Концерты фестиваля проходили на разных площадках: то в бывшем охотничьем домике, то на территории музея современной скульптуры под открытым небом, то на просторах вересковых полей, то на живописном берегу маленького озера. На фестивале состоялось много премьер произведений разных современных композиторов: и совсем юных студентов Ганноверской консерватории, и уже известных в Европе и за ее пределами. Среди них следующие композиции: «O» для квартета ударников Патрика Уайта, «Tempus fugit percussione» для квартета ударников Лизы Ленгерта, «Красное и голубое» для шести ударных инструментов Иоганнеса Шёлльхорна, «Рельеф» для брасс-квинтета Маркуса Эудинтена, «Колокола Винеты» для тромбона Бенга Сорензена, «Xylobiont»³³ для контрабаса Джона Экхарда, «Циклон» для виолончели и живой электроники Вилема Шульца, «Motorien tierung» для моторизи-

³³ «Xylobiont» – искусственное составное слово в буквальном переводе «xylo» – дерево, «biont» – био. Название подразумевает некую органическую музыку: то, что звучит в дереве или на дереве.

рованного объекта в широком пространстве Стефана Мейера, «Эхо-помехи» для ударных инструментов Каролы Букхольт, «sky's the sky's the limit» для шести ударников Оли Хубнера, «Анданте кантабиле – Когда Чайковский встретил Мураками» для струнного квартета Натальи Пшеничниковой.

Интересно, что в этих же концертах прозвучало несколько знаменитых опусов композиторов – классиков музыкального авангарда XX века. Это «Знаки зодиака – 12 мелодий для мелодического и (или) гармонического инструмента» (1975) Карлхайнца Штокхаузена, «Пустыни» («Deserts») для 14 духовых, ударных, фортепиано и магнитофонной ленты (1953) Эдгара Вареза, «Идиллия для чудовища» для флейты и ударных (1986) Джорджа Крамба. Эти три композиции и стали центральными узлами музыкального пространства фестиваля, к которым стягивались невидимые нити других звучащих произведений. Очевидно, что для молодых композиторов они были профессиональными ориентирами, маяками в огромном и бескрайнем море современной музыки. Во всяком случае, весь фестиваль «Musik 21» прошел под знаком авангарда. В данную концепцию не полностью вписывалась только минималистская композиция Стива Райха для ударных инструментов, исполненная у воды на озере. Она и завершила этот марафон с намеком на то, что авангард не единственное направление современной музыки – есть множество других, противоположных тенденций и путей развития музыкального искусства.

В действие этого гигантского перформанса, длящегося двое суток, то и дело втягивалась публика, слушая в зале звучание золотой арфы, (сконструированной скульптором Максом Эстлии установленной на крыше), извлекая звуки и улавливая шум ветра в звуковых скульптурах, прикладывая ухо к звучащим деревьям. Зрителей перевозили на тракторе с прицепом от одной живописной импровизированной концертной площадки до другой (берег озера, лес, вересковое поле и др.).

Необходимо сказать несколько слов о звуковых скульптурах, которые присутствовали наряду с другими современными пластическими композициями на просторах Люнебургской пустоши. Звуковые скульптуры – это одна из категорий саунд-арта – некая промежуточная зона между визуальным и музыкальным искусством,

продуктом и произведением художественного творчества, нематериальным и материальным. Звуковая скульптура – это мультимедийный артефакт, который состоит из городской скульптуры, статической или кинетической, сопровождающейся звуковым оформлением в многоканальной конфигурации. История звуковой скульптуры началась в 50-е годы XX века, когда братья Бернар и Франсуа Баше стали делать экспериментальные музыкальные инструменты, которые не только звучали на концертах или в записях, но и выставлялись в музейном пространстве в различных галереях. В это же время свои первые кинетические звуковые скульптуры демонстрирует Жан Тэнгли. Идеи этих дизайнеров и скульпторов подхватывают другие саунд-художники. Окончательное формирование звукового искусства происходит в 1960-е годы.

Как же звучат эти скульптуры? В различных условиях используются как искусственные звуки, так и звучание живой природы: на открытом воздухе скульптура «поет» от движения ветра, в условиях помещения – от механических воздействий. Добиваясь нужного звучания, скульпторы или так называемые акустические художники – мастера саунд-арта – экспериментируют с различными материалами: металлами, камнями, деревьями, водой, картоном, бумагой, стеклом, пластиком и др. Становится популярным такое явление, как звуковые фонтаны. Что же, собственно, отличает звуковую скульптуру от музыки? Это пространственное и пластическое измерение. Звук в данном случае является не самостоятельным произведением искусства, как в музыке, а неотъемлемой частью инсталляции. Цель такой звуковой композиции – вдохнуть жизнь в статические скульптуры и создать гармоничную звуковую эстетику городской среды.

Сейчас звуковые скульптуры – явление крайне распространенное, звуки можно извлечь практически из всего. Например, на некоторых морских побережьях установлены «морские органы» (музыкальные инструменты, звучание которых через серию труб создают морские волны) или «поющие деревья» (в них музыку генерируют порывы ветра). Стоит заметить, что звуковые скульптуры способны вызвать физические и эмоциональные чувства, ведь в них присутствуют звуки, которые являются совершенно особенными. Вокруг такой звучащей скульптуры образуется

своеобразный психотерапевтический оазис, где можно отдохнуть от хаотичного шума, воспринимая теперь этот шум сквозь призму звуковой скульптуры, как постоянно развивающееся музыкальное произведение.

Рисунок 1. Звуковые скульптуры

На просторах Лüneбургской пустоши располагается множество ландшафтных объектов и звуковых скульптур, выполненных различными современными авторами (рис. 1). Помимо уже упомянутой золотой арфы в маленьком городке Нойнкирхен были выставлены скульптуры, формирующие как естественные, так и искусственные звучания. Определенная комбинация металлических труб и камней с помощью движения воздушных масс рождала фантастический гул, шорохи и шёпоты. Установленные динамики усиливали шум ветра, превращая его в медитативные композиции особого свойства.

Интерактивность – немаловажный элемент в звуковой скульптуре. Параметры звука модулируются исполнителями, самой аудиторией, акустической средой ландшафта, погодными условиями, временем суток. Интересными примерами звуковых скульптур на фестивале были «звучащие деревья». Над этими объектами трудились только музыканты, без участия дизайнеров. Собственно, «поющими» стали обычные деревья в лесу близ озера, омузыкаленные следующим образом: между деревьями была натянута металлическая проволока (подобие струны), а исполнители производили с ней различные манипуляции, играя различными штрихами и проводя по ней всевозможными предметами. Возникающую таким образом музыку можно было услышать, но только прижавшись ухом к дереву.

Публика на фестивале «Музыка 21» постоянно каким-то образом оказывалась в центре событий, так как пространство этих звучащих ландшафтов было организовано особым образом. К примеру, композиция «Zyklon» («Циклон») Виллема Шульца³⁴ для виолончели и живой элек-

³⁴ Виллем Шульц (Willem Schulz) – довольно известный в Германии и за ее пределами музыкант-виолончелист и композитор. Он уже в студенческие годы экспериментировал с проблемой «Что есть музыка?». Несколько лет он занимался фольклором и джазом. Сейчас Шульц виртуозно объединяет разные стили и направления в проектах Stadt-und Landschafts-Musiken, танцевальных, театральных и камерных программах, создает инсталляции и перформансы. Его привлекает пространственная музыка, звучащая в зоне городской архитектурной среды и природного ландшафта на рассвете или в полночь, необычные социальные акции. Композитора интересует новая музыка как возможность свободного «исследования» современного общества на улице в контакте с людьми. Шульц концертирует в составе коллектива «Open string quartet», для которого создает свои композиции. Кроме того, он делится своим опытом в области современного искусства на многочисленных семинарах. Приведем несколько названий его композиций и перформанс-проектов: «Дом для Тубы» для туба соло, флейты, кларнета, трубы, фортепиано и ударных с хореографической инсталляцией (2012), «Падение» – пространственная композиция для 21 музыканта, посвященная Д. Кейджу (2012), «Silva.Musica Лес симфонический» – музыкальный land-art для струнного оркестра, женских голосов, саксофона, перкуссии и танцовщицы, «Schloß-Inszenierung» – музыкальный land-art для мобильного оркестра и танца (2010) и др. (см. [3]).

троники, исполненная на открытом воздухе, организована как инструментальный театр одного актера. Этот замысел соединил в себе акустическую (живое звучание виолончели), пространственную (расположение зрителей под навесом, фиксирование зоны звучания расположением динамиков и звучащим скульптурным объектом), электронную музыку (присутствие звукооператора и соответствующей аппаратуры). Наконец, явное ощущение импровизационности всего происходящего с виолончелью и с электронными звуками свидетельствовало об использовании техники алеаторики, правда, в ее ограниченном варианте.

Партию виолончели исполнял сам автор. Сочинение начиналось с выхода исполнителя, который держал виолончель за шпиль, поднятой высоко над головой. Его фигурка появлялась издалека с поля: он еще не играл, но отсчет времени уже пошел. Пару минут над травой проплывала, постепенно приближаясь, будто бы одна виолончель, пока не стало видно автора-исполнителя, вращающего свой инструмент. Затем в процессе композиции исполнитель то подходил к звуковой скульптуре и играл, стоя внутри ее стен, то передвигался по импровизированной сцене, то кружился с виолончелью и возил ее шпилем по траве под электронные звуки, имитирующие порывы ветра, изредка останавливаясь для того, чтобы поиграть на виолончели, изображая приближающийся циклон на своем инструменте. При этом исполнитель продемонстрировал хорошую спортивную форму, недюжинную выдержку и крепкий вестибулярный аппарат. Звукообразовательная идея «Циклона», подкрепленная театрализованными эффектами, вряд ли требует столь же серьезного отношения, с каким она была продемонстрирована. Зрители с пониманием оценили чувство юмора автора.

Лэнд-арт – это направление в современном искусстве, в котором создаются произведения на основе внутреннего ощущения природы, из чего рождаются идеи и концепции, неразрывно связанные с природным ландшафтом. Лэнд-арт как новое направление искусства зарождается в Америке в 1960–1970-х годах как ответ на повсеместную коммерцию, зависимость от рынка, консервативность музеев и галерей и всеобщую усталость от того, чтобы искусство происходило и выставлялось в четырех стенах. Художники того времени открывали для себя безграничные возможности

природы: здесь не существовало пространства и времени в привычном понимании того, как делается выставка и придумывается новое произведение искусства. Главной идеей лэнд-арта стала взаимосвязь природы и человека, возможность гармонично вписать арт-объекты в пейзаж, не нарушая его целостности и сохраняя естественную красоту. Лэнд-арт особенно актуален в наше время высоких технологий и мегаполисов. Лэнд-арт – это не ландшафтный дизайн или скульптура, а объекты, настолько слитые с природой, что порой их не отличишь от одной из ее причудливых форм.

Столь же органично, как и визуальные объекты пластического лэнд-арта, организаторы и участники фестиваля «Musik 21» встраивали в природный ландшафт «Люнебургской пустоши» музыкальные объекты. С кажущейся поэтической легкостью оказались вписаны в пейзаж верескового поля сочинения Каролы Баукхольт³⁵ и Натальи Пшеничниковой³⁶ – двух женщин-композиторов

³⁵ Карола Баукхольт (Carola Bauckholt) родилась в 1959 году в Крэфельде. Несколько лет она работала в театре «Krefelder» на Мариенплац. С 1978 по 1984 год Баукхольт училась в колледже музыки Кельна у Маурисио Кагеля. С 1991 года она сотрудничает с ансамблем «Thürmchen». В настоящее время К. Баукхольт является достаточно известным немецким композитором и художником-интермедиа. Она получила многочисленные стипендии и награды и представляла Германию на днях мировой музыки Копенгагене в 1996 году и в Сеуле в 1997 году. Центральным моментом в композициях К. Баукхольт – размышления о феномене восприятия и понимания. Она много экспериментирует со звуком, использует необычные способы звуковывлечения.

³⁶ Наталья Пшеничникова – флейтистка, певица, композитор, перформер. Она окончила ЦМШ и Московскую консерваторию по классу флейты. После окончания консерватории вела интенсивную концертную деятельность как флейтистка и вокалистка в области аутентичного исполнительства и свободной импровизации. В середине 80-х годов Пшеничникова была среди первых практиков и пропагандистов аутентичного пения. В 1987 году вместе с А. Любимовым и И. Соколовым основала фестиваль «Альтернатива», в оргкомитете которого состояла до 1991 года. В это время осуществила первые исполнения в СССР сочинений Кейджа, Штокхаузена, Райха, Денисова, Губайдуллиной, Фирсовой, Смирнова, Беринского, Батагова и многих других. С 1991 года Пшеничникова живет Берлине. Ее концертная деятельность связана в основ-

немецкого и русского происхождения. Они прозвучали в одном концерте со знаменитым опусом классика авангарда Карлхайнца Штокхаузена «Знаки зодиака». Эти три авангардных опуса, написанные в разное время объединяет утонченность, импрессионистичность, звукоизобразительность, поэтика тишины, медитативность.

Однако в данном концерте их объединил еще и визуальный объект в жанре лэнд-арт под названием «Небо и земля» («Himmel und Erde»), выполненный русским художником, автором ландшафтных проектов Валерием Бугровым: зеркальная поверхность в виде круга, расположенная на траве, в которой отражались сумерки, темно-розовый закат и ночное небо. На этом зеркале свободно располагались зрители, а исполнители находились за объектом вокруг зрителей³⁷. По замыслу художника-дизайнера на круговой зеркальной поверхности может быть воспринято собственное отражение между границами воздуха и земли как границами невесомости, призрачности и материальности бытия. В итоге пространство было организовано так, чтобы публика пронизывалась звучанием музыки.

Сочинение Каролы Баукхольт «Echo – Interferenzen» (буквальный перевод как «Эхо – помехи») для четырех ударников (2007) рассчитано на пространственное решение, которое в условиях лэнд-арта было реализовано очень удачно. Ударники располагались на расстоянии от зеркального круга по углам верескового поля. Замысел предполагал отзвуки, отражения, эхо-переключки. Было много шуршания, стуков и шорохов, имитирующих звуки природы. При этом отменное композиционное качество и вкус определяли особенности форм.

ном с европейскими фестивалями современной музыки. С 2005 года снова активно выступает в России: участвовала в фестивале «Территория» (2006, 2007), «Другое пространство» (2009), «Московский Форум» и др. Для нее писали такие композиторы, как Б. Ланг, Й. Фритч, Х. Эринг, К. Ланг, Г. Канчели, С. Невский, Д. Курляндский, Б. Филановский и Г. Дорохов. Записи Натальи Пшеничниковой выходили на фирмах «Мелодия», «ECM New Series» и «collegno» (см. [1]).

³⁷ Наталья Пшеничникова рассказывала, что по ее замыслу слушатели должны были лежать на зеркальной поверхности с закрытыми глазами, максимально сосредоточившись на музыкальной композиции.

Наталья Пшеничникова более известна как флейтистка и авангардная певица, обладающая экстремальным сопрано с широчайшим техническим диапазоном, позволяющим исполнять как старинную, так и современную музыку. Постепенно на фестивалях современной музыки стали время от времени появляться ее композиторские работы. Причем, в них отразился исполнительский опыт Н. Пшеничниковой в области расширения тембрового и артикуляционного диапазона, а также большая практика выступления в различных формациях свободной импровизации. Кроме того, ее постоянно интересовали синтетические проекты, связанные с визуальными и мультимедийными решениями. «Если я работаю с визуальным рядом, то меня интересует тот момент, когда движение читается как звук, а звук – как движение, я пытаюсь проследить, что предшествовало возникновению движения, и через это состояние вывести движение в звук», – говорит композитор [1].

Еще в период жизни в России Пшеничникова стала автором первых пространственных композиций («in C-арицино» 1989) и концептуальных музыкальных акций. На фестивале «Musik 21» летом 2014 года она представила свой инструментальный театр в темпе «Анданте кантабиле» в исполнении струнного квартета под поэтическим и сложно-ассоциативным названием «Когда Чайковский встретил Мураками...». Музыканты играли в темноте в масках, располагаясь на расстоянии друг от друга, вокруг зеркального объекта в поле, превращенного в импровизированный зрительный зал. Эпиграфом к этому струнному квартету стали, по замыслу автора, слова Харуки Мураками из повести «Мой любимый спутник»: «Ведь в нашем мире “знаю” и “не знаю” на самом деле напоминают сиамских близнецов – так же фатально неразлучны и хаотично перемешаны между собой» [2]³⁸. Видимо, в таком же зыбком соотношении находится имена двух гениев XIX века и XX века, объединенных методом случайности в одной композиции. Далее в своей аннотации к сочинению композитор задает себе и слушателям вопрос: «Что бы было, если бы Чай-

³⁸ Приведен один из вариантов перевода фразы на англ. языке: «In the world we live in, what we know and what we don't know are like Siamese twins, inseparable, existing in a state of confusion».

ковский и Мураками встретились?». Все рассуждения на эту тему наполняют музыкальную композицию струнного квартета. Если «присутствие» Мураками обозначено эпиграфом, то «присутствие» Чайковского едва уловимо в нескольких аллюзиях столь же призрачных и нереальных, как и сама встреча великого русского композитора и великого японского писателя.

Среди наиболее интересных работ, показанных на фестивале «Musik 21», перформенс «Motorien tierung» для моторизированного объекта в широком пространстве Стефана Мейера, дирижера, композитора, одного из организаторов этого фестиваля, наконец, человека, обладающего оригинальным чувством юмора. Действо под управлением самого автора проходило в поле у дороги. По замыслу, публика должна была располагаться лицом к дороге. Состав исполнителей весьма нетрадиционный: 3 ударника, 2 велосипедиста, 3 мотоциклиста и трактор. Ударники сидели на импровизированной сцене, играли на различных ударных инструментах. Мотоциклисты по знаку дирижера включали моторы, а велосипедисты звонили звоночками. Затем все по очереди уезжали, и под непрерывную игру ударных: мотоциклы носились по дороге, а велосипеды катались вокруг публики, после чего вернулись к сцене. Трактор несколько раз заводил мотор, отъезжал на небольшое расстояние и снова подъезжал, находясь в поле зрения публики. Таким образом, у каждого исполнителя этого перформанса была своя выписанная в партитуре партия, точно рассчитанная по времени и в пространстве. Все действие было четко структурировано.

На фестивале «Musik 21» в Нижней Саксонии были презентованы опусы, трудно дифференцируемые на жанры – художественные акции,

перформансы, инсталляции, хепенинги и примеры инструментального театра, звуковые скульптуры и ландшафтные объекты, переходящие один в другой и связанные между собой. Все они демонстрируют новое отношение к творчеству, в котором важное место начинает занимать некий перформативный акт, так как музыка уже не может отражать только музыкальные звуки, а изобразительность уже не в силах запечатлеть только картины окружающей действительности.

В таких новых жанрах-формах ощущается стремление к действию как иной возможности отношения со зрителем. Искусство здесь осознается как сфера мышления, как потенциальный инновационный процесс, конечно, не лишенный эпатажности. Подобные художественные акты вырастают в новую творческую деятельность: это не просто поиск оригинальной формы, а скорее поиск новых механизмов работы с ней, причем собственно музыкальная структура уже перестает быть интересной для художника. Более актуальным в ситуации такой новейшей музыки оказывается для автора непременно участие визуального, игрового ряда и работа с новыми технологиями.

После посещения таких фестивалей возникают мысли, что в начале XXI столетия музыкальное искусство переживает новый этап, который не только демонстрирует множество направлений, различных по отношению к материалу, языку и композиции. Музыка сегодня претендует на общение с пространством и окружающей средой, стремится к коммуникативности и актуальности, пытается решать философские, даже политические проблемы, превращается в мистериальное действо и, будучи открытой для насущных вопросов бытия, может перетекать в самую действительность.

Литература

1. Интервью «Речь как музыка». Наталья Пшеничникова «Эпатаж мне совсем не интересен» [Электронный ресурс] // Газета. – 16.10.2006. – URL: <http://stengazeta.net/?p=10002204&print=1>.
2. Мураками Х. Мой любимый sputnik [Электронный ресурс] // Bookz.ru электрон. б-ка. – URL: <http://bookz.ru/authors/murakami-haruki/murakami03/page-11-murakami03.html>.
3. Offizielle Website von willem schulz [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.willemschulz.de/Biografie>.

References

1. Interv’u “Rech’ kak muzyka”. Natal’ya Pshenichnikova “Epatazh mne sovsem ne interesen” [Interview “This music is like.” Natalia Pschenitschnikova “Shocking I do not interest”]. *Gazeta [Newspaper]*, 16.10.2006. Available at: <http://stengazeta.net/?p=10002204&print=1>.
2. Murakami H. Moy l’ubimyy sputnik [My favorite sputnik]. *Bookz.ru: elektronnyaya biblioteka*. Available at: <http://bookz.ru/authors/murakami-haruki/murakami03/page-11-murakami03.html>.
3. Offizielle Website von willem schulz. Available at: <http://www.willemschulz.de/Biografie>.

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGY

УДК 37

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Чурекова Тамара Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, межвузовская кафедра общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: churekova_t@mail.ru

Кагакина Елена Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: shkola3a@kemguki.ru

В статье комплексно рассматриваются основные направления модернизации российского университетского образования: структурная модернизация, модернизация содержания образования и модернизация педагогической теории. Показано, что в ближайшей и среднесрочной перспективе структурной модернизации в большей степени будут подвержены университеты в соответствии с категориями (ведущий классический, федеральный, национальный исследовательский, региональный опорный университеты) или с категорией «институт». Обосновано, что ядром модернизации содержания университетского образования является интеграция общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся. Раскрыты аспекты педагогической теории, обеспечивающей модернизацию университетского образования.

Ключевые слова: модернизация университетского образования, интеграция общекультурных и профессиональных компетенций, педагогическая теория модернизации университетского образования.

MAIN AREAS OF MODERNIZATION OF THE RUSSIAN UNIVERSITY EDUCATION

Churekova Tatiana Mihailovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Inter-University Chair of General and Higher Education Pedagogic, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: churekova_t@mail.ru

Kagakina Elena Andreevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: shkola3a@kemguki.ru

In the article, the following basic spheres of the university education modernization were holistically reviewed: structural modernization, modernization of educational content and curriculum, modernization of pedagogical theory. It is shown that in the short and medium term, universities to a greater extent will be exposed to the structural modernization according to the following categories: leading classic university, federal university, national research university, regional basic university or institute. It is justified that the core of the educational content and curriculum modernization is integration of general cultural and professional competences. There were disclosed the aspects of pedagogical theory with help of which the university education modernization can be ensured.

Keywords: university education modernization, integration of general cultural and professional competences, pedagogical theory of university education modernization.

Национальные образовательные системы соответствуют различным философским, культурным, политическим и социально-экономическим традициям, целям и задачам. Изменение этих целей и задач, необходимость сохранения имеющихся или создания новых традиций актуализируют поиск направлений модернизации или образовательных систем в целом, или их отдельных компонентов.

Традиционно термин «модернизация» трактуется как приведение чего-либо (системы, структуры, подхода, содержания процесса, условий и др.) в соответствие с современными предъявляемыми требованиями. Поэтому базовыми в рамках теоретического рассмотрения модернизации являются категории «традиционное» и «современное». Эти категории до середины XX века рассматривались в науке как противоположные. В 60-е годы прошлого века о традициях и современности стали говорить как о взаимосвязанных и взаимообусловленных явлениях [3]. С этого времени начинается процесс развития диалектической теории модернизации. В рамках этой теории модернизацию стали трактовать как инструмент для проектирования социальной ситуации, обоснования и реализации конкретной практической деятельности по преобразованиям в различных областях [2].

В настоящее время модернизацию в целом правомерно понимать как формирование, распространение (внедрение) и развитие социальных институтов, практик, структур, технологий, подходов и др. Другими словами, модернизация – это комплексный макропроцесс перехода к современному обществу.

Так как модернизация осуществляется в различных областях жизни, она входит в область изучения различных наук, и в настоящее время рассматривается как междисциплинарная категория. Поэтому представляется логичным говорить о технологической, структурной модернизации; о модернизации социальных отношений, образования и др.

Сущность модернизации, в том числе и модернизации образования, может быть выявлена посредством сопоставления следующих понятий: «модернизация» и «реформирование/реформа». Модернизация образования является непрерывным процессом, в то время как реформирование/

реформа образования – это процесс, который ограничен временными, целевыми или какими-либо другими рамками. То есть, в этом аспекте ведущей характеристикой модернизации является непрерывность, а реформирования/реформы – завершённость в соответствии с достижением запланированных к определённому моменту времени результатов.

Согласно «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», стратегическими ориентирами модернизации отечественного образования являются:

- создание сети научно-образовательных центров мирового уровня;
- ужесточение лицензионных и аккредитационных требований к учреждениям и образовательным программам;
- создание программ прикладного бакалавриата;
- обновление государственных образовательных стандартов с учётом перспективных требований опережающего развития инновационной экономики и профессиональной мобильности граждан;
- реализация кредитно-модульных принципов построения образовательных программ и внедрение общеевропейского приложения к диплому о высшем образовании;
- привлечение работодателей к созданию образовательных стандартов и аккредитации образовательных программ [7].

Как отмечает Б. М. Сазонов, цель модернизации заключается не в том, чтобы догнать другие (прежде всего, западноевропейские) страны. Её цель состоит в том, чтобы внедрить необходимые для развития общества в целом и образования в частности механизмы [11].

В докладе С. Л. Катанандова, руководителя Рабочей группы Президиума Госсовета РФ по вопросам реформирования образования, цель модернизации высшего образования определена как создание механизма, обеспечивающего его устойчивое развитие [5].

Следовательно, модернизация высшего образования – это не его однозначная «вестернизация», то есть использование в нём отдельных компонентов образования европейских государств. Модернизация предполагает прогнозирование по-

следствий использования зарубежного опыта, проектирование тенденций и направлений модернизации отечественного высшего образования с учётом его лучших достижений и традиций и в соответствии с европейскими и мировыми тенденциями развития.

Анализ психолого-педагогической литературы и нормативно-правовых документов по различным аспектам высшего образования позволяет нам выявить совокупность взаимосвязанных направлений его модернизации: структурная модернизация, модернизация содержания и модернизация педагогической теории и методики профессионального образования.

В целях реализации приведённых выше положений «Концепции», а также в соответствии с нормами Закона «Об образовании в Российской Федерации», система отечественного высшего образования в настоящее время подвержена структурной модернизации. Высшее образование как тип образования структурируется по категориям, уровням и видам образовательных организаций.

Образовательные организации, отнесённые по своему *типу* к организациям высшего образования, осуществляют в качестве основной цели своей деятельности образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования и научную деятельность [4].

В соответствии с *категориями* образовательных организаций высшего образования его структура предусматривает ведущие классические университеты; федеральные университеты; национальные исследовательские университеты; опорные региональные университеты и вузы, осуществляющие подготовку по программам прикладного бакалавриата [4; 7].

По *уровню* образовательные организации высшего образования структурируются следующим образом: высшее образование – бакалавриат; высшее образование – специалитет, магистратура; высшее образование – подготовка кадров высшей квалификации [4].

Структура высшего образования в соответствии с Законом «Об образовании в Российской Федерации» включает в себя следующие *виды* образовательных организаций: университеты и институты. В настоящее время осуществляют образовательную деятельность также академии. Общим для всех видов этих образовательных организаций является следующее. Они реализуют про-

граммы по различным направлениям подготовки для отраслей экономики и социальной сферы; осуществляют научные исследования. Отличие состоит в том, что университеты осуществляют подготовку студентов по нескольким различным направлениям, а академии и институты – как правило, по одному или двум направлениям для соответствующих отраслей [10].

Что касается проведения научных исследований, то они осуществляются в различных образовательных организациях с разной степенью интенсивности, широтой спектра тематики и фундаментальности. Наиболее фундаментальные и разнообразные по тематике исследования реализуются в университетах, более профилированные, прикладные и специализированные – в академиях и институтах. В университетах научная и образовательная деятельность осуществляется на базе научных школ.

Наконец, самое принципиальное отличие состоит в том, каковы масштабы влияния конкретного вида образовательной организации на социально-экономическую жизнь страны или региона. Университеты являются ведущими научными и методическими центрами для широкого спектра направлений деятельности. Академии – для конкретной отрасли. Что касается институтов, то для них статус ведущего научного и методического центра не предусмотрен. Кроме того, в институтах не является обязательной многоступенчатое образование: в них может не быть магистратуры и аспирантуры, а также дополнительного образования, предусматривающего получение дополнительной квалификации студентами и повышение квалификации или переподготовку специалистов. Указанные требования к статусу университета отражают мировые тенденции развития университетов в системе высшего образования.

Как отмечает известный исследователь высшего образования К. Керр, университеты становятся не только центрами образования и исследований, но и профессиональными и культурными центрами [9]. Л. Мишед к функциям университетов относил:

- сохранение, передачу и развитие знаний и культуры;
- свободный поиск истины;
- подготовку специалистов;
- обеспечение услуг экспертных оценок [8].

Ведущая роль в структурной модернизации отечественного образования отводится университетам, так как их статус позволяет им выполнять функцию модели реализации всего комплекса образовательной, научно-исследовательской, методической и экспертно-консультационной деятельности. Остальные образовательные организации реализуют отдельные направления или их сочетания.

Если говорить об образовательной деятельности, реализующейся в образовательных организациях всех описанных видов и категорий, то обязательным для неё является соответствие Федеральному государственному образовательному стандарту. Он выполняет функцию ядра и одновременно цели в процессе отбора содержания образования, а также обуславливает выбор средств оценки и измерения результатов обучения. В силу этого образовательный стандарт становится одним из факторов модернизации содержания образования в различных видах образовательных учреждений высшего образования. Реализация основных образовательных программ в этих организациях зависит и от других факторов: материально-технической базы, качества информационной среды, квалификации профессорско-преподавательского состава, организации научно-исследовательской работы, деятельности научных школ, особенностей региона и др.

В условиях ФГОС ВПО проектирование основных образовательных программ зависит от учёта всех указанных факторов, и, как мы полагаем, эта зависимость в условиях ФГОС ВПО 3+ будет ещё более выраженной. В будущих стандартах уменьшается перечень регламентированных обязательных дисциплин, а обоснование и выбор дисциплин, сроков и последовательности их освоения обучающимися, а также технологий обучения, оценки и измерения его результатов становятся исключительной прерогативой самой образовательной организации.

В силу существенных отличий в характеристиках образовательных организаций высшего образования разного вида процесс обучения, реализующийся в них, объективно отличается по степени влияния различных принципов, определяющих проектирование в них содержания образования.

Эти принципы были разработаны В. А. Сластениным. Они включают в себя универсальность, интегративность, целостность картины мира, фундаментальность, профессиональность, вариативность и многоуровневость [12]. В университетах, академиях и институтах в основу процесса проектирования содержания образовательных программ положены все эти принципы. Однако максимально системно в силу специфики образовательных программ они могут быть реализованы в университетах.

Обучающиеся в университетах студенты принимают участие не только в образовательной, исследовательской и профессиональной, но и в экспертной и инновационной деятельности. Ведущими принципами в университете являются универсальность, целостность картины мира и фундаментальность. С точки зрения управления знаниями, всё многообразие осваиваемых человеком в процессе обучения знаний можно классифицировать по группам в зависимости от того, каков «период полураспада» этих знаний: самый длинный период имеют фундаментальные знания (50 лет), самый короткий (3–5 лет) имеют прикладные знания [6].

Если фундаментальные знания освоены студентами в процессе обучения качественно, то на их основе они практически всю свою активную профессиональную жизнь будут легко осваивать быстро изменяющиеся прикладные знания. Таким образом, университетское образование выполняет функцию модели, наиболее полно отражающей возможности реализации всех указанных принципов, являющихся фундаментом для проектирования содержания образования.

Что касается академий и особенно институтов, то ведущими для них являются принципы вариативности и профессиональности. В процессе проектирования основных образовательных программ необходимо также предусматривать и обосновывать возможности реализации принципов, являющихся ведущими для университетов. В некоторых случаях целесообразно включать дополнительно собственно фундаментальные курсы, иногда требуется выделить фундаментальное «ядро» в профессиональных и профильных дисциплинах. Это необходимо делать также для того, чтобы выпускники институтов могли продолжать

образование по магистерским и аспирантским программам, то есть в целях реализации непрерывного образования личности.

Общекультурные и профессиональные компетенции, предусмотренные в ФГОС ВПО, являются обязательными для всех видов образовательных организаций. Согласно Закону «Об образовании в Российской Федерации», например, ведущие классические университеты (МГУ и СПбГУ) могут устанавливать свои собственные образовательные стандарты. Но их уровень не может быть ниже, чем ФГОС ВПО. Это предполагает поиск методологии и технологий структурирования общекультурных, профессиональных и других (если они будут разработаны конкретным университетом, институтом или объединением работодателей) компетенций.

Таким образом, и в университетах, и в институтах при проектировании образовательных программ используются одни и те же принципы отбора содержания образования и формируются одни и те же общекультурные и профессиональные компетенции обучающихся. Однако в соответствии с показателями, нормативно установленными для отнесения образовательной организации высшего образования к тому или иному виду (университет или институт) доля принципов варьируется. В университетах больший «вес» имеют универсальность, целостность картины мира и фундаментальность. В институтах – соответственно профессиональность и вариативность.

Выявленное различие требует поиска методологии и методики реализации принципа интеграции и в процессе проектирования основных образовательных программ, и в процессе формирования общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся. Следовательно, модернизация структуры и содержания высшего образования вызывает необходимость в модернизации педагогической теории и методики профессионального образования.

Одним из ключевых аспектов модернизации педагогической теории является обоснование и внедрение интеграции общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся в системе высшего образования. Как было показано выше, характер различных вариантов интеграции в университетах и институтах различается. Что

касается интеграции общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся в университетах, то она осуществляется на основе реализации принципов универсальности, целостности картины мира и фундаментальности. Это означает, что формирование интеграции общекультурных и профессиональных компетенций происходит в логике «общее – особенное – единичное» полностью через усвоение фундаментальных законов природы, на этой основе – законов науки, далее – принципов использования законов природы и науки в конкретной отрасли и, наконец, технологий реализации указанных законов и принципов в конкретных видах профессиональной деятельности.

Содержание образования, осваиваемое обучающимися в институтах, отличается, прежде всего, профессиональной направленностью и вариативностью. Здесь существенно уменьшен объём теоретических дисциплин, что не позволяет обеспечить в полной мере реализацию принципов универсальности, целостности картины мира и фундаментальности. Перед образовательной организацией этого вида поставлена задача подготовить кадры для выполнения определённых трудовых функций на предприятиях и в организациях конкретной отрасли экономики или социальной сферы.

Как уже было показано ранее, в высшем образовании, реализуемом в институтах, присутствует интеграция, но её сущность и функции отличны от интеграции, имеющей место в университетском образовании. Что касается интеграции как принципа проектирования содержания образования, то она имеет место в виде межпредметных связей внутри каждого модуля программы, между модулями, между теорией и практикой.

Что касается интеграции компетенций обучающихся, то формирование общекультурных компетенций по времени совпадает с формированием профессиональных компетенций, так как объём общенаучных, социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин определён как минимально необходимый для подготовки к определённому виду профессиональной деятельности. При этих условиях характер общекультурных компетенций может быть определён как вспомогательный, обеспечивающий формирование профессиональных компетенций обучающихся.

Если говорить об университетском образовании, то в нём общекультурные компетенции имеют самостоятельное значение, так как их роль в познавательной и исследовательской деятельности обучающихся является определяющей. В соответствии с логикой и структурой основной образовательной программы, реализующейся в университете, как правило, сначала формируются и интегрируются между собой общекультурные компетенции и далее по ходу обучения они интегрируются с профессиональными компетенциями. Не случайно включение в ФГОС ВПО по некоторым направлениям подготовки в перечень результатов обучения, измеряемых и оцениваемых в процессе итоговой государственной аттестации, не только профессиональных, но и общекультурных компетенций.

Таким образом, модернизация структуры высшего образования объективно вызывает модернизацию его содержания в зависимости от вида образовательной организации: университет или институт. Для такого вида образовательной организации, как университет, Законом «Об образовании в Российской Федерации» предусмотрены следующие категории: ведущие классические университеты; федеральные университеты; научно-исследовательские университеты; опорные региональные университеты. Ведущих классических университетов в РФ два: Московский государственный и Санкт-Петербургский государственный университет. Федеральных университетов в настоящее время в нашей стране десять. К категории национальных исследовательских университетов были отнесены двенадцать образовательных организаций. Данная категория была присвоена им сроком на десять лет с правом досрочного отзыва [1]. Что касается региональных опорных университетов, то они в настоящее время находятся на этапе становления и организационно-правового оформления.

Сказанное означает, что в ближайшей и среднесрочной перспективе подавляющее большин-

ство из ныне действующих университетов будет вовлечено в структурную модернизацию: они или будут доказывать свой университетский статус, или реорганизовываться в институты. В свою очередь, принадлежность к такому виду образовательных организаций, как институт, предполагает, как минимум, два пути развития: сохранение самостоятельности или интеграция с университетом.

Следовательно, именно университетское образование будет подвержено структурной модернизации в большей степени по сравнению с институтами. Структурная модернизация, как было показано выше, непосредственно связана с модернизацией содержания образования. Для реализации обоих этих аспектов необходима модернизация педагогической теории.

Что касается такого направления развития этой теории, как обоснование закономерностей и принципов интеграции общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся, то, как было показано ранее, на педагогическом, дидактическом и методическом уровнях, то есть комплексно, они представлены в университетском образовании.

В университетах есть возможность осуществлять интеграцию компетенций на основе следующих вариантов интеграции:

- интеграции научно-образовательной деятельности, реализуемой по различным направлениям;
- интеграции исследовательских проектов различных научных школ;
- интеграции основной и дополнительной подготовки и др.

Однако на дидактическом и методическом уровнях реализация данной теории соответствует и задачам деятельности такого вида образовательных организаций высшего образования, как институты, что обеспечивает как возможности их самостоятельного развития, так и последующую интеграцию в университеты.

Литература

1. Балыхин Г. Система национальных исследовательских университетов в России // Аккредитация в образовании [Электронный ресурс]. – URL: http://www.avobr.ru/sistema_nacionalnyh_issledovatelских_universitetov_v_rossii.html
2. Диалектическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://dialectics.ru/889.html>
3. Ермаханова С. А. Теория модернизации: история и современность. – URL: www.econom.nsc.ru/ieie/SMU/conference/articles/Ермаханова.doc. (дата обращения: 30.08.2014).

4. Закон от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации». – URL: base.garant.ru> Законы (дата обращения: 12.09.2014).
5. Заседание Государственного совета «О развитии образования в Российской Федерации». Стенографический отчёт о заседании Государственного совета «О развитии образования в Российской Федерации». – URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears2/2006/03/24/103975.shtml> (дата обращения: 01.07.2013).
6. Климов С. М. Интеллектуальные ресурсы общества. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. – С. 199.
7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2014 года. – URL: www.base.garant.ru. > Концепции (дата обращения: 15.09.2013).
8. Мишед Л. Университеты Европы // *Alma Mater*. – 1991. – № 9. – С. 85–91.
9. Повзун В. Д. Миссия университета – история и современность. – URL: http://vestnik.osu.ru/2005_1/2.pdf (дата обращения: 12.07.2013).
10. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 25 сентября 2011 года № 2267 «Об утверждении критериев показателей, необходимых для определения типа и вида образовательного учреждения высшего профессионального и среднего профессионального образования». – URL: base.garant.ru/70115826/ (дата обращения: 12.09.2014).
11. Сазонов Б. М. Проблемы и пути модернизации российского образования. – URL: <http://reshivmeste.ru/material/b-sazonov-problemy-i-puti-modernizatsii-rossii-skogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 02.09.2013).
12. Слостенин В. А. Основные тенденции модернизации высшего образования // Педагогическое образование и наука. – 2004. – № 1. – С. 45–51.

References

1. Balykhin G. Sistema natsional'nykh issledovatel'skikh universitetov v Rossii [System of national research universities in Russia]. *Akkreditatsiya v obrazovanii* [Accreditation in Education]. Available at: http://www.akvobr.ru/sistema_nacionalnyh_issledovatel'skikh_universitetov_v_rossii.html (In Russ.).
2. Dialekticheskaya entsiklopediya [Dialectical encyclopedia]. Available at: (In Russ.).
3. Ermakhanova S.A. Teoriya modernizatsii: istoriya i sovremennost' [Teoriya Modernization: Past and Present]. Available at: (accessed 30.08.2014). (In Russ.).
4. Zakon ot 29.12.2012 "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" [Act of 29.12.2012 "On Education in the Russian Federation"]. Available at: base.garant.ru> Zakony (accessed 12.09.2014) (In Russ.).
5. Zasedanie Gosudarstvennogo soveta "O razvitiu obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii". Stenograficheskiy otchet o zasedanii Gosudarstvennogo soveta "O razvitiu obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii" [Meeting of the State Council "On the Development of Education in the Russian Federation"]. Transcript of the meeting of the State Council "On the Development of Education in the Russian Federation". Available at: <http://archive.kremlin.ru/text/appears2/2006/03/24/103975.shtml> (accessed 01.07.2013) (In Russ.).
6. Klimov S.M. Intellektual'nye resursy obshchestva [Intellectual resources of society]. St. Petersburg, IVESEP Publ., Znanie Publ., 2002. 199 p. (In Russ.).
7. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2014 goda [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2014]. Available at: www.base.garant.ru.>Kontseptsii. (accessed 15.09.2013). (In Russ.).
8. Mished L. Universitety Evropy [Universities of Europe]. *Alma Mater*, 1991, no 9, pp. 85–91. (In Russ.).
9. Povzun V.D. Missiya universiteta – istoriya i sovremennost' [The mission of the university – history and modernity]. Available at: http://vestnik.osu.ru/2005_1/2.pdf. (accessed 12.07.2013) (In Russ.).
10. Prikaz Federal'noy sluzhby po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki ot 25 sentyabrya 2011 goda № 2267 "Ob utverzhdenii kriteriev pokazateley, neobkhodimyykh dlya opredeleniya tipa i vida obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo i srednego professional'nogo obrazovaniya" [Order of the Federal Service for Supervision in Education and Science, September 25, 2011 № 2267 "On approval of the criteria indicators to determine the type and the type of educational institution of higher vocational and secondary vocational education"]. Available at: base.garant.ru/70115826/ (accessed 12.09.2014) (In Russ.).
11. Sazonov B.M. Problemy i puti modernizatsii rossiyskogo obrazovaniya [Problems and ways of modernization of Russian education]. Available at: <http://reshivmeste.ru/material/b-sazonov-problemy-i-puti-modernizatsii-rossii-skogo-obrazovaniya/>. (accessed 02.09.2013). (In Russ.).
12. Slastenin V.A. Osnovnye tendentsii modernizatsii vysshego obrazovaniya [Main trends of modernization of higher education]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Teacher Education and Science], 2004, no 1, pp. 45–51. (In Russ.).

УДК 378.14

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Мирошина Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт (г. Кемерово, РФ). E-mail: intermit42@mail.ru

Игонина Татьяна Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: intermit42@mail.ru

В ходе экспериментальной работы разработана и реализована педагогическая модель формирования гражданской позиции студентов вуза, которая отражает поэтапную деятельность студентов в аудиторное и внеаудиторное время и включает компоненты: цели; задачи (образовательные, воспитательные, социальные); функции (обучающие, воспитывающие, акмеологические, развивающие); принципы (комплексность, реализм, гуманизация, дифференциация и индивидуализация процесса формирования гражданской позиции студентов, активность и самостоятельность студентов, учет региональных условий); содержание деятельности на каждом этапе формирования гражданской позиции студентов; формы участия в аудиторной и внеаудиторной деятельности; методы (диагностики, формирования качеств личности, организации деятельности, контроля и самоконтроля); средства (организация воспитательно-образовательного процесса, научно-исследовательской и проектной деятельности студентов и др.); критерии и показатели сформированности гражданской позиции студентов.

Доказано, что формирование гражданской позиции студентов вуза – управляемый процесс. Организационными условиями реализации педагогической модели формирования гражданской позиции студентов вуза являются: использование содержания деятельности субъектов воспитательно-образовательного процесса вуза по формированию гражданской позиции студентов; управление деятельностью кураторов, направленной на формирование гражданской позиции студентов; оценка результатов сформированности гражданской позиции студентов вуза на основе диагностики.

Ключевые слова: студенты вуза, педагогическая модель, аудиторная и внеаудиторная деятельность, студенческое самоуправление, кураторская деятельность, уровень сформированности гражданской позиции.

ORGANIZATIONAL CONDITIONS FOR PEDAGOGICAL MODEL IMPLEMENTATION OF FORMATION OF THE STUDENT CIVILIAN POSITION IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Miroshina Tatiana Alexandrovna, Candidate of Pedagogical Science, Docent, Docent of Chair of Foreign Languages, Kemerovo State Agricultural Institute (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: intermit42@mail.ru

Igonina Tatiana Borisovna, Candidate of Pedagogical Science, Docent, Intercollegiate Chair of General and University Pedagogy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: intermit42@mail.ru

During the experimental work the pedagogical model of the formation of the student civilian position, which reflects the gradual activity of students in classroom and extracurricular time and includes a number of components has been developed and implemented. The model include: purpose; tasks (educational and social); functions (teaching, educational, acmeological, developing); principles (comprehensiveness, realism, humanization, differentiation and individualization of the formation of student civilian position, activity and independence of students, taking into account the regional conditions); content of the activity at each stage of

the formation of student civilian position; forms of participation in the classroom and extracurricular activities; methods (diagnostics, formation of personality traits, organization of activities, control and self-control); means (the organization of upbringing and education process, research and design activities of students and others); criteria and indicators of formation of student civilian position.

It is proved that the formation of student civilian position is a controlled process. The organizational conditions of educational model are: the use of the content of subjects' activities of educational process for the formation of student civilian position; management of the curatorial activity, directed to the formation of student civilian position; evaluation of formation of student civilian position on the basis of diagnosis.

Keywords: students of higher educational institution, pedagogical model, classroom and extracurricular activities, student self-government, curatorial activity, the level of development of the student civilian position.

Теоретический анализ философской и психолого-педагогической литературы позволил нам определить формирование гражданской позиции студентов вуза как целенаправленный педагогический процесс взаимодействия преподавателей и студентов, результатом которого является осознанное отношение студентов к обществу и государству, людям и социально-политическим явлениям, проявляющееся в гражданском поведении и основанное на гражданских убеждениях.

Ученые, занимающиеся проблемой гражданского воспитания (Л. В. Руглова, Н. А. Савотина, Е. Н. Титова и др.), выделяют различные подходы к исследованию данной проблемы. Мы опирались на совокупность подходов к формированию гражданской позиции студентов вуза: *системный, личный, индивидуально-дифференцированный, деятельностный, акмеологический, культурологический*.

Процесс формирования гражданской позиции студентов вуза проходит ряд взаимосвязанных этапов: *аналитический, информационный и деятельностный*. На *аналитическом этапе* студенты оценивают свои знания, необходимые для жизни в гражданском обществе, умения формулировать собственные суждения, способность самостоятельно и активно реагировать на различные социальные ситуации, определяют уровень проявления ими гражданских качеств. На *информационном этапе* происходит совершенствование гражданских знаний и усвоение студентами политической, исторической, экономической, юридической, экологической и др. информации, необходимой для жизни в гражданском обществе; интериоризация гражданских знаний, которые являются осознанной потребностью студентов, побуждающей их действовать в соответствии со своими ценностными ориентациями и делая-

щей поведение студентов целеустремленным и логичным. На *деятельностном этапе* студенты проявляют гражданскую активность в повседневной практике, различных видах занятий, участвуя в студенческом самоуправлении и т. д.

На основе анализа литературы и опроса мнений студентов, кураторов и преподавателей вуза, нами установлено, что факторами, влияющими на формирование гражданской позиции студентов, являются «воспитательно-образовательный процесс вуза», «семья», «друзья», «средства массовой информации», «общественность».

С целью развития гражданских знаний, гражданских убеждений, гражданского поведения студентов нами разработана и реализована педагогическая *модель* формирования гражданской позиции студентов вуза, которая отражает поэтапную деятельность студентов в аудиторное и внеаудиторное время и включает следующие компоненты: *цели; задачи* (образовательные, воспитательные, социальные); *функции* (обучающие, воспитывающие, акмеологические, развивающие); *принципы* (комплексность, реализм, гуманизация, дифференциация и индивидуализация процесса формирования гражданской позиции студентов, активность и самостоятельность студентов, учет региональных условий); *содержание деятельности* на каждом этапе формирования гражданской позиции студентов; *формы* участия в аудиторной и внеаудиторной деятельности; *методы* (диагностики, формирования качеств личности, организации деятельности, контроля и самоконтроля); *средства* (организация воспитательно-образовательного процесса, научно-исследовательской и проектной деятельности студентов и др.); *критерии и показатели* сформированности гражданской позиции студентов.

Критериями сформированности гражданской позиции студентов вуза являются: **деятельностный, эмоциональный, волевой**. *Деятельностный критерий* характеризует поведение студентов, их поступки в процессе реализации гражданских прав и обязанностей. *Показатели деятельностного критерия*: наличие умений комментировать, анализировать и интерпретировать общественно-политические события; стремление осуществлять социальную деятельность; проявление активности в общественной жизни вуза, города, региона, страны; наличие инициативности в организации различных дел; стремление к участию в деятельности общественного самоуправления, политических событиях, различных гражданских акциях. *Эмоциональный критерий* демонстрирует наличие выраженных гражданских чувств, причастности к судьбе Родины, осознанного отношения студентов к различным проявлениям окружающей действительности. *Показатели эмоционального критерия*: положительное отношение к выполнению гражданского долга; проявление нетерпимости к безнравственным действиям и поступкам; удовлетворенность от участия в социально значимой деятельности; положительное отношение к будущей профессиональной деятельности. *Волевой критерий* проявления гражданской позиции определяется готовностью и способностью студентов к саморегуляции гражданского поведения, самомобилизации воли в интересах государства, общества и своих собственных. *Показатели волевого критерия*: проявление волевых усилий при выборе гражданского поведения в соответствии с нравственными нормами; наличие способности подчинять личные интересы коллективным; соблюдение правил и норм поведения, существующих в обществе; стремление к самовоспитанию; способность самомобилизовать собственные силы; наличие требовательности к себе и другим.

На основании разработанных нами критериев и показателей, в зависимости от степени проявления, нами выделены три уровня сформированности гражданской позиции студентов: высокий, средний, низкий.

Низкий уровень (на начало эксперимента 61 % – группа А), **средний уровень** (на начало эксперимента 27 % – группа Б), **высокий уровень** (на начало эксперимента 12 % – группа В). Дальнейшая экспериментальная работа по ре-

ализации педагогической модели формирования гражданской позиции студентов вуза была организована нами с учетом выделенных этапов и уровнем сформированности гражданской позиции студентов вуза.

В ходе экспериментальной работы по формированию гражданской позиции студентов преподаватели вуза стремились стимулировать активность студентов в аудиторной и внеаудиторной деятельности. Развитие активности студентов в аудиторной деятельности осуществлялось за счет интеграции содержания учебных дисциплин (внешняя интеграция) и реализации межпредметных связей (внутренняя интеграция). Для достижения положительных результатов при нашем участии были созданы временные творческие коллективы преподавателей, которые анализировали содержание учебных дисциплин и курсов, вычленили воспитательный аспект в содержании учебного материала – темы, вопросы, проблемы, – способствующие формированию гражданской позиции студентов в современной социально-культурной ситуации, развитию их гражданских взглядов, убеждений и поведения. В процессе экспериментальной работы преподаватели создавали педагогические ситуации, где студенты должны были высказывать свою точку зрения по обсуждаемым вопросам, проблемам, демонстрировать умение аргументировать ее.

Формирование гражданской позиции студентов в процессе обучения обеспечивалось и выбором педагогических технологий. Опытно-экспериментальная работа показала, что преподаватели вуза использовали традиционные методы обучения, при которых студенты воспринимали информацию, не проявляя активности. Для активизации деятельности студентов преподаватели стали применять технологии, позволяющие студентам проявить свои знания и опыт. Однако проведенное исследование показало, что не все преподаватели владеют методикой использования интерактивного обучения. Поэтому в ходе экспериментальной работы нами были организованы семинары, включающие проведение открытых занятий, позволяющие преподавателям не только овладеть знаниями о современных педагогических технологиях, но и обменяться опытом проведения проблемных, поисковых, исследовательских лекций, семинаров и других форм занятий,

обеспечивающих развитие познавательных мотивов и интересов студентов. Как показала проведенная экспериментальная работа, интерактивное обучение позволяет сделать процесс обучения мотивированным, личностно-развивающим, эмоциональным, качественным.

Особое значение при формировании гражданской позиции студентов вуза имеет создание единой системы аудиторной и внеаудиторной деятельности по предметам. Основными направлениями внеаудиторной работы со студентами в процессе экспериментальной работы стали: активизация деятельности предметных кружков, научно-исследовательской работы, создание студенческих научных объединений; активизация работы творческих и спортивных объединений студентов по интересам. На заседаниях предметных кружков определялась тематика исследовательских заданий. Так, например, для студентов экономического факультета предлагались проектно-ориентированные задания, направленные на выявление экономических затрат по восстановлению фермерского хозяйства, а для студентов факультета аграрных технологий – по изучению адаптации различных сортов пшеницы в условиях Сибири, влияния удобрений на урожайность картофеля и др. Главными принципами организации студенческих научных объединений в вузе стали: актуальность и инновационность научных исследований, соответствие профилю подготовки студентов и учет региональных особенностей. Активизация работы творческих и спортивных объединений студентов осуществлялась посредством создания социально значимых проектов, разработчиками которых выступали сами студенты.

Педагогический эксперимент показал результативность целенаправленной работы с преподавателями вуза с целью расширения их знаний и совершенствования умений по использованию современных методов активизации обучения студентов и формированию у них активной гражданской позиции.

Ведущая роль в процессе формирования гражданской позиции студентов вуза принадлежала кураторам студенческих групп, которые стремились развивать *студенческое самоуправление*. Деятельность в органах студенческого самоуправления на групповом, факультетском и

вузовском уровнях стала «школой» гражданской ответственности для студентов, учила их самостоятельности, деловому общению с людьми, готовности принимать решения и отвечать за свои поступки.

Студенты включались в широкое социальное взаимодействие с общественностью (представителями общественных организаций, работниками культуры и искусств, медицинскими работниками, работниками правоохранительных органов), социально значимые дела, приобретая при этом навыки и умения вести дискуссию, отстаивать свое мнение, находить компромиссы, искать решения важных вопросов жизни вуза. Организация и проведение тематических и развлекательных мероприятий, различных соревнований, выпуск стенгазет, подготовка телепередач, лидерство в вузовских делах способствовали осознанию студентами того, что реальное дело можно сделать самостоятельно.

Не все кураторы были готовы в начале экспериментальной работы к осуществлению взаимодействия. В ходе экспериментальной работы нами была разработана программа, включающая получение кураторами дополнительной квалификации «Преподаватель высшей школы» в ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», участие в научно-методических семинарах, организуемых ФГБОУ ВПО «Томский политехнический университет» для кураторов, а также в различных конференциях. В целях приобретения кураторами знаний по вопросам воспитания, умений, необходимых для организации работы со студенческой группой, в ходе экспериментальной работы нами были организованы методические семинары, круглые столы с кураторами по проблемам создания авторитетного и работоспособного актива в студенческой группе; сплочения коллектива; формирования оптимальных межличностных отношений в группе посредством постановки общественно значимых целей, выработки общегрупповых интересов, совместного решения воспитательно-образовательных задач, оказания взаимопомощи и выработки ответственности за результаты труда.

Экспериментальная работа доказала, что деятельность кураторов способствует развитию студенческого самоуправления группы и формированию гражданской позиции студентов благодаря

включению студентов группы в деятельность различных вузовских подструктур: студенческого совета, студенческого клуба, аспирантско-студенческого научного общества, студенческой службы безопасности, пресс-центра и привлечения студентов группы к организации и проведению групповых, факультетских, вузовских, городских, региональных мероприятий.

В ходе экспериментальной работы нами постоянно осуществлялась диагностика формирования гражданской позиции студентов вуза. Опираясь на разработанные нами критерии и показатели, мы измеряли уровень сформированности гражданской позиции студентов вуза на основе их самооанализа и экспертных оценок. Экспертами были отдельные студенты группы, преподаватели, куратор. Анализ полученных результатов показывает изменение уровня сформированности гражданской позиции в процессе реализации формирующего эксперимента. Если на начало экспериментальной работы в группу В (высокий уровень сформированности гражданской позиции) входило 12 %, то после проведенного эксперимента количество студентов увеличилось на 17 % и составило 29 %. На начало экспериментальной работы в группу Б (средний уровень сформированности гражданской позиции) входило 27 %, в результате проведенной экспериментальной работы состав группы увеличился на 19 % и составил 46 %. Наибольшая динамика проявилась в группе А (низкий уровень сформированности гражданской позиции), количество студентов в которой уменьшилось на 36 % и составило на конец эксперимента 25 %. В результате проделанной рабо-

ты по формированию гражданской позиции студентов вуза мы имеем положительную динамику по всем критериям, которая наиболее значительна по деятельностному критерию.

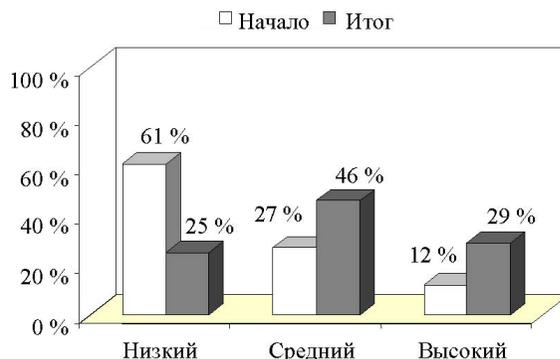

Рисунок 1. Динамика формирования гражданской позиции студентов вуза в ходе экспериментальной работы

Таким образом, анализ экспериментальной работы позволяет утверждать, что формирование гражданской позиции студентов вуза – управляемый процесс. Организационными условиями реализации педагогической модели формирования гражданской позиции студентов вуза являются: использование содержания деятельности субъектов воспитательно-образовательного процесса вуза по формированию гражданской позиции студентов; управление деятельностью кураторов, направленной на формирование гражданской позиции студентов; оценка результатов сформированности гражданской позиции студентов вуза на основе диагностики.

Литература

1. Мирошина Т. А. Формирование гражданской позиции студентов вуза: дис. ... канд. пед. наук. – Кемерово, 2009. – 255 с.
2. Руглова Л. В. Формирование гражданственности студенческой молодежи на современном этапе: дис. ... канд. пед. наук. – Кемерово, 2005. – 210 с.
3. Савотина Н. А. Гражданское воспитание студенческой молодежи в современном вузе: дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2005. – 459 с.
4. Титова Е. Н. Формирование гражданственности студентов в учебном процессе технического вуза: дис. ... канд. пед. наук. – Тула, 2000. – 200 с.

References

1. Miroshina T.A. Formirovanie grazhdanskoj pozitsii studentov vuz. Dis. cand. ped. nauk [*Formation of students' consciousness in higher educational institutions. Cand. ped. sci. diss.*]. Kemerovo, 2009. 255 p. (In Russ.).
2. Ruglova L.V. Formirovanie grazhdanstvennosti studencheskoj molodezhi na sovremennom etape. Dis. cand. ped. nauk [*Formation of students' consciousness at the present stage. Cand. ped. sci. diss.*]. Kemerovo, 2005. 210 p. (In Russ.).

3. Savotina N.A. Grazhdanskoe vospitanie studencheskoy molodezhi v sovremennom vuze. Dis. dokt. ped. nauk [Civilian education of students in the modern university. Dr. ped. sci. diss.]. Moscow, 2005. 459 p. (In Russ.).
4. Titova E.N. Formirovanie grazhdanstvennosti studentov v uchebnoy protsesse tekhnicheskogo vuza. Dis. cand. ped. nauk [Formation of students' consciousness in the learning process of a technical higher educational institution. Cand. ped. sci. diss.]. Tula, 2000. 200 p. (In Russ.).

УДК 37

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ ЗАОЧНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ПРОФИЛЯ ПОДГОТОВКИ «МЕНЕДЖМЕНТ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

*Самое страшное горе – горе для школы, горе для общества,
если молодому человеку не хочется знать!*

В. А. Сухомлинский

Ивлева Татьяна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: tnivleva@yandex.ru

В статье излагаются результаты диагностики учебной мотивации студентов первого курса заочной формы обучения направления подготовки «Социально-культурная деятельность», профиля «Менеджмент социально-культурной деятельности», предлагается модель формирования мотивации студентов к овладению профессией менеджера.

Ключевые слова: менеджер социально-культурной деятельности, овладение профессией, модель, получение диплома, приобретение знаний, учебная мотивация.

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF LEARNING MOTIVATION OF STUDENTS OF THE CORRESPONDENCE FORM OF TRAINING PROGRAM “MANAGEMENT OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES”

Ivleva Tatyana Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Professor of Chair of Social Sphere Management, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tnivleva@yandex.ru

Modern society needs a manager of sociocultural activities (ACS) with a high level of professionalism, initiative and enterprise, creativity. This predetermines restructuring the learning process, especially in the field of motivation. It is known that the foundation of successful training activities of any student is a high level of motivation for this type of activity. The problem of motivating the learning activities is a traditional subject of study in various fields of science, including the pedagogy [4, 6, 8, and others.]. Even the most qualified teachers will not reach the desired result, if his efforts are not coordinated with the motivational sphere of educational activity.

The article discusses the relevance of demand for managers of social and cultural activities with a high level of professionalism, initiative and enterprise, creativity, specificity of learning motivation; it presents the diagnostic results of correspondent first-year students' learning motivation of training courses “Sociocultural activities.” The Profile “Management of sociocultural activities,” proposes a model of formation of motivation of students for a profession manager containing the goal, objectives, functions, and interactive teaching methods.

In order to diagnose learning motivation of students of the first course of correspondence courses (FTRA) training areas "Management of Kemerovo State University of Culture and Arts" (KemGUKI), we used the technique of "Motivation training in high school" by T.I. Il'ina.

Revealed by the lack of understanding of the value of professional development in preparing the future SKD managers, superficial perception of the content of the profession may further exacerbate the conflict between the students' expectations associated with the role of the status of higher education and mastering the content of training the skilled operations manager.

To solve the above mentioned problems should be focused to form and develop the motivation of students learning to master the profession of manager. At the next stage of the study, we developed a model of the formation and development of learning motivation of students for a profession of a manager.

Motivation training activities is an important component of professional development of students and is seen as a gradual, dynamic and controlled process. Implementation of the proposed model will help shape and develop the learning motivation of students, taking into account the complex factors: the organization of the educational process in KemGUKI, using the "electronic educational environment," subjective special training, specifics of the discipline "Fundamentals of SCA Management."

Keywords: manager of sociocultural activities, mastering the profession, model, diploma, learning, learning motivation.

Современное общество нуждается в менеджерах социально-культурной деятельности (далее – СКД) с высоким уровнем профессионализма, инициативы и предприимчивости, творческих способностей. Это предопределяет перестройку процесса обучения, прежде всего в мотивационной сфере. Известно, что основой успешной учебной деятельности любого студента является высокий уровень мотивации к данному виду деятельности. Проблема мотивации учебной деятельности является традиционным предметом исследования в различных областях науки, в том числе и в педагогике [4; 6; 8 и др.]. Никакой, даже очень квалифицированный преподаватель, не достигнет желаемого результата, если усилия его не будут согласованы с мотивационной сферой учебной деятельности.

Учебная мотивация, как справедливо отмечает А. В. Смирнов, – это частный вид мотивации, включенный в учебную деятельность. Учебная мотивация, по мнению автора, определяется комплексом факторов: во-первых, самой образовательной системой, образовательным учреждением; во-вторых, организацией образовательного процесса; в-третьих, субъектными особенностями обучающегося; в-четвертых, спецификой учебной дисциплины [8].

С целью диагностики учебной мотивации студентов первого курса заочной формы обучения

(далее – ЗФО) направления подготовки «СКД», профиля «Менеджмент СКД» (далее – МСКД) ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (КемГУКИ) мы использовали методику «Мотивация обучения в вузе» Т. И. Ильиной [6], которая включает в себя три шкалы:

- «приобретение знаний» – стремление к приобретению знаний, любознательность;
- «овладение профессией» – стремление овладеть профессиональными знаниями и сформировать профессионально важные качества;
- «получение диплома» – стремление приобрести диплом при формальном усвоении знаний, стремление к поиску обходных путей при сдаче экзаменов и зачетов.

Методика состоит из 50 утверждений и позволяет выявить преобладание мотивов по вышеназванным шкалам. Преобладание мотивов по первым двум «приобретение знаний» и «овладение профессией» свидетельствует об адекватном выборе студентом профессии и удовлетворенности ею. Студенты, нацеленные на получение знаний, характеризуются высокой регулярностью занятия учебной деятельностью, целеустремленностью, сильной волей и т. п. Обучающиеся, ориентированные на получение профессии, часто проявляют избирательность и разделяют дисциплины на «нужные» и «ненужные» для их профес-

сионального становления, что может сказываться на академической успеваемости. Установка на получение диплома делает студента еще менее разборчивым в выборе средств на пути к получению данного документа – нерегулярные занятия, «штурмовщина», шпаргалки и т. п.

Всего было опрошено 25 студентов 1-го курса группы «МСКД – 131» ЗФО. Большинство из числа опрошенных – 18 человек – женщины (72 %). Чуть больше половины респондентов – 13 человек (52 %) – имеют среднее профессиональное образование, остальные – общее профессиональное. Почти половина (44 %) из числа опрошенных занимают управленческие должности: директора домов культуры – 4 человека (16 %), художественные руководители – 2 человека (16 %), предприниматели – 3 человека (12 %).

Результаты опроса показали, что у студентов доминирующее значение имеет ориентация на «приобретение знаний» – средний балл 9,1 (максимум 12,6).

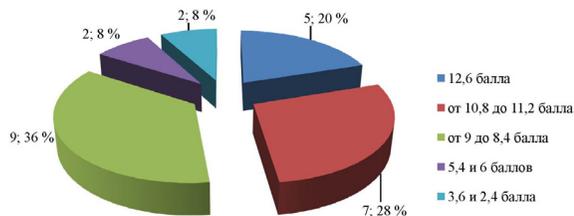

Рисунок 1. Результаты опроса по шкале «приобретение знаний»

Из диаграммы (рис. 1) видно, что 5 человек (20 %) из числа опрошенных имеют максимальный показатель по данной шкале; 7 респондентов (28 %) имеют от 10,8 до 11,2 балла; 9 респондентов (36 %) – от 9 до 8,4 балла; по 2 респондента (8 %) – 5,4 и 6 баллов соответственно; по одному респонденту (4 %) – 3,6 и 2,4 балла. Почти все студенты (84 %) при поступлении в вуз ориентированы, в первую очередь, на получение знаний в области менеджмента. Для того чтобы сохранить эту ориентацию доминирующей в процессе обучения, необходимо целенаправленно формировать мотивацию обучения студентов в данном направлении на последующих курсах.

На втором месте – средний балл 8 (максимум 10) – шкала «получение диплома» (рис. 2).

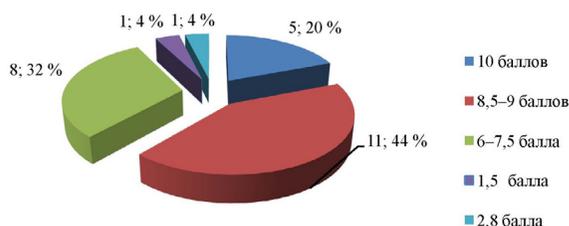

Рисунок 2. Результаты опроса по шкале «получение диплома»

Из диаграммы (рис. 2) видно, что 5 респондентов (20 %) имеют максимальный показатель 10 баллов; 11 респондентов (44 %) – 8,5–9 баллов; 8 респондентов (32 %) – 6–7,5 балла; и по одному (по 4 %) – 2,8 балла и 1,5 балла соответственно. Эта шкала практически всеми респондентами представлена высокими показателями. На наш взгляд, это объясняется тем, что наличие диплома бакалавра дает больше шансов для карьерного продвижения, получения более престижного места работы и трудоустройства для студентов ЗФО.

На третьем месте – средний балл 6,7 (максимум 10 баллов) – «овладение профессией» (рис. 3).

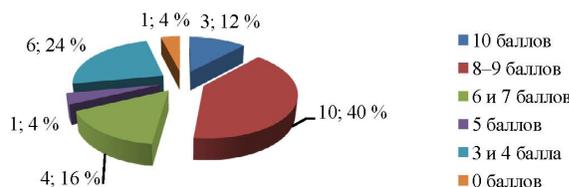

Рисунок 3. Результаты опроса по шкале «овладение профессией»

Из диаграммы видно, что высокую мотивацию по данной шкале получили лишь 3 студента (12 %); выше среднего – 10 студентов (40 %). Мотивированными на «овладение профессией» из числа респондентов являются 13 человек (52 %). Средние оценки получили 4 студента (16 %). Оценки ниже среднего получили 8 студентов (32 %). Обращает на себя внимание тот факт, что один студент получил ноль баллов по данной шкале, что свидетельствует о полном отсутствии мотивации на профессию менеджера.

Результаты тестирования показали, что на первом месте у респондентов «получение знаний» (9,1 балла), на втором месте – «получение

диплома» (8 баллов) и на третьем – «овладение профессией» (6,7 балла). Таким образом, полученные результаты свидетельствуют, что необходимо формировать и развивать мотивацию обучения студентов на «овладение профессией».

Недостаточное понимание значения профессионального развития в процессе подготовки будущих менеджеров СКД, поверхностное восприятие содержания профессии может в дальнейшем обострить у студентов внутренний конфликт между ожиданиями, связанными со статусной ролью высшего образования и содержанием квалифицированной деятельности менеджера.

Для решения обозначенных проблем необходимо целенаправленно формировать и развивать мотивацию обучения студентов к овладению профессией менеджера. На следующем этапе нами была разработана структурно-функциональная модель формирования и развития учебной мотивации студентов к овладению профессией менеджера (рис. 4). Слово «модель» в переводе с французского означает «образец». Из словаря иностранных слов: «Модель – это наглядное пособие или схема, представляющая собой изображение предмета, процесса или явления при некоторой схематизации и условности изображительных средств» [7, с. 325].

Первым структурным элементом модели является цель, определяемая как формирование и развитие мотивации студентов к учебной деятельности, обуславливающей успешное решение профессиональных задач в процессе подготовки менеджеров СКД. Следует подчеркнуть, что для студентов первого курса важно не только сформировать мотивацию к овладению профессиональными знаниями, но и развивать эту ориентацию на последующих курсах.

Вторым структурным элементом модели являются задачи. Формирование мотивации студентов необходимо начинать с её диагностики (в модели первая задача). Это позволяет определить мотивационный профиль каждого студента и общую картину по направлению подготовки «СКД», профиль «МСКД». Поэтому диагностика является неотъемлемым компонентом данной модели. На основе анализа полученной в ходе диагностики информации возможна реализация такой важной задачи мотивации, как удовлетворения индивидуальных потребностей студентов. Например, для студентов ЗФО это могут быть потребности, связанные с занимаемой должностью в настоящее время, карьерным продвижением. Индивидуальный подход в мотивации особенно важен. В свою очередь решение задач предполагает реализацию функций, представленных в модели.

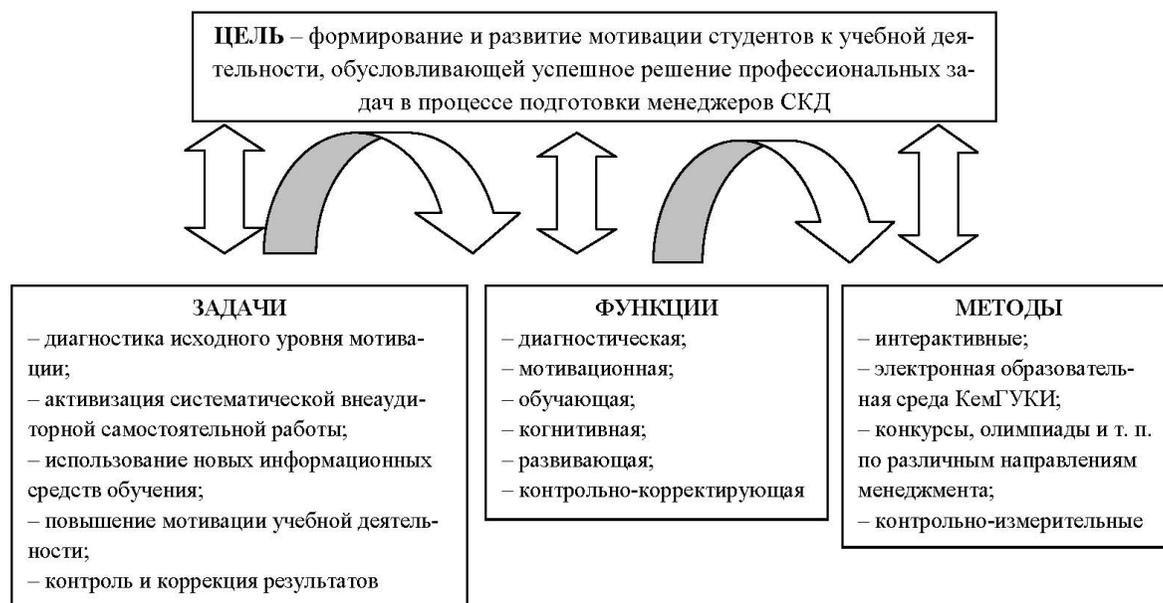

Рисунок 4. Структурно-функциональная модель формирования мотивации студентов к овладению профессией

Важным структурным элементом модели формирования мотивации студентов к овладению профессией менеджера являются методы обучения. Не умаляя значения традиционных методов обучения, мы делаем акцент именно на интерактивных методах, так как обучение профессии менеджера предполагает включенность, активность и участие самого студента в учебном процессе [1; 2; 3; 5]. Особенности взаимодействия педагога и студентов в традиционных и современных интерактивных технологиях представлены на рис. 5 [5, с. 5].

Контрольно-измерительные методы, представленные в модели, – также значимая составляющая из числа методов формирования мотивации студентов к овладению профессией. Например, тестовые задания по дисциплинам

профессионального цикла, которые могут быть использованы не только преподавателем для проверки знаний, но и студентами для самостоятельной проверки знаний, при подготовке к зачету и экзамену по дисциплинам в области менеджмента.

Мотивация учебной деятельности является важной составляющей профессионального становления студентов и рассматривается как поэтапный, динамичный и управляемый процесс. Внедрение предлагаемой модели позволит формировать и развивать учебную мотивацию студентов с учетом комплекса факторов: организации образовательного процесса в КемГУКИ; использования электронной образовательной среды; субъектных особенностей обучающихся; специфики учебной дисциплины «Основы МСКД».

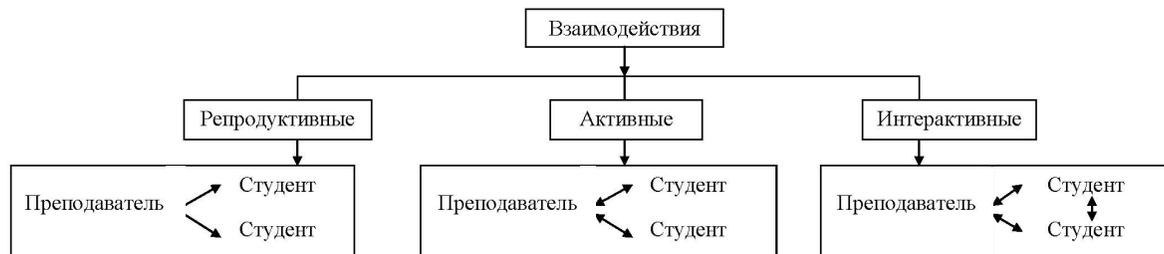

Рисунок 5. Виды взаимодействий преподавателя и студентов в различных технологиях

Литература

1. Ивлева Т. Н. Внедрение интерактивных методов обучения в организацию самостоятельной работы студентов // Менеджмент XXI века: ресурсы развития образования и бизнеса: сб. науч. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург, 27–29 нояб. 2012 года. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. – С. 137–139.
2. Ивлева Т. Н. Е-портфолио и модерация как интенсивные технологии профессионального развития личности студентов // Вестн. Балт. пед. акад.: сб. науч. ст. по мат-лам заоч. Междунар. науч.-практ. конф. «Интенсивные методы и технологии в обучении и профессиональном развитии личности: зарубежный и отечественный опыт», г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена 19 марта 2014 года. – СПб., 2014. – Вып. 113. – С. 59–61.
3. Ивлева Т. Н. Интерактивные методы обучения в организации самостоятельной работы студентов // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 1. – С. 145–150.
4. Ивлева Т. Н. Развитие мотивации учебной деятельности студентов специальности «Менеджмент организации» // Оптимизация профессионального образования в области культуры и искусства: мат-лы X Всерос. науч.-метод. конф. – Барнаул, 2010. – С. 67–71.
5. Использование активных и интерактивных образовательных технологий: метод. рекоменд. / авт.-сост. М. Г. Савельева, Т. А. Новикова, Н. М. Костина; отв. ред. Е. Н. Анголенко. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 2013. – 44 с.
6. Методика изучения мотивации обучения в вузе Т. И. Ильиной [Электронный ресурс]. – URL: http://www.psychometrica.ru/index.php?hid=50&met_info=200. – Загл. с экрана.
7. Словарь иностранных слов. – 15-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1998. – 607 с.
8. Смирнов А. В. Формирование мотивации учебной деятельности у студентов технического вуза [Электронный ресурс] // Психология, социология и педагогика. – 2012. – № 12. – URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/12/1450>. – Загл. с экрана.

References

1. Ivleva T.N. Vnedrenie interaktivnykh metodov obucheniya v organizatsiyu samostoyatel'noy raboty studentov [The introduction of interactive teaching methods in the organization of independent work of students]. *Menedzhment XXI veka: resursy razvitiya obrazovaniya i biznesa: Sbornik nauchnykh statey XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. – Sankt-Peterburg, 27–29 noyabrya 2012 [Management of the XXI century: resources for the development of education and business: the Collection of scientific articles XII International scientific-practical conference, St. Petersburg, 27–29, November 2012]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University A.I. Herzen Publ., 2012, pp. 137–139. (In Russ.).
2. Ivleva T.N. E-portfolio i moderatsaya kak intensivnyye tekhnologii professional'nogo razvitiya lichnosti studentov [E-portfolio moderaata as intensive technology professional development of students' personalities]. *Vestnik Baltiyskoy pedagogicheskoy akademii: Sbornik nauchnykh statey po materialam zaochnoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Intensivnyye metody i tekhnologii v obuchenii i professional'nom razvitii lichnosti: zarubezhnyy i otechestvennyy opyt"* [Bulletin of the Baltic Pedagogical Academy. The Collection of scientific articles correspondence international scientific-practical conference "Innovative methods and technologies in teaching and professional personality development: international and national experience", St. Petersburg, 19, March 2014]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University A.I. Herzen Publ., 2014, iss. 113, pp. 59–61. (In Russ.).
3. Ivleva T.N. Interaktivnyye metody obucheniya v organizatsii samostoyatel'noy raboty studentov [Interactive teaching methods in the organization of independent work of students]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2012, no. 1, pp. 145–150. (In Russ.).
4. Ivleva T.N. Razvitie motivatsii uchebnoy deyatel'nosti studentov spetsial'nosti "Menedzhment organizatsii" [The development of motivation of educational activity of students of the specialty "Management of organizations"]. *Optimizatsiya professional'nogo obrazovaniya v oblasti kul'tury i iskusstva: materialy 10 Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* [Optimization professional education in the field of culture and art: proceedings of the 10th all-Russian scientific-methodical conference]. Barnaul, 2010, pp. 67–71. (In Russ.).
5. Ispol'zovanie aktivnykh i interaktivnykh obrazovatel'nykh tekhnologiy: metod. rekomendatsii. Avt.-sost. M.G. Savel'eva, T.A. Novikova, N.M. Kostina; otv. red. E.N. Angolenko [The use of active and interactive learning technologies: method. recommendations. Auth.-comp. M.G. Savelyeva, T.A. Novikova, N.M. Kostin; resp. Ed. by E.N. Angolina]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 2013. 44 p. (In Russ.).
6. Metodika izucheniya motivatsii obucheniya v vuze T.I. Il'inoy [The methodology for the study of learning motivation in high school T.I. Ilyina]. Available at: http://www.psychometrica.ru/index.php?hid=50&met_info=200. (In Russ.).
7. Slovar' inostrannykh slov [The dictionary of foreign words]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1998. 607 p. (In Russ.).
8. Smirnov A.C. Formirovanie motivatsii uchebnoy deyatel'nosti u studentov tekhnicheskogo vuza [Formation of motivation of educational activity of students of a technical University]. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika* [Psychology, sociology and pedagogy]. 2012, no. 12. Available at: <http://psychology.snauka.ru/2012/12/1450>. (In Russ.).

УДК 37

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КЛУБНОГО ТИПА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ

Булатова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: kafedra359551@yandex.ru

Слаутина Надежда Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: naslautina@yandex.ru

В данной статье рассмотрены основные вопросы конкурентоспособности учреждений клубного типа и ее особенности, определены факторы, оказывающие влияние на деятельность учреждений. Решению проблемы повышения конкурентоспособности может помочь только знание научных подходов, принципов, методов управления учреждениями клубного типа.

Ключевые слова: конкурентоспособность, особенности конкурентоспособности, учреждения клубного типа, «дорожная карта», критерии, имидж.

IMPROVING THE COMPETITIVENESS OF CLUB-TYPE INSTITUTIONS OF SOCIOCULTURAL SPHERE

Bulatova Svetlana Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Chair of Management of Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kafedra359551@yandex.ru

Slautina Nadezhda Mihailovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Chair of Management of Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: naslautina@yandex.ru

This article examines the main issues of competitiveness of clubs and similar institutions, especially institutions of club type, the factors that influence the activities of the agencies. Solving the problem of improving the competitiveness can be only in the knowledge of scientific approaches, principles, techniques, methods of management of club-type facilities.

Ensuring the competitiveness of clubs and similar institutions is closely linked to their effective and constant innovation in terms of the concentration of all types of resources in ways that create competitive advantages of both, the cultural institutions, as well as the production and delivery of its cultural and recreational services and goods. There is a need to present the innovative solutions, design, manufacture and support of cultural and leisure services, at the same time as the management of club-type facilities.

With all possible options of advertising messages distributed through various channels, a cultural institution transfers this information to its customers. Promotional messages of cultural institutions create the awareness about the services, and motivate people to purchase a particular service. Along with this, advertising forms the image of cultural institutions, but at the same time the advertising activities of cultural institutions require a lot of hard work. Therefore, in the present conditions, it is especially important for cultural institutions to adapt to the market development services.

Competitiveness of the clubs and similar institutions can be defined as the ability to compete in the creation and implementation of services in comparison with similar services of competitors. In a competitive market, the conditions will prevail for those club-type institutions, which can prove the viability of creative work and adapt to market competition.

Keywords: competitiveness, especially competitive, club-type “road map,” the criteria image.

Современные социально-экономические условия развития общественных отношений заставляют учреждения социально-культурной сферы и, в частности, учреждения клубного типа пересматривать свое отношение к деятельности и удовлетворению потребностей населения в области культуры и досуга. Исходя из тенденций развития учреждениям клубного типа необходимо быть конкурентоспособными, чтобы выжить и эффективно работать. В настоящее время существует большое разнообразие факторов повышения конкурентоспособности учреждений клубного типа, среди которых можно выделить: улучшение финансового состояния, эффективность и инновационная деятельность, повышение конкурентоспособности услуг и имиджа учреждения культуры, планирование инвестиционной и маркетинговой деятельности с использованием плана мероприятий («дорожной карты»). Повышение конкуренто-

способности учреждений клубного типа зависит от эффективного использования всех имеющихся ресурсов.

Обеспечение конкурентоспособности учреждений клубного типа тесно связано с их продуктивной и постоянной инновационной деятельностью в аспекте концентрации всех видов ресурсов в направлениях, создающих конкурентные преимущества как самого учреждения культуры, так и производства, и предоставления его культурно-досуговых услуг и товаров. Необходимым представляется внедрение инновационных решений одновременно как в процессе разработки, производства и оказания культурно-досуговой услуги, так и в системе управления учреждениями клубного типа.

Учитывая вышесказанное, проблема конкурентоспособности учреждений клубного типа является одной из наиболее важных. В условиях

развития рыночных отношений конкуренция становится движущей силой развития учреждений клубного типа. Конкуренция, на наш взгляд, может способствовать как эффективному развитию деятельности, так и использованию инновационных технологий культурно-досуговой деятельности в учреждениях клубного типа.

Этимология термина «конкуренция» показывает, что он является производный в латинском языке от глагола «*concurrentia*» и означает «столкновение», «соствязание». Под конкуренцией в общем смысле понимается соперничество на каком-либо поприще между отдельными конкурентами [соперниками], заинтересованными в достижении одной и той же цели [4].

Конкурентоспособность учреждения клубного типа – это процесс создания, реализации культурно-досуговых товаров и услуг, пользующихся спросом на данном рынке в данный момент времени. Показатель конкурентоспособности учреждения клубного типа является показателем эффективности использования его финансового, творческо-производственного, кадрового и других потенциалов.

Вопрос о понятии, факторах и способах повышения конкурентоспособности учреждений культуры является одним из наиболее обсуждаемых как в отечественной, так и зарубежной науке и в практике управления. В определении сущности понятия «конкуренция» мнения исследователей [1; 2; 4] расходятся, существует несколько гипотез:

- организации, удовлетворяя потребности покупателя, борются за его кошелек (поведенческая гипотеза);
- организации анализируют структуру рынка для определения уровня своей свободы и покупателя на рынке (структурная гипотеза);
- конкуренция есть соперничество старого с новым (функциональная гипотеза).

Исследователи в области менеджмента [11] отмечают, что конкуренция – это состязательность, соперничество, напряженная борьба юридических или физических лиц за покупателя, за свое выживание в условиях действия жесткого закона конкуренции как объективного процесса «вымывания» некачественных товаров и услуг в рамках антимонопольного законодательства, соблюдения Закона «О защите прав потребителей» [3].

Конечная цель любого учреждения клубного типа или организации в сфере культуры – победа в конкурентной борьбе. Достигается она или нет – зависит от конкурентоспособности товаров и услуг. Обычно под конкурентоспособностью товара понимают некую относительную интегральную характеристику, отражающую его отличия от товара-конкурента и, соответственно, определяющую его привлекательность в глазах потребителя. Барселонский институт конкурентоспособности предложил следующее определение: «Конкурентоспособность фирмы – это способность производить и продавать товары не менее эффективно, чем это делают конкуренты» [11].

У разных авторов в определениях конкурентоспособности по значимости лидируют: качество, полезность, соотношение «цена – качество», привлекательность, способность к реализации, умение выдерживать конкуренцию и т. д. Так, например, конкурентоспособность рассматривают с позиции многоаспектной характеристики товара, определяющей его предпочтение на рынке по сравнению с аналогичными товарами-конкурентами как по степени соответствия конкретной потребности, так и по затратам на ее удовлетворение. Такое определение исходит из предпосылки, что конкурентоспособность в условиях рыночной экономики должна рассматриваться с точки зрения потребителя [5]. Принято считать, что конкурентоспособность услуги – это ее способность удовлетворять спрос и приносить определенную прибыль. Также можно рассматривать конкурентоспособность с позиции товара, тогда конкурентоспособность – это комплекс потребительских и стоимостных характеристик услуги, определяющих ее успех на рынке, то есть преимущество именно этой услуги над другими в условиях широкого предложения.

Мы считаем, что в настоящее время учреждения клубного типа самостоятельно должны принимать стратегические решения, способные поддерживать или повышать их конкурентный статус, и получать ответы на следующие вопросы:

- какую услугу производить и в каком количестве;
- как повышать качество и конкурентоспособность услуги;
- кому предлагать произведенную услугу и на каких условиях;
- по каким ценам реализовывать;

- какова эффективность принятых стратегических решений;
- как оценить и повысить свою экономическую и финансовую устойчивость и т. д.

На наш взгляд, конкурентоспособность учреждений клубного типа можно определить как способность выдержать конкуренцию в процессе создания и реализации услуг в сравнении с аналогичными услугами конкурентов. В условиях рыночных отношений конкурентоспособными будут те учреждения клубного типа, которые смогут доказать свою творческую состоятельность и приспособиться к условиям рыночной конкуренции.

Рассматривая различные позиции относительно сущности понятия конкурентоспособности, определим основные ее особенности:

1. Сущность конкурентоспособности раскрывается в сравнении, что свидетельствует об ее относительности. Особого внимания заслуживает выбор базы сравнения: выбор конкурента-лидера либо эталонной организации. Конкурентное преимущество организации выявляется в случае, если сравниваемые организации удовлетворяют идентичные потребности покупателей.

2. Для потребителей конкурентоспособность выступает способностью удовлетворять потребности на основе производства товаров, превосходящих конкурентов по требуемому набору параметров.

3. Конкурентоспособность учреждения клубного типа рассматривается как внутренняя характеристика, как совокупность экономических результатов деятельности.

4. Современному рынку культурно-досуговых услуг присущ динамизм, поэтому необходима эффективная система принятия управленческих решений, направленная на обеспечение скорейшего превосходства над конкурентами.

5. На рынке успех в конкурентной борьбе обеспечивается конкурентоспособной услугой. Именно коммерческие интересы производителей инициируют их соперничество. Иными словами, если учреждение клубного типа обладает способностью к формированию и поддержанию конкурентных преимуществ производимой культурно-досуговой услуги, удовлетворению потребителей более эффективными способами, чем конкурент, то такое учреждение будет конкурентоспособно на рынке культурно-досуговых услуг.

6. Конкурентоспособность учреждения клубного типа связана с понятием «эффективность», отражающим целесообразность использования экономического потенциала, возможность эффективной хозяйственной деятельности, способность обеспечить лучшее предложение по сравнению с другими аналогичными учреждениями.

Таким образом, конечная цель любого учреждения клубного типа – это достижение успеха в конкурентной борьбе, где все будет зависеть от конкурентоспособности самого учреждения и его персонала. Конкурентоспособность определяет способность выдержать конкуренцию, соперничество между конкурентами-соперниками с аналогичными объектами на рынке социально-культурных услуг.

Практики социально-культурной сферы [10] отмечают, что на реализацию стратегии повышения конкурентоспособности в сфере культуры на макроуровне оказывают влияние ряд факторов, которые условно можно разделить на две группы.

Во-первых, это качество предварительного анализа внутренней среды сферы культуры. Реализация стратегии повышения конкурентоспособности в сфере культуры потребует также глубокого количественного и качественного анализа, оценки трудовых, информационных и временных ресурсов, а также предварительного стратегического анализа материальных и финансовых ресурсов.

Во-вторых, эффективная реализация стратегии повышения конкурентоспособности сферы культуры на макроуровне напрямую зависит от совпадения фактического состояния макроэкономической конъюнктуры с прогнозными оценками, использованными на этапе стратегического планирования повышения конкурентоспособности.

Любое стратегическое решение должно основываться на сборе и анализе информации. Современный рынок культурных услуг относится к высокодинамичным рынкам и требует постоянного мониторинга ситуации. По мнению экономистов, фактор динамизма способен существенно повлиять на ход реализации стратегии повышения конкурентоспособности [6].

С целью повышения эффективности деятельности учреждений сферы культуры и создания благоприятных условий для устойчивого развития было принято Распоряжение Правительства РФ о плане мероприятий («дорожной карте»)

«Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры» [7].

Мы считаем, что «дорожные карты» создаются не только для наглядного представления информации о возможных альтернативах развития учреждений сферы культуры и упрощения принятия управленческого решения. Сам по себе процесс формирования «дорожной карты» – это некая ревизия имеющегося потенциала развития учреждения культуры, выявление ограниченных возможностей, угроз и роста, а также потребностей в ресурсном обеспечении. Причём осуществляется этот анализ на основании многоаспектного экспертного обсуждения рассматриваемого учреждения культуры людьми самой разной специализации. Технологическая «дорожная карта» – это наглядное представление программы долгосрочного развития отдельной технологии или группы технологий [7].

«Дорожная карта» является по своей сути сценарием, планом действий, она предоставляет возможность взаимно увязать во времени государственные меры по развитию той или иной области деятельности. Иногда дорожное картирование используется как синоним бизнес-планирования. Так, например, К. Г. Черепенников [9] считает, что в отличие от бизнес-планирования, дорожное картирование подразумевает вариативность путей развития своего объекта. К тому же бизнес-план – это всегда план предпринимательской деятельности в её классическом понимании, а «дорожная карта» может нести сценарии развития более широкого диапазона объектов. Поэтому дорожное картирование по сфере применения и возможностям прогнозирования шире, нежели бизнес-планирование.

Цели разработки «дорожной карты» – создание благоприятных условий для устойчивого развития сферы культуры и проведения в ней структурных реформ.

В рамках структурных реформ предусматривается повышение качества и расширение спектра государственных услуг в сфере культуры; формирование конкурентной среды в отрасли культуры путем расширения грантовой поддержки творческих проектов; обеспечение выполнения требований к качеству оказания услуг, создание предпосылок для появления в бюджетном секторе конкурентоспособных специалистов и менедже-

ров. Предполагается, что с ростом эффективности и качества предоставляемых услуг будут достигнуты целевые результаты, в число которых также будут входить повышение уровня удовлетворенности граждан РФ качеством предоставляемых государственных и муниципальных услуг в сфере культуры [2].

В продолжение освещения стратегии повышения конкурентоспособности для нас наиболее интересна модель конкурентоспособной организации, предложенная В. Шаповаловым [12]. Здесь стоит заметить, что многие практики социально-культурной сферы к факторам повышения конкурентоспособности учреждений культуры относят конкурентоспособность персонала. Поэтому разработанная В. Шаповаловым модель повышения конкурентоспособности организации рассчитана на рост потенциальных возможностей персонала. С позиции структурно-функционального подхода модель конкурентоспособной организации состоит из следующих компонентов: целеполагающих, информационно-содержательных, мотивационно-ценностных и эмоционально-волевых. Каждый из компонентов является относительно самостоятельной подструктурой, которая в то же время подчиняется общим законам развития учреждения и воплощает в себе единство сознания, деятельности и общественных отношений. Рассмотрим более детально предложенные автором компоненты:

1. Целеполагающий компонент – выявление личностных и групповых стратегических перспектив и позиций в процессе организационных изменений, самосовершенствование конкурентных преимуществ в соответствии с идеальной моделью конкурентоспособного учреждения.

2. Информационно-содержательный компонент образует комплекс знаний, связанных с определением стратегии и тактики организационных изменений, принятием решения, самооценкой, коммуникативными и регулятивными действиями учреждения.

3. Операционально-деятельностный компонент составляют умения и навыки познавательного, коммуникативного, регулятивного и иного характера, определяющие стиль и стратегию организационных изменений.

4. Мотивационно-ценностный компонент отражает ценностные ориентации личности в группе и групповые ценности, стремление к нравственному самосовершенствованию, позитивную

установку на различные виды социально значимой активности, потребности самоактуализации, самоутверждения, самовыражения, саморазвития.

5. Эмоционально-волевой компонент включает ответственность, самостоятельность, инициативность, уверенность в себе, сопереживание, самоконтроль.

Как мы видим, систематизация критериев повышения конкурентоспособности касается не только самого учреждения сферы культуры, но и работающего там персонала, от которого потребуется социокультурное развитие и самосовершенствование.

Согласно модели В. Шаповалова, структурные составляющие конкурентоспособности для учреждений сферы культуры, в нашем случае учреждений клубного типа, могут быть конкретизированы в наборе определенных параметров, которые в формальном плане можно разделить на две группы: показатели надежности профессиональной компетентности и показатели надежности социально-психологической компетентности.

Профессиональную компетентность группы составляют не только способность правильно и четко определять цель, но и профессиональные знания, умения и навыки, готовность к жесткому нормативному поведению в ситуации стратегических неожиданностей, способность к оперативной и эффективной реализации конкретного задания, умение адекватно ситуации выбрать финансовую стратегию, способность к нововведениям, способность правильно определить маркетинговую стратегию организации и следовать ей и др.

Определяя профессиональную компетентность, необходимо учитывать, что это субъектное качество сотрудника, проявляющееся в проектировании и реализации деятельности с учетом квалификационных требований и социального, когнитивного, социально-информационного, специального и коммуникативного контекстов [8].

Социально-психологическую компетентность группы составляют: способность эффективно организовывать совместную деятельность по принципу синергизма (оптимальное сотрудничество, взаимодействие, помощь); высокий уровень мотивации, готовность к организационным изменениям и способность их осуществлять; социальная гибкость по отношению к изменениям внешней социокультурной среды; коммуникативный опыт, способность позитивно разрешать меж-

личностные конфликты; адекватная самооценка; адекватные социальные установки [12].

Таким образом, повышение конкурентоспособности учреждения клубного типа – это системное качество, характеризующее жизнеспособность деятельности персонала и включает такие составляющие, как эффективность, направленную на результат, гибкость, ценностные ориентации персонала и имидж.

В повышении конкурентоспособности не последнюю роль играет имидж, образ учреждения, существующий в сознании потребителей культурно-досуговых услуг. У любого учреждения клубного типа существует имидж вне зависимости от того, кто над ним работает и работают ли над ним вообще. Внутренний имидж в учреждении клубного типа показывает необходимость квалифицированного персонала, для чего желательно выделять средства на постоянное повышение образовательного уровня специалистов. Внешний имидж направлен на подчеркивание в рекламе стабильности деятельности учреждения, постоянную связь (в том числе обратную – для анализа эффективности) с существующими потребителями, активное использование логотипа, слогана во всех видах имиджевой деятельности.

Нам кажется целесообразным для повышения конкурентоспособности учреждения клубного типа развитие и увеличение объема реализации культурно-досуговых услуг, при этом необходимо поддерживать на достаточно высоком уровне их создание. Услуги должны соответствовать следующим критериям: уровню качества; социальной адресности; безопасности; потребительской новизне; имиджу; информативности; востребованной цене потребления. Рассмотрим эти критерии более детально.

Критерий «уровень качества». Здесь предлагаем выделять пять особенностей оценки качества услуг. Первая особенность состоит в том, что объектом оценки конкурентоспособности услуг является деятельность учреждения. Вторая особенность состоит в том, что потребитель сам оценивает качество услуги на месте ее выполнения. Качество услуги должно соответствовать, прежде всего, требованиям потребителя. Третья особенность оценки услуг связана с общественной оценкой качества и условий обслуживания. Для оценки качества обслуживания использу-

ется такой специфический критерий, как временная характеристика, которая включает сроки выполнения мероприятий, время и часто является определяющей. Временные характеристики могут учитываться в составе разных групп показателей качества: движение общественного транспорта по расписанию, возможно оценивать в критерии «результат услуги», время обслуживания при предоставлении услуги (клубное формирование или кружок) – в критерии «культура обслуживания». Четвертая особенность связана с применением специфических видов стандартов, к которым относятся профессиональные стандарты учреждения культуры. Эти стандарты определяют качество обслуживания: первый характеризует условия обслуживания, так как они зависят от материально-технической базы; второй – культуру обслуживания, поскольку она задается человеческим фактором. Потребитель дает субъективную оценку результата услуги и транслирует свое мнение другим. Суммирование суждений дает достаточно субъективную оценку имиджа исполнителя и конкурентоспособности его услуг.

Критерий «социальная адресность». Он позволяет учесть индивидуальные запросы потребителей и потребности социальных групп. Специфические потребности социальной группы могут быть связаны со следующими основными особенностями людей: демографическими и поведенческими признаками; представлениями о комфортности, красоте, чувствительностью к цене; уровнем дохода. Специфические потребности конкретного потребителя могут быть связаны с состоянием здоровья, с индивидуальными предпочтениями и с уровнем дохода.

Критерий «безопасность». Носителями информации о безопасности являются документы, подтверждающие безопасность помещения, сертификаты соответствия, а также заключения надзорных органов (пожарного, ветеринарного, санитарно-эпидемиологического надзора и т. д.). Указанные документы могут быть также объектом фальсификации, в этом случае вероятность приобретения безопасной услуги определяется местом продажи.

Критерий «потребительская новизна». Он отображает потребность в разнообразии, то есть в инновациях. В основной массе потребители положительно оценивают инновации в сфере культурно-досуговых услуг. Среди них есть категории, которые особенно чувствительны к ин-

новациям, быстро и легко их осваивают, склонны к риску, связанному с освоением новинок.

Критерий «имидж». Имидж услуги восполняет дефицит информации о качестве, его отдельных характеристиках и свидетельствует о степени достоверности заключения о соответствии услуги тем или иным требованиям.

Также не менее важным является критерий «информативность». Это качество информации о конкурентных преимуществах услуги. Выделяют конкурентные преимущества основных и дополнительных услуг. Основные услуги – это услуги, удовлетворяющие основные потребности. Целый ряд преимуществ связан со статусом учреждения и определяется повышенным качеством предоставляемых услуг. Для сферы услуг населению характерны конкурентные преимущества, связанные с материальными выгодами: льготы для постоянных клиентов, определенной категории потребителей или в определенные периоды заказа. Существуют и дополнительные услуги – это вторичные услуги, которые повышают эффективность основных услуг. Конкурентные преимущества дополнительных услуг проявляются, прежде всего, в материальных выгодах: предоставление возможности покупки услуги в рассрочку и др. Конкурентные преимущества также связаны с предоставлением консультаций, бесплатной доставкой потребителей услуг до учреждений клубного типа и обратно, созданием комфортных условий обслуживания (наличие детских комнат, игровых площадок и многое другое). Стремясь привлечь потребителей, учреждение устанавливает цену на основную услугу, однако потребление этой основной услуги невозможно без дополнительных услуг, за которые потребитель расплачивается позже. Таким образом, увеличение объема культурно-досуговых услуг и улучшение их качества дает шанс учреждению клубного типа быть востребованным на рынке, то есть быть конкурентоспособным.

В теории и практике социально-культурной сферы существует большое разнообразие факторов повышения конкурентоспособности. Задача учреждений культуры в условиях развития рыночных отношений – найти свои и только свои пути и способы повышения конкурентоспособности, используя весь свой потенциал. Решить проблему повышения конкурентоспособности поможет знание научных подходов, принципов, методов управления.

Литература

1. Горушкина С. Н. Услуги учреждений культуры как инструмент государственной культурной политики // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2012. – № 11. – 112 с.
2. Горькова Г. Т. Стратегия конкурентоспособной борьбы в предпринимательстве // Экономист. – 2009. – № 6. – 45 с.
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 ФЗ «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 20.05.2014).
4. Кулешова А. Б. Конкуренция в вопросах и ответах. – М.: Дело, 2010. – 320 с.
5. Маркетинг: конспект лекций / сост. М. И. Петрова. – М.: АСТ; СПб., 2011. – 159 с.
6. Райзберг Б. А., Стародубцева Е. Е. Современный экономический словарь. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2006. – 250 с.
7. Распоряжение правительства РФ от 28.12.2012 № 2606-р «Об утверждении плана мероприятий (“дорожной карты”) “Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры”» (с изменениями на 30 апреля 2014 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://doc.cntd.ru/document> (дата обращения: 19.05.2014).
8. Слаутина Н. М. Формирование профессиональной компетентности студентов вуза: дис. ... канд. пед. наук. – Кемерово, 2005. – 163 с.
9. Фатхутдинов Р. А. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса: экономика, маркетинг, менеджмент. – М., 2000. – 223 с.
10. Черепенников К. Г. Теоретические подходы к разработке стратегии повышения конкурентоспособности в сфере культуры. – СПб.: СПбГУКиТ, 2012. – 300 с.
11. Чудновский А. Д., Жукова А. М., Кормишова А. В. Стратегический менеджмент в индустрии досуга: учеб. пособие. – М.: КНОРУС, 2014. – 152 с.
12. Шаповалов В. Проблема конкурентоспособности в управлении персоналом организации // Управление персоналом. – 2007. – № 18. – 96 с.

References

1. Gorushkina S.N. Uslugi uchrezhdeniy kul'tury kak instrument gosudarstvennoy kul'turnoy politiki [Culture services as a tool of state cultural policy]. *Spravochnik rukovoditelya uchrezhdeniya kul'tury [Directory manager of Cultural institutions]*, 2012, no 11. 112 p. (In Russ.).
2. Gor'kova G.T. Strategiya konkurentosobnoy bor'by v predprinimatel'stve [The strategy of competitive struggle in business]. *Economist [Economist]*, 2009, no 6. 45 p. (In Russ.).
3. Zakon RF ot 07.02.1992 № 2300-1 FZ “O zashchite prav potrebiteley” [Law of the Russian Federation of 07.02.1992 №2300-1 FZ “On Protection of Consumer Rights”]. Available at://base.garant.ru (accessed 20.05.2014). (In Russ.).
4. Kuleshova A.B. Konkurentsya v voprosakh i otvetakh [Competing in the questions and answers]. Moscow, Delo Publ., 2010. 320 p. (In Russ.).
5. Marketing, konspekt leksiyy. Sost. M.I. Petrova [Marketing, lecture notes. Comp. M.I. Petrova]. Moscow, AST Publ., St. Petersburg Publ., 2011. 159 p. (In Russ.).
6. Rayzberg B.A., Starodubtseva E.E. Sovremennyy ekonomicheskiy slovar' [Contemporary Dictionary of Economics]. Moscow, 2006. 250 p. (In Russ.).
7. Rasporyazhenie pravitel'stva RF ot 28.12.2012 № 2606-r “Ob utverzhenii plana meropriyatiy (“dorozhnoy karty”) ‘Izmeneniya v otraslyakh sotsial'noy sfery, napravlennye na povyshenie effektivnosti sfery kul'tury’” (s izmeneniyami na 30 aprelya 2014 [Regulation of the Government of the Russian Federation of 28.12.2012 № 2606-r “On approval of the plan (“roadmap”) ‘Changes in the social sectors, to improve the effectiveness of cultural sphere’”]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document> (accessed 19.05.2014). (In Russ.).
8. Slautina N.M. Formirovanie professional'noy kompetentnosti studentov vuza. Dis. kand. ped. nauk [Formation of professional competence of university students. Diss. cand. ped. sci.]. Kemerovo, 2005. 163 p. (In Russ.).
9. Fatkhutdinov R.A. Konkurentosobnost' organizatsii v usloviyakh krizisa: ekonomika, marketing, menedzhment [Competitiveness of the organization in crisis: economics, marketing, management]. Moscow, 2000. 223 p. (In Russ.).
10. Cherepennikov K.G. Teoreticheskie podkhody k razrabotke strategii povysheniya konkurentosobnosti v sfere kul'tury [Theoretical approaches to the development of strategies to increase competitiveness in the field of culture]. St. Petersburg, SPbGUKiT Publ., 2012. 300 p. (In Russ.).
11. Chudnovskiy A.D., Zhukova A.M., Kormishova A.V. Strategicheskiy menedzhment v industrii dosuga: uchebnoe posobie [Strategic management in the leisure industry: a tutorial]. Moscow, KNORUS Publ., 2014. 152 p. (In Russ.).
12. Shapovalov V. Problema konkurentosobnosti v upravlenii personalom organizatsii [Competitiveness problems in personnel management]. *Upravlenie personalom [Personnel Management]*, 2007, no 18. 96 p. (In Russ.).

УДК 316.61

ПЕДАГОГИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ВОЛОНЕРСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Пономарев Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, профессор, проректор по творческой и международной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

Васильковская Маргарита Ивановна, преподаватель, кафедра социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: margo197411@rambler.ru

Статья посвящена анализу результатов опытно-экспериментальной работы по созданию и апробации системы педагогических условий для целенаправленного развития и проявления социально-культурного творчества участников молодежных объединений в формировании института волонтерства.

В статье авторы делают вывод о том, что разработанная и апробированная модель «Институт волонтерства» способствует эффективному развитию и реализации творческих возможностей участников эксперимента в процессе социально-культурной деятельности. Предложенная модель может быть широко внедрена в практику социально-культурной работы с молодежью.

Ключевые слова: волонтерство, институт волонтерства, добровольчество, социально-культурное творчество, молодежь, молодежное объединение, личность.

THE PEDAGOGY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE VOLONTEERING INSTITUTE IN THE ACTIVITIES OF YOUTH ORGANIZATIONS: THE ANALYSIS OF RESULTS OF EXPERIMENTAL WORK

Ponomarev Valeriy Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector for Creative and International Activities, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

Vasytkovskaya Margarita Ivanovna, Lecturer, Chair of Socio-Cultural Activities, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: margo197411@rambler.ru

This article analyzes the results of experimental work on the creation and testing the pedagogical conditions for purposeful development and manifestation of the socio-cultural creativity of members of youth associations in the formation of the Volunteering Institute.

The authors conclude that the developed and tested “Volunteering Institute” model promotes the effective development and implementation of creative possibilities of the experiment participants in the process of socio-cultural activities. The proposed model can be widely implemented in the practice of socio-cultural youth work.

In the period from 2009 to 2014 years, the authors conducted formative pedagogical experiment based youth associations of the Kemerovo region.

In the process of forming pedagogical experiment focused on the development and testing of pedagogical conditions for purposeful development and manifestation of the socio-cultural creativity members of youth associations in the formation of the Institute of Volunteering.

The purpose of forming pedagogical experiment was to update volunteer activities through awareness and implementation needs of the participants of youth associations in the development of their creative potential.

As part of this experiment the following tasks:

- Implementation and testing of models for the formation and development of the institution of volunteerism conditions of the youth association, the development of social and cultural creativity of young people, with the participation of the youth in the activities of the association;

- Specification and justification of the forms and methods of social and cultural creativity of young people, contributing to the formation and development of the institution of volunteerism and its components.

To conduct formative pedagogical experiment the authors made a special program, which provides a number of social and cultural projects and events focused on the development of social and cultural creativity of the individual in volunteer activities. Experimental work we carried out in the three groups (two experimental and one control). Just forming pedagogical experiment involved 142 people.

The first phase of the formative experiment consisted of an initial diagnosis of the level of development of social and cultural creativity of the subjects in all groups.

The basis of the first methods developed by L. Moskvina put a test to detect the level of development of the creative potential of the individual. By the sum of points determined by the level of creative potential participants in the experiment.

To cross-check the data and the most generalized diagnosis of the level of development of the creative potential of the participants of the experiment, we used a different methodology to assess the creative potential of personality developed by V.I. Andreev.

This technique allowed on the basis of self-respondents nine-point scale to determine the degree of expression of personality and frequency of exposure. According to the methodology, the combination of these parameters characterizes the level of development of creative potential. Methodology V.I. Andreeva involves identifying intermediate levels of creativity, however, for the most clear differentiation results of the study all the intermediate levels, the author included in the three main – low, medium and high.

The purpose of the second phase of the formative experiment was to develop and implement the experiment participants socio-cultural projects and actions on the basis of voluntary (volunteer) activities, as well as their participation in the developed and offered by us in this study volunteer socio-cultural event “Making the world brighter.”

In the final phase of the pilot study to assess the changes that have occurred with the participants as a result of work carried out, was again applied a comprehensive measure the level of development of creative potential subjects. Summary data on the results of the procedures L. Moskvina and V.I. Andreeva shown in the diagram.

Analysis of the results of the formative experiment shows that the high level of socio-cultural creativity reached 43,75 % and 35,3 % of the experimental group, while the control group 25 %. In the experimental groups decreased significantly the number of subjects with a low level of creativity to 12,5 % and 11,8 %, based on the results of the control group – about a quarter of the participants.

Achieved positive dynamics results of experimental work demonstrates the effectiveness of the proposed model, including socio-cultural projects and events focused on the formation and development of the Institute of Volunteering. Comprehensive and systematic use of the means, forms and methods of creative activities of the participants of the experiment provided a positive trend in the development of all levels tentatively identified components of creativity. Thus, the synthesis of the results of the pilot studies, their practical implementation suggest that developed and tested model of the “Institute of Volunteering” promotes the effective development and implementation of creative possibilities of the experiment participants in the process of socio-cultural activities. The proposed model can be widely implemented in the practice of socio-cultural youth work.

Keywords: volunteering, Institute for volunteering, socio-cultural creativity, youth, youth association, person.

В период с 2009 по 2014 год нами проводился формирующий педагогический эксперимент на базе молодежных объединений ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», МБОУ ДОД «Центр раз-

вития детей и юношества Кировского района города Кемерово», Ассоциации общественных объединений Кемеровской области «Молодёжь 42».

В процессе проведения формирующего педагогического эксперимента основное внимание

уделялось созданию и апробации системы педагогических условий для целенаправленного развития и проявления социально-культурного творчества участников молодежных объединений в формировании института волонтерства.

Цель формирующего педагогического эксперимента заключалась в актуализации волонтерской деятельности посредством осознания и реализации потребности участников молодежных объединений в развитии своего творческого потенциала.

В рамках данного эксперимента решались следующие задачи:

- внедрение и апробация модели формирования и развития института волонтерства в условиях молодежного объединения, развития социально-культурного творчества молодежи при участии в деятельности молодежного объединения;

- конкретизация и обоснование форм и методов развития социально-культурного творчества молодежи, способствующих формированию и развитию института волонтерства и его компонентов.

Для проведения формирующего педагогического эксперимента была составлена специальная программа, предусматривающая ряд социально-культурных проектов и акций, ориентированных на развитие социально-культурного творчества личности в волонтерской деятельности. Экспериментальная работа нами проводилась в следующих группах. Группа №1 – экспериментальная – молодежное объединение «Мы и время» (г. Белово Кемеровской области), входящее в состав Ассоциации общественных объединений Кемеровской Области «Молодёжь 42» (26 человек), руководителем которого является Шарманова Елена Анатольевна. Группа № 2 – экспериментальная – молодежное клубное объединение «Алый парус» Центра развития творчества детей и юношества Кировского района г. Кемерово (25 человек, руководитель Климакина Татьяна Викторовна). Группа № 3 – контрольная – волонтерский отряд (объединение) Кемеровского государственного университета культуры и искусств (91 человек), члены которого являются студентами института социально-культурных технологий и института музыки КемГУКИ.

Всего в формирующем педагогическом эксперименте участвовало 142 человека. Первый этап формирующего эксперимента заключался

в диагностике первоначального уровня развития социально-культурного творчества испытуемых во всех группах.

Определение исходного уровня творческого потенциала участников эксперимента на данном этапе осуществлялось на основе двух диагностических методик, которые, с нашей точки зрения, с наибольшей степенью достоверности позволяли выявить комплекс способностей и качеств, необходимых личности для осуществления творческой деятельности.

В основу первой методики, разработанной Л. Москвиной, положен тест на выявление уровня развития творческого потенциала личности [2]. По сумме набранных баллов определялся уровень творческого потенциала участников эксперимента.

Критериями для оценки творческого потенциала по данной методике послужили:

- потребность в творческой активности;
- мотивация достижений и склонность к риску;
- самодостаточность сознания;
- увлеченность и любознательность;
- самостоятельность осуществления деятельности;
- уровень репродуктивно-творческой деятельности.

Тестирование показало, что на диагностическом этапе большинство участников эксперимента отнесены к группе со средним уровнем развития творческого потенциала, значительное число респондентов имеет низкий уровень и меньшая часть выборки – это испытуемые с высоким уровнем развития творческого потенциала.

Для перепроверки полученных данных и наиболее обобщенной диагностики уровня развития творческого потенциала участников эксперимента, мы использовали другую методику оценки творческого потенциала личности, разработанную В. И. Андреевым [1].

Данная методика позволила на основании самооценки респондентов по девятибалльной шкале выявить степень выраженности личностных качеств и частоту их проявления. Согласно методике, совокупность этих показателей характеризует уровень развития творческого потенциала. Методика В. И. Андреева предполагает выявление промежуточных уровней творческого потенциала, однако для наиболее четкой диффе-

ренициации результатов исследования все промежуточные уровни автор включил в три основных – низкий, средний и высокий.

Сравнительный анализ результатов показывает, что для большинства участников эксперимента характерен средний уровень развития творческого потенциала (46,9 %), низкий уровень присущ 38,8 % обучающихся, а высокий – 14,3 %. Полученные результаты свидетельствуют о неадекватной (заниженной) самооценке творческих возможностей самими участниками.

Цель второго этапа формирующего эксперимента заключалась в разработке и реализации участниками эксперимента социально-культурных проектов и акций на основе волонтерской деятельности, а также их участие в разработанной и предложенной нами в рамках настоящего исследования волонтерской социально-культурной акции «Сделаем мир ярче».

Результаты наблюдений нами фиксировались в сводной таблице, в которой главное внимание уделялось динамике сформированности мотивационного компонента в целом по группе и по каждому участнику в отдельности. В ходе наблюдений нами фиксировались проявления творческой мотивации, показателями которой являются:

- 1) интерес к познанию нового;
- 2) степень увлеченности творческим заданием;
- 3) склонность к самопознанию.

По результатам эксперимента мы условно разделили участников групп на 3 категории, соответствующие низкому, среднему и высокому уровням развития их творческой мотивации. С целью определения эффективности влияния выработанных нами педагогических условий развития мотивационного компонента творческого потенциала испытуемых было проведено сравнение уровней развития их творческой мотивации (см. табл. 1).

Сравнивая динамику развития мотивационного компонента социально-культурного творчества в группах, можно сделать следующие выводы: во-первых, в результате участия в социально-культурных акциях и проектах во всех группах значительно сократился количественный состав испытуемых, отнесенных к низкому уровню. Во-вторых, в контрольной группе количество участников, отнесенных к среднему уровню, осталось неизменным, а к высокому – увеличилось на 12,5 %. В-третьих, в экспериментальных группах наблюдается более высокая динамика развития мотивации социально-культурного творчества: уровень «средний» – увеличился на 6,3 %, «высокий» – на 25 %. Таким образом, увеличение показателей среднего и высокого уровней составляет абсолютное большинство в экспериментальных группах (87,4 % и 91,1 %).

В разработанной и предложенной нами в рамках исследования программе, содержащей социально-культурные проекты и акции предусмотрено сосредоточение внимания участников эксперимента на феномене социально-культурного творчества в волонтерской деятельности. Членам экспериментальных группам было предложено участие в организации и реализации социально-культурных проектов (см. табл. 2).

Поскольку предложенная нами программа, включающая в себя социально-культурные проекты и акции, предназначена для работы с молодежью, то необходимо отметить, что в данный возрастной период возрастает интерес к своим возможностям и способностям. Реализация социально-культурных проектов и акций позволит молодым людям лучше узнать себя, определить свои сильные стороны, развить чувство собственного достоинства, научит более успешно реализовать себя в волонтерской и различных видах творческой деятельности. Приоб-

Таблица 1

Динамика развития мотивационного компонента творческого потенциала участников контрольной и экспериментальной групп (%)

Уровень	Экспериментальная группа № 1		Экспериментальная группа № 2		Контрольная группа	
	В начале эксперимента	В конце эксперимента	В начале эксперимента	В конце эксперимента	В начале эксперимента	В конце эксперимента
Низкий	43,75 %	12,5 %	41,1 %	5,9 %	37,5 %	25 %
Средний	43,75 %	50 %	47,1 %	52,9 %	43,75 %	43,75 %
Высокий	12,5 %	37,5 %	11,8 %	41,2 %	18,75 %	31,25 %

ретаемый опыт в процессе реализации социально-культурных проектов необходим молодым людям для более эффективного осуществления своей профессиональной деятельности, конструктивно-го взаимодействия с окружающим миром.

Таблица 2

**Социально-культурные проекты,
предложенные для реализации
членам экспериментальной группы**

1.	Социально-культурный проект «Арбат на Весенней»	Июнь 2011 года
2.	Социально-культурный проект «Их опалила страшная война...». Подготовка и издание сборника к 70-летию начала Великой Отечественной войны...»	Июнь 2011 года
3.	Социально-культурный проект «Лесная Поляна» (более 100 конкурсно-игровых и творческих мероприятий)	Сентябрь 2010 – июнь 2011 года
4.	Социально-культурная акция «Сделаем мир ярче» (для ветеранов Областного клинического госпиталя ветеранов войн г. Кемерово и пожилых людей) (более 20 концертных программ)	Сентябрь 2010 – июнь 2011 года
5.	Социально-культурная акция «Твори добро» для пациентов Центра адаптации инвалидов «Созвучие», благотворительного фонда «Доброе сердце»	Сентябрь 2010 – июнь 2011 года
6.	Социально-культурный проект «Движение жизни» (благотворительные концерты и программы в детских домах, больницах, приютах)	Сентябрь 2010 – июнь 2011 года
7.	Социально-культурный проект «Местное время» (LOCAL TIME)	С 22 декабря 2009 года по 16 февраля 2010 года

В реализации социально-культурных проектов и акций авторами используются педагогические средства, способствующие развитию социально-культурного творчества молодежи. Комплексное применение средств, форм и методов организации социально-культурного творчества в волонтерской деятельности обеспечивает положительную тенденцию в развитии

социально-культурного творчества участников эксперимента.

К средствам развития социально-культурного творчества участников эксперимента мы относим:

- ориентирование творческой деятельности на мотивы, ценности, установки, формирующие направленность молодых людей;

- формирование отношения к творческой деятельности как ценностно-значимой в процессе волонтерской деятельности;

- создание благоприятной среды для наиболее полного раскрытия творческих возможностей участников эксперимента;

- ознакомление участников эксперимента с психолого-педагогическими особенностями развития личности;

- организация партнерского типа взаимодействия со сверстниками и руководителем при групповой работе;

- создание ситуаций успеха в целях осознания потенциального уровня своих творческих способностей;

- установление эмоционального чувства общности, доверия и поддержки, за счет включения группы в волонтерскую деятельность.

На наш взгляд, более результативными в развитии социально-культурного творчества участников молодежных объединений являются групповые и игровые формы, проектирование, презентации творческих работ и проектов, мастер-классы, благотворительные концерты и агитбригады.

Методами организации социально-культурного творчества участников молодежных объединений являются:

- метод самооценки и оценки со стороны сверстников;

- метод включения молодых людей в творческую волонтерскую деятельность;

- метод создания ситуации успеха;

- методы фронтального, группового опроса.

На заключительном этапе экспериментального исследования, чтобы оценить изменения, произошедшие с участниками в результате проведенной работы, вновь был применен комплексный замер уровня развития творческого потенциала испытуемых. Обобщенные данные результатов по методикам Л. Москвиной и В. И. Андреева приведены в диаграмме (см. рис. 1).

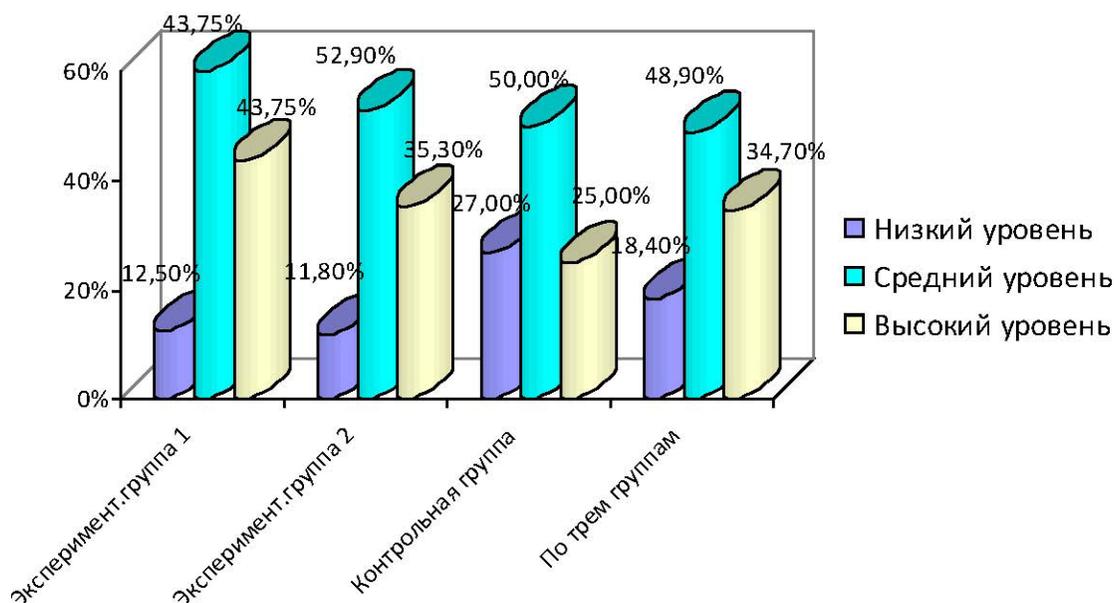

Рисунок 1. Уровень развития творческого потенциала участников экспериментальных и контрольных групп (на завершающем этапе эксперимента)

Анализ результатов формирующего эксперимента свидетельствует о том, что высокого уровня развития социально-культурного творчества достигли 43,75 % и 35,3 % участников экспериментальных групп, в то время как в контрольной группе – 25 %. В экспериментальных группах существенно уменьшилось количество испытуемых, имеющих низкий уровень развития творчества до 12,5 % и 11,8 %, по результатам контрольной группы – приблизительно четверть участников.

Достигнутая позитивная динамика результатов экспериментальной работы свидетельствует об эффективности предложенной модели, включающей социально-культурные проекты и акции, ориентированной на формирование и развитие института волонтерства. Комплексное

и систематическое применение средств, форм и методов организации творческой деятельности участников эксперимента обеспечило положительную тенденцию в развитии всех уровней условно выделенных компонентов творческого потенциала. Таким образом, синтез результатов экспериментального исследования, их практическая реализация позволяют сделать вывод о том, что разработанная и апробированная модель «Институт волонтерства» способствует эффективному развитию и реализации творческих возможностей участников эксперимента в процессе социально-культурной деятельности. Предложенная модель может быть широко внедрена в практику социально-культурной работы с молодежью.

Литература

1. Андреев В. И. Пакет из десяти тестов на оценку интеллектуальности, конкурентоспособности и творческого потенциала личности. – Казань, 1992. – 45 с.
2. Москвина Л. Психологические методы диагностики творческого развития личности. – Самара: Венета, 1990. – 213 с.

References

1. Andreev V.I. Paket iz desyati testov na otsenku intellektual'nosti, konkurentosposobnosti i tvorcheskogo potentsiala lichnosti [Package of ten tests to assess intelligence, competitiveness and creativity of the individual]. Kazan, 1992. 45 p. (In Russ.).
2. Moskvina L. Psikhologicheskie metody diagnostiki tvorcheskogo razvitiya lichnosti [Psychological diagnostics personal creative development]. Samara, Veneta Publ., 1990. 213 p. (In Russ.).

УДК 025.5: 371.3:005.591.6:027.021

ИННОВАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ НАУЧНЫХ БИБЛИОТЕК В ПОВЫШЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Свирюкова Вера Григорьевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, доцент, заведующая Справочно-библиографическим отделом ГПНТБ СО РАН, «Государственная публичная научно-техническая библиотека» Сибирского отделения Российской академии наук, член Постоянного комитета секции РБА «Электронные ресурсы и информационно-библиотечное обслуживание» (г. Новосибирск, РФ). E-mail: vera@spsl.nsc.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся подходов к организации повышения информационной культуры личности пользователя; дана характеристика типов инновационных стратегий, которые могут быть использованы библиотеками как выбранное направление деятельности для достижения стоящих перед ними целей: формирования и развития информационной культуры читателей/пользователей; описана успешно функционирующая система изучения и освоения информационных ресурсов сотрудниками библиотеки; представлены данные о формах обучения различных категорий читателей/пользователей в крупной научной библиотеке с применением современных технических и технологических возможностей; предложенный подход к организации обучающих мероприятий, сочетание традиционных и инновационных форм обучения вызывает интерес у слушателей, улучшает имидж библиотеки.

Ключевые слова: информационная культура, информационные ресурсы, система обучения, формы обучения, вебинар, библиографическая биеннале, информационный марафон, школа молодого ученого, информационный брифинг, оценка знаний.

SCIENTIFIC LIBRARIES' INNOVATIVE STRATEGIES IN RAISING THE PERSONAL INFORMATION CULTURE

Svirjukova Vera Grigoryevna, Candidate of Pedagogical Science, Senior Researcher, Docent, Head of Reference Department of the State Public Scientific-Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Member of the Standing Committee of the RBA "Electronic Resources and Information Library Services" (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vera@spsl.nsc.ru

The author considers instant questions of clients' information culture raising; innovative strategies that libraries can use for their purposes achieving – formation and development of readers'/clients' information culture – are described; the system of information resources study and mastering by library staff is outlined; the data are presented about learning forms of readers'/clients' different categories with the usage of advanced technical and technological possibilities in a large scientific library; the combination of traditional and innovative learning forms rouses listeners' interest, improves library image.

Keywords: information culture, information resources, learning system, forms of learning, webinar, bibliographic biennale, information marathon, young scientist school, information briefing, knowledge evaluation.

В условиях стремительного развития новых информационных технологий и телекоммуникационных систем в современном обществе создается новая информационная среда жизнедеятельности человека, получившая название «информационное общество» [4, с. 8]. Развитие информационно-

го общества неразрывно связано с возрастанием потребности каждого гражданина в постоянном повышении квалификации, обновлении знаний, освоении новых видов деятельности. Одной из приоритетных задач в информационном обществе становится формирование информационной

культуры личности. Библиотеки в этом процессе занимают лидирующее место. Главным фактором, определяющим роль научной библиотеки в повышении информационной культуры читателя/пользователя, является тот огромный потенциал, который заложен в объеме, составе и содержании фондов; справочно-поисковом аппарате; накопленном опыте справочно-библиографического обслуживания различных категорий читателей/пользователей; использовании современных информационных технологий. Каждая библиотека вырабатывает для себя, в соответствии со своими задачами и возможностями, направление деятельности по развитию информационной культуры сотрудника библиотеки и читателя, вырабатывает свою стратегию.

Стратегия – это программа, план, генеральный курс, всесторонний план достижения целей в любой области деятельности [7, с. 989].

Стратегию можно охарактеризовать как выбранное направление деятельности, функционирование и рамках которого должно привести организацию к достижению стоящих перед ней целей.

Инновационная стратегия – это выбор наиболее эффективных путей (и одновременно сами эти пути) технического и технологического развития, основанный на сопоставлении внешних и внутренних факторов, учете ресурсных ограничений. Формирование и реализация такой стратегии – необходимое условие развития организации, в нашем случае, библиотеки.

Существуют несколько типов инновационных стратегий:

1) наступательная, цель – занятие лидирующих позиций;

2) оборонительная, цель – держаться вплотную за лидером, заимствуя его новшества с внесением некоторых изменений;

3) имитационная, цель – следовать за обеими группами лидеров, повторяя их достижения и используя свои специфические преимущества;

4) зависимая, цель – самосохранение через выполнение работ для библиотек-инноваторов;

5) традиционная, цель – самосохранение с использованием консервативных технологий;

6) оппортунистическая, цель – занятие свободных ниш.

Эти типы стратегий могут использоваться в чистом или смешанном виде. Выбор библиотекой типа стратегии определяется ее возможно-

стями, задачами, традициями, амбициями и т. д. При этом даже при однотипных инновационных стратегиях субъекты и методы реализации могут быть различными [6, с. 779].

ГПНТБ СО РАН как крупная научная библиотека использует смешанный тип стратегии развития информационной культуры, реализация которой осуществляется с учетом категорий читателей/пользователей и современных форм.

Ассортимент и объемы информационных ресурсов в настоящее время растут значительными темпами. Трансформируются носители, и меняются способы распространения информации. Между тем наблюдается такая ситуация, при которой производимые информационные продукты иногда остаются не востребованными или слабо используемыми. Это говорит о том, что потенциальному пользователю необходимо владеть, во-первых, сведениями о наличии этих самых продуктов, во-вторых, методикой работы с ними. Библиотеки способны обеспечить пользователю возможность получить необходимые умения и навыки, используя при этом весь арсенал имеющихся как традиционных, так и инновационных средств.

Умение и навык есть способность совершать то или иное действие. Различаются они по степени (уровню) овладения данным действием.

Умение – это способность выполнять какую-либо работу, делать что-либо, приобретенная в результате обучения, опыта и т. д. [5, с. 1864].

Навык – автоматизм выполнения целенаправленных действий, выработанный сознательным многократным повторением одних и тех же движений или решения типовых задач в любой сфере деятельности [5, с. 1139].

Овладение данными действиями в равной степени необходимо как для сотрудников библиотек, так и читателей.

Полностью разделяя мнение Н. И. Гендиной, по поводу того, что «человек, не знающий ответа на вопрос «Где искать?», то есть не знающий информационных ресурсов, не умеющий в них ориентироваться, вряд ли обеспечит «нахождение информации» [1, с. 74], мы хотим в этой работе коснуться вопросов, связанных с организацией специального обучения сотрудников и читателей как пользователей электронных ресурсов, то есть с повышением уровня их информационной культуры.

Содержание понятия «информационная культура» трактуется по-разному. Как утверждают наши коллеги из Кемеровского государственного университета культуры и искусств, «отсутствие единства в понимании и трактовке этого понятия требует внесения терминологической ясности и выработки определения, отражающего весь комплекс проблем, связанных с информационной культурой личности» [3, с. 19].

В этой связи ими предлагается следующая трактовка данного понятия: «Информационная культура личности – одна из составляющих общей культуры человека; совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий. Является важнейшим фактором успешной профессиональной и непрофессиональной деятельности, а также социальной защищенности личности в информационном обществе» [3, с. 29].

Успех любой организации зависит от уровня профессионализма его сотрудников. Поддерживать высокий уровень квалификации персонала возможно, обращая постоянное внимание на обучение сотрудников, включая их самообразование.

Для того чтобы организовать эффективное использование информационных продуктов, сотруднику библиотеки необходимо виртуозно владеть методикой работы с ними, знать все его особенности, возможности, достоинства и недостатки. Значит требуется глубокое их изучение, а следовательно, должны быть разработаны специальные методические подходы, позволяющие это осуществить.

Для реализации этого в ГПНТБ СО РАН создана и успешно функционирует система изучения и освоения электронных ресурсов.

Система включает ряд элементов: составление плана; знакомство с ресурсом ответственного лица; написание инструкций, памяток; самостоятельное освоение сотрудником ресурса; сдача зачета по специально разработанным тестовым заданиям. Такой подход позволяет объективно оценивать знание конкретного ресурса и другие необходимые навыки и умения, которые будут использованы сотрудником для обоснованного

выбора ресурса и работы с ним, что позволит сократить время на выполнение запроса, улучшить качество его выполнения.

Разработанные тестовые задания позволяют сотруднику демонстрировать не только знание методики работы с ресурсом, но и умение видеть возможные варианты формулировок запросов и др.

Помимо знания методики работы с ресурсом на зачете сотрудник должен продемонстрировать владение навыками и умениями, необходимыми при работе с ПК, возможностями Word и т. д.

Зачет принимает комиссия, в которую входит заведующий отделом, заведующий сектором, руководитель группы автоматизации. Во время проведения зачета моделируются ситуации: читатель обращается с тематическим или уточняющим запросом к библиографу. В роли читателей выступают члены комиссии. По результатам сдачи зачета готовится протокол. Только после сдачи зачета сотрудник допускается к работе с ресурсом.

Рационально построенная система обучения способствует:

- 1) мотивации сотрудников и создает условия для их роста;
- 2) внедрению новых ресурсов, форм и видов обслуживания;
- 3) предотвращению конфликтных ситуаций.

Постоянное внимание уделяется не только повышению информационной культуры сотрудников библиотеки, но читателей/пользователей.

С точки зрения числа обучаемых используются индивидуальные и групповые формы.

С точки зрения места проведения практикуются: организованные в стенах библиотеки, выездные и вебинары.

По содержанию обучения: получение новых знаний и умений в рамках своей или смежной специальности, их актуализация.

Работа по информационной подготовке читателей в российских библиотеках ведется давно. В 1975 году в ГПНТБ СО РАН СССР был создан Университет библиотечно-библиографических знаний «Специалист и информация». Организация работы Университета была возложена на Справочно-библиографический отдел библиотеки. Обучение в Университете осуществлялось на протяжении 2 лет. Группы формировались по категориям слушателей (специалисты, аспиран-

ты, студенты и др.), внутри групп осуществлялась дифференциация по отраслям знаний. Для каждой категории слушателей разрабатывались свои учебные программы. В учебный план включались не только темы, раскрывающие основы библиотечно-библиографических знаний, но и близкие к ним, например, скорочтение. Для обучения скорочтению приглашались ведущие специалисты, владеющие этой методикой. Занятия в Университете проходили 2 раза в неделю. Процесс обучения состоял из теоретической и обязательно практической частей. За время существования (до 1990 года) Университета было обучено более 500 человек.

Со временем существовавшая система формирования и развития информационной культуры читателя уступила место новой модели организации обучения читателей/пользователей основам работы с информационными ресурсами, предоставления сведений о продуктах и услугах библиотек и т. д. Глобальная информатизация и новые технологии ставят перед библиотеками новые задачи.

Информационный марафон, Школа молодого ученого, методическое сопровождение, библиографическая биеннале, информационные брифинги, информационный коктейль – новые формы, которые используют сотрудники ГПНТБ СО РАН для формирования у потребителей умений и навыков работы с ресурсами, для повышения их информационной культуры.

Во время проведения информационного марафона (в течение 2–3 дней) слушателей разных категорий, подготовки и уровня образования знакомят с наиболее значимыми ресурсами по различным тематическим направлениям, методикой работы с ними, предоставляют сведения о продуктах и услугах Библиотеки и т. д. Ниже представлена примерная программа этого обучающего мероприятия.

Программа информационного марафона

Первый день – обзор ресурсной базы по отрасли.

Второй день – мастер-классы «Методики работы с базами данных, имеющимися в ГПНТБ СО РАН».

Третий день – знакомство с формами библиографического обслуживания удаленных пользователей.

Школа молодого ученого организуется для определенной категории слушателей (аспирантов, магистрантов и др.) и работает на протяжении нескольких месяцев. Учебный план включает не только занятия по изучению основ библиотечно-библиографических знаний и методик работы с ресурсами, но и другие темы, вызывающие интерес у слушателей, например, правила написания научной работы, оформления списка литературы и т. д. Особое значение имеет тот факт, что эти группы формируются на основании желаний и убеждений в необходимости получения этих знаний. Наличие четкой мотивации позволяет чрезвычайно продуктивно осуществлять процесс обучения.

Программа «Школы молодого ученого

1. Знакомство с библиотекой (экскурсия).
2. Обзор традиционных и электронных отраслевых библиографических источников.
3. Обучение методике работы с ними.
4. Информация о формах обслуживания удаленных пользователей.
5. Правила описания документов.

Среди новых организационных форм, используемых для повышения информационной культуры личности, можно назвать показ библиографических ресурсов (традиционных и электронных) в форме «**библиографической биеннале**».

Биеннале – выставка, фестиваль изобразительного искусства, кинофестиваль. Библиографическая биеннале – выставка или фестиваль библиографических и информационных ресурсов, продукции и услуг библиотеки. Возможна организация тематических биеннале.

Библиографическая биеннале используется нами недавно, но очень успешно. Показ жемчужин книжной коллекции, справочных, библиографических ресурсов и информирование о продуктах и услугах библиотеки привлекает читателей/пользователей, вызывает интерес.

Цель библиографической биеннале – заинтересовать потенциальных читателей/пользователей, показать имеющиеся уникальные ресурсы и услуги. В нашем случае это, например, информационный сервис «Оценка публикационной активности», база данных «Информационные ресурсы научных библиотек Сибири и Дальнего Востока» и др.

Современный и эффективный способ общения потребителя с сотрудниками библиотеки – **информационный брифинг**. На таких встречах в режиме пресс-конференции можно получить ответы на все вопросы, касающиеся поиска информации, возможности осуществления обслуживания удаленных пользователей, узнать об информационных продуктах библиотеки и многом другом. Брифинги могут быть самостоятельным мероприятием или прикладным к различным массовым библиотечным формам.

Впервые в ГПНТБ СО РАН информационный брифинг был проведен в мае 2014 года для участников Городского дня науки. В ходе информационного брифинга все желающие получили ответы на вопросы, касающиеся поиска информации, форм обслуживания, в том числе и удаленных пользователей библиотеки, услуг и продуктов, которые предоставляет библиотека и много другого.

С каждым годом все большее количество пользователей охватывается новыми формами обучения.

В настоящее время выделяется два основных направления обучения: обучение локальных и удаленных пользователей. В каждом из обозначенных направлений выделяются уровни обучения, зависящие от объема передаваемых знаний: базовый, универсальный, отраслевой (углубленный). Каждый из уровней характеризуется через определенные формы и методы передачи знаний.

Вебинар (от слов «веб» и «семинар») – это «виртуальный» семинар, дистанционное обучение, организованное посредством интернет-технологий. Вебинару присущ главный признак семинара – интерактивность. Иначе говоря, делается доклад, слушатели задают вопросы, а докладчик отвечает на них.

В последние годы эта форма обучения используется особенно активно для обучения методикам подсчета результативности научной деятельности.

К основным формам обучения удаленных пользователей, рассчитанных на различные группы пользователей, можно отнести: создание и предоставление различного рода путеводителей по ресурсам справочно-библиографического характера; размещение на сайте методических материалов по поиску информации; информационное консультирование в процессах обслуживания, например при выполнении запросов в рамках виртуальных справочных служб, и использование онлайн помощников и других форм обслуживания.

Богатые информационные ресурсы, комплексный подход к организации проводимых мероприятий, сочетание традиционных и инновационных форм работы вызывает заинтересованность у слушателей и желание продолжать общение.

В заключении хотелось бы сказать, что мы полностью солидарны с мнением наших коллег по поводу того, что «идея информационного образования и повышения информационной культуры личности в настоящее время переросла национальные границы и приобрела глобальный характер, знаменующий вхождение человечества в информационное общество и общество знаний. В связи с этим особое значение приобретает целенаправленная работа по организации информационной подготовки граждан. Выполнение этой грандиозной задачи возлагается, прежде всего, на такие социальные институты, как образовательные учреждения и библиотеки. Их новая миссия предполагает профессиональную подготовку как учителей, преподавателей, так и библиотекарей к деятельности по формированию информационной культуры личности» [2, с. 512].

Литература

1. Гендина Н. И. Библиотеки и «многократная грамотность»: обсуждение проблем информационной грамотности на 75-й генеральной конференции ИФЛА «Библиотеки создают будущее основываясь на культурном наследии», Милан, 2009 // Библиосфера. – 2010. – № 2. – С. 14.
2. Гендина Н. И. Информационная грамотность и информационная культура личности: международные тенденции и российский опыт // Школьная библиотека. – 2007. – № 8. – С. 74.
3. Гендина Н. И., Колкова Н. И., Стародубова Г. А., Уленко Ю. В. Формирование информационной культуры личности: теоретическое обоснование и моделирование содержания учебной дисциплины. – М.: Межрегион. центр библиотеч. сотрудничества, 2006. – 512 с.
4. Гендина Н. И., Колкова Н. И., Скипор И. Л., Стародубова Г. А. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях: учеб.-метод. пособие. – М.: Школ. б-ка, 2002. – С. 29.

5. Лазарева Л. И. Информационная культура и инновационная деятельность учителя: моногр. – Кемерово: МБЩУ ДПО «НМЦ», 2013. – С. 8.
6. Первый толковый большой энциклопедический словарь: бол. 120 тыс. слов, бол. 147 тыс. толкуемых единиц / отв. ред. Е. В. Варавина и др. – М.: РИПОЛ-классик; СПб.: Норинт, 2006. – 2141 с.
7. Экономическая энциклопедия / науч.-ред. совет изд-ва «Экономика»; Ин-т экон. РАН; гл. ред. Л. И. Абалкин. – М.: Экономика, 1999. – С. 779.
8. Экономико-юридический словарь: судебная система России / авт.-сост.: А. В. Гусев, Л. П. Кураков, Ю. С. Пилипенко и др. – М.: ИАЭП, 2013. – С. 989.

References

1. Gendina N.I. Biblioteki i “mnogokratnaya gramotnost’”: obsuzhdenie problem informatsionnoy gramotnosti na 75-y general’noy konferentsii IFLA “Biblioteki sozdayut budushchee osnovyvayas’ na kul’turnom nasledii”, Milan, 2009 [Libraries and “multiple competence”: the discussion of information competence problems during 75 st IFLA General Conference “Libraries create futures: Building on cultural heritage”, Milan, 2009]. *Bibliosfera [Bibliosphere]*, 2010, no 2, p. 14. (In Russ.).
2. Gendina N.I. Informatsionnaya gramotnost’ i informatsionnaya kul’tura lichnosti: mezhdunarodnye tendentsii i rossiyskiy opyt [Person’s information competence and culture: world trends and Russian experience]. *Shhkol’naya biblioteka [School Library]*, 2005, no 8, p. 74. (In Russ.).
3. Gendina N.I., Kolkova N.I., Starodubova G.A., Ulenko Y.V. *Formirovanie informatsionnoy kultury lichnosti: teoreticheskoe obosnovanie i modelirovanie soderzhaniya uchebnoy distsipliny* [The formation of person’s information culture: theoretical basis and content modelling of educational discipline]. Moscow, Interregional centre of library cooperation Publ., 2006. 512 p. (In Russ.).
4. Gendina N.I., Kolkova N.I., Skipor I.L. and Starodubova G.A. *Formirovanie informatsionnoy kultury lichnosti v bibliotekakh i obrazovatel’nykh uchrezhdeniyakh: uchebno-metodicheskoe posobie* [The formation of person’s information culture in libraries and educational institutions: educational-methodical textbook]. Moscow, School Library Publ. 2002, p. 29. (In Russ.).
5. Lazareva L.I. *Informatsionnaya kul’tura i innovatsionnaya deyatel’nost’ uchitel’a: monografiya* [Information culture and innovative activity of a teacher: monograph]. Kemerovo, Scientific-methodological centre Publ., 2013, p. 8. (In Russ.).
6. *Pervyy tolkovyy bol’shoy entsiklopedicheskiy slovar’*: bolee 120 tys’ach slov, bolee 147 tys’ach tolkuemikh edinit [The first explanatory large encyclopedic dictionary; over 120000 words, over 147000 explained units. Ed. E.V. Varavina et al. Moscow, Ripol Classic, S.-Petersburg Norint Publ., 2006. 2141 p. (In Russ.).
7. *Ekonomicheskaya entsiklopediya* [Economic encyclopedia]. Ed. L.I. Abalkin. Moscow, Ekonomika Publ., 1999, p. 779. (In Russ.).
8. Gusev A.V., Kurakov L.P. PiliPENKO Y.S. and al. *Ekonomiko-yuridicheskiy slovar’*: sudebnaya sistema Rossii [Economic-legal dictionary: the court system of Russia]. Moscow, IAEP Publ., 2013, p. 989. (In Russ.).

УДК: 069

ЭЛЕКТРОННЫЕ ВЫСТАВКИ МУЗЕЕВ: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, ВИДОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: isp@kemtuki.ru

Савкина Светлана Владимировна, кандидат педагогических наук, преподаватель, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: light_foton@mail.ru

Статья посвящена электронным выставкам музеев как новому феномену развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Предложено определение понятия «электронная музейная выставка», отражающее специфику и назначение электронной выставки. Представлена многоаспектная

классификация электронных выставок музеев по 9 основаниям. Приводится сравнение специфических особенностей традиционных и электронных выставок музеев. Раскрываются результаты анализа электронных выставок, размещенных на сайтах музеев. Выявлены особенности представления информации о предмете экспонирования, дана характеристика основных информационных единиц электронных музейных выставок. Приводятся примеры организации экспозиции. Представлен анализ гипертекстовых особенностей электронных выставок. Раскрыты особенности представления изображения предметов экспонирования. Рассмотрены интерактивные возможности электронных выставок.

Ключевые слова: выставка, музейная выставка, электронная выставка, экспозиция, классификация электронных выставок, электронные продукты, информационно-коммуникационные технологии.

THE ELECTRONIC EXHIBITIONS OF MUSEUMS: SPECIFIC PARTICULARITIES, CLASSIFICATION

Pilko Irina Semenovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector for Educational Activities, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: isp@kemguki.ru

Savkina Svetlana Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: light_foton@mail.ru

The article is devoted to the electronic museum exhibition as a new phenomenon of the development of information and communication technologies (ICT). The proposed definition of “electronic museum exhibition”, which specifics and appointment of electronic exhibition. Presented multidimensional classification of electronic exhibitions museums of 9 base. The comparison of the specific characteristics of traditional and electronic exhibitions museums. The disclosed results of the analysis of electronic exhibitions are placed on the websites of museums. The features of the presentation of information on the subject of exposure, given the characteristics of the basic information units of electronic museum exhibitions. The examples of the organization exposition are given. The analysis of electronic hypertext features exhibitions are given. The features of image representation objects exposure are given. The interactive capabilities of electronic exhibitions are examined. The article is accompanied by tables and color illustrations, clearly explaining the text description.

Keywords: exhibition, exhibitions of museums, electronic exhibition, exposition, classification of electronic exhibitions, electronic products, information and communication technologies.

Музейная выставка сегодня – это не только демонстрация памятников исторического или природного наследия, достижений научной мысли, художественного творчества, искусства, но и элемент современного культурного процесса, форма коммуникации, благодаря которой человек обогащает свой культурно-исторический и социальный опыт.

Основная тенденция развития выставочной деятельности современных музеев – отказ от статичности экспозиций в пользу их интерактивности, насыщения динамическими зрелищно выигрышными компонентами. Развитие информационно-коммуникационных технологий позволило музеям раскрыть свои коллекции перед широкой аудиторией, используя программные и технические возможности ИКТ и неоспоримые достоинства Глобальной сети Интернет. ИКТ породили

к жизни новый феномен – электронные продукты и услуги, одним из проявлений которых являются электронные выставки музеев, библиотек, архивов, издательств, которые открывают новые возможности удовлетворения культурных потребностей населения.

Опираясь на опыт сравнительного анализа электронных выставок библиотек и музеев, попробуем выявить специфику последних. Начнем с определения исходных понятий. Будем исходить из общепризнанного положения о том, что **выставка**, строящаяся на музейных материалах, в отличие от основной экспозиции, представляет собой временную экспозицию [1, с. 317]. Предмет, выставляемый для обозрения в музее или на выставке принято именовать экспонатом. Специфика электронных выставок музеев заключается в том, что они экспонируют не сами музейные

предметы или объекты, а их цифровые копии. Использование мультимедийных технологий позволяет статичное изображение делать объемным (3D), динамичным (дополняя видеорядом или анимируя), сопровождать текстом, музыкальным аккомпанементом, вербальными комментариями, то есть сочетать различные виды информации, воздействовать не только на рациональную, но и эмоциональную сферу человека.

Это позволяет определить электронную музейную выставку как мультимедийный продукт – специально подобранную и организованную экспозицию цифровых копий экспонатов и дополняющих их фактографических описаний, статичных и динамичных визуальных объектов, звукового сопровождения, раскрывающих ресурсы организации – хранителя фонда, доступные в стенах музея и за его пределами, с целью публичной демонстрации пользователям.

Понятия «электронная выставка» и «виртуальная выставка» в современных публикациях часто употребляются в качестве синонимичных. Такое отождествление вызывает возражение, так как анализ понятий «электронный» и «виртуальный» позволяет выявить различия между ними. Мы установили, что прилагательное «виртуальный» применяется для обозначения нематериальной формы существования, а определение «электронный» присуще объектам, создаваемым и используемым с использованием средств вычислительной и телекоммуникационной техники. Таким образом, употребляя понятие «виртуальная выставка», мы подчеркиваем отсутствие материально выраженной формы, а использование понятия «электронная выставка» позволяет поставить электронную выставку в один ряд с другими электронными продуктами, показав тем самым наличие у выставки специфических особенностей электронного продукта.

Демонстрация музейных электронных выставок осуществляется посредством электронных киосков, плазменных панелей и другой проекционной техники, локальных носителей цифровой информации. Но основным каналом их распространения является, безусловно, сеть Интернет.

Знакомство с сайтами художественных, культурно-исторических, этнографических, исторических, историко-художественных музеев и музеев-заповедников страны и Кемеровской области позволило выявить многочисленные

электронные экспозиции коллекций разного профиля и назначения. В то же время знакомство с профильной учебной и специальной (ориентированной на музейных работников) литературой позволило утверждать, что на фоне широкого освещения методики и практического опыта организации традиционных музейных выставок [1; 2] электронные выставки музеев не находят в ней достаточного отражения. Как нам кажется, в силу своей ярко выраженной специфики они занимают особое место в музейной науке и практике и заслуживают внимательного изучения и собственной классификации.

В предлагаемой нами опытной (предлагаемой в порядке обсуждения) классификации электронных музейных выставок (табл. 1) при выборе оснований и построении классификационных рядов использован опыт видовой классификации традиционных выставок музеев. При этом мы убедились в спорности ранее принятых классификационных решений, противоречащих правилам непересекаемости и соразмерности делений. Так, например, вызвало возражение выделение по признаку тематической направленности юбилейных выставок, наряду с мемориальными и монографическими. Как известно, юбилейные выставки организуются преимущественно в честь празднования памятной даты. И они по своему содержательному наполнению могут быть и мемориальными и монографическими, являясь их разновидностью. Подвергнем сомнению обоснованность выделения мемориальных и монографических выставок по одному классификационному основанию, поскольку монографическая выставка может быть создана в память о выдающемся лице, а мемориальная – быть посвященной конкретной персоне.

Таблица 1

Многоаспектная классификация электронных выставок музеев

Основание классификации	Виды электронных выставок
1. Статус выставки	1.1. Всемирные 1.2. Международные 1.3. Национальные 1.4. Региональные 1.5. Муниципальные 1.6. Отдельно взятого музея (группы музеев)

Окончание таблицы 1

Основание классификации	Виды электронных выставок
2. Тематическая направленность	2.1. Универсальные 2.2. Многоотраслевые 2.3. Тематические 2.4. Монографические ³⁹
3. Целевое назначение	3.1. Мемориальные ⁴⁰ 3.2. Просветительские ⁴¹ 3.2. Ярмарочные ⁴²
4. Продолжительность функционирования	4.1. Постоянные 4.2. Временные 4.3. Обновляемые
5. Способ доступа	5.1. Локальные 5.2. Сетевые 5.3. Комбинированные
6. Категория пользователей	6.1. Для массового пользователя 6.2. Для специалистов
7. Формат представления	7.1. Ppt-формат 7.2. Html-формат 7.3. Flash-выставки 7.4. Другие форматы представления
8. Наличие традиционного аналога	8.1. Аналог традиционной выставки 8.2. Оригинальные выставки
9. Предмет экспонирования	9.1. Монопредметные ⁴³ 9.2. Многопредметные ⁴⁴

³⁹ Выставки посвящены одной теме или одному конкретному историческому деятелю.

⁴⁰ Выставки созданы в память о выдающемся событии или лице и расположенные на памятном месте либо в памятном здании; экспонируются предметы, принадлежавшие историческому лицу и связанные с его жизнедеятельностью.

⁴¹ Выставки знакомят посетителей с уникальными произведениями искусства, новыми направлениями и авторами.

⁴² Выставки предусматривают возможность продажи экспонатов.

⁴³ На выставке экспонируются предметы одного вида, например, произведения живописи, фотографии, вещи, документы.

⁴⁴ Выставки экспонируют несколько видов предметов, объединенных по иному признаку.

При классификации традиционных выставок уделяется большое значение видам экспозиционных материалов. Каждый вид требует создания специальных условий размещения и обеспечения сохранности. Специфика электронной выставки позволяет не придавать данному признаку большого значения, поскольку предметом экспонирования электронной выставки являются не сами материальные ценности, а их цифровые копии.

Сама проблема классификации электронных выставок музеев представляется нам актуальной научной задачей и ждет своего исследователя.

Технологию производства любого продукта (и электронные музейные выставки не исключение) нельзя освоить без понимания его специфических особенностей (табл. 2).

На сайтах ряда музеев мы можем встретить цифровые экспозиции, которые позиционируются их авторами как электронные («виртуальные») выставки. При этом многие из них являются электронными альбомами или пресс-релизами традиционных выставок. Представленные материалы не обладают характеристиками, присущими электронным выставкам. Наиболее значимыми из них можно назвать интерактивность и мультимедийность – комбинирование различных видов информации, таких как текст, графика, звук, видеоизображение, анимация.

В ходе анализа электронных выставок, представленных на сайтах музеев, установлено, что основными информационными единицами электронных музейных выставок являются фотографии экспоната и текстовое описание объекта.

К основным видам информации о предмете экспонирования мы можем отнести фрагменты экскурсий, развернутые фактографические сведения об экспонатах, их истории, особенностях, размере, материале, возрасте; сведения об авторах, владельцах и пр. Выявлены основные формы текстовых описаний экспонатов: это краткие сведения об объекте (наименование, автор, дата создания и пр.), либо развернутые исторические, культурологические или искусствоведческие справки. В качестве справочной информации об экспозиции приводятся сведения об историческом периоде экспозиции, истории коллекции, персоналиях и др. (рис. 1).

Таблица 2

Специфические особенности традиционных и электронных музейных выставок

Основания сравнения	Традиционные выставки	Электронные выставки
Форма представления	Аналоговая	Цифровая
Способ организации	Статичная демонстрация экспонатов	Заданная последовательность слайдов, видео-ряд; принцип гипертекста
Доступность	Доступна только посетителям музея или передвижной выставки	При размещении в сети доступна каждому пользователю локальной или глобальной сети. Возможность широкого географического охвата
Размещение	Внутри музея, за пределами музея	В Глобальной сети Интернет, в локальной сети музея, на локальных машиночитаемых носителях
Количество экспонатов	Ограничено пространственными возможностями музея, возможностью обеспечения сохранности	Ограничено программными и техническими возможностями музея, а также формальными характеристиками электронной информации, (количество мегабайт, количество пикселей и пр.)
Применение художественных решений	Статичность	Широкие возможности использования мультимедийных средств
Качество визуального ряда	Демонстрация оригинального экспоната (копии)	Статичная графика, анимация, 2 и 3-мерные изображения, возможность поворота изображения / перелистывания страниц, возможность увеличения изображения для детального просмотра
Круг пользователей	Ограничен посетителями музея, в момент экспонирования выставки	Ограничен пользователями, имеющими выход в Интернет. Размещение выставки на сайте способствует привлечению реальных посетителей
Дополнительные возможности	Возможность проведения экскурсии, возможность задать вопрос в режиме реального времени, возможность оставить отзыв о выставке	Получение дополнительной текстовой информации, возможность детально ознакомиться с предметом экспонирования, возможность выразить отношение к выставке, задать вопрос в режиме off-line
Материально-техническое и программное обеспечение	Экспозиционное оборудование, офисная мебель, использование компьютерной и множительной техники в оформительских целях	Создание и использование невозможно без использования компьютерной техники и программного обеспечения
Обеспечение сохранности	Актуальна защита от хищения и поддержание материальной формы экспонатов в удовлетворительном состоянии. В целях обеспечения сохранности подлинных экспонатов, на традиционных выставках зачастую экспонируются копии и (или) фотографии экспонатов	Актуально предотвращение потери информации

ЭКСКУРСИЯ

← назад
→ далее

"Родилась во мне охота к мелеванию масляными красками. Никогда я еще не малевал оными; а тогда вздумалось учинить тому опыт и срисовал с самого себя портрет на холсте", - так началось живописное творчество дворянина Андрея Тимофеевича Болотова. И это не единичный случай. Изящными художествами занимались многие его современники.

Вот еще одно свидетельство: "Договор титулярного советника Павла Григорьевича Староженка с живописцем Кононом Федоровичем Юшкевич-Стаховским. Портрет его срисовать или намалевать я должен точь-в-точь похожим на живое его, Павла Староженка, лицо, в мундире, при шпаге, с руками. В чем на сем договоре и подписал собственноручно: Дворянин Конон Юшкевич-Стаховский, живописец".

Неизвестный художник второй половины XVIII века
 Портрет А.С.Березина
 Холст, масло. 82 x 66
 Костромской музей искусств

[Экспозиция](#)
[Экспурсия](#)
[Каталог](#)
[Литература](#)
[Сотрудники музея](#)
[История](#)

Неизвестный художник первой половины XIX века

Интерьер с фигурой курильщика

Холст, масло. 41 x 31,5

ГП
Инв. Ж-953

Приобр. в 1981 у И.А.Жданко

* Условные обозначения

| [назад](#) | [раздел экспозиции](#) | [другие произведения этого художника](#) |

Рисунок 1. Пример представления справочной информации об экспозиции Виртуального музея русского примитива (<http://www.museum.ru/museum/primitiv/>)

Одной из особенностей выставки, непосредственно связанной с интерактивностью, является наличие гипертекста: выставка может обладать сложной многоуровневой структурой, а ее страницы связаны гиперссылками, кроме того, возможен выход на близкие по содержанию ресурсы Интернета. Благодаря этому пользователь может получить более подробную информацию об интересующем его экспонате, представленную на других страницах выставки, без затрат времени на чтение сведений, не представляющих для него интереса; получить дополнительные сведения из других ресурсов, связанных с выставкой при помощи гиперссылок и др.

Среди особенностей представления изображения предметов экспонирования мы можем отметить следующие. Многие выставки реализуют возможность увеличения изображения для просмотра. Пример реализации возможности увеличения изображения можно увидеть на сайте Государственного Эрмитажа ().

Помимо традиционной экспозиции статичных фотографий, электронные выставки могут быть реализованы в динамичной форме панорамного изображения или 3D, как, например, организована выставка М. А. Врубеля Государственной Третьяковской галереи (рис. 2).

Это позволяет рассмотреть любой объект с разных сторон, в разное время года и суток, а также увидеть, как он выглядел в прошлом, либо будет выглядеть после реконструкции или реставрации.

Это создает впечатление присутствия в музее, а также дает возможность повернуть экспонат, что при реальном посещении музея, как правило, не приветствуется.

Пример представления объекта экспонирования в разные периоды времени представлен на сайте Музея-заповедника «Красная горка» (<http://www.redhill-kemerovo.ru/>).

Электронные выставки могут сопровождаться музыкальным и видеорядом. Музыка способствует созданию атмосферы той эпохи, которой посвящена экспозиция, а видеоряд дает возможность увидеть движение экспоната, прослушать звук, издаваемый экспонатом, либо музыкальное сопровождение, например, фонтаны Петергофа (рис. 4).

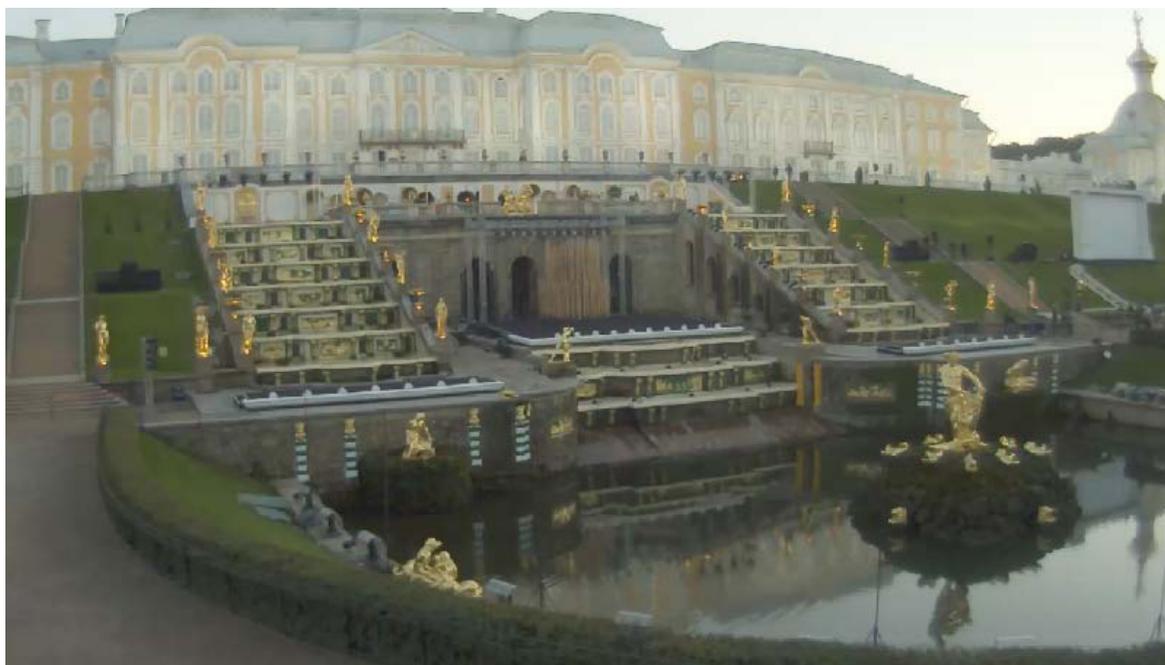
Экспозиция электронных выставок музеев построена в зависимости от зала, исторического периода или темы. Так, например, на электронной выставке музея мы можем одновременно встретить и скульптуры, и картины, и предметы интерьера, если они относятся к одному историче-

Рисунок 2. Пример экспозиции в динамичной форме Государственной Третьяковской галереи (<http://www.virtualmuseum.ru/exhibition/>)

Рисунок 3. Пример реализации возможности поворота 3D-изображения экспонатов Музея-заповедника «Красная Горка» (<http://www.redhill-kemerovo.ru/>)

Слушать звук с камеры

Слушать фоновую музыку

Рисунок 4. Пример использования видеоряда и музыкального сопровождения на выставке Государственного музея-заповедника «Петергоф» (<http://peterhofmuseum.ru/open/>)

скому периоду. Это позволяет обеспечить в одной экспозиции синтез искусств. В таком случае распространена следующая структурная схема организации выставочного материала: зал (хронологический период) – тема – тип предмета (автор) (рис. 5).

К наиболее распространенным дополнительным сервисным возможностям электронных выставок музеев, по нашим наблюдениям, относится размещение полных текстов статей об экспонатах и коллекциях.

Электронная среда позволяет осуществлять оперативную обратную связь с пользователями. Например, обеспечивается возможность публичных или частных отзывов о выставке в целом и о конкретных экспонатах, размещения ссылок в социальных сетях и пр. Это позволит отслеживать предпочтения посетителей и организовывать выставки с учетом их интересов. Интерактивность электронной выставки позволяет экспони-

ровать творчество пользователей. Оригинальной формой работы с электронной выставкой может стать организация опросов, конкурсов и викторин, особенно актуальная для детской и молодежной аудитории. Кроме того, пользователи могут самостоятельно присылать запросы на организацию выставки по интересующей их тематике.

Размещение выставки на сайте музея, реализуя функцию информирования о коллекциях и экспозициях, способствует привлечению реальных посетителей. Виртуальная демонстрация коллекций обеспечивает доступ к запасникам музея, позволяет более полно раскрыть музейный фонд, познакомиться с экспонатами, которые в настоящее время не демонстрируются по каким-либо причинам.

Свободный доступ к электронным продуктам музеев особенно актуален для территориально удаленных пользователей, не имеющих возможности реально посетить музей. Пользователи мо-

НАЧАЛО СПРАВКА КАРТА САЙТА ОТЗЫВ СЛУЖБЫ КАЛЕНДАРЬ ЗАКАЗ БИЛЕТОВ ЭНОР

ИНФОРМАЦИЯ ШЕДЕВРЫ КОЛЛЕКЦИИ ВЫСТАВКИ ИСТОРИЯ ЭРМИТАЖА ОБУЧЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ЦИФРОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

БЫСТРЫЙ ПОИСК

ОБЗОР

Живопись, графика

Выберите тип экспоната:

- Живопись
- Графика
- Книжная миниатюра
- Гравюра
- Мозаика, витраж
- Все

ОБЗОР +

ЖИВОПИСЬ, ГРАФИКА -

СКУЛЬПТУРА -

МЕХАНИЗМЫ -

ОРУЖИЕ -

МЕБЕЛЬ, ЭКИПАЖИ -

КЕРАМИКА, ФАРФОР -

ПРЕДМЕТЫ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА -

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ -

ТЕКСТИЛЬ -

НУМИЗМАТИКА, ГЛИПТИКА -

КОСТЮМ -

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ -

ПОИСК QWIS +

СЛОЖНЫЙ ПОИСК +

Рисунок 5. Пример организации экспозиции Государственного Эрмитажа (<http://www.hermitagemuseum.org>) и Виртуального музея русского примитива (<http://www.museum.ru/museum/primitiv/>)

гут просматривать экспонаты в удобное для себя время и индивидуальном темпе вне зависимости от температурных и метеоусловий.

Гипертекстовые возможности электронной выставки позволяют выстроить индивидуальную траекторию просмотра, не перегружать страницы избыточной информацией.

Визуальные возможности электронной выставки позволяют детально рассмотреть крупные объекты, находящиеся вне стен музея, увидеть целостный архитектурный ансамбль, а также при

качественном исполнении выставки воспользоваться функцией увеличения изображения и изучить мелкие детали экспоната.

Демонстрация экспонатов в электронной форме обеспечивает их сохранность. Длительный и частый просмотр электронной выставки не окажет негативного влияния на оригинал.

Запись электронных выставок музеев на локальные носители позволяет распространять их в качестве самостоятельного информационного продукта, среди посетителей музея и туристов.

Литература

1. Каулен М. Е., Лебедев А. В., Медведева Е. Б. Основы музееведения: учеб. пособие. – М., 2005. – 502 с.
2. Основы музееведения: учеб. пособие / отв. ред. Э. А. Шулепова. – М., 2005. – 504 с.
3. Пилко И. С. Услуги музеев в электронной среде // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2011. – № 16. – С. 22–28.

4. Пилко И. С., Савкина С. В. Электронные выставки музеев и библиотек: опыт сравнительного анализа // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 2. – С. 108–112.
5. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс] / Мин-во культуры РФ; ред. В. Л. Янин А. А. Сундиева. – URL: <http://www.museum.ru/rme/>
6. Савкина С. В. Электронные книжные выставки: потребительские свойства, технология подготовки // Библиотечные технологии. – 2009. – № 1. – С. 24–29.

References

1. Kaulen M.E., Lebedev A.V., Medvedeva E.B. *Osnovy muzevedeniya* [Fundamentals of museology]. Moscow, 2005. 502 p. (In Russ.).
2. *Osnovy muzevedeniya* [Fundamentals of museology]. Ed. E.A. Shulepova. Moscow, 2005. 504 p. (In Russ.).
3. Pilko I.S. *Uslugi muzeev v elektronnoy srede* [Museum services in the electronic environment]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2011, no 16, pp. 22–28. (In Russ.).
4. Pilko I.S., Savkina S.V. *Elektronnye vystavki muzeev i bibliotek: opyt sravnitel'nogo analiza* [Electronic exhibitions of museums and libraries: a comparative analysis of the experience]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2012, no 2, pp. 108–112 (In Russ.).
5. Yanin V.L., Sundieva A.A. *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya* [Russian museum encyclopedia]. Available at: <http://www.museum.ru/rme/> (In Russ.).
6. Savkina S.V. *Elektronnye knizhnye vystavki: potrebitel'skie svoystva, tekhnologiya podgotovki* [Electronic book exhibitions: consumer characteristics, technology training]. *Bibliotechnye tekhnologii*, 2009, no 1, pp. 24–29. (In Russ.).

Алфавитный указатель авторов

List of Authors in Alphabetical Order

Андриевская И. В.	152	Andrievskaya I. V.	152
Араева Л. А.	121	Araeva L. A.	121
Булатова С. Н.	188	Bulatova S. N.	188
Васильковская М. И.	196	Vasilkovskaya M. V.	196
Гертнер С. Л.	13	Gertner S. L.	13
Глушкова П. В.	79	Glushkova P. V.	79
Данилевич А. И.	95	Danilevich A. I.	95
Егле Л. Ю.	43	Egle L. Y.	43
Зоболева А. И.	121	Zoboleva A. I.	121
Иванова О. С.	145	Ivanova O. S.	145
Ивлев С. В.	29	Ivlev S. V.	29
Ивлева Т. Н.	183	Ivleva T. N.	183
Игонина Т. Б.	178	Igonina T. B.	178
Исмагилова Е. И.	127	Ismagilova E. I.	127
Кагакина Е. А.	171	Kagakina E. A.	171
Китов Ю. В.	13	Kitov Y. V.	13
Лесовиченко А. М.	86	Lesovichenko A. M.	86
Майны Ш. Б.	55	Majny S. B.	55
Марков В. И.	18	Markov V. I.	18
Мирошина Т. А.	178	Miroshina T. A.	178
Никулин В. Г.	137	Nikulin V. G.	137
Образцова М. Н.	121	Obrazcova M. N.	121
Пилко И. С.	207	Pilko I. S.	207
Подзюбан Е. В.	33	Podzyuban E. V.	33
Пономарев В. Д.	196	Ponomarev V. D.	196
Прибыткова А. В.	86	Pribytkova A. V.	86
Ртищева О. В.	90	Rtisheva O. V.	90
Рябцева В. А.	62	Ryabtseva V. A.	62
Савкина С. В.	207	Savkina S. V.	207
Свирюкова В. Г.	202	Svirjukova V. G.	202
Синельникова О. В.	164	Sinelnikova O. V.	164
Слаутина Н. М.	188	Slautina N. M.	188
Стенюшкина Т. С.	72	Stenyushkina T. S.	72
Турамуратова И. Г.	55	Turamuratova I. G.	55
Ултургашева Н. Т.	55	Ulturgasheva N. T.	55
Фаломкина И. П.	107	Falomkina I. P.	107
Цветкова Г. А.	50	Tsvetkova G. A.	50
Цуканова О. А.	55	Tsukanova O. A.	55
Чайран В. А.	158	Chairan V. A.	158
Чурекова Т. М.	171	Churekova T. M.	171
Шишигин К. А.	111, 116	Shishigin K. A.	111, 116
Шунков А. В.	100	Shunkov A. V.	100

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»**

(выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (www.vestnikkemgu-ki.ru) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикатом журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (250–300 слов, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления) и в References на латинице (транслитерация) и английском языке. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5].

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну).

E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: ...

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке....

Ключевые слова на английском языке:....

Текст....

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:

- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).

3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- почтой:
по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, научное управление;
- e-mail: vestnikkenguki@yandex.ru.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогика.
2. Искусствоведение.
3. Философия.
4. Филология.
5. Культурология.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 28.11.2014.
Формат 60x84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 14.
Уч.-изд. л. 18,1. Усл. печ. л. 25,46.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного университета
культуры и искусств:
650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 28.11.2014.
Format 60x84¹/₈.
Offset paper. Font «Times».
Order № 14.
Author's sheets 18,1. Printer's sheets 25,46.
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture and Arts:
650029, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru